

Александр  
Никатор

# Избранце



## Annotation

Умирает правитель империи что создал её и был главою почти полвека. Четверо наследников и Избиратели, доверенные покойного императора — каждый готовят цепь интриг что бы завладеть троном. Начинается период смут...

---

---

**Александр Никатор**

**Избрание**

# Глава первая: «Смерть Старого»

Старик умирал медленно. Он постоянно метался по своей огромной кровати с дорогими покрывалами из шёлка и бархата, кричал в забытьи. Потом, раз в полчаса — внезапно поднимался на своём ложе на локтях и протягивал куда в пустоту костлявую руку.

Когда главный министр империи бросался к нему, своему господину и правителю, что бы узнать кого именно старец на одре назначает своим наследником — Император вновь медленно закрывал глаза и уже в десятый раз за этот вечер, в бессилии валился на мятые подушки.

Эта ситуация нагнетала всё новые волны страха, среди присутствующих в огромной зале людей, где возле ложа умирающего правителя крупнейшей империи, с вычурно вышитым золотом балдахином, сейчас всюду суетились команды имперских дворцовых лекарей: «стандарты» — преподаватели различных медицинских дисциплин, из врачебельского университета в столице. Духовники инквизиции — предпочитающие все проблемы излечивать хоровыми песнопениями с восхвалениями Солнечному Светилу и кострами для еретиков. Наконец друиды — официально запрещённая в государстве каста лекарей, как и сама их вера «Древ и камней», однако сохранившиеся небольшими группами при главе державы и в некоторых своих тайных убежищах или замках особенно болезненных из провинциальных престолодержцев, коим собственное здоровье было превыше предписаний трибунала имперской инквизиции.

Врачи «стандарты» предлагали которое уже по счёту кровопускание и клистиры, инквизиторы громко заунывно читали молитвы и с ненавистью таранились на еретиков друидов, а последние — лишь всё скорее натирали в каменных ступках новые удушливые запахом мази и смешивали бальзамы для питья, в хрустальной посуде, отчего в зале распространялся терпкий запах редких трав.

Помещение, где заканчивал свои дни могущественный император, было гигантским и очень светлым: окна, в три человеческих роста и почти во всю стену, огромные гобелены до самого потолка — с изображениями Солнца или людей в кирасах и с самострелами в руках, ростовые чеканные металлические вазы отражающие свет, что словно исходил от них самих, а также множество дорогой вычурной мебели, что сейчас постоянно лишь мешалась под ногами у людей осторожно приближающихся к ложу располагавшегося там правителя или быстро отходящих от него.

Престарелый Император, который за полвека своего царствования сделал из среднего по размерам и силе королевства мощную империю гегемона — сейчас часто хрипло дышал и хватался пятернёй за худую старческую грудь.

Он сокрушил, за пятьдесят с лишним лет правления — семь королевств и вдвое больше независимых великих княжеств и герцогств.

Смог заставить богатейшие союзы торговых независимых городов-республик влиться в его державу и не позволил собственным аристократам помешать ему интегрировать, в созданное его усилиями и изобретательностью, новое государственное образование — дворян из завоёванных недавно земель.

Установил единую имперскую религию — культ Солнца, что должно было ещё сильнее связать воедино недавно присоединённые части новой громадной державы и приказал своей инквизиции жестоко преследовать всех сторонников друидов или лунопоклонников,

почитателей огненных и золотых быков или водных драконов.

Пол столетия, империя, под его руководством — лишь росла и набухала землями и богатством, и всё это время вопрос о наследовании был чуть ли не самым главным, но решался отчего то крайне медленно и, мягко говоря, без особого желания его разрешить...

Главный имперский министр Дезидерий: пухлый, моложавый, даже немного женственный мужчина, тридцати восьми лет от роду — осторожно подошёл к ложу своего патрона, когда тот, от очередных метод друидов внове открыл глаза и вежливо, но твёрдо, повторил единственный постоянный за сегодня вопрос, который мучал почти всех собравшихся вокруг: «Кто? Кто Ваш наследник на престоле?»

— Достойнейший... — просипел старик и вновь смежил свои веки.

Дезидерий поднял глаза к потолку, на котором сияло позолотой намалёванное там святое Светило и чуть было при всех не послал проклятие в небеса, однако сдержался.

За пятнадцать лет, что он занимал важнейшие посты в государстве: семь последних лет он был главным министром империи, вместо казнённого старика Алруда, ровесника императора и одного из тех кто мог с властителем спорить. За что Алруд в конце концов и поплатился головой... Ещё ранее Дезидерий восемь лет возглавлял канцелярию императора и всегда готов был исполнить самое идиотское или невозможное поручение, но сейчас... Сейчас всё было действительно странно, глупо, плохо.

Никто не ожидал что «Старый», так за глаза называли императора во дворце приближённые к нему сановники — так быстро и внезапно «сгорит» от пустяшной хвори, которые ранее десятками переносил на ногах, в походах или на охотах, что нередко длились нескончаемыми весёлыми месяцами.

Старик был фантастически крепок телом и провёл не один десяток походов, за свою долгую человеческую и государеву, жизни. Выдержал несколько ранений, из которых минимум три считались тяжёлыми.

Очередная его простуда никого сперва особо не пугала, пока неделю назад он внезапно не перестал ходить и сразу вслед тому, за оставшиеся недолгие дни, не превратился в совершеннейшую развалину, чего прежде с ним не случалось даже после очень сильных заболеваний или ранений...

Империя была любимым детищем, умирающего сейчас на огромном ложе, старика и никто толком не мог объяснить, что же случится после того как он, основатель и до сего момента бессменный правитель державы — покинет этот мир и вознесётся к Солнцу, сияющему и всё видящему: все людские пороки и недостатки, поступки людей в течении всей их жизни проходят под лучами внимательного и беспристрастного Светила.

Сына своего от наследования и вообще, от любой власти в империи, отстранил сам Император, ещё много лет назад — считая того позором семьи и совершенно неспособным к управлению государством или армией.

Была ещё Дочь... Однако Дочь правителя сошла с ума сразу после громкого скандала на её свадьбе, когда иноземного принца-жениха, сильно её оскорбившего — привязали к лошадям и их со всех сил стегали что бы они скакали в противоположные стороны, что явно не прибавило душевного спокойствия впечатлительной девушке, наблюдавшей за данной сценой вблизи.

Оставалась ещё четвёрка внуков, которыми сын императора обзавёлся при трёх своих женитьбах: каждого из внуков, до двенадцати лет, держали при Деде и воспитывали в общеимперской традиции, что бы дети привыкали к новому своему положению, а после того

как двенадцать лет им исполнялось — их отправляли вместе со свитой из охраны, книжечеев писарей, советников, учёных, присмотрщиков — в некогда завоёванное крупное королевство, где они становились представителями императора и местными провинциальными вице-королями, тем самым показывая уважение главы всей Империи к данному королевству, когда он отправлял своего внука, местным правителем, к этому народу империи.

Внуки прибывали в «свои» земли в нарядах тех народов, к которым были посланны и на месте учились верно править страной, вначале собственным вице-королевством: вершить суд, устанавливая отношения со знатью, назначать налоги и проводить массовые церковные обряды, что бы прослыть благонравными для своих подданных из простецов.

Это позволяло, по мнению самого Императора, чуть лучше «сшить» столь быстро им созданную огромную державу и укрепить общеимперские связи над бывшими провинциальными, что были ещё крепки, в ранее завоёванных державах.

Но вот сейчас... Сейчас становилась всё явнее опасность гражданской войны в огромной, наскоро созданной империи, в виду непонятной ситуации с наследованием: кто же именно из четырёх внуков — основной наследник?

— Подойди... — старик на огромном ложе поманил главного имперского министра Дезидерия к себе пальцем и сановник опрометью кинулся к нему, к великой зависти остальных придворных, также бывших в зале. — Ты помнишь мои эдикты, когда последний, из четвёрки моих сорванцов, переступил порог мужания и отпраздновал своё шестнадцатилетие?

— Избрание императора?! — вскричал со слезами на глазах Дезидерий, стоя на коленях перед умирающим стариком. Тот, в ответ на данный крик, лишь закрыл и тут же открыл свои глаза.

Рядом, у изголовья императорского ложа поёживались лекари друиды, которых, стоящие тут же инквизиторы, громко все вместе сговаривались немедля отправить в «каменные подвальные мешки», а потом, как можно скорее и на костры — как только «благочестивый славный правитель» смежит свои веки.

Придворные и часть охраны, подходили, вроде бы случайно, всё ближе и ближе к говорившим первым лицам империи, надеясь подслушать первыми кто станет императором и как можно ранее поздравить его, скорым гонцом или каким подарком — лишь бы видел новый господин кто сразу, первейшим, признал его за правителя державы и потом не забыл, при обычных в таких случаях раздачах земель, замков, денег...

— Избиратели... — прошептал откровенно шокированный услышанным от господина, Дезидерий. — Проклятая «восьмёрка» что будет определять главу Вашей величайшей державы... Но зачем это?!

Император, сквозь судорогу на лице всё же улыбнулся и пояснил видение ситуации своему министру: «Империю одной силой не удержать, главе державы нужно быть и львом и лисой — иначе никак! Пускай станет тот, кто сможет убедить Восьмерых, совершенно разных, чванливых и хитрых, бессовестных и странных высших из грандов империи — в своих способностях к управлению. Кто из моих внуков справится с этим — тот сможет далее править уверенной твёрдой рукой и... светлой головой!»

Дезидерий поднялся с колен и неспеша отряхивая свои одежды от пыли подошёл к огромному, на всю стену, окну.

Сейчас ему ледовало придумать что далее предпринять и в какой последовательности:

кого первым вызывать в столицу — Избирателей или наследников из их вице-королевств? Кто будет править державой в короткое междувременье, пока происходит Избрание, как условный арбитр «престолодержатель»? — хотя что он сам и будет им, главный имперский министр не сомневался. Дезидерий не готов был упустить власть из своих рук, пускай возможно и последние её дни, без боя.

Нетитульный дворянин, который лишь своим недюжинным умом смог стать помощником крупного провинциального жреца, важнейшего общеимперского храма — потом советником министра, советником императора, министром, главой императорской канцелярии и наконец, в возрасте тридцати лет — самим «Главным министром империи».

Дезидерий готов был к борьбе, как к яростной и короткой кинжальной схватке в кабинете, так и многоходовкам, с улыбками и лестью перед арестом и убийством удушения шарфом.

«Престолодержатель» конечно не Избиратель и его голос ничего не значит при Избрании нового императора, но он ведь может чем помочь, будущему властителю: как советами, так и передачей компрометирующих сведений о высокой знати или опасных полководцах имперских вооружённых сил, скрытых фондах империи... Да наконец просто защитить императорской гвардейской стражей — в случае «внезапной» попытки убийства кандидата на престол!

Стоило поторговаться и получить, по возможности, максимальное из того что ему предложат, прежде чем уйти в почётную отставку и уступить своё место фавориту победившего, при будущем Избрании, провинциального внука наследника великого правителя.

К Дезидерию стала подходить высокая знать и тихо спрашивать что ему сообщил император, но он лишь отмахивался от всех этих людей и продолжал раздумывать над тем, что ему самому сейчас стоило предпринять.

Наконец министр попросил уединиться вместе с нынешним главой императорской канцелярии, что готовил визиты правителя и следил за его документооборотом, и командиром личной охраны Старого. В углу залы он коротко бросил им: «Вызываем Избирателей в столицу. Срочно. Сейчас же!»

— Не может быть! — ахнули оба. — Мы думали что Император напрямую назна...

— Нет! Империя должна получить правителя на основании компромисса! — важно заявил Дезидерий, словно бы и сам всегда поддерживал эту идею. — Его должны поддержать высшие аристократы державы, что бы остальным было проще смириться с выбором людей, их представляющих, на Избрании. Огромная страна должна получить достойнейшего правителя.

Пока его собеседники кивали головами так, что было непонятно: одобряют или осуждают они умирающего императора, главному министру Дезидерию внезапно пришла в голову мысль, что если Избиратели немного подольше проспорят о своём решении, он сможет больше времени оставаться «престолодержателем» и тогда, как следует напустив тумана интриг и страхов перед внуками императора, вытребовать что важное и ценное у избранного скоро императором внука, лично себе: «Как содействовавшему именно Его избранию главой державы».

Оставалось при личной встрече убедить всех Избирателей сильно не торопиться со своим выбором и найти оптимальную фигуру для трона, из четырёх возможных кандидатов.

Была правда и ещё одна «тонкость», о которой и умирающий Император, и его главный

министр, прекрасно знали: часть этих самых Избирателей были потомками, пускай и не прямыми, но всё же — династов недавно подчинённых, захваченных королевств. Их специально оставили править частями бывших наследственных земель, что бы показать не только военное превосходство империи, но и мягкость во внутренней политике новой державы.

Старик император считал что «семижды седьмая» очерёдность на провинциальные престолы нынешних Избирателей, на право владения условно «своими» землями — не позволит им активно противиться империи в дальнейшем, а возможность принимать прямое участие в Избрании нового правителя всей державы — крепче свяжет такие разные королевства и княжества, особо не имеющие пока ни общей идеологии, кроме недавно навязанной им «имперской», ни прямой заинтересованности друг в друге: как военной, так и торговой.

Идея с Избранием нового императора имела под собой почву, но и оказывалась с безусловным риском — причём немалым!

Император всем показывал что готов частично делегировать свою власть на нижние ступени управленческой иерархии, нового государственного образования, однако с условием обязательного добровольного подчинения ему и им изданным законам и эдиктам, и принятие безусловным условием того — что Империя уже состоялась и высшая провинциальная знать, всех бывших суверенных королевств, это принимает как должное.

Это были потуги сохранить в целости всё то, что умирающий сейчас на своём ложе старик, строил почти пол века своей жизни, и что мечтал оставить потомкам, и для истории.

— Хм... — пробормотал себе под нос министр Дезидерий. Потом посмотрел на лежащего Императора, возле которого особенно споро суетились друиды и присматривающие за ними инквизиторы, после чего быстро отвернулся. Развернувшись министр подошёл к командиру императорской личной стражи, главе столицы, начальнику канцелярии умирающего правителя — что втроём стояли у окна невдалеке и о чём то между собой быстро шептались, и предложил им: «Следует провести «малый имперский совет». Не думаю что надо собирать остальных министров, разве что... Хотя нет — хватит и нас!»

Раздался внезапный резкий крик и вся четвёрка у окна обернулась к ложу: отшатнувшись, белые как полотно друиды и размахивающие руками, как оглашенные, инквизиторы-смотрители, в своих привычных чёрных одеяниях, сказали им всё.

Основатель империи, первый её глава и бессменный правитель последние пятьдесят четыре года, как занял место своего дядьки на королевском троне небольшого государства — скончался.

Эта блестящая страница истории державы теперь была перевёрнута и на её место следовало начать готовить новую, причём именно четверым высшим сановникам, замершим у окна, как самым приближённым к общеимперской власти, из всех слуг покойного.

Все четверо поочерёдно подошли к ложу с балдахином что бы попрощаться с Императором. Поклонились ему до земли, скорее для осведомителей инквизиции, что бы те могли засвидетельствовать их почтение к уже мёртвому Императору для его наследника, кем бы он ни был и дружно выскочили прочь из зала, где уже вовсю готовили стол для обмывания и переодевания тела усопшего, а инквизиторы, громкими, немного визгливыми голосами — требовали что бы дворцовая стража «арестовала всю эту друидическую шваль, что будет гореть на кострах вместе с ими любимыми брёвнами, что они так почитают и на которые молятся!!!»



Четвёрка сановников прошла в привычный им кабинет, с малиновыми с золотом gobеленами и занавесями, где любил проводить дворцовые «малые имперские советы» умерший совсем недавно правитель и уселись в кресла, все на свои привычные места.

После минутной паузы, Дезидерий, как главный имперский министр, взял на себя обязанности по началу обсуждения сложившейся ситуации: «Хм... Старый хотел что бы прошло Избрание, по всем правилам, что он ранее придумал и утвердил. Есть мысли на этот счёт?»

— А что предлагает наш главный министр? — не без ехидства в ответ спросил глава канцелярии, что мечтал когда-нибудь самому занять пост «главного» и открыто подсиживал, как мог, Дезидерия.

— Вам, дорогой брат Аргуин, не стоит быть столь медоточивым. Это «малый совет» и так как вы на нём присутствуете лишь недавно, слишком переигрываете...

— А всё же? Есть воля императора, пускай и покойного, и раз он не назвал сам своего наследника — что видимо готов оспорить господин главный министр.

Дезидерий поморщился от столь юношеских вопросов уже пятидесятилетнего Аргуина, но всё же предположил, словно бы ни к кому и не обращаясь: «Стоит ли рисковать с Избранием? — Можно просто самим, его здесь и сейчас провести, а потом, одному из внуков покойного правителя — сообщить что он и есть «достоинейший» ...А все эти провинциальные шуты Избиратели — такая сволочь! Надеюсь Светило простит меня за данные слова!»

— Нет! — вмешался глава столицы, старый опытный чиновник, который выбрался на самый верх иерархии, как и Дезидерий, из самой низкой провинциальной знати. — Император хотел Избрание и именно по им придуманному давно уставу этой процедуры, и мы выполним его волю — несмотря ни на что! Он был умным человеком и знал что делает!

Все присутствующие закивали головами, хотя главный имперский министр делал это несколько горестнее, чем следовало.

Потом Дезидерий не спеша поднял глаза и внимательно посмотрел на столичного градоначальника: «Без сомнения — император Великий человек! Был... Однако его наследники, начиная от запертого уже много лет, под арестом, в удалённом замке на скале, сына — до полоумной дочери в Храме... Вызывают сомнения в понимании им всей сложности ситуации с преемственностью власти, разве нет? Сына он самолично, ещё давно, отстранил от любого наследования и арестовал, сумасшедшую дочь — запер среди жриц. Внуки... Внуки сейчас правят каждый своим королевством, в пределах империи и нет гарантий что они согласятся на Избрание, а не пойдут друг на друга гражданской войной и тогда...»

— Сил не хватит! — вмешался в разговор высокий, поджарый, почти всегда улыбающийся начальник личной императорской дворцовой стражи и в последние годы, один из самых доверенных людей престарелого Императора, Магинарий Имерий. — Старик знал что делал: Кельрика — зависима от нашего имперского леса, для своих кораблей, шахт, замков и прочего. Уммланд — имеет множество торговых гильдий и банков, что не позволят гражданской войне нарушить привычный им торговый баланс и не дадут денег на войну своему вице королю, так как зависимы именно от общеимперской торговли, на которой несказанно богатеют последние десятилетия. В Ромлее находится основной город-храм поклонения имперского святого Солнца и «Солнцеликий», верховный жрец нашей единой державной религии — избирается высшими жрецами именно там: наследника из Ромлеи

проклянут священники и на него немедля натравят рыцарей, в «походе Веры». Гардана... мда, там конечно много диких северян варваров и сбежавших от преследований, к ним, друидов, но... Но всё же она населена вполнину от остальных королевств наследников и гораздо менее развита и беднее. Её довольно быстро можно будет успокоить большим имперским походом. К тому же имперская армия подчинена пока что нам и будет исполнять приказы «престолодержателя», пока не появится законный император, а уж тогда...

Главный министр Дезидерий встрепенулся и о чём то стал быстро размышлять. Его глаза ни на секунду не задерживались ни на одном предмете или человеке в кабинете.

Потом он мягко улыбнулся и дружелюбнейшим тоном на который был способен, произнёс: «Вот и отлично! Следует начать вызов внуков наследников императора, так как им выданные королевства — самые дальние территории нашей державы. Избиратели находятся ближе к столице и сумеют собраться здесь в течении недели, как раз к спешному приезду наследников. Теперь по поводу «престолодержателя»... Не хочу показаться нескромным, однако готов сам приступить к данной тяжёлой и суровой ноше, в преддверии ожидания приезда кандидатов на трон и Избрания императора...»

— Не против! — провозгласили дружно начстражи императора и градоначальник столицы, пока главный канцелярист Аргуин закусил губу от обиды.

— Тем более что охрана дворца, включая и имперские войска — пока останутся в моём и полководцев, нынешних своих, ведении... — многозначительно добавил начстражи Магинарий Имерий, явно намекая что любые шалости с армией, от «престолодержателя», будут быстро пресекаться им самим или ранее расставленными на места, полководцами покойного Императора.

Далее всё было уже проще и привычнее: определены гонцы к наследникам и Избирателям и их охранение в пути, приём обеих групп людей и место где пройдёт важнейшее заседание Избирателей. Решено было остановиться на тайном избрании, как хотел Император, дабы разговоры были прямыми и в дальнейшем у избранного главой державы внука — не было желания прикончить тех, кто был против него на выборах, особенно с речами недостойными: «После Избрания — начинается новая история, всё старое должно быть прощено и забыто...»

Приняли решение ввести особый режим в столице и временно пропускать лишь знать внутрь города, повозки с провизией, государственные закупки — всё остальное только по прямому разрешению комендантов башен при воротах.

Всё это делалось что бы ограничить возможные провокации, на скорых торжественных похоронных мероприятиях ныне покойного главы державы и празднествах — в честь будущего Избрания на трон кого из его внуков.

Тело Императора-основателя решено было сжечь на огромном костре на возвышении, на площади перед громадным столичным Центральным Храмом.

Но сделать это днём, под ярким солнечным светом, в присутствии всех важнейших жрецов и приглашённых высоких дворян, поблизости, давая таким образом всем понять: что желание покойного, что бы лишь «Солнечная Вера» оставалась единственной религией в основанной им империи — останется прежним и при новом правителе, несмотря ни на что. Одна держава — одна Вера!

Дезидерий не выдержал и в конце заседания, словно бы случайно, обмолвился: «Однако же, к величайшему моему сожалению, ни Избиратели, ни внуки покойного императора не понимают всей глубины управления столь могучей и мощной страной: внуки сейчас правят

лишь небольшими её частями, Избиратели и того меньшими. Стране нужен человек опытный и участвующий во всех имперских проектах, знающий нюансы общего управления державой, умеющий и понимающий стратегию, а не только местную провинциальную тактику...»

— Ты?! — с оскорбительным для Дезидерия смешком, немедля спросил канцелярист Аргуин. — Уж не себя ли наш главный министр имеет в виду?

Командир дворцовой императорской стражи и градоначальник столицы — с улыбками покачали головами, показывая что всё это одно словесное баловство и оба противника явно несколько перегибают палку, а главный имперский министр явственно осознал что ему стоит пока промолчать и не озвучивать пришедшие ему в голову идеи, дождавшись приезда Избирателей: его предложения сейчас явно отвергаются на корню, «Малым имперским советом», где люди давно привыкли быть с ним на равных при обсуждении интересующих вопросов, однако могут пройти успешно у провинциальных «высоких знатцев с правом голоса», что вскоре приедут для Избрания императора в столицу из своих земель.

Армия и стража, всех разновидностей: от обычной городской, до охраняющей императорские дворцы — будут подчиняться своим нынешним командирам и туда, в командование, главному имперскому министру явно пока что не пролезть. Однако, возможно со временем и там окажутся верные министру Дезидерию, люди...

Время! Ему нужно время на проведение своих идей в жизнь и соответственно, следует вовсю уговаривать Избирателей, что бы они взвешенно и всесторонне, без спешки — рассмотрели кандидатуры на трон империи, а он, министр Дезидерий, в это время успеет привести свои дела в порядок и начать пару новых интриг.

В случае их успеха — открывается несколько вполне приемлимых путей для продолжения дальнейшей карьеры: советником при новоизбранном императоре, по крайней мере первые годы, пока тот не войдёт в курс всех дел. Условным «решателем» вопросов с имперской чиновничьей иерархией, для нового правителя, пока тот не расставит своих людей на главные должности, что редко случается без сопротивления и сразу...

Всё это позволяло Дезидерию остаться на плаву и продолжить свою карьеру если и не на прежнем уровне, то довольно высоко.

Когда то он начинал как советник крупного жреца, а став со временем помощником самого императора — занял в дальнейшем пост главного имперского министра... Возможно пришло время повторить сей славный путь ещё раз, немного уступив вначале и получив своё в последующие годы?

Коротко распрощались: начстражи пошёл инструктировать имперских гонцов курьеров и их охрану, для отправки зашифрованных посланий Избирателям и внукам наследникам. Столичный градоначальник отправился готовить свою территорию к мероприятиям с пышными похоронами усопшего императора, основателя державы, и радостных празднований в честь нового правителя — когда тот появится и будет официально объявлен. Начальник имперской канцелярии Аргуин поехал составлять регламент и порядок будущих мероприятий, для сверки с начстражи и министром Дезидерием.

Во дворце оставался главный имперский министр Дезидерий, что бы принять отчёты о чиновничьей подготовки к скорому Избранию и самому, пока он является «престолодержателем» — вести переговоры с иноземными послами и правителями собственно различных имперских территорий и городов.

Пухлый, в движениях медлительный, рыхлый телом и изнеженный, со светло

каштановыми, спадающими волнами, волосами до плеч и руками столь белыми, что им завидовали дамы на императорских балах — Дезидерий был представителем новой волны так называемых «назначенных людей»: когда стареющий император отставил от кормила власти своих первых помощников, которые помогали ему в самые первые годы строить будущую огромную державу, уверенный в том что они почти все до одного опаскудились — получив в награду за прежнюю службу дворцы и огромные деньги, и перестали быстро действовать при возникших трудностях и дерзать в идеях, как прежде.

Император сменил почти всех прежних своих соратников и заменил их новой порослью, как из имперской молодёжи, так и своими ровесниками, но из представителей бывших захваченных королевств и княжеств, что доказали годами верной службы свою лояльность новой власти и проявили недюженные умственные способности или стальной характер, в казавшемся всем абсолютно провальным, деле.

«Новые люди» вскоре основали свои собственные группировки и начали теснить «стариков Старца», с его негласного согласия и поощрения: император всё время жил своим детищем, своей державой и то что его соратники, по молодым годам, так скоро скурвились, став бонвиванами с гаремами в огромных, роскошных до одури, замках, его, оставшегося всё тем же максималистом и в последние годы жизни — явно злило правителя.

Дезидерий возглавлял поочерёдно несколько важных имперских ведомств и в каждом сумел проявить несгибаемую волю при исполнении любых, самых идиотских или невыполнимых приказов государя, за что в конце концов и был назначен самим императором — на должность главного министра имперского двора.

Министр Дезидерий рвал и крушил, приказывал уничтожать и преследовать, разорял и прижимал — всё одобряя и публично заявляя что император слишком мягок, и следует ещё «чуть дожать»...

Сейчас, когда последние пару лет он был почти на самой вершине властной имперской пирамиды, ему предоставлялся шанс как осторожно с неё спуститься не разбившись до смерти: медленно, шаг за шагом, оставляя себе многие ценности и привычки роскошной жизни важного дворцового сановника, либо же слететь кувырком, при неудачном общении с новым правителем — сломав себе карьеру и шею...

Дезидерий, последние годы дряхлеющего императора, был его главным разработчиком планов. Точнее деталей, тех планов, что в общих чертах требовал к исполнению сам император и теперь главный имперский министр ясно понимал всю опасность своего нынешнего положения: когда четвёрка наследников провинциалов примчится во дворец, получать выигрыш для одного из них и...

— Стоп! — внезапно оборвал свои невесёлые раздумья главный министр. — Детали... Детали! Именно я разрабатывал многие идеи планов покойного Старика и кому как не мне создать план и для себя самого, ибо спасение политика — в его собственном уме! А иначе никак... Друзей могут обмануть, сторонников перекупить, наёмников — с этими и так всё ясно! Итак, что Я имею на данный момент: есть дурацкий ритуал Избрания, к которому приступят впервые, для выборов нового правителя империи. — Есть такое...Но! И это важно: Избиратели и сами имеют виды для возвращения суверенитета своим владениям, а наследников у нас — сразу четыре штуки! Тут есть где ловить свои шансы — в «мутной воде безвластья».

Дезидерий довольно потёр руки и начал ходить короткими быстрыми шажками по своему кабинету.

Потом отпил немного густого сладкого красного вина и съел сочные спелые персик и апельсин, вновь прошёлся. Ему стал очевиден первоначальный план собственных дальнейших действий: любой ценой задержать Избрание нового правителя империи, тем самым, пока он сам является «престолодержателем»- объяснить невероятные трудности при управлении державой прибывшим наследникам императора и кандидатам в оные и, по возможности, сделав ставку на самого покорного и глупого из четвёрки — привести его к трону. Потом занять пост главного министра империи при новом правителе... Или даже регента, явного или тайного, если кандидат окажется неспособным ни на что, кроме охот и балов, и прочей мишуры при настоящей власти.

Этот вариант казался министру не таким уж и невыполнимым: Избирателей было восемь, а кандидатов в императоры, внуков умершего Старого — четыре.

Многовато людей что бы быстро всё можно было решить и соответственно, у ловкого, опытного в придворных интригах сановника: неоднократно ранее дававшего денежные поощрения за «правильные решения» на сборах знати, выбивавшему у императора замки и титулы нужным людям, из тех кто имел богатства но был ещё и тщеславен, или крупные имперские контракты для банковских контор или торговых гильдий, для всё тех же незаменимых «нужных людей» — появлялся отличный шанс. Вполне реализуемый, к тому же.

Следовало всячески тянуть с Избранием и потихоньку обозначать свою важность и незаменимость, подспудно выискивая из внуков покойного императора — самого подверженного влиянию. Его, Дезидерия-влиянию.

Потом, как на рыбалке: просто поймать будущего правителя в сеть. Гарантировав ему титул императора, а себе — сохранение, а то и преумножение, нынешней власти...

К вечеру этого трудного дня, когда все организационные вопросы, с подготовкой к завтрашнему дневному сожжению тела умершего императора были решены и тело наконец унесли в подвалы замка, где оно должно было под охраной стражи и при безостановочных молениях жрецов и инквизиторов оставаться до утра — после чего его на специальной колеснице провезут по столице до Центрального Храма и там, под барабанный бой и трубные завывания — сожгут, а пепел, в огромной амфоре установят в специальном мавзолее. Опять же с охраной и ритуалом регулярного посещения высшей имперской знати.

Когда все эти вопросы были решены, Дезидерий срочно вызвал в собственный дворец ближайших своих советников и исполнителей его негласных поручений, и провёл с ними отдельное заседания, попытавшись донести что нужно действовать скоро и не считаясь ни с какими расходами или жертвами, что были возможны при этом.

Главный министр заранее собственноручно набил с полсотни кошель золотом и серебром, и давая очередное поручение преданному ему человеку — тут же вручал и набитые тугие мошны, что бы исполнитель задания мог сразу же, по окончанию совещания, приступить к выполнению ему порученного мероприятия.

План, первоначальный, черновой, был таким: люди министра должны были начать вербовать хороших декламаторов, среди нищих артистов «говорунов» или жрецов бедных храмов, что не будут против немного подзаработать и отправив их с простой к заучиванию односторонней инструкции, в которой бы говорилось: что «нынешний главный имперский министр — старый друг и верный слуга почившего императора, хорошо разбирается в нынешних государственных делах и отличается умом и милосердием» — по возможности стоило начать создавать ему такой образ в народе, у провинциальных дворян и куцов, что бы

они видели незаменимость Дезидерия и в случае чего, могли бы выступить с прошением к уже избранному, когда это случится, новому императору или группе Избирателей: в первом случае с нижайшей просьбой, во втором — возможной угрозой или даже требованием при мятеже «Оставить проверенного министра на его посту и дать ему возможность и далее действовать на благо Отчизне».

При старом императоре главный министр ни за что бы не пошёл на подобную авантюру, но смерть основателя державы и смутное время, что как считал Дезидерий уже наступило — позволяли ему начать собственные подобные проказы: как с мнением простецов, так и влиянием народных «хождений» на волю и решения власть придержащих.

Неизвестно что получится сейчас, но первый император его конечно бы, после ходатайствования от толпы — оставил на должности, по крайней мере на короткое время, а потом... Потом почти наверное казнил, пыточно, как только его многочисленные агенты подтвердили что все эти «требования» были устроены специально.

Уже под утро, когда Дезидерий только прилёт в кресле что бы немного поспать после суматошного и важного прошлого дня, первые «говоруны», нанятые его агентами, начали проповедовать на улочках столицы, в бедных кварталах и на площадях: «Не стоит менять тягловых лошадей! Оставить следует проверенных людей, которых сам первоимператор и выбрал! С ними — вернее! Оставим благосостояние и мир, дадим покой нашим землям — долой чужаков из дальних провинций: они как голодные псы и накинутся сперва лишь набивать себе собственную мощу, имперской казной! Следует держать на прежнем уровне и уважать умнейших, из министров первого императора...»

Особо их никто сперва не слушал, принимая за очередных городских сумасшедших, однако вскоре даже те, кто вначале смеялись над уличными рассказчиками — начинали активно спорить с друзьями и членами своей семьи по данным вопросам, и через какое то время оказывалось что и они сами боялись перемен в своей нынешней жизни, и были бы не против оставить всё как есть: как они знали и к чему уже привыкли, что бы не произошло чего то ненужного, что лишь ухудшит им жизнь.

Дезидерий планировал в дальнейшем начать бесплатные раздачи еды, совмещая их с подобной же агитацией и таким образом создать армию своих поклонников — которые смогут если и не напугать наследников, то хотя бы показать им его, главного имперского министра, влияние на простецов и их настроения, хотя бы в столице и её окрестностях, а в дальнейшем оградят министра от возможной скорой отставки и расправы со стороны нового правителя.

Будучи «престолодержателем» — именно на нём сейчас была казна и траты из неё, и Дезидерий мог потихоньку назначать людей если и не на первые должности, то по крайней мере на значительные, что бы с их помощью подстелить себе одеяло, в случае падения с нынешней своей властной высоты.

Испуг после смерти бывшего хозяина уже прошёл и утром, с первыми лучами солнца, проснувшийся министр Дезидерий почувствовал новую уверенность в своих силах: ему было вполне по силам очаровать и убедить одного из наследников оставить ему бразды правления этой сложной машиной — империей, самому же пребывая в постоянном увеселении и праздновании чего угодно.

Ресурсов казны и нынешних полномочий «престолодержателя» — вполне было достаточно что бы припугнуть или наоборот, просто скупить с потрохами хотя бы часть Избирателей, и с их помощью «протащить» нужного ему внука, государем.

Потом... Потом следовало подстраховаться: устроив брак, правда возможно предварительно разведя того — так как двое наследников были уже женаты, и устроить брак с родственницей самого главного министра или, что тоже было неплохо, самому наконец жениться на племяннице или кто там будет свободен, из близких родственников кандидата, которого он протолкнёт и собственноручно усадит на трон.

Это всё были пустяки, но довольно важные. Однако прежде следовало заняться встречей и общением с Избирателями, что бы к приезду наследников из их собственных королевств — первые, полностью были готовы исполнять распоряжения главного министра и Избрание превратилось бы в лёгкую шутку, сотворённую «престолодержателем», с идеей выборного императора.

Потянувшись в кресле и довольно крикнув, Дезидерий вспомнил что уже вскоре, утром, начнётся церемония с шествием повозки, точнее колесницы четвёрки коней — с телом умершего императора к Храму, на площади которого его и сожгут, при личном сощерцании прибывших дворян и толп простецов, что будут стоять где подальше от места сей церемонии.

Следовало поторопиться, что бы встретиться с главой столицы и начстражи императорского дворца и узнать что на сегодня у них запланированно кроме оговорённого вчера на совете: ни разу не бывало так, что бы первоначальный план исполнялся. Всегда хоть чуток, но его приходилось корректировать.

## Глава вторая: «Ночные визиты»

Утром, ещё как следует не отдохнув после инструктажа своих людей, главный имперский министр Дезидерий уже направлялся вновь во дворец лишь вчера умершего правителя огромной державы.

Сейчас он использовал не привычную ему тяжёлую карету, с лишь иногда придаваемыми к ней разъездами имперской гвардейской стражи, для охраны, а паланкин — на котором можно было шустро проскочить, малыми боковыми узкими столичными улочками и быстро попасть в императорский дворец, через небольшие тайные воротца у одной из условно «глухих» стен дворца.

Дезидерию ещё вчера вечером удалось не допустить своего противника, Аргуина, к назначению «сопровождающих», для встречи прибывающих в столицу Избирателей: Аргуин был главой имперской канцелярии и отвечал за службу протокола и всё этому сопричастное.

Однако Дезидерий смог убедить начстражи покойного императора Магинария Имерия, что не следует мешать «престолодержателю» в организации ближайшего Избрания нового правителя империи и создавать сейчас, в сложное время, две параллельных структуры что будут организовывать работу по встречам выборщиков, не следовало.

Главный имперский министр смог доказать, что ему проще будет самому встретить и разместить Избирателей по свободным, принадлежащим государству, виллам и особнякам в столице — хотя на самом деле у всех Избирателей были собственные поместья в столичном имперском городе.

Далее министр предложил, для компенсации явно раздосадованному сложившейся ситуацией Аргуину, заняться, вместе с главой столицы что внезапно приболел — организацией мероприятий по прощанию с покойным императором и дальнейших встреч, у городских ворот, наследников.

Было решено устроить им по приезду большой праздник: с радостной восторженной встречей толпами верноподданного народа и увеселительными мероприятиями в самом городе и его окрестностях.

Ранним утром, в замершем в трауре императорском дворце, собралась четвёрка нынешних высших сановников «распорядителей» государства и коротко поздоровавшись, определились с дальнейшими своими шагами на сегодняшний день: вынос тела покойного Императора и установка его на специальную платформу, на колеснице, дабы каждый мог убедиться что это именно он и что бывший хозяин империи — точно умер.

Проезд по улицам столицы к Храмовой площади, на которой и должно было состояться сожжение тела покойного.

Выступление трубачей и барабанщиков, прощальный артиллерийский салют из полусотни бомбард, что специально по этому случаю ещё ночью вывезли со складов столичного Арсенала.

Вечером — раздачи еды на площадях по всему городу и выступления проповедников из инквизиции, с речами в честь деяний покойного правителя.

Ничего особо менять в ранее разработанном плане не стали и все приготовились занимать свои места в траурном поезде чиновничества и знати, к месту погребального «Костра вознесения», когда главного имперского министра Дезидерия слегка тронул за руку слуга недавно умершего императора и по совместительству давний агент министра, и быстро



заозиравшись, тихо коротко сообщил: «Избиратели будут у нас в столице уже вечером и сегодняшней ночью! У них во множестве свои люди во дворце, что было понятно и ранее, и они все, получив сведения о кончине правителя, очень скоро после произошедшего и гораздо ранее вами посланных к ним гонцов — сами решили немедленно отправиться сюда и узнать что происходит. Многие из них не до конца верили что будет исполнена процедура Избрания, с их участием и считали что всё обойдётся простым представлением наследника знати, как ранее бывало в королевстве, по старинке.»

На улице внезапно взревели трубы и Дезидерий, сунув крупную золотую монету в руку сообщившему ему важную новость агенту, среди прислуги дворца, наконец выбрался прочь из помещений на свежий воздух.

Перед огромной лестницей уже выстраивались экипажи и после медленного, под мерный барабанный бой, переноса тела покойного императора, переодетого в парадную блестящую кирасу и шлем с плюмажом, на предназначенную для его перевозки позолоченную колесницу с шестёркой лошадей — все сановники и высокая знать начали по очереди занимать места в своих открытых парадных каретах.

На открытости, используемых на мероприятии карет, настояли сами распорядители мероприятия: они хотели некоего аналога последнего прощального парада, среди главных столичных и имперских сановников, что должен был продемонстрировать единение державы, в лице совместной поездки представителей всех королевств её образующих, вслед за телом того — кто эту самую империю и создал.

Гремели барабаны, развивались стяги, раздавались крики из толпы. Было немного сумбурно, но стража, как гвардейская дворцовая так и городская, ещё ночью заняли основные точки на пути следования процессии и теперь довольно легко оттесняли, иногда одним своим видом в доспехах и с алебардами наизготовку, особо рьяных зевак, пришедших посмотреть на столь значимое для страны, событие.

При подъезде к месту сожжения — стали видны сплошные шеренги обыкновенных строевых отрядных бойцов, из ближайшего, размещённого прямо у столицы, подразделения: одетых несколько попроще чем столичная стража и уж тем более — императорская дворцовая гвардия.

Они несли основную охрану огромной площади, перед большим столичным Главным Храмом и не пускали никого близко к дровянице, на которой должны были скоро обратить в прах тело покойного Императора, кто бы не мог показать своего дворянского «титуляра» — оттиснутого золотом на коже документа: прихоть покойного правителя, который хотел что бы вся аристократия была в его огромной державе учтена и унифицирована, и заставившего всех своих подданных, из знати, искать документы подтверждающие все их титулы и пожалования.

Почти сто тысяч человек так и не смогли этого сделать и были разжалованы в простецы. Они было попытались взбунтоваться, но имперская машина легко их раздавила — небольшие группы баронских разбойничьих шаяк или одиноких рыцарей сопротивленцев.

Остальные дворяне получили специальные имперские титуляры, подтверждающие их титулы и права — и были все до одного «переписаны» для военных и прочих государевых нужд, что так часто возникали в новообразованном обширнейшем государстве.

Новая имперская знать стала некоей закрытой корпорацией и перестала быть разрозненными местечковыми странноватыми сектами, со своими многочисленными и запутанными отдельными правилами и культами: император основатель любил

единообразие и если сам ему и не следовало, то обязательно требовал того от подчинённых ему людей. Для порядка.

Площадь перед Храмом была украшена гирляндами и венками цветов и огромными тканевыми покрывалами с различными изображениями Солнца, как символа единственного законного религиозного культа империи.

Покойника должны были сжечь привселюдно и он, в пламени и жаре погребального костра, согласно проповедям многочисленных жрецов Светила — мог подняться к тому, что освещало людей в радости, давало им пищу и помогало в пути.

Осторожно гвардейцы, из имперской охраны, спустили носилки с привязанным к ним телом бывшего правителя и под всё тот же мерный барабанный бой поднялись с ними на возвышение.

Там они смогли по приставным лестницам взобраться на подготовленную уложенную поленницу и установить тело умершего императора так, что его было видно почти со всех сторон площади, по крайней мере голову, в блестящем шлеме, с огромным, метровым, белым плюмажом.

Дезидерий, Аргуин и прочие важные министры — были уже возле жрецов столичного храма, что всюду читали свои тексты о вознесении умершего к Солнцу и его возвращении назад, когда «придёт время».

Барабанный бой сменил рёв труб и внезапно для собравшихся, раздался грохот залпа огромных бомбард, расположенных на небольших деревянных башенках вокруг площади.

Когда грохот улёгся, а дым и эмоции зрителей понемногу рассеялись — старший жрец храма обошёл сложенный погребальный костёр и первым положил горящий факел у его основания.

Вслед ему отправились с подобными «зажигалками» и все стоявшие на ступенях у Храма важные сановники и высокая знать: они рядами, по важности чина и титула, подходили и кланяясь в пояс разгоравшемуся костру, клали и свой факел в свободное, ещё не начавшее пылать, место. Потом отходили в сторону и уже спокойно и без стеснения, начинали обсуждать скорый приезд внуков покойного Императора в столицу и «что теперь будет...»

Когда пламя разбушевалось всюду и полностью, с шумом, поглотило прах покойного, все присутствующие министры и князья отправились внутрь храма, что бы в тишине и покое откусать и поговорить, без надоедливой «малой знати», которая была приглашена для создания видимости массовости знатцев, на данное событие, из ближайших городов и замков.

Все с опаской поглядывали друг на друга и особенно на Дезидерия и главу императорской стражи — Магинария Имерия.

Первый — был сейчас «престолодержателем» и нынешним главой всей гражданской администрации огромной империи, второму подчинялись полководцы и командиры стражи — что сразу наводило на мысли о том, кто из них главнее в данный конкретный момент...

Правда Магинарий Имерий никогда не рвался прежде на первые роли и был скорее храбр, чем искущён в интригах, да и наличие четверых наследников, внуков покойного императора — несколько уменьшало шансы обоих, пока что «главных» в империи людей, как либо узурпировать власть за собой.

Дезидерий и Магинарий Имерий никогда прежде не ссорились, но и не дружили. Что значительно сокращало их возможность доверия друг к другу и прочного, даже временного,

альянса — для смены власти и захвата её для себя.

Через пару часов, знатным людям в храме, что уже плотно отобедали и теперь кто беседовал а кто и дремал, сообщили что всё готово: костёр полностью выгорел и жрецы собирают пепел в небольшую золотую урну, что будет находиться внутри огромной мраморной амфоры, для дальнейшего перемещения праха — в строящийся мавзолей родоначальника первой имперской династии.

Все сановники державы важно первыми вышли вновь на площадь, оглядели происходившее спокойным, но несколько усталым, после сытного обеда с вином, взглядом и через час, когда церемония завершилась — спокойно разъехались по своим особнякам ждать приезда внуков наследников и уже потом, судя по обстоятельствам, готовиться «к чему-либо».

Дезидерий, как можно скорее вернулся в императорский дворец смотреть как идёт подготовка к Избранию и встрече наследников, провинциальных вице-королей.

Магинарий Имерий решил объехать с личным отрядом город, во время вечерних раздач хлеба и мяса, и самолично посмотреть что бы не было каких беспорядков при этом. Со смертью обожаемого им объекта его заботы, Императора — начстражи императорской гвардии явно заскучал.

Аргуин, глава императорской канцелярии, направился к знакомым, из оружейных арсеналов: он решил поразить наследников невероятным салютом в их честь и замыслил на этом, точнее вообще, на всей успешной встрече возможных кандидатов в императоры — сделать свою будущую карьеру. Ибо что может быть лучше — чем первое удачное представление будущим правителям.

Нынешний «престолодержатель», главный имперский министр Дезидерий откровенно посмеялся с этих планов, когда его люди, в окружении Аргуина, сообщили о них.

Но на всякий случай попросил их по возможности уложить пакеты с конфети в бомбарды: зная как все внуки ненавидят когда их дорогую и тщательно подобранную одежду чем-либо пачкают, каждый по своей причине, Дезидерий был уверен что салют из конфети будет стоить Аргуину если и не головы, то по крайней мере его нынешнего места.

Наследник из Кельрики, Амвросий, как было общеизвестно, являлся слегка помешанным «королём-жрецом» и носил лишь чёрное. Не зря его наставник и первый министр королевства Кельрика — нынешний Великий Инквизитор империи.

Попытка его развеселить и тем более испортить чёрную одежду цвета «угольев сожжённых Солнцем» — была равносильна добровольному согласию на пытошную казнь в подвалах трибунала имперской инквизиции.

Гарданец-северянин Борелл, был немного простоватым выпивохой и просто не понял бы что его так приветствуют, скорее решил бы что это какой общий праздник в столице.

К тому же поговаривали что он пьёт даже находясь в седле, и если конфети попадут ему в кубок с хмельным питием — быть беде...

Внуки императора Ромлеянин Джанелло и Уммландец Лиутпранд — считались большими знатоками моды и всячески, хотя и каждый на свой манер, старались устанавливать собственные, новые стандарты в ней: попытка их выставить шутами, осыпанными с ног до головы конфети — разозлит их до невероятия.

Особенно если ради въезда и первого представления перед жителями столицы империи — они выберут самые лучшие и дорогие свои наряды.

Вечером дня когда был сожжён прах императора основателя, главный имперский

министр готовил тайные встречи в небольшом «запасном» особняке, официально принадлежавшем его личному повару, с приезжавшими срочно сегодня вечером и ночью, в столицу, Избирателями — готовя козыри в первом общении с каждым из них.

Канцелярист Аргуин в это же самое время бездарно напился с командирами артиллерии при столичном Арсенале и теперь просто блевал в углу небольшой бастиды, где сговаривался с бомбардирами ранее о «грандиозном салюте в честь наследников».

Глава имперской стражи Магинарий Имерий, сидя на лошади в окружении своих офицеров, с улыбкой наблюдал как вокруг столов с выставленной дармовой провизией, на одной из площадей города где происходила объявленная раздача хлеба и мяса, неистовые беснующиеся инквизиторы буквально хороводы водят вокруг толпы простецов — рассказывая людям, с набитыми мясом и овощами ртами, о том как сегодня чудесно горело на костре тело покойного императора и что сами они, тоже могут получить подобную награду, если будут послушными и верными солнцепоклонниками...

Начстражи поздно вечером отправился спать, узнав от своих людей что всё в столице спокойно и беспорядков нет.

Аргуина отвезли домой его слуги, частью являющиеся также агентами главного имперского министра, а сам министр Дезидерий, радостно потирая руки — принимал в своём тайном, одноэтажном «поварском» особняке для секретных встреч, первого из прибывших в столицу Избирателей, главу рыцарского ордена «Чёрного единорога» — гросскомтура Тибальда.

Гросскомтур прибыл в столицу буквально полчаса назад, верхом на коне и в сопровождении двух десятков своих лучших бойцов рыцарей, и будучи тайно встречен посланными слугами Дезидерия у сговоренных ранее к въезду ворот, немедля пропущен внутрь города и как можно скорее препровождён для срочной встречи с главным министром империи, являющимся сейчас ещё и «престолодержателем».

Тибальд был высоким, поджарым, жилистым мужчиной, около пятидесяти лет от роду. Почти полностью лысым, с бронзовым черепом и ястребиным носом. Взгляд, как и у многих старых успешных солдат — у него был прямой и с небольшим постоянным вызовом всем и всему, однако он быстро «оттаивал», если видел что опасности нет и его никто не пытается задеть, специально или ненароком.

Одет гросскомтур был скорее как знатный путешественник, чем глава мощнейшего рыцарского ордена великой империи: серый плащ, вместо привычного его ордену иссиня чёрного, на голове капюшон и небольшой берет, вместо обычных шляпы или шлема — с огромными полями и небольшого тёмного рога на вершине.

На поясе висели мечи: бастард — для обычной сечи и короткий, с остриём «шилом», на случай тесноты массового боя и колющих ударов без возможности элементарного замаха. Никаких особых знаков различия или чего подобного не было и в помине.

Дезидерий быстро понял что гросскомтур специально гнал в седле, что бы первым провести «разведку» и по возможности присягнуть на верность новой власти или, как опытный вояка — понять куда дует ветер и присоединиться к той группе, что имеет наибольший шанс на победу.

Главный имперский министр встал со своего кресла и нарочито любезно подошёл поприветствовать прибывшего Тибальда: «Дорогой брат наш! В этот скорбный час, Вы — первый из всех Избирателей, прибыли в столицу для почитания умершего императора и встречи его наследников... Премного Вам благодарен за возможность нашего разговора,

пока есть время...»

— Ну что вы... — Тибальд говорил коротко, но зычно, хорошо поставленным командным голосом, привыкшим повелевать сильными мужчинами в сложных жизненных ситуациях. — Мой долг, как верного слуги умершего Великого Правителя и такого же покорного исполнителя приказов того, кого он... Хотя да: я слышал будет процедура Избрания, верно? Старые, ещё королевские, назначения наследников отменены?

Дезидерий притворно скорбя развёл руки, потом коротко вздохнув, объяснил: «Старик боялся что недавно сшитая держава развалится, если его наследник будет нелюб большинству её элит, а посему предложил вариант с Избранием: когда разные люди, представляющие власти на местах, в том числе и из бывших династов, хотя и отдалённых ветвей само собой — смогут выбрать из его четырёх внуков наиболее подходящего им, господина. Это компромиссный вариант, что бы не ломать о колено нынешнюю имперскую аристократию и заключить что то вроде договора — между Императором и высшей знатью, столпами империи...»

Тибальд поморщился и фыркнул, показав всем своим видом что это блажь и старческий маразм.

Потом буркнул что то о том, что не ради этого он и его братья рыцари кровь проливали, что бы сейчас сюсюкать с побеждёнными и выбирать «компромиссного правителя».

Через минуту он наконец успокоился и выбрав удобное высокое кресло быстро уселся в нём, не ожидая приглашения главного министра.

Дезидерий медленно вернулся к своему низкому креслу напротив и усаживаясь в него, вспоминал что он знает о гротескном ордене, и с чего следовало начать прощупывание настроений Тибальда, в преддверии грядущего голосования по кандидатуре императора.

«Орден Чёрного единорога» — был мощнейшей рыцарской организованной структурой империи, значительно превосходя все свои аналоги: на его штандартах красовалась огромная мрачная зверюга — помесь толстеного дикого кабана и буйвола, с маленькими пороссячьими глазками и сдвоенным рогом, на носу.

Данный «рыцарский единорог» — был совершенно не похож на белых лошадок из сказок о принцессах и девственницах, что его могли удержать силой голоса, скорее являлся его полным антиподом.

Согласно легендам, рыцарь Торнвальд, находясь в морской экспедиции у далёких заморских берегов диких стран, заметил данное существо на берегу и смог его убить своим молотом.

Чучело набили соломой и опилками, поставили внутрь каркас из тонких гибких досок и смогли каким то чудом привезти назад, в родовой замок рыцаря, ставший сразу же местом паломничества молодых начинающих рыцарей и их оруженосцев.

Ходили слухи, что на самом деле «молот Торнвальда» — это небольшая бомбарда, из которой и было убито чудовище, когда пришло на водопой местной речушки. Причём убито из засады, подло, издалека и с безопасного расстояния.

Однако рыцари империи не верили в такую непорядочность своего собрата и вскоре, когда через десяток лет, замок с чучелом «чёрного единорога» стал почти легендарным местом проживания великого героя — прежние короли тех земель предложили ему организовать рыцарский орден и проводить обучение братьев воинской науке: быть примером храбрости, даже перед подобным монструозным зверем.

Самого Зверя, послужившего символом для нового ордена, объявили в меру обидным прозвищем «рогонос», однако рыцари ордена предпочитали себя называть «Чёрные единороги» и утверждали, что основатель ордена передал их инструкторам тайные методы — как делать любого рыцаря их братства нечувствительным к боли, как данное свирепое животное и таким же смертоносным в бою, как и оно.

Орден не единожды враждовал с королями и князьями, однако когда ныне умерший император начал свои завоевания — однозначно поддержал его и стал весьма существенной военной силой.

За это орден получил с десятков городов в своё полное управление и добрые пять сотен замков, среди которых были и бывшие крупные имения великих князей или герцогов.

Насколько помнил Дезидерий, сейчас в ордене пребывало около трёх тысяч рыцарей и впятеро больше оруженосцев. Тридцать тысяч сержантов и боевых кнехтов, что постоянно были приписаны к пограничным отрядам и крепостям, и вдвое больше ветеранов или слуг, что были обязаны по приказу ордена собираться в дружины ополчения ордена, в случае такового приказа от гросскомтура «Чёрных единорогов».

Орден был силой — и силой явной и мощной. При определённых раскладах, именно он мог поднять крупные волнения, правда недолгие — так как собственных больших ресурсов и поддержки холопов, как у наследственных правителей земель, у ордена не было.

Но была возможность внезапно бросить свои, закалённые в имперских войнах отряды ветеранов, на столицу и тогда...

— Хм... — громко и невежливо перебил размышления главного министра Тибальд. Дезидерий явно перестарался с воспоминаниями и несколько затянул паузу между ними.

— Дорогой друг! — с пылом начал хозяин дома. — Вы понимаете как важно нам всем, что бы будущим императором был выбран человек разумный, добрый, смелый и вообще — наиболее достойнейший из тех что возможны.

— Конечно. — мотнул головой гросскомтур и внезапно нехорошо заулыбался, словно предлагая Дезидерию поскорее прекращать витиеватые речи и начать с ним говорить напрямую о сложившейся ситуации.

— Так стоит ли спешить с выбором императора, тем более сейчас, в такой сложный для державы момент? — несколько растерявшись под взглядом опытного воина, брякнул главный министр, выболтав потаённые думы. Но тут же взял себя в руки и уже спокойней добавил, — Не стоит ли как следует тщательно проэкзаменовать, каждого, из достойнейших внуков наследников покойного Императора и выбрать среди них наиболее подходящего, для этого высокого престола? Конечно же вежливо и с максимальным пиететом... Что бы не случилось гражданской войны, чего мы все так опасаемся!

— Никакой гражданской войны! — сказал как отрезал гросскомтур «Чёрных единорогов», — Мы тут же проведём сбор всех отрядов ополчения ордена и выступим против того из внуков, нашего великого императора, кто первым сорвётся в этот самоубийственный шаг! Раз их великий дед решил что будет Избрание — так тому и быть, и проигравшие в нём, обязаны будут подчиниться собрату-победителю! Или умрут...

Эти слова одновременно напугали и успокоили Дезидерия: орден готов был действовать и действовать решительно, однако он был противником любого нарушения «имперских норм» и в данной ситуации скорее являлся союзником, чем соперником.

— Это прекрасные слова... — попытался было сказать комплимент главный имперский министр, считая что главное уже выяснилось и теперь, «простака-солдата» Тибальда следует

уверить в дружбе к нему и пообещать содействие, а уж он сам, как выборщик, будет внимательно придирается к внукам, кандидатам на трон, и инспектировать их, как ему в голову придёт, во время обсуждения на Избрании.

Однако короткий смешок Тибальда заставил Дезидерия вновь внимательно присмотреться к гостю.

Гросскомтур откровенно скалился белыми зубами, так чётко выделяющимися на его бронзовом лице и совершенно издевательски смотрел на главного министра империи: «Господин «престолодержатель»! У моего великого ордена, сейчас, к огромному нашему сожалению — куча проблем и боюсь без имперской поддержки они лишь усугубятся... Не стоит ли поговорить о взаимной помощи: орден поддерживает, как и всегда прежде — империю, а империя — помогает ордену. Малой толикой своих титанических возможностей.»

— Хм... А в чём дело?

— Мы посоветовались, со старшими рыцарями и генералами нашего доблестного ордена и хотим нижайше просить — незамедлительно увеличить реестр рыцарей, что получают жалование и вооружение, включая и коней с одеждами и латами, за счёт империи... Вдвоё! — С тысячи «реестровиков» — до двух. К каждому из них следует прикрепить по четыре оруженосца и столько же сержантов, к тому же по два десятка боевых кнехтов, для создания полноценного, немного усиленного, совсем чуть-чуть, «копья». Рыцари будут обучать подчинённых им оруженосцев и сержантов, а империя получит отличное новое усиление для своей армии. Небольшие деньги для нашей великой державы, зато какая польза на долгие века!

— Угу, альтернативная имперской — орденская рыцарская армия! Причём за деньги не добровольных жертвователей, а самого государства. — мысленно присвистнул Дезидерий и изобразил на своём лице выражение скорее свойственное дебилу, чем главному министру крупнейшей державы.

Он вспомнил, почему покойный император прежде частично финансировал данный орден из государственной казны: деньги выделялись на пограничные крепости и тамошние отряды, для первого сдерживания наступления врагов и в ожидании подхода имперской армии.

Так было проще для всех и император считал что добровольцы, с деньгами империи в качестве бонуса, там справятся лучше.

Но что бы вдвое увеличивать реестровиков и давать каждому, за счёт державы, ещё и по полному однорыцарскому отряду «копью»?! — это было явным перебором. Тысяча новых рыцарей, да к ним восемь тысяч оруженосцев и сержантов, да ещё двадцать тысяч кнехтов ветеранов... Явный и опасный перебор!

Дезидерий невнятно повёл плечом, не показывая данным знаком впрочем ничего и несколько вяло спросил: «Это всё?»

— К сожалению нет. — притворно скорбно выдохнул Тибальд. — Наши братья хотели бы получить, пару указанных нами морских городов, с портами на северных морях — с правом вести самостоятельную торговлю и принимать грузы без таможенных чиновников империи. Нам кажется мы достаточно помогли державе, что бы получить толику малую от промысла негоциантов и себе.

— Там крупные торговые союзы городов уже давно промышляют.

— Договоримся с ними сами! Кто против нас — тот... В общем — договоримся!

— Интересные предложения, я донесу их до...

— Да, благодарю! Продолжу: мы хотим разрешение на колонизацию северных земель нашим орденом, с оставлением их в нашем же управлении: как военном, так и магистратном и торговом — полном! Хотим строить собственные суда и организовывать флотилии, что бы не быть зависимыми от торговцев с их пузатыми кораблями или имперских фотилий, что не всегда вовремя подвозят нам припасы и пополнения. Не обижайтесь на правду!

— Ничего, ничего...

— Мы считаем что империя должна позволить нам вести самостоятельно, на севере, «Походы Веры» — что бы блеск и жар Светила осветил и диких варваров, что в шкурах одетых на голые тела и каменных или земляных своих жилищах, всё ещё молятся на молнии, или деревья с камнями. Мы сможем провести крупные успешные завоевания на благо империи и к удовольствию наших многочисленных солнечных храмов, с толстопузыми жрецами бормотунами в них.

Ошалевший Дезидерий просчитывал в уме всё что ему говорил Тибальд и с каждой минутой яснее понимал: пользуясь слабостью и неразберихой в державе, орден «Чёрного единорога» хочет получить от кандидатов в императоры фактическое разрешение на «государство в государстве» — с кучей преференций и полномочий, и первоначальной оплатой новой структуры из казны самой империи. Пока они не угрожают, но что будет далее?

Однако был и хороший момент, как раз для самого главного министра: Тибальд явно слабо представлял себе расстановку перед голосованием за нового императора и думал что «престолодержатель» просто передаст кому следует требования и уж там примут решение...

Соответственно, появлялась возможность задержать его голос в Избрании — отсрочкой обещаний решить его вопросы, а в случае чего — так и напугать бряцающим своим оружием гросскомтура «Чёрных единорогов», кого из наследников, что бы были сговорчивее с министром.

— Дорогой друг — сделаю всё что в моих силах! — прижимая руку к груди пообещал Дезидерий и они расстались.

Тибальд потребовал что бы в течении недели ему было сообщено об решение поставленных им вопросов или возникших проблемах при этом. Потом скорым шагом вышел прочь, не обращая более внимания на хозяина помещений.

Было очевидно что он держал Дезидерия за мелкого посредника и особо не утруждал себя вежливостью к нему, видимо считая что вскоре главный министр обязательно сменится, при новом императоре.

После ухода своего первого гостя, «престолодержатель» сделал пару кругов по кабинету, потом вздохнул и заулыбавшись развёл руки в стороны, всем видом показывая зеркалу в которое смотрел, что он не виноват что люди столь глупы и наивны — это были проблемы лишь его собеседников.

Потом Дезидерий вызвал слуг и узнав что пока ещё никто из обещавшихся остальных Избирателей не прибыл, потребовал что бы ему принесли наконец обед, бывший по позднему времени употребления, скорее ужином.

Началась, столь любимая главным министром, процедура поглощения разнообразнейших яств, умело приготовленных тремя его личными поварами: по горячим блюдам, холодным закускам и десерту.

Решив себе не отказывать ни в чём, так как именно хорошая кухня помогала ему



собраться с мыслями и принять верное решение, Дезидерий получил на первое прекрасный раковый суп, горячий и ароматный до одури. На второе были различные паштеты и сыры, а также пирог с дичью: глухарями и рябчиками в виде начинки. На десерт ему подали несколько видов изюму и печенья, и кубки с красным, густым, сладким вином, из амфор, что по несколько лет держат в земле, прежде чем начать продавать.

Разговор с гросскомтуром Тибальдом был скорее похож на приём парламентёра от воинственной противной стороны, ставящей свои условия для прекращения войны: много и жёстко, как победители!

Однако же время проведённое за обеденным столом и особенно сейчас, когда сладкие вина с печеньем помогли «престолодержателю» успокоиться — он выбрал дальнейшую линию поведения с командиром ордена «Чёрных единорогов»: следовало всячески отказывать ему первое время, а потом, предложить помочь — в случае правильного голосования и угроз остальным Избирателям силами своего ордена, если таковые угрозы понадобятся.

Пока что орден, в силу своей малочисленности, не мог самостоятельно начать полноценную войну с империей, а внезапный поход ветеранов на столицу, о котором ранее беспокоился Дезидерий — сейчас уже казался ему маловероятным, в виду больших расстояний: между основными землями ордена, на севере империи и столицей, с возможностью заблокировать фуражировку массам людей и их лошадей, просто закрыв ворота городов на пути следования «чёрных единорогов», со складами провизии внутри, прямо перед рыцарскими отрядами.

Пока ветераны кнехты и рыцари сами найдут себе какую пищу, грабежами сёл или городов — имперская армия уже сможет собраться в ударный кулак и предотвратить данный бунт, благо боевых сил и главное, артиллерии, у имперцев было в разы более любого из рыцарских орденов, а то и всех их вместе взятых.

Почти сразу же, после данного здравого довода «престолодержателя» самому себе, главного министра империи побеспокоил его слуга, сообщив что прибыл князь Гассакс и хотел бы поговорить с ним.

Дезидерий встал и отряхнувшись, сбивая крошки на ковры, украшавшие пол сплошным покрывалом, быстрым шагом направился в сторону кабинетов для аудиенций.

Толстяк князь Гассакс — был известен всему императорскому двору как редкостный кутила, но не легковесный «финтифлюн» — о нет! Он умел жить на широкую ногу и радоваться жизни во всём её многообразии и каждый день, возможно даже каждую минуту, своего существования: он имел в своём «великом имперском княжестве» — собственноручно собранный оркестр, что было в новинку и регулярно приглашал к нему редчайших из музыкантов — композиторов, которые хотя бы пару раз в год выдавали новые оригинальные произведения.

Его оркестр был знаменит наравне с императорским и пару раз даже приходилось осаживать, не в меру ретивого сторонника музицирования, что бы соблюдал субординацию.

Главный министр Дезидерий познакомился с князем Гассаксом близко, когда был ещё главой канцелярии императора и приезжал вместе со своим повелителем на какой то приём, в честь рождения очередного ребёнка, из нескончаемого потока чад, данного «любителя всего прекрасного»: князь тогда отлично их накормил и напоил, а потом, в качестве дополнения к шикарнейшему столу, который уставляли вазами в целый этаж высотой, с фруктами и кондитерской редкой выпечкой — представил собственный цирк шапито, где

основными действующими актёрами были группы клоунов и акробатов.

Потом, после вечернего великолепнейшего фейерверка — повёл всю огромную имперскую делегацию в свой зоопарк, располагавшийся на сотнях гектаров и совмещающий в себе черты охотничьих угодий и выставки редких зверей.

При факелах приезжим знатым гостям показывали редкие экземпляры животных, а в конце прогулки — привели на небольшую арену и устроили для императора бои: петушинные, собачьи и наконец главный — между львом и тигром... Завораживающее тогда было зрелище!

Также при императорском дворе шёпотом поговаривали что Тибальд, уже тогда бывший гросскомтуром ордена «Чёрного единорога», узнав что князь Гассакс хочет привезти из дальних земель символ его рыцарского ордена и держать того в клетки, в специальном загоне, как для обычных свиней — пообещал военный поход и полное уничтожение всего рода Гассакса.

Князь поостыл с реализацией подобной идеи и больше не хвалился, выпив лишнего, что наречёт «заморскую рогатую свинью — Тибо!»

Князь-гуляка Гассакс обожал всех удивлять и поражать: несравненные блюда из мяса и редкостных рыб, невероятные танцы под новые мелодии — придуманные для него специально отовсюду выписанными композиторами и хореографами, фантастически красивые представления — будь то подмостки театра или фейерверк, редкие животные или собрание старинных редкостей, в особом крохотном замке построенном специально для их представления гостям: его всегда манила слава эдакого передового чудака, способного на что угодно — что бы немного покрасоваться перед всеми и хоть чуток, но удивить!

На землях его княжества проходили две из семи известнейших ярмарок империи и обе стали популярными именно благодаря его личным стараниям: введённой недавно игре, под названием лотерея — где каждый участник мог, заплатив малую монету, получить затем, волею случая, полный сундучок серебра! Если повезёт конечно... И обязательные представления актёров и музыкантов, которых нанимали для ярмарок агенты князя по всей империи.

Народ валил толпами на его торжища и вскоре княжество стало довольно прилично богатеть. Но князю, с его тратами, всегда и всё было мало. А особенно — денег.

Заведя себе почти официально гарем, как у южных и восточных лунопоклонников, в который скупались женщины из всех мест где бывали купцы его княжества или его агенты, князь создал в нём целые отдельные службы, которые в своё время помогали «скрасить» пребывание в княжестве и самому нынешнему «престолодержателю»: были в гареме князя Гассакса и «обмывальщицы» — что натирали своими обнажёнными, роскошными, пышными, всю выдающимися телесами — мужчин во время совместной обмывки в банях, вроде живых мочалок. «Мочалками» их князь и называл, шлёпая по округлым огромным ягодицам девушек, с простодушным детским смехом.

Находились в его гареме и чтицы с прекрасными голосами, которых именовали «соловьини» — для вечерних поучительных книжных историй и бесед.

И гимнастки из цирков, что услаждали взор редкими позициями своего обнажённого или странно прикрытого, словно что бы ещё сильнее возбуждать похоть, рваными прозрачными лоскутами, тела.

Были «Целовальщицы и наминальщицы» — но до них Дезидерий так и не добрался, императорское присутствие рядом его всё же смущало в тот период...

Князь Гассакс происходил из старинного и давно уже ставшего влиятельным рода высокой знати: В начале имперской эпопеи, ныне покойного основателя новой державы — его род не принял сторону победителя и за это чуть было в дальнейшем не лишился земель, вместе с жизнями.

Но новый, тогда ещё совсем юный, князь — быстро сориентировался и сам попросился в империю, со всеми своими землями и подданными.

Всё произошло без захватов с насилиями и прочего непотребства, сопровождающего присоединения новых государств. Это позволило Гассаксу вначале сохранить наследные земли, а со временем, после того как он смог проявить себя лучшим образом в общении с императором — втрое увеличить наследственные владения и вдесятеро, а может и более, доходы.

Проблемой данного Избирателя всегда были: дети и траты. Будучи невероятно любвеобилен и чадолюбив — князь Гассакс старался всем своим детям обязательно помочь на жизненном пути.

Детей от официальных браков — он удачно женил и выдавал замуж, не без помощи императора, за отпрысков главнейших родов или тогдашних министров империи. Детей от наложниц, в своём гареме — старался как мог произвести в имперские рыцари или бароны, и получить для них замок или важную государеву службу.

Законных детей у князя сейчас было четырнадцать, не очень законных — втрое больше. Последние годы это стало настолько большой проблемой, что часть потомственной знати империи даже поклялась вызывать на поединок всех его «выродков» и резать их как свиней, дабы данные «спорные рыцари» не пачкали своим присутствием рядов достойных знатных мужей.

Когда Дезидерий зашёл в кабинет, где его ожидал подобный экстравагантный посетитель, добродушный толстяк князь Гассакс вскочил и словно огромный округлый мяч, из кожи и шерсти, «покатился» навстречу главному министру: «Какое горе!» — ворковал он, целуя в щёки Дезидерия, — «Ай, ай, ай!»

— Да. Страшная потеря...

— Верно! Но я так понял, что впервые будет осуществлено Избрание, вместо простого объявления наследника?

— Совершенно верно.

— Что поделать — такова воля... Кто мы такие что бы оспаривать? А?

— Что?

— Хм... — весельчак толстяк Гассакс замялся, а потом, не без улыбки, но довольно просительно, объявил, чуть не пустив слезу, — Детки у меня. Много.

— Да. Наслышан. Вы не обделены чадами, слава ясному Солнцу!

— Замок бы им, самых завалящих — замочишек. Так: бастиду какую с земелькой... Хоть чуток!

Дезидерий устало на него посмотрел, потом протянул: «Ваше княжество довольно велико и...» Его собеседник лишь махнул рукой на слова главного министра:

— Да где мне их там разместить?! — мои жёны... Что я такое говорю?! — точнее жена — друг друга ненавидят и детей. Хм... Не совсем своих — тем более! Боюсь потравят ребяткишек в припадках ревности, бабы глупые... А так, вне отцовских земель: карьеру себе какую славную ребятки сделают, в имперской гвардии послужат, замки получают — за подвиги. А девок — девкам сынков подыскать можно, графских или княжеских, чьи

папашки прощтрафились и теперь их можно «за орешки держать», вот так! Ахахаха, — князь показал словно хватал чего в жменю и расхохотался от души, явно призывая к этому и «престолодержателя».

Далее разговор был прямолинеен: князь Гассакс был уверен что Дезидерий, как и он сам, раз «пухлик» — значит не без грехов и с ним можно обсудить щекотливые вопросы просто и без обиняков.

Князь хотел единовременной выплаты в миллион серебряных марок — ему, на развитие княжества. Мест всем детям, что пока не женаты и не замужем — в имперской аристократии повыше, и каких-либо должностей в столице тем из них, что уже получили образование.

Готов был за это проголосовать за того из наследников, кто на это согласится и главное, предложил Дезидерию довольно интересную идею, которая немного пролила свет на то, как он так высоко поднялся при прежнем Старике императоре.

Князь Гассакс заявил что может принять у себя и гарантированно очаровать любого из внуков, кандидатов на престол, на которых ему укажет главный министр: представлениями, пирами, оргиями, редкостями, подарками — чем угодно.

Старый император нередко именно в его замке встречал послов, нужных и важных ему для срочных переговоров держав и сейчас «престолодержатель», если поможет самому князю — смело может рассчитывать и на его всестороннюю помощь, в деле проведения переговоров и «правильной встречи» важных лиц.

Дезидерий быстро прикидывал в уме: Тибальд мог ему помочь войсками, в случае какого конфликта, а вот Гассакс, как прирождённый неженка и кутила, мог устроить такое застолье с «продолжением», что ради подобной сказки и возвращения в неё — многие бы десять лет жизни немедля отдали. Об этом стоило помнить.

Князь Гассакс добился ещё при жизни того, что странные «воины-тени», из южных земель — получали в начале своего кровавогно обучения, благодаря дурманящим травам тех мест и потом, как говорили им местные проповедники, они заслужат после достойной смерти за своего предводителя.

Князь устроил себе при жизни «личную мечту», которую нежно холил и лелеял, постоянно обновлял и подкрашивал — что бы она никогда не потускнела.

И к нему, в этот удивительный, почти сказочно прекрасный мирок — можно было приглашать и приятно шокировать «нужных людей», что могут иметь влияние если и не самих внуков, кандидатов на престол, то хотя бы их доверенных лиц и тех из советников, кого они слушают и чьё мнение им ценно...

Главный имперский министр Дезидерий и князь Гассакс попрощались в отличном расположении духа: оба клялись помочь «в случае чего» и ничего нового при этом всё же не обещали собеседнику.

Князь надеялся, правда, вначале всё же что получить, в качестве задела их будущего плодотворного сотрудничества, а «престолодержатель» уже думал кого из слуг, прибывающих через неделю наследников покойного императора — первыми пригласить в земли Гассакса и с какими именно предложениями и развлечениями, для них.

После отъезда весёлого князя толстяка, Дезидерий узнал от слуг что герцог Уйон прибудет примерно через полчаса и решив что времени предостаточно, потребовал что бы в его небольшую, отдельную ванную комнату, немедля вызвали Лючию — пышногрудую ромлеянку со смуглой бронзовой кожей, осиной талией и огромной «Сдобой». Идеальную

женщину для «игры» на ней.

«Лючия-прекраснозадая» — именно так называл её в порыве страсти, сам главный министр. И вскоре после отданного им приказа прикласить эту чаровницу, министр уже впивался зубами в арбузные груди прекрасной самки, шлёпал её по обильным ягодицам и требовал всё новых поцелуев от душистого ароматного рта женщины.

Разговор с князем Гассаксом явно пробудил в нём приятные воспоминания о времяпровождении с нимфами, из услужения князя, а данные воспоминания родили уже новые проказливые фантазии...

Выйдя чуть с опозданием, из большой ванной комнаты с бассейном в центре и мраморным столом для массажа, Дезидерий быстро переоделся в чистую одежду, поданную ему лакеем и вышел в кабинеты с гобеленами на всю стену, для разговора с третьим из прибывших Избирателей, герцогом Уйоном.

Герцог был мужчиной возрастом «чуть за сорок». Худощавый телом, с белым молочным лицом и тщательно уложенными волосами. Он гордился своей, несколько женственной, красотой и всячески её поддерживал.

Дезидерию, его агенты, сообщали о специальных процедурах для поддержания красоты герцогом и снадобьях, что он заказывал себе в невиданных количествах: ванночках для рук и ног, настойках ромашки для смачивания век, кремах для лица и специальных пастах — для ублажения растительности на нём. Герцог был болезненно самовлюблён и над этим ранее постоянно подтрунивал покойный Император.

Однако Уйон к тому же принадлежал к очень знатному древнему роду, правда по очень боковой линии, что некогда правил соседним королевством и вхождение данных территорий, пускай и довольно насильственное и кровавое, в пределы империи — позволило Императору перебить всех прямых наследников трона королевства и понизив захваченную страну в титулатуре до герцогства, передать её в руки деда нынешнего герцога, сохранив таким образом условную видимость продолжавшегося правления местных элит, хотя и под полным контролем стоящих при них и «присматривающих», советников и посланников самого императора.

Уйоны быстро сориентировались в новых реалиях и всячески помогали империи успокаивать собственных дворян, не позволяя тем бунтовать. Платили из своего кармана ремесленникам, при огромных и частых имперских стройках, и выдавали продовольствие, из личных хранилищ, крестьянам, в случае неурожая.

«Боковая линия династии» вряд ли потеряла, некогда возглавляемое их предками самостоятельное королевство — зато получила в свои руки приличное по размерам герцогство и права в нём, довольно умеренно урезанные императором, по сравнению с прежними, королевскими.

Нынешний Герцог Уйон быстро поправил свою одежду и слегка тронул причёску, потом встал и запах его духов и масел для волос, буквально затопил кабинет: «Приветствую Вас, дорогой Дезидерий! Слышал Вы стали «престолюхранителем» на время Избрания? — Великая честь, великая...»

Главный министр покивал головой, вслед этим, ничего не значащим словам гостя и предложил тому сесть.

Потом спросил, зная что Уйон сам настаивал на их скорейшей встрече и просил через слуг передать министру что у него есть важная просьба: «Господин герцог, вы желали со мной встретиться? Это так важно?»

— Ну... — Уйон несколько наигранно прокашлялся и хорошо поставленным, но несколько переслащенным голосом, продолжил. — Я бы хотел, в преддверии Избрания императора, раз именно такова воля усопшего нашего славного правителя, узнать: не могли ли мы быть полезны друг другу?

— Мы? — словно искренне изумляясь подыграл ему Дезидерий. — Да чем же?!

— Ну, положим у вас есть некий кандидат. — заметив что главный министр замахал руками, отрицая самое подозрение о подобном, герцог Уйон развил мысль далее, уверенный что он сам тонкий интриган и всё правильно высчитал. — Есть некий кандидат, из внуков покойного и он, с вашим посредничеством, не против принять и мою скромную помощь... А в ответ — взаимно помочь и мне, в дальнейшем.

— Господин герцог — прошу вас! — всплеснул руками Дезидерий. — Что вам в голову пришло?!

— Вы всё же главный министр нашей страны и должны держать общеимперские замыслы в голове. Я же — простой провинциальный герцог и хотел бы осуществить свою мечту. Вот и всё. И не надо отрицать, господин главный министр, что вы, столько общаясь с императором — не знаете всего, обо всех четырёх его внуках. В это никто не поверит! Вам и только Вам, я и доверяю выбор правителя нашей славной державы...

— Ваши мечты? — невежливо перебил герцога Дезидерий, опасавшийся что как он неоднократно перекупал слуг своих соперников, так и его людей, кто либо из Избирателей уже принял на негласную оплату и их сейчас подслушивают. — Каковы же они?

— Королевство.

Наступила тягостная пауза, в ходе которой Дезидерий даже подумал не сошёл ли с ума его собеседник, настолько нелепо было это слово в нынешних условиях империи.

— Как простите?

— Я бы хотел основать королевскую династию.

— А где, простите за вопрос? — главный имперский министр решил всячески успокоить Уйона, но завтра утром обязательно сообщить о нём и его желаниях начстражи покойного императора Магинарию Имерию, который сейчас контролировал стражу и армию империи.

Было похоже что герцог переоценил свою важность при Избрании будущего правителя государства и теперь откровенно бредил.

— О, не беспокойтесь — не в границах нашей великой империи, конечно!

— Ага...

— Я готов, кроме голоса на Избрании, также уступить вашему кандидату все свои земли и титулатуру соответственно, и безусловно с закрытыми глазами поддержать именно вашего кандидата в императоры — если мне будет гарантировано следующее: империя позволит мне набрать войска на своих землях и обеспечит артиллерией, для похода на одно из соседних королевств, плюс гарантирует свою дальнейшую политическую поддержку в случае крупного конфликта с прочими странами. А после захвата одного королевства — империя признает мою династию как союзника, но не входящего в земли империи как напрямую, так и унией.

— И всё? — не без насмешки спросил хозяин дома, слушая своего, несколько нескромного в желаниях, гостя.

— Нет. Территория королевства должна быть вчетверо больше моих нынешних земель, иначе нет смысла на подобный обмен идти. Казна империи выделяет мне фонды и

артиллерию в счёт полученного от меня герцогства и даёт треть моей походной армии кадровыми ветеранами, а также позволяет набрать добровольцев для похода. Также империя дипломатически меня прикрывает, от возможных соперников и врагов, а за это — получает в полное пользование моё нынешнее герцогство, с правом голоса Избирателя, почти в самом центре нашей державы. Что немаловажно — ещё и союзное королевство, совсем рядом со своими нынешними границами.

— И крупную войну, для только начинающего правление нового императора... — подумал про себя Дезидерий, но вслух сказал следующее: «Надеюсь уже вскоре мы ещё раз обсудим все сделанные вами предложения. Благодарю за откровенность!»

Уйон встал и манерно попрощался, поклонившись несколько раз, словно герой любовник на подмостках театра и вновь проведя рукой по волнам своих ухоженных волос отправился через тайных выход к карете, а уже в ней — в своё поместье в столице.

Главный имперский министр прошёлся по кабинету и вновь потёр руку об руку. Пока что всё шло крайне неплохо и хотя уже прошедшие с ним собеседование Избиратели явно требовали невозможного, по крайней мере для их нынешнего статуса, тем не менее была возможность воспользоваться подобными невоздержанными желаниями и протолкнуть «своего» кандидата на престол. Оставался вопрос: кто же станет этим самым кандидатом...

С внуками покойного императора Дезидерий встречался крайне редко и те его откровенно не жаловали, а то и презирали: кельрик Амвросий был религиозным фанатиком и полностью находился под опекой Великого имперского инквизитора Корсо, ромлянин Джанелло — явным вырожденцем и возможно сумасшедшим, уммландец Лиутпранд — бонвиваном и показушником не хуже только что убравшегося Уйона, хотя не без внешнего блеска и способностей харизматичного лидера. К тому же у него за первого министра его вице-королевства был Тудджерри, богатейший купец империи.

Оставался выпивоха из Гарданы, Борелл — но и с ним было непросто завести диалог о взаимовыгодных обменах и договорённостях, в виду его постоянного «подогретого» состояния и неоднократно высказываемой знатью мысли, что данный внук несколько туповат.

Все предложения Избирателей повисали в воздухе без опоры на реального кандидата, которого уже давно пора было двигать вверх властной имперской пирамиды — на самый престол.

Узнав от дежурившего слуги что через час прибудет Хорхе, верховный жрец города-Храма «Карающего Жара», одного из двух главнейших храмовых религиозных культовых мест империи — Дезидерий загрустил, вспоминая этого скандального и фанатичного старикана.

Однако решив немного развеяться, перед столь тяжёлой для переговоров встречей, он потребовал что бы пришли музыканты с лютнями и сыграли ему, пока он выпьет бокал вина с любимым печеньем и посмотрит на танец Лючии, что уже переделалась после банных игрищ и теперь предстала перед хозяином с обнажённой своей огромной грудью и в юбке, закрывающей её до пят.

— Старик Хорхе, меня бы за подобные «смотрины» — уже давно в медном быке изжарил, да ещё и привселюдно, — мысленно рассмеялся главный имперский министр, с чувством разглядывая волнительно покачивающиеся пышные формы прекрасной девы, что неспешно кружилась перед ним и раздумывая вновь с ней где уединиться.

Но вспомнив кто такой Хорхе и насколько противна в общении данная старая гиена, он

отказался от подобного плана и после танца отослал женщину и музыкантов прочь.

Перед приходом старого жреца, Дезидерий мысленно просчитывал свои шаги в общении с ним: никаких прямых обязательств — уж больно сильно тот тесно связан с трибуналом имперской инквизиции, словесная поддержка всех его инициатив и по возможности, блокировка их с претворением в жизнь.

Главу храма «Карающего Жара», огромного города вокруг циклопического храмового комплекса, одного из двух важнейших Храмов Светила в империи — всегда отличали радикальные взгляды и кровожадность, бывшая в удивлении даже для опытных инквизиторов или полководцев империи.

Однажды, он в течении одной церемонии у себя на главной площади храма — смог изжарить в медных быках две сотни человек, а потом, ещё впятеро более — на длиннейшем костровом ряду сжечь...

Всё это сопровождалось трубным воем и барабанным боем. Когда запах человеческого сожжёного мяса ещё не выветрился, Хорхе вздумал начать раздавать пищу пришедшим на бойню зрителям, в том числе и мясные изделия.

Люди блевали прямо на камень храмовой площади и немедленно были схвачены служками храма как тайные еретики, а после короткого допроса личных жрецов-следователей Хорхе — все несчастные были биты плетью привселюдно.

Умерший император запретил своими эдиктами многие мероприятия в храме «Карающего Жара» и последние восемь лет, прежних массовых фантазмагорий, с кострами и всевозможными изощрёнными казнями и пытками огнём, там почти не проводилось. Так: пара сотен одиночных или тройных костров со сжиганием еретиков — и это за весь год!

Для некогда мощнейшего пристанища инквизиции, чьи представители Храм и основали — это был совершеннейший пустяк.

В храм однако же всё ещё стекаются миллионы паломников каждый год, особенно фанаты самобичевания, что подобным действием пытаются искупить свои или своей фамилии, грехи.

В храме «Карающего Жара» еженедельно проходили огромные шествия самобичевателей, на которые собирались десятки тысяч участников и в несколько раз больше, зрителей.

Когда император запретил массовые сожжения преступников инквизицией, в данном культовом месте — внезапно появились новые сектанты культисты что считали что кроме самобичевания, можно ещё проводить и самосожжение, что бы отогнать очистительным пламенем всё греховное от себя и своей семьи.

Были организованны, не без помощи и с молчаливого разрешения жрецов данного храма и местной инквизиции, несколько самосожжений добровольцев, по сто человек в каждом.

Люди на подобных мероприятиях выли и стенали, многие зрители прорывали кордоны стражи и сами прыгали в пылающие костры, словно в воду ныряли...

Император потребовал прекратить подобные вакханалии и предостерёг что его прокураторы — могут начать расследования по поводу наследства «вознесшихся» к Солнцу добровольцев и не было ли массовых у них завещаний: в пользу храма «Карающего Жара» или конкретных инквизиторов?

После этого предупреждения от имперских властей — данные процедуры официально уже не проводились и были привселюдно осуждены жрецами...

Однако иногда, на далёких полянах в горах, стража находила одинокие останки людей



что сами прощались с жизнью ради очищения от скверны, в рукотворном огне.

Храм «Карающего Жара» был фантастически богат. Именно в нём, новые инквизиторы, которые впервые приступали к службе Трибуналу — давали присягу «геенны огненной» и клялись неустанно преследовать врагов Веры и империи, и здесь же, правда лишь по слухам — находились главные тайные архивы самой инквизиции, с запрещёнными сведениями почти на все аристократические рода имперской знати.

Город-храм охранялся собственной фанатичной стражей и имел внутренние законы, несколько отличные от имперских.

И если инквизиция стала несколько мягче, за последние пятнадцать лет, сказалось влияние императора на них и его запреты — то Хорхе и его храм «Карающего Жара» оставались старыми принципами, не готовыми идти и на малейшие уступки.

Поговаривали что император даже подумывал запретить данный храм, однако его министры, связанные со стражей и тайными агентами, отговорили его от этого шага — сославшись на тысячи фанатиков, что вскоре могут начать как прямое военное противостояние с имперцами, совершая партизанские вылазки, так и пытаться убить его самого, главу державы — где угодно и с риском для собственной жизни, как что то несущественное.

Министры напомнили правителю о сотнях фанатиков «самосожженцев», которых жрецы храма могут навести, как на Цель, на него самого...

Слуги ввели в кабинет с Дезидерием, Хорхе: старого жреца в чёрных одеждах и сандалиях на босу ногу. С немного искривлённой спиной и волосами, свисающими неряшливыми белёсыми клочьями с головы, на которой были обозначены большие проплешины. Немного безумным взглядом фанатика и ртом, что давно обдавал брызгами всех собеседников его обладателя.

— Приветствую достопочтенного брата Хорхе у себя в... — начал было главный имперский министр.

Но жрец быстро уселся в ближайшем кресле и невежливо махнул ему оттуда рукой, требуя прекратить излишнее словоблудие:

— Да, я тоже, господин «престолодержатель» — так ведь вас, юноша, теперь величают?

— Да... Большая честь и труд, поверьте мне.

— Не верю! Вы в столице лишь девок за титьки хватаете и совсем запустили дела Веры! Мои люди говорили о друидах — друидах!! — у постели умирающего императора... Да простит его наше всевеликое Светило. Представляю что вытворяют дворцовые чинушки пониже рангом...

Дезидерий решил не давать старику оседлать его любимого конька в споре и перевёл разговор в нужную ему сторону, хотя и несколько прямолинейно: «Процедура Избрания императора пройдёт уже скоро — вы определились с кандидатом, достойнейший брат Хорхе?»

— Мне всё равно!

— Как?! — опять наигранно удивился хозяин кабинета.

— А вот так! Все эти внуки императора — развращённые молодчики, которых следовало отстранить от власти, как их отца с тёткой, ранее устранил от наследования сам император! Помешаны на выездах и охотах, девках у себя в гаремах и войнушках — без всякого смысла! Совсем забыли о делах Веры и подчинении законам Солнечного Цикла, совсем!

— Возможно стоит выбрать наидостойнейшего, для обучения и дать ему шанс?

— Придётся... Заботливому родителю надобно как следует бить плетью своих любимых чад, для лучшего воспитания их характера и постижения мудрости мира — не только из книг, но и методом созерцания своих шрамов, кровящихся на теле. Тогда будет толк!

— А что делать с противниками? — не без сарказма осведомился Дезидерий у Хорхе.

— Своим — плеть, врагам — костёр! Живи мы по таким законам, наша держава была бы первой, в известном нам мире и уже давно стала примером для подражания для остальных, которые стремились бы в неё влиться добровольно!

— Воистину. — смиренно, хотя и явно ухмыляясь, подтвердил как аксиому, услышанное главный имперский министр и поинтересовался, — Вы готовы поддержать на Избрании кандидата?

— Да... Наверное внука покойного что правит сейчас Кельрикой, правда ещё неточно. С ним Великий инквизитор за наставника, хотя... Какой он Инквизитор?! — так, тюфяк чернорясный, не более! Знаю я, как они проводят сожжения и самобичевания в городах — там один срам! Показушники, псевдоверные в Вере...

Дезидерий смиренно подождал с минуту внезапно замолкнувшего Хорхе, после чего продолжил: «Я могу официально обратиться к нему с вашим голосом? У вас есть предложения или просьбы к кандидатам на престол? Если да, то какие?»

— Да! — Хорхе воспылал своим и так немного странным взглядом, словно в припадке откровения снизошедшего на него вместе со светом Солнца. — Да!!! Именно из нашего славного храма должен быть новый жрец при императоре, это обязательно!

— Всё?

— Не перебивайте меня, вы ещё молокосос!

— Простите... — заблеял, несколько ошарашенный главный имперский министр, не привыкший к внезапным припадкам власти у Хорхе, что несколько раз за столом и императору покойному грозился привселюдно казнями на костре.

— Далее: коронация пройдёт у нас в храме «Карающего Жара», как обязательное условие. Люди должны видеть что всё изменилось и новый император отходит от позорных извращённых практик своего деда и возвращается в лоно истинной Церкви Светила, именно в нашем храме!

— Я попытаюсь...

— Да заткнись ты и слушай! Нужно вернуть массовые сожжения еретиков и просто преступников, трибуналами инквизиции, а заодно возобновить казни в жаровнях медных быков и «уссушки», когда еретиков ложат голыми на огромные медные противни и они медленно жарятся под солнечными лучами... Красота! Следует устроить комиссию по назначению подобных торжеств и празднеств по всей империи, и первое время Я сам готов её возглавлять, пока не найду достойного преемника...

— С этим бось не так просто, да и инквизиция теперь несколько изменилась...

— Да... Инквизиция! Император должен пообещать закон об переаттестации всех служб трибунала инквизиции и я сам, как председатель святого храма из которого инквизиция и родилась некогда, готов провести инспекцию всех нынешних слюнтяев и слабаков, что носят гордое звание — ИНКВИЗИТОР!!! Их нужно почти до одного прогнать прочь и набрать новых людей, из моего храма, «Карающего Жара» — они справятся, не сомневайтесь...

— Верю, верю! — скороговоркой выпалил хозяин кабинета, не уверенный уже в возможности договориться с престарелым фанатиком.

— Теперь... Скажите что я сам готов занять место Великого инквизитора, сколько мне отмеряно ещё лет жизни и готов провести важную реформу, что бы не утруждать столичные штабы дурацкими ненужными проверочными процедурами, что и так увеличивают препостыднейшую волокиту!

— И если не секрет, то какую реформу?

— Следует ввести «полевые суды инквизиции», из трёх человек — «местные тройки» из проверенных людей: нового инквизитора, офицера стражи и жреца, что будут на местах, в ускоренном режиме, принимать решения и казнить еретиков и отступников, гораздо скорее нынешних забюрократизированных лодырей из штабов трибунала инквизиции, в королевствах и княжествах!

— Вы хотите к возврату массовых сожжений — ещё ввести и ускоренные суды инквизиции, на местах, с минимум разбирательств? — поразился столь нелепой идее Дезидерий.

— Конечно же! Время давно пришло к этому приступить! — буквально взорвался в детском смехе Хорхе, смешно хихикая и подмигивая своему молодому собеседнику. — Мы ещё нагоним, то что упустили...

Внезапно зашедший слуга тихо сообщил Дезидерию что прибыл Виллиам, глава храма «Утреннего Рассвета» и главный противник сидящего напротив Дезидерия, Хорхе.

Следовало вежливо попрощавшись бежать к новому Избирателю, что бы тот ни за что не встретился с Хорхе в помещениях дома, иначе взаимных обвинений и криков будет не избежать.

Оба настоятеля двух главнейших городов-храмов империи люто друг друга ненавидели и их люди частенько устраивали потасовки между собой, несколько понижая уважение к церкви Солнца данными действиями.

Пока слуга медленно выводил хихикающего и лопочущего Хорхе из кабинета в боковой коридор, для усаживания старика в карету — его хозяин во всю прыть мчал на вход к потайной двери и лихорадочно придумывал где бы уединиться с Виллиамом, что бы поскорее избавить данное место от возможной встречи, двух, столь ненавидящих друг друга, людей, к тому же бывших Избирателями будущего правителя империи.

Вспомнив о небольшой беседке при лимонариуме, во внутреннем дворике особняка, главный министр на ходу поприветствовав главу храма «Утреннего Рассвета» — двадцатидевятилетнего высокого розовощёкого мужчину, за руку и чуть не насильно увлѣк того по направлению коридора прочь из дома.

Вскоре министр очутился вместе с очередным своим ночным собеседником, в источающем ароматы цитрусовых, растущих по соседству в кадках и на улице, помещении.

Храм «Утреннего рассвета» также был конгломерацией многочисленных храмовых и бытовых построек и являлся целым самостоятельным городом, которому явно в большей степени, чем его всегда карающему конкуренту, симпатизировал покойный император.

Там не было процедур с казнями или тому подобными вещами, вовсе нет: раздачи хлеба и фруктов голодным, милостыни, лечение бедноты за счёт храма, приём на обучение и устройство детей сирот что потеряли родителей, приём женщин на временное содержание и обучение новым профессиям — которые опасались убийства со стороны супругов, и прочее, тому подобное.

Мероприятия в данном храме почти всегда сопровождались музыкой и массовыми песнопениями. Было много шуток и смеха, за что в храме «Карающего Жара» запросто могли присудить к наказанию плетью или немедленному аресту.

Заведя, укутанного в светлые просторные одеяния Виллиама, в беседку при лимонарии, главный имперский министр Дезидерий тут же попытался объяснить своё поведение: «Думаю, в тиши дерев и их ароматов — нам будет проще обсудить сложившуюся ситуацию и ближайшее голосование Избирателей. Я вас не затруднил?»

— О, нисколько! — тут же с горячностью объявил глава храма «Утреннего Рассвета», — наоборот: мне приятнее здесь провести нашу беседу, чем в угрюмых каменных стенах. У себя в храме, я также предпочитаю переговоры в парках и садах, во время прогулок или приятных ужинов.

После несколько поднадоевших за сегодня церемониальных вопросов о смерти императора и будущем голосовании, Дезидерий в который раз поинтересовался у очередного Избирателя, есть ли у того какие пожелания к будущему императору, что бы он, как «престолодержатель», мог их передать всем четырём из внуков.

— Безусловно! — подтвердил предположение главного министра его собеседник. — Конечно же! Наш храм хотел бы получить право на личного имперского жреца, при будущем главе державы, к тому же провести коронацию обязательно именно у нас... Хотя на этом и не настаиваем, возможно ради компромисса — можно подобрать и какой иной, достойный дом нашего святого Светила.

— Так, обязательно доведу до сведения... — спокойно утвердил, вместе с кивком головы сказанное им, Дезидерий.

— Следовало бы полностью прекратить это варварство, полностью!

— Что именно?

— Казни: на кострах, в медных быках, «уссушки»! Я понимаю что традиции и желание инквизиции застращать еретиков — но это ведь дикость и страшнейшее варварство! Массовые казни или самосожжения фанатиков, многих из которых просто обманули нечестивые жадные жрецы — так нельзя! Пыточные публичные казни не преступников, а людей лишь немного оступившихся, которых вполне можно попытаться спасти! — вместо этого их почти тут же стараются умертвить с невероятными по жестокости мучениями... Зачем?!

— Это... Вы о достойнейшем Хорхе и его сторонниках?

— О ком же ещё?! Старики из храма «Карающего Жара» совсем сбрендили и многие инквизиторы, я сам с ними беседовал, тоже считают их предложения наказания, всегда и за всё — совершенно безумными! Понимаете?

— Ну...

— Хорошо. Попытаюсь объяснить свою мысль чётче: если человека постоянно пороть — он ожесточится и когда-нибудь обязательно сам начнёт пороть без разбора, просто потому что не видел иной альтернативы в своей жизни! А теперь представьте целое общество, так воспитанное — ужас! Людям нужно объяснять и просвещать, давать способы преодоления их проблем, а не воспитывать, бесконечными извращёнными наказаниями, дёргающихся в припадках идиотов фанатиков, готовых на любое преступление за малейший клич от полоумного проповедника, нередко — из их же числа...

— У вас есть варианты? — поинтересовался главный министр не без любопытства.

Молодой глава храма «Утреннего Рассвета» Виллиам явно был ему симпатичен своими

идеями и следовало, как-нибудь попозже, когда утрясётся Избрание императора, помочь ему в его дальнейшей карьере.

— Безусловно! Следует проводить утренние раздачи милостыни и пищи, приучая нищих вставать рано и по возможности, пока Солнце освещает нас своим светом и даёт тепло — искать не только милостыню, но и работу. Мягкое влияние на них, что бы избавить от лени и сна до полудня. Небольшая помощь с утра — как надежда на лучшее на весь день, что бы простецы с большим удовольствием искали себе варианты в жизни, а не получив вечером похлёбку или медную монету — шли обожравшись спать, думая как завтра опять отстоять вечернюю очередь...

— Мягко направлять бедноту в нужное русло? — задумчиво пробормотал главный министр. Мысль ему казалась вполне здоровой.

— Верно! Выдавая по утрам еду и медную монету, проповедовать потратить время солнцестояния на поиск лучшей доли: птицы поют, утреннее Солнце светит но не палит, цветы и деревья источают ароматы — идеальное время для проповедей, толкающих людей на деяния! Поверьте мне. Мы заряжаем бедняков верой в их собственную способность изменить свою судьбу в лучшую сторону и оптимизмом, даём небольшую помощь для дальнейшего дневного поиска своего места в жизни! Людей проще и безопаснее добротой держать в повиновении, будучи хорошим правителем, чем содержать кучу собак на страже — опасаясь избитых и обворованных тобой бедняков, что могут пырнуть в спину ножом...

— Мммм... Передам обязательно нашим досточным кандидатам. Это всё?

— Нет! Я нижайше прошу увеличить раздачу для нищих и основать минимум десятков новых лекарен для них, хотя бы в крупнейших городах. Эпидемии опасны для всех жителей империи и проще купировать заразу на стадии распространения, среди бедноты, чем давать вымирать до половины населения крупного полиса, включая и богачей или знатных. Прошу увеличить имперские расходы на бедняков: милостыни, раздачу пищи, лечение, поиск самой империей хоть какой работы для них, устройство на обучение — хотя бы самых способных среди простецов.

— Безусловно — достойнейшие просьбы! — прокомментировал разговор Дезидерий.

Было ясно что у Виллиама больше идеалов в голове, чем личных просьб и спрашивать его о голосовании и предлагать что либо уже сейчас, в обмен на голос, было бы лишним.

Зато можно было использовать его голос против голоса Хорхе и наоборот, намекнув им кто кандидат на императорский престол у конкурента.

Уже через четверть часа мужчины прощались: Виллиам хотел навестить ещё несколько старых друзей жрецов, что проживали в столице, а Дезидерию пора было идти в кабинеты внутри дома для встречи с очередным, тайно прибывшим к нему на свидание, Избирателем.

Виллиам и Хорхе были разными сторонами одной медали — жреческой элиты Солнечной религии, что стала единственной законной в имперской державе, по приказу покойного основателя империи и хотя сам правитель особо никогда не любил массовых казней на кострах и всячески противился их распространению, однако же и запрещать их полностью не стал, считая что подобное устрашение необходимо, обширному и относительно молодому государству.

Главный имперский министр считал что оба жреца Избирателя могут ему пригодиться для начала переговоров с прибывающими, в течении ближайшей недели, наследниками: как теми из них кто хочет радикальных карательных методов для управления страной, так и любителям переговоров и компромиссов.

Имея хорошие отношения с храмами «Карающего Жара» и «Утреннего Рассвета» — можно было влиять не только на толпы простого люда из их прихожан, но и на умы набожных старых дев из аристократии или простых рыцарей и провинциальных баронов, что нередко в спорах, в том числе и вооружённых — держали сторону одного из данных храмов.

После проводов Виллиама до кареты и отъезда того прочь, по тихим, почти накрытым ночным мраком улочкам одного из близких к императорскому дворцу кварталов столицы, к Дезидерию подошёл слуга и сообщил, что прибывшего несколько минут назад Арнульфа — расположили в кабинете где до этого хозяин дома принимал главу храма «Карающего Жара» Хорхе и он, попросив воды и фруктов, готов к беседе с Дезидерием.

По словам слуги, прибывший Избиратель был совершенно спокоен и молчалив. Собран. Не суетился и ничего не спрашивал, лишь попросил фруктов и воды. Теперь неспешно ест и рассматривает обстановку кабинета.

«Престолодержатель» поспешил вновь вернуться в помещения своей тайной резиденции, надеясь поскорее приступить к переговорам с «королём в Арии» Арнульфом, ещё одним из восьми Избирателей.

Королём, официально по титулатуре, данный Избиратель действительно считался лишь при собственном дворе — в Арии, некогда важном горном королевстве, захваченном внезапной атакой имперцами и особо так и не сопротивлявшемся им.

В империи лишь внуки покойного императора носили титулы имперских вице-королей, вся остальная высшая знать, гранды, была князьями или герцогами.

«Король в Арии» — был королём у себя в землях и лишь для своих подданных, в остальной империи он именовался Князь Арийский и его во всех документах общеимперского значения вписывали именно как князя.

Внезапность атаки имперцев и полная неготовность к отражению их нападения, дедом нынешнего правителя Арии, как ни странно но позволили сохраниться местной династии, что признала верховенство империи, но при этом выпросила себе ряд привилегий: именоваться королями у себя в землях — дабы не падал в глазах горцев престиж местной власти и они спокойно подчинялись династам и соответственно империи, передавать титул от отца к сыну, а не назначением из столицы, отправлять лишь добровольные воинские контингенты из метателей дротиков и лёгких пехотинцев, вооружённых короткими топориками — для поддержания походов имперцев.

Уже стареющий император попытался несколько раз мягко отстранить нынешнего правителя Арии, даже поговаривали что подсылал убийц с ядами и кинжалами, но всё было напрасным: «король в Арии» правил словно самодержец, лишь иногда навещая столицу империи и участвуя в общих парадах или заседаниях всей высшей имперской знати.

Император основатель так и не захотел вновь ввести войска в его королевство, считая это дурным примером что может привести к частым карательным походам и в дальнейшем — распаду недавно сшитой огромной страны, в результате гражданских войн.

Посему данный «Пятый из королей», как его в шутку называли придворные в столице, намекая на четырёх внуков императора и Арнульфа — всё ещё чувствовал себя уверенно у себя в землях, а сейчас, со смертью великого правителя — видимо как никогда.

Зайдя в кабинет где недавно беседовал с Хорхе, Дезидерий увидел в кресле маленького сухонького человека, с почти полностью лысой головой, в обрамлении короткого «венка» из седых волос.

Человечек был живым вёртким и обладал цепким взглядом, которым тут же молча

установился на пришедшего хозяина помещения.

— Наш уважаемый... — главный министр немного замялся, думая как вернее обозначить титул собеседника, всё же впереди были переговоры и решился наконец. — Дорогой король... в Арии. Рад вас приветствовать у меня, к тому же в столь поздний час и при столь печальных событиях, что произошли недавно у всех нас.

Человечек в дорожных одеждах и с руками униженными перстнями с огромными камнями лишь слегка кивнул и продолжил внимательно осматривать говорившего, словно это он был хозяином дома и принимал у себя просителя.

Дезидерий вздохнул и сев в кресло напротив гостя, принялся расспрашивать о дороге и том, когда собеседник узнал о недавней общеимперской трагедии.

Было очевидно что следовало немного раскатать данного старого интригана, прежде чем он сам решится на обсуждение.

После двадцати минут разговоров ни о чём, что очень злило главного министра Дезидерия, король в Арии Арнульф наконец доел последний персик и утерев руки огромным бархатным платком с золотой вышивкой, совершенно спокойным, не изменившимся голосом, сказал: «Что же — приступим к обсуждению голосования за императора, не так ли?»

— Дорогой друг, ну что вы! — запротестовал было хозяин дома, немного сбитый тем, что похоже гость сам его выводит на обсуждение.

— Ну что же... — спокойно уверено протянул Арнульф. — Думаю Вы понимаете, что раз в моих руках столь важный голос, то и наследник, которого вы представляете — должен быть достаточно благодарным и не поскупись...

Главный имперский министр понемногу начинал понимать всю нелепость сложившейся ситуации: все прибывающие Избиратели уверены что сам «престолодержатель» уже давно определился с человеком, которого он вскоре посадит на трон.

Ещё бы — главный министр империи, человек, второй в иерархии сановников, после Самого Императора...

Однако сам Дезидерий, лишь сутки назад поняв что император не назначит своего преемника напрямую, а предпочтёт «Избирательный имперский компромисс» — пока что не представлял даже как начать переговоры с тем, кого мог бы условно считать «своим» из кандидатов... Все Избиратели ему сообщают условия, которые пока что некому сообщать. Министр готовился стать приближённым наследника, вызванного в столицу эдиктом дряхлеющего императора и попросту стать наставником назначенного престолонаследника, об Избрании никто из грандов империи и высших сановников никогда всерьёз и не думал.

— Думаю то, что мы останемся королями в Арии — даже и не обсуждается! — уверенно заявил Арнульф, решив что молчание собеседника и его задумчивость, стали причиной усиленного внимания к его, Арнульфа, предложениям. — Нам бы хотелось немного увеличить наши права: получить высшие суды знати над своими графам, что бы от нас убрали прочь, присланных ранее имперских Высоких судей и мне самому нашлось место в «Малом совете империи».

На удивлённый взгляд Дезидерия, Арнульф ответил спокойно и уверенно: «Хочу передать престол старшему из сыновей — пускай покоролевствует, а сам приступлю к общеимперским вопросам. Опыта и умений у меня — предостаточно! Среднего сыночка также можно сделать министром... Например, для начала, министром императорского

двора! Без всяких прямых задач для исполнения — пускай ума наберётся вначале на государевой работе, а уж тогда...»

— Вам не кажется что условий-несколько перебор? — приторно вежливо, с ехидством, поинтересовался Дезидерий.

— Нисколько. — уверенно парировал Арнульф. — Сами посудите: у нас в королевстве куча горных массивов и партизан, обученных действовать в них, за десятилетия имперских войн. Мы учли опыт нашего прежнего завоевания империей и готовы, скажем так, попытаться вновь получить свободу и независимость... Или обильные преференции, что бы ничего такого мы не делали и не будоражили державу своими потугами. Плюс мой голос на ближайшем Избрании. Считаю что я сейчас крайне скромно и предлагаю реальные политические выгоды Вам и Вашему патрону, из числа наследников.

Главный имперский министр с важным видом покивал, изображая на лице полное согласие с услышанным, но про себя подумал что не зря умерший император так хотел прикончить эту «горную лисицу в бархате» подобное следовало сделать обязательно!

План короля в Арии — был как на ладони для «престолодержателя», также как и то, что он прав и его требования имеют под собой основания: королём в своих землях поставить старшего сына, а Высокие суды над знатью — полностью установить под юрисдикцию вне судебной системы империи.

Сам старый интриган будет тем временем в столице, вместе со вторым своим сыночком — попытается «прикрыть» имперскими мандатами своё королевство и, по возможности, занять более важную должность, возможно со временем и место самого Дезидерия!

Подобные опытные и удачливые интриганы всегда пробуют взобраться как можно выше, а тут такой шанс — смена правителя...

Вскоре оба мужчины уже вежливо прощались, дежурно заверяя друг друга в дружбе. Однако садясь в свою карету, Арнульф громко попросил: «Только не затягивайте — хорошо? Через сутки, по прибытии наследников — я бы хотел получить ответ от Вас. И если его не будет, я пожалуй отправлюсь искать его Сам...»

Старичок уехал в ночь, оставив Дезидерия в глубоких раздумьях о том — сколько сейчас стоят хорошие наёмные кинжальщики и не взбунтуется ли Ария, если её король, завтра будет найден разрезанным на ленты в своём поместье, прямо в столице империи.

Постояв немного на улице, до легкой дрожи от прохладного ночного ветра, главный министр вернулся в свой секретный особняк и быстро прошагав по пустынным коридорам в красно-золотых гобеленах и занавесях, закрылся у себя в спальном кабинете, с требованием сообщить немедленно, как придут для встречи с ним оставшиеся два Избирателя.

Ситуация пока что выглядела неоднозначно: почти все Избиратели готовы договариваться, однако ставят настолько невероятные условия — что оторопь берёт!

С другой стороны, у него, главного имперского министра Дезидерия, пока что нет выхода на любого из внуков покойного императора, что бы проталкивать «своего» кандидата на престол и он сам вынужден ждать их приезда в столицу, и начинать собственную игру лишь тогда. А это чревато...

Избиратели могли проголосовать и без получения преференций, просто устав ждать или, что было бы ещё хуже — люди, вроде Арнульфа, сами смогли бы выйти на кандидатов в императоры и обойдясь без посредников в виде «престолодержателя», начать собственную агитацию среди оставшихся Избирателей. А со временем стать министрами, при победившем на выборах внуке императора.



В данном сложившемся положении радовали лишь споры между Хорхе и Виллиамом, и излишняя хитрость Арнульфа, с повышенными аппетитами герцога Уйонна и гросскомтура Тибальда.

Уйонн, Тибальд, Гассакс — хотели, в понимании Дезидерия, слишком много материальных ценностей заполучить себе сразу. К тому же герцог и глава ордена «Чёрного Единорога» — ещё желают говорить и об определённой самостоятельности своих земель, и праве набирать дополнительно отряды, в собственную, отдельную от империи, армию.

Всем троим можно противопоставить Арнульфа, сообщив ему часть из переговоров с данной тройкой: сил у старого лиса точно хватит что бы пободаться с ними, по крайней мере жёстко интриговать, со всеми тремя.

Хорхе и Виллиам ненавидят друг друга и честно говоря Дезидерий не завидовал новому императору, которому придётся их примирять: фанатики с обеих сторон и их симпатии, из аристократов, ещё попортят немало крови друг другу и перебьют кучу людей, прежде чем вновь успокоятся при новом монархе.

Оставались ещё Избиратели — имперский рыцарь Роллон и маркграф Руггер. Роллон был старым преданным другом умершего императора. Некогда его самым первым оруженосцем, который позже, лично императором — был произведён в звание рыцаря и со временем, пройдя множество ступенек иерархии имперской знати, получил титул князя, однако предпочитал всегда самоименоваться «имперским рыцарем», считая что этот титул заслужен именно его личной доблестью, а не трудами поколений предков или близостью к правителю государства.

Роллон всегда полностью одобрял политику императора и сам в душе был, что называется, «трижды имперец»: шёл в первых рядах на штурм замков, был первым поединщиком в схватке перед битвой, выигрывал суды чести на ристалище или почётные турниры для прославления империи и мощи её рыцарства, прерывал громогласно любые попытки знати апеллировать к прежним, доимперским законам и тому подобное...

Пока Роллон был «первейшим рыцарем» при императорском дворе — всё было в порядке, однако попытка правителя сделать из него полководца, с треском провалилась: трижды его крупно разбивали из-за явных просчётов в планировании перед сражением и сумбурного командования во время оногo.

Когда рыцари и командиры массово отказались выполнять приказы Роллона, император был вынужден убрать от любого командования старого товарища и отправить его «послом с особыми поручениями» вне границ империи, которую они вместе создавали.

Но вновь, теперь на дипломатическом фронте, Роллон не справился: он много рассказывал на беседах с иноземцами лишнего, отчего враги заранее узнавали о его переговорных планах, был нетерпелив и груб — часто срывая важные встречи...

В конце концов император отправил его в Такк-Линн, древнюю столицу королевства основавшего империю, где теперь проводились лишь знаменитейшие «солнечные мистерии». Имперский рыцарь Роллон стал главой прежней столицы и почти ничем не мог навредить своему сюзеренну и ими вместе созданной могучей державе.

Роллон был абсолютным имперцем и до последнего называл себя «оруженосцем императора».

Особо никогда не интриговал и не лез в большую политику, своими многочисленными поместьями управлял крайне дурно, отчего не имел с них дохода и его постоянно выручал деньгами сам государь.

В Такк-Линне Роллон был скорее присмотрщиком за местными магистратами и жрецами, чем самостоятельным управляющим, о чём прекрасно сам знал.

Старый преданный друг императора, отстранённый от власти из за полной непригодности к управлению, но оставшийся в числе ближайших друзей правителя.

Дезидерий и Роллон откровенно недолюбливали друг друга, так как были представителями двух разных группировок в нынешней имперской элите: «прежних» — кого император знал ещё в молодые годы и «новых людей» — кого выдвинул на первые роли за последние пятнадцать лет своего правления.

Как все нормальные антагонисты эти группы враждовали, но не особенно яростно, так как «прежних» — уже почти отовсюду отстранили от важных рычагов управления державой, а среди «новых людей» — было много представителей недавно завоёванных королевств, боявшихся слишком сильно возвысить голос против своих недавних победителей.

Была скорее молчаливая возня, без особо сильных покусываний: император был исполином и судьёй, все остальные лишь карликовой прислугой, за его спиной.

Слуга сообщил хозяину особняка что Роллон наконец прибыл и Дезидерий направился в комнату, где прибывшего гостя разместили по его указанию.

Зайдя в кабинет, «престолодержатель» увидел что его оппонент, уже глубокий старик, сейчас особенно явно сдал: глаза его слезились и он постоянно, по стариковски, утирал их огромным нелепым платком.

С четверть часа тихими голосами они обсуждали последние дни жизни императора, а Роллон рассказывал об их совместных делах и самом начале строительства великой державы.

Дезидерий слушал и кивал, кивал и подливал Роллону вина в кубок, сам при этом ограничиваясь лишь фруктами...

Наконец старый имперский рыцарь успокоился и уже несколько отстранённо спросил: «Я могу вас попросить?»

— Да, да — конечно! — поспешно согласился главный министр.

— Вы теперь власть, пока не будет император избран — я бы хотел получить отставку от правления Такк-Линном. Сейчас. Не хочу видеть всего того что будет: я стар и хочу умереть в тишине и покое родового замка.

— Хм... А что будет? — немного растерялся Дезидерий.

Старики сегодня ставили его в тупик: что Хорхе, с его неумолимым желанием возродить вновь самые кровавые порядки первой инквизиции, что Арнульф, с игрой на повышение ставок и возможным, его, Дезидерия, подсиживанием на посту главного имперского министра. Теперь удивлял и озадачивал Роллон.

— Война между внуками... — уверил его старик. — Я не верю в спокойное Избрание и готов поспорить что Избиратели начнут тянуть время, выторговывая себе какие почести и звания с поместьями. Внукам это надоест быстро, я мальчонок хорошо помню и их скверные, взбалмошные, избалованные характеры. Да к тому же они едут в столицу со своими свитами — где уже распределены роли ваших всех будущих преемников: главного министра империи, начстражи имперского дворца, главы канцелярии правителя... Всех! Будет что то нехорошее...

— Ну что вы! — попытался успокоить старика хозяин дома. — Мы рассчитываем максимум на неделю перед Избранием, а потом — коронация и всё: новый правитель в единой мощной славной великой державе!

— Не верю!

— Ну, всё же... Как вы собираетесь голосовать? — сменил тему, уже пугавшую его самого, Дезидерий.

— Будь моя воля — против всех! Но... Так как я клялся в верности их деду — посмотрю при личной встрече кто менее испорчен, и того и стану тянуть на престол.

Поговорили ещё на общие темы. Роллон был не готов обсуждать подробностей голосования и не просил ничего, кроме отставки — которую Дезидерий ему клятвенно пообещал... сразу же после Избрания.

Потом министр сам провёл старика до дверей, но не стал стоять у кареты, а вернулся к себе в спальный кабинет.

Дезидерия сейчас бил небольшой озноб: он совсем забыл о важных «мелочах», упустил их из виду, однако они совершенно меняли его планы на переговоры как с внуками покойного самодержца, так и Избирателями — у всех наследников давно были свои собственные, довольно роскошные и многолюдные, провинциальные вице-королевские дворы, с приставленными дедом наставниками и людьми, что внуки сами себе ранее отобрали в команду. И почему он, глупейший нынешний главный министр решил, что его, Дезидерия — даже за содействие в получении трона, кто либо из внуков оставит при себе на той же должности, кем он является сейчас?! Кому нужен главный министр их умершего деда? — никому!

У всех наследников есть собственные главные министры их личных королевств, что и займут место повыше, после избрания их правителя главой империи.

Вся конструкция предыдущей, задуманной министром интриги разваливалась и это приводило в отчаяние «престолодержателя: «Что делать мне?! — дожидаться спокойного Избрания и потеряв пост, возможно с ним лишиться и головы? — Бред! Как можно было так расслабиться от легко полученного и бесполезного звания «престолодержателя», что забыть о столь важных нюансах?!» — вопрошал сам себя хозяин особняка и рвал на себе же волосы.

Теперь он как огня боялся дня голосования Избирателей — как начала его собственного конца. Следовало разработать новый план, что бы отсрочить Избрание или... или совсем отменить!

— Хм... Так ведь не всё так гладко! — внезапно обрадовался Дезидерий своей догадке. — Есть восемь разных хитроумных Избирателей, с кучей требований... — Есть! Четыре наследника и, что немаловажно — при каждом по кандидату на моё место... А соответственно, можно вначале начать интригу среди провинциальных «коллег», далее впутывая в неё Избирателей и лишь в самом конце — начать обрушивать её конструкцию и на самих наследников. Так и следует поступить! Поссорить всех первых министров наследников меж собой, угрожая что внук победитель отберёт вице-королевство у братьев, которые ему проиграют Избрание, а тогда... — Пока что была лишь идея, далее следовало крепко думать.

Сообщили что прибыл маркграф Руггер, последний из Избирателей и Дезидерий, глубоко вздыхая своим печальным думам, отправился к нему.

Следовало поскорее узнать все требования последнего из прибывших в столицу Избирателей и заняться разработкой плана ссор: среди первых министров, советников внуков императора и самих наследников — это сейчас казалось наиболее важным.

Зайдя в помещение, главный имперский министр обнаружил там хорошо ему знакомого пятидесятилетнего мужчину, чем то неуловимо напоминавшего сегодняшнего первого, ещё

вечернего, из посетителей Избирателей, главу рыцарского ордена «Чёрного единорога» гросскомтура Тибальда: та же коротко стриженная с сильными залысинами голова с бронзовым лицом, выцветшие под солнечными лучами волосы и брови. Крепкие жилистые руки и цепкий взгляд человека много и часто разглядывающего своих врагов, многие из которых сейчас уже были мертвы.

Маркграф Руггер был одет в пыльную лёгкую бригантину и обширный, тёмно зелёный, со стальными цветами, плащ, что укутывал его почти до самых пят. На перевези висели два меча, как и у Тибальда, плюс небольшой топорик с крюком и булава — отличительные вооружения войск стоящих в самой восточной марке империи и нередко воюющих с кочевниками, и перенявшими у них склонность к арканам, булавам и прочему, редкому для обычных имперцев, оружию.

Данному аристократу была подчинена территория, являющаяся боевым и довольно горячим фронтиром державы, хотя и без крупных войн на ней.

Вот уже восемь лет как Руггер был назначен императором править данными землями, по размерам равными примерно одному из королевств наследников внуков, то есть очень большим по территории — но при этом крайне малонаселённым.

«Восточная марка» условно отделяла земли, что покойный император решил не захватывать у соседей кочевников, посчитав их слишком малоценными в качестве приза и трудно охраняемыми, для обороны — от основных центральных территорий самой империи.

Там были свои, несколько более жёсткие законы, чем даже на Севере империи и право полевых трибуналов считалось вполне логичным требованием сложной службы отрядов — охраняющих границы имперской державы от рейдов банд конных лучников или переселений каких кочевых племён, ближе к основным землям империи.

Отряды, что находились в данной марке, были на две трети имперскими служаками ветеранами и на треть, с разрешения главы державы — наёмными.

Точнее маркграф, что назначался императором, сам выбирал те группы бойцов которым мог доверять и либо выдавал им земли, в малонаселённых территориях маркграфства, собственно именно за охрану их — либо платил непосредственно деньгами или товарами, производимыми в империи. Второе было чаще.

Это позволяло содержать полки конных лучников имперцев, из переметнувшихся кочевников, метателей дротиков из бывших речных пиратов сбродников, топороносцев из горцев и многие иные военные образования — столь редкие в обычной имперской армии.

Артиллерия была лишь в паре городов. В основном же, огромное равнинное маркграфство охраняли различные отряды кавалеристов, чаще всего лёгких и с луками или дротиками на вооружении.

После дежурных приветствий и разговоров о смерти императора, Руггер сразу же перешёл от слов к делу, напомнив в очередной раз министру о гросскомтуре Тибальде своим поведением: «Господин Дезидерий, Вы, как нынешний главный министр и «престолодержатель» империи, должны понимать всю сложность моего нынешнего положения...»

— Что вы говорите?! Что именно произошло?

— Пока я здесь участвую в Избрании нашего будущего правителя — на границах моей марки ходят десятки тысяч конников врага, из разных племён и народностей, и мне бы было предпочтительнее находиться там, вместе со своими людьми!

— Слова истинного полководца и рыцаря империи! — пылко поддержал гостя

Дезидерий.

— Благодарю. Мне кажется что нашему будущему правителю, если он хочет получить мой голос уже сразу же, при первом голосовании, — несколько прямо начал намекать Руггер, — следовало помочь нашей важнейшей, во всех смыслах, Марке — что бы мы могли и далее обеспечивать покой восточных границ империи со всем тщанием и желанием!

— Безусловно! Вы видите варианты усиления безопасности?

— Да! Я и мои люди просим наследника, кто готов помочь нам в этом — разрешить наш поход далее на восток и увеличив вдвое нынешние земли маркграфства, объявить их княжеством... Но не имперским, назначаемым, — тут Руггер немного осёкся, видимо понимая что слишком уж прямо просит, — а... В общем мои люди считают что Я, своим служением империи все эти годы — заслужил наследственного княжества, как иные Избиратели. Тот же Уйонн или Арнульф, и они просили передать... Вот, в общем так.

Дезидерий мысленно присвистнул: очередной любитель похода и увеличения своих земель, вывод огромных восточных территорий из имперской юрисдикции под условно княжескую, что будут в непонятной унии с империей.

Похоже было что почти что каждый из Избирателей, с имперской армией наизготовку, был готов если и не начать гражданскую войну, то по крайней мере отщипнуть себе побольше того что было по соседству. Впрочем, это могло помочь империи в дальнейшем: князья умирали ведь и бездетными, и так внезапно...

— Разумное предложение и мы его обсудим... — несколько обтекаемо пообещал Дезидерий. — Это всё?

— Не совсем. У нас проблема с пополнением: мало солдат из самой империи желают служить у нас и приходится постоянно брать отряды попавшихся в плен кочевников, а с ними столько мороки... Просим разрешить переселение к нам жителей северных территорий, пускай даже еретиков или варваров северян: у нас они смогут лучше проникнуться духом веры в победоносное Светило и заселив более плотно нынешние города, позволят уплотнить оборону самой Марки. Земель у нас много, но не хватает людей: ремесленников, стражников, селян.

— То то ты хочешь новый поход и ещё территорий... — подумал про себя хозяин дома, но сам лишь молча кивал в знак одобрения.

— Следовало открыть новые таможенные города, на нашей территории и передать их нам, на кормление. — добавил маркграф, внимательно изучая бесстрастное лицо главного министра. — У нас денежные поощрения редки, в основном товарами из самой империи, или землями. Деньги наши бойцы видят лишь в походах или когда гра... захватывают вражеский караван контрабандистов кочевников или иных врагов славной нашей державы! — с жаром поправился он, чуть не проговорив явную ошибку в своей речи.

— Всё справедливо и обо всём поговорю с наследниками, внуками нашего славного покойного правителя! — пообещал Дезидерий и после нескольких минут взаимных вежливостей, позволил Руггеру отправиться домой.

После этого министр приказал запереть все двери дома и подготовить себе ванную комнату и массажистов.

Отдохнул на мраморном столе во время разминки с умощением тела и вскоре «престолодержатель», сидя в спальном кабинете в кресле, свежий и отдохнувший, попивая любимое красное, сладкое, густое вино из кубка и заедая его изюмом и печеньем, раздумывал над своими дальнейшими шагами: встреча с министрами наследников и

попытка ссоры их всех, потом следовало вновь свидеться с Избирателями и посоветовать им не спешить с выборами — дабы не лишиться головы при необдуманно, в спешке избранном, правителе...

Далее обойти самих наследников и в этой паузе с голосованием, предложить свои услуги «решальщика» данного вопроса: с условием гарантий ему важного сановного места, пускай и не поста главного имперского министра, а например начальника канцелярии... Один раз он с него уже поднялся, сможет и второй — если повезёт.

Важно было показать наследникам всю сложность имперских интриг, по сравнению с их королевствами и доказать свою, не то что нужность — просто необходимость для них! Хотя бы первые три года их первоначального правления, а уж за этот срок придумать что ещё, лишь бы остаться на вершине.

Впереди была явная драка нескольких свор: четвёрки наследников с одной стороны и группировки Избирателей — с другой.

С обеих сторон наверняка будут перебежчики и соответственно быстро, как бы кто этого не хотел, но Избрания не получится... Вот и славно!

Уже перед самым утром, Дезидерий заснул на пару-тройку часов уставшим, но совершенно спокойным и уверенным в своих силах и выбранных им вариантах действий, что давала ему судьба. Шанс был, и он был преотличным!

## Глава третья: «Прибытие долгожданных»

На следующее утро, после своих тайных, ночных, предварительных переговоров с Избирателями, главный министр Дезидерий был встречен в императорском дворце бывшим начальником имперской стражи Магинарием Имерием, а теперь — негласным координатором штабов всех военизированных структур державы и тот, с довольно вызывающей ухмылкой на своём многократно шрамированном лице, несколько невежливо поинтересовался: «Зачем «престолодержатель» так переутомляется и проводит столь многочисленные ночные приёмы для прибывших в столицу гостей из провинций, и не проще ли было с ними встретиться в течении недели открыто, в императорском дворце и уже после приезда наследников?»

Дезидерий лишь пожал плечами на эти слова, показывая свою уверенность в собственной правоте: «Я лично организовываю Избрание будущего императора и хочет кто или нет, но обязан проверить что все Избиратели прибыли в столицу и готовы к исполнению важной миссии, возложенной на них умершим нашим правителем. Таков закон и последняя воля умершего!»

Начстражи, продолжая улыбаться, развернулся и спокойно уселся в предназначенное ему кресло за огромным тяжёлым дубовым толлом.

Утреннее заседание «малого имперского совета» прошло спокойно — если не считать небольшой короткой склоки случившейся тогда, когда Магинарий Имерий, отвечающий за безопасность наследников при прибытии в столицу, категорически запретил начальнику канцелярии императора Аргуину проводить приветственные артиллерийские салюты из бомбард, в честь приезда кандидатов на престол.

Прямо обозвав главного канцеляриста идиотом и предупредив о возможной опасности случайно заложённого боевого заряда или, что скорее могло случиться — что лошади испугаются близких громких залпов и понесут галопом в толпу, встречающих наследников жителей столицы, сидящих на лошадях внуков покойного императора.

Всё это могло закончиться как смертью наследников, так и гибелью простолюдинов и возможными массовыми акциями неповиновения в ответ, что уже не единожды и случалось.

Посему, от артиллерийских почестей в честь каждого прибытия провинциальных вице-королей, в столице пока отказались: решив дать выстрелами знать, собравшимся на улицах и площадях толпам зевак, когда внуки будут ещё только подъезжать к внешним воротам города и стрелять издали и вбок, при прямом присутствии императорских дворцовых гвардейских стражников при каждой, из задействованных в этом «приветствии», бомбард.

Было решено встречать наследников провинциалов высокой знатью и сановниками их деда, на площади прямо возле императорского дворца на специально возведённой трибуне, и в дальнейшем уже узнать у каждого из прибывших провинциальных вице-королей: кто останется ночевать в замке их покойного деда, а кто переедет в свои собственные поместья в столице, построенные в четырёх отдельных кварталах поблизости от императорского дворца.

Магинарий Имерий считал что было бы желательно, что бы внуки покойного императора либо все вместе остались в императорском дворце на проживании, вчетвером — либо же все жили, до Избрания одного из них на престол, каждый в своём поместье. Тогда не возникнет склок или ненужных подозрений, а также грязных намёков для доверчивых

простецов на улицах.

Совместное проживание в императорском дворце упростит охрану от различных внешних воздействий, но усложнит церемониал внутри дворца: так как внуки терпеть друг друга не могли и прибывали в город с отрядами собственной, довольно многочисленной, свиты, в том числе и охранными.

Раздельное проживание в собственных поместьях, внуков наследников — усложняло наблюдение и охрану оных для императорской гвардейской стражи которой сейчас командовал Магинарий имерий, но зато не позволяло самим внукам сцепиться меж собой и начать гражданскую войну в ближайшие дни, на улицах столицы империи. Оба варианта имели многочисленные как плюсы, так и минусы.

Всю неделю разрабатывали церемониал встречи и украшали столицу: завозили и ставили специальные циклопические клумбы, с живыми цветами в них, драпировали огромными вычурно украшенными тканями особо неприглядные здания, на главных улицах города — где по протоколу должны были проехать наследники. Устанавливали посты охраны и проверочных служб, что бы ничего непредвиденного не произошло.

Было нанято множество музыкантов, для оркестров по всему городу, что должны были всячески поддерживать народное ликование от приезда долгожданных наследников великого деда, основателя империи, в столицу.

Однако оставались явные опасения, как среди встречающих их сановников, так и горожан города: как поведут себя внуки при встрече? Не будет ли потасовок и поножовщин, в многочисленных группах их поддерживающих из числа прибывающих и давно живущих в столице, сторонников провинциалов? Возможно ли развести, если срочно понадобится, кандидатов в наследники престола по разным залам императорского дворца или даже районам столицы — ведь дед давно подарил каждому из них по поместью на выбор на территории столичного града, в относительной близости от своего собственного дворца и друг друга.

За сутки до дня, когда согласно донесению гонцов наследники должны были одновременно, точнее в разное время но в один день, так настоял начстражи умершего императора Магинарий Имерий — для избежания кривотолков и подозрений в заговорах наследниками друг друга: внуки должны были в один день въехать в столицу империи — где одному из них вскоре предстояло начать править огромной империей, основанной их великим дедом.

Сам начстражи императорской дворцовой гвардейской стражи, провёл короткую беседу с главным министром Дезидерием, об опасностях что могут произойти:

— Есть неприятные слухи, от агентов приставленных к высшей знати, грандам.

— Избиратели что то возомнили себе лишнего? — поинтересовался Дезидерий, боясь что кто то из восьмёрки голосующих несколько перестарался с собственными инициативами и начал активно проводить переговоры в городе самостоятельно..

— Да нет! Те, после разговоров с вами и, как я понимаю, рассказов и требований в честь своего нынешнего «важного» статуса — в основном принимают своих клиентов в столице и наводят контакты друг с другом и со мной, вместе с нашим другом Аргуином, конечно же... Интригуют понемногу, но ждут приезда «четвёрки», не позволяя пока себе лишнего.

— Тогда что?

— Отец и тётка наследников.



— Они вне системы наследования! — чуть не заорал главный имперский министр. — Сам император давно их обоих отстранил от наследования престола: отец наследников под арестом — в далёком горном замке, а их тётка — в женском храме, под строгим надзором местных жриц! Каким образом они могут... Неужели заговор, что бы их возвести?! — внезапно догадался Дезидерий.

— Пока ещё не заговор, скорее прощупывание почвы: высшая знать, что не попала в Избиратели, хочет повлиять на свою судьбу — методом восстановления права Хада на трон, как сына и прямого наследника своего отца, императора и...

— Они что — полные идиоты?! — или забыли почему император заточил своего буйно помешанного сынка в замке, под охраной и подальше от людей?

— Амбиции — великий мотиватор!

Оба помолчали, разглядывая строящиеся в каре, в блестящих ярких парадных доспехах роты, для парада имперской стражи, что репетировали праздничное приветствие каждого из внуков наследников.

Отца, четвёрки кандидатов в императоры, оба мужчины помнили смутно: его уже более двух десятков лет как держали под арестом в дальнем горном замке, по личному приказу императора, но что он успел натворить перед этим — было у многих аристократов на устах уже давно и до сих пор слухи о его поведении, пока он был вне заточения, пугали молодых аристократок готовящихся замуж.

Единственный сын и наследник императора, Хад — вначале просто любил хорошенько выпить и покутив как следует в среде ровесников и слуг, из знати, развлечься с разными женщинами, как многие его одноклассники друзья, из высшей знати.

Потом ему стало нравиться бить и всячески унижать своих партнёрш по времяпровождению. В конце концов, когда кроме десятка служанок с отрезанными грудями и языками — случился инцидент с графиней Виссо, которую сбросили с террасы замка Хада прямо в руки её супругу — скальпированной и в бессознательном состоянии, император, отец Хада, вынужден был лично вмешаться и срочно женить своего беспутного наследника, который начинал вызывать острую ненависть не только у внешних противников, быстро создаваемой империи, но и внутри самой, создаваемой его отцом, державы.

За первые три года совместной жизни — молодая супруга родила Хаду двух очаровательных мальчуганов, которых с удовольствием носил на руках император и в честь которых устраивал огромные салюты в столице: сейчас они были вице-королями в Уммланде и Кельрике, однако после родов женщина внезапно и подозрительно быстро скончалась...

После её скоропостижной кончины, придворным пришлось срочно вызывать, бывшего тогда в походе, императора и вообще, делать множество странных поступков: отправлять в ссылки или садить в тюрьмы её доверенных слуг и любимых фрейлин, сжигать дневники и письма женщины, и многое подобное...

Ходили упорные слухи что Хад, боясь отца, не стал в его присутствии проявлять свои звериные желания. Но как только тот наконец ушёл в новый долгий поход — накинулся на супругу и изнасиловав её сам, тут же отдал всем своим ближайшим, присутствующим в тот момент в помещении, собутыльникам. Что бы: «Стерва знала — что лишь подстилка будущего императора!»

Далее что то ещё происходило и на следующее утро несчастная женщина, по словам допрошенных лично императором её слуг, оставшихся в ту страшную ночь в помещениях

вместе с нею — уже была сильно растерзанной, словно диким зверем и валялась на полу с перерезанным горлом.

Так как умершая была принцессой, пускай и не очень важного, но всё же независимого королевства — пришлось давать объяснения подозрений на убийство послу данной державы и выдумывать причины закрытого гроба и тайной церемонии её захоронения.

По слухам, упорно ходившим тогда среди знатных людей: отец император впервые сильно избил сына. Собственноручно. Что было позором для будущего наследника...

Уже через месяц после похорон своей первой супруги — Хад вновь был женат на очаровательной пятнадцатилетней герцогине, из недавно захваченного его отцом королевства, в знак единения держав в одном государственном образовании и желая императора показать свою расположенность к «новой имперской знати», из числа бывших его противников на полях битв.

Юная крохотная девушка понравилась всем, ибо неплохо пела и была скорее молчалива, чем говорливой дурочкой.

Однако сам жених отличился пьяной дракой на собственной свадьбе и ударом в лицо, прямо перед первой брачной ночью, своей новой супруге.

Что было в новой семье наследника — оставалось тайной за семью печатями. Однако когда через год женщина родила мальчика, его дед, император — пришёл в ужас и с младенцем на руках, который по словам принимающих роды лекарей был слишком явно смуглого, чуть не до лилового, цвета, вломился в комнаты роженицы, обещая собственноручно её разрубить на части.

Через час император вышел уже тихий, с совершенно ошарашенным лицом и всё ещё держа малютку на руках. Потом привселюдно поцеловал ребёнка в голову и заявил: «Мой внук!» — после чего медленно ушёл на свою сторону дворца.

Женщины из obsługi ещё долго шептались о том, была ли ими услышана взаправду или придумана фраза императора: «Бедная девочка... бедная!»

Данный ребёнок, третий сын Хада — стал со временем вице-королём в Ромлее, однако цвет его кожи и странные черты лица, не типичные для имперской династии, неоднократно давали повод многим высоким сановникам просить императора исключить его из числа претендентов на престол, на что тот всегда отвечал однотипно: «Его никогда не сделают императором — поверьте мне! Но рушить постоянными оскорблениями судьбу ребёнка, я не хочу! Ему и так досталась тяжёлая жизнь: без заботящихся о нём самом и его духовном росте отца, и любящей нежной матери!»

Через месяц после родов, вторую супругу наследника престола Хада найдут мёртвой в собственной бронзовой ванне.

По официальной версии — случайно утопшей по неосторожности, по слухам от всё той же говорливой obsługi: живьём обваренной и со слезшей с лица кожей...

Вновь вскоре была очередная, третья свадьба Хада, на этот раз на бедной баронессе из родных имперских земель. Снова появился очередной наследник у Хада, ему везло с мальчиками наследниками — этот малыш станет правителем в северной Гардане.

Его мать, провинциальную баронессу до замужества, отец убьёт неожиданно для всех, прямо на пиру: выпив лишнего и громко хохоча, Хад схватит рогатину и с криком «А вот и брюхатая чертовка медведица» — насадит на неё, вновь беременную, свою третью супругу. Привселюдно.

Император был в шоке и после суда имперских рыцарей, собственноручно отстранил от

наследования сына и заявил что будет готовить именно внуков, к правлению им основанной державы. Хад же, по словам монарха, мог привести на престоле лишь к массовым бунтам и прекращению династии, ибо был безумцем, к тому же буйным — чьи чудачества уже не могли остановить никакие опытные советники, сколько ни ставь их при нём в помощь.

Хада отправили под арест в далёкий горный замок и фактически навечно заперли там. Ему регулярно покупали рабынь для развлечений, но запретили видеться со свободными женщинами, тем более из знатных родов.

Император боялся что кто-нибудь, из знатных мечтательных дурочек или наоборот, циничных стервочек — «понесёт» от Хада плод и тогда, в дальнейшем, будет прецедент для гражданской войны, а посему все благородные дамы посылались комендантом замка далеко и крайне невежливо, сколь яростно они не стремились получить «каплю крови императора», в свой род.

Каждый год, десяток рабынь с изрезанными лицами или пытошными искалеченными телами — хоронили при кладбище замка и это место получило название, у сторожей знатного преступника: «гарема Хада».

Сыновья несостоявшегося наследника империи, лет до тринадцати — жили при деде императоре, а потом отправлялись им в крупнейшие из завоёванных империей королевств, имея в свите опытных советников, как из имперских учёных и чиновников, так и из местных представителей новых королевских земель, где им предстояло править.

Они приезжали туда в одеждах характерных для захваченных королевств и по требованию деда — учили языки своих подданных, что бы могли хотя бы иногда, на больших имперских мероприятиях, показать уважение империи к местным провинциальным традициям.

Дезидерий словно очнулся от воспоминаний и вновь посмотрел на Магинария Имерия, потом нервно спросил: «Ладно Хад, он хоть и отстранён, но теоретически имеет тоже право... Но Изабо?! — не представляю!»

Умерший император был счастлив как строитель государства, ставшего при нём невероятно могучей империей и крайне несчастлив в семье: сын оказался пьяницей и полоумным подонком, дочь же, милая и добрая в детстве Изабелла-Изабо, сошла с ума прямо во время своей свадьбы.

Она была с детства безумно влюблена в принца из островного государства, который был специально приглашён для неё отцом, вместо иного кандидата, которого ранее выбрал сам император.

Решив потакать дочери хоть в этом, раз сын «чудил» — император провёл шикарнейшую свадьбу, на которой жених, иностранный принц, умудрился не только изменить невесте с одной из её фрейлин, так и ещё глупейшим образом попасться за этим занятием на глаза самой невесте.

Далее, видимо в припадке отчаяния, не иначе — принц жених смог проткнуть фрейлину любовницу кинжалом и заявить нелепость: что не переспал с ней, а лишь оборонялся от её внезапной атаки, когда прилёг отдохнуть на ложе...

Изабелла билась в припадках, будучи с детства ранимой и изнеженной девочкой, воспитанной на рассказах приставленных к ней матрон и во множестве читаемых ею романах, и император отец, решив проучить всех кто посмеет обидеть его дитя — приказал в тот же день привязать заморского принца к четвёрке лошадей и дать им кнута. Лошади были направлены в разные стороны...

Легче не стало никому: принца разорвали привселюдно, при свидетелях и с его родных земель вскоре началась тотальная морская блокада флотом северных островов империи и голод, на отдельных, из данных заблокированных островах.

Соседи империи испугались столь бесчеловечного поступка, а дочь императора, его младший ребёнок, Изабо, что по требованию разгневанного родителя присутствовала на казни неверного жениха иностранца — на этом же мероприятии и лишилась чувств.

Когда её привели в себя — она уже заикалась и наотрез отказалась подходить к отцу или смотреть ему в глаза.

Вскоре начала регулярно биться в припадках и даже попыталась заколоть отца крохотным столовым тризубом.

Когда трёхлетнее заточение в замке и лечение всеми доступными лекарями не помогло, император отправил Изабо в удалённый женский храм, где она и проводила свои дни в молитвах Солнцу и прогулках в саду, среди обожаемых ею птиц.

— Изабо? — вновь спросил Дезидерий начстражи имперского дворца, Магинария Имерия.

Тот лишь пожал плечами: «Это пока ещё лишь попытки организовать, но они проводятся. Думаю, если всё пройдет быстро и гладко, с признанием процедуры Избрания и нового императора — о них быстро позабудут, но если... В общем если проигравшие внуки начнут чудить, с попытками мятежа против победителя скорого Избрания — тогда шансы «сидельцев» возрастут и возможно они получают свой шанс. На чтонибудь...»

Наконец «малый имперский совет» разошёлся, так как завтра предстояло наконец встречать наследников и кандидатов в императоры, и дню суждено быть трудным.

Решено было дать въезд наследникам по следующим номерам: из за того что каждый из внуков императора хотел въехать в столицу первым, с максимальным эскортом и привлечь к себе свежее внимание толпы в столице, решено было, стараниями канцеляриста Аргуина, исправить это трение следующим образом: наследники, что сейчас располагались на постой в городах близ столицы, начнут заезжать по старшинству в столичный город и с разницей в два часа каждый, дабы восторженные толпы простолюдинов могли встретить и проводить до площади у императорского дворца каждого из новоприбывших, со всё возрастающей радостью. К тому же так было проще распределить внуков по им принадлежавшим поместьям, после церемонии встречи.

Решено было оповестить горожан столицы, что въезд будет произведён всеми наследниками через «Ворота имперской доблести», как самые широкие и обладающие достаточным местом за чертой полиса и в её пределах, что бы позволить развернуться лошадям и повозкам, если что пойдёт не по плану и понадобится перестроение кавалькады прибывающих провинциалов.

Первым должен был появиться в столице наследник из Уммланда, потом — Кельрики, вслед им въедет вице-король Ромлеи и последним, самый молодой из «четвёрки» наследников, внук императора правитель Гарданы.

Первое время между наследниками были споры, причём довольно резкие и Дезидерий, позволивший начальнику имперской канцелярии Аргуину влезть с предложением об очерёдности въезда — с усмешкой слушал рассказы своих агентов о том, как канцеляриста по разному обзывали пришедшие в негодование внуки императора, а наследник из Ромлеи так даже грозился ему уши отрезать.

Теперь всё утряслось и прибывшие вице короли согласились со своим поочерёдным

въездом в столицу их великого деда.

Магинарий Имерий и Дезидерий, как отвечающие за безопасность и организацию Избрания и коронации будущего императора, договорились о дальнейшем распорядке: проезд через ворота, потом, миновав четыре в меру прямые улицы, где легко расположить стражу и отсечь толпу от самой дороги ростовыми щитами на козлах. Проезд свит через две большие площади и наконец парк, прямо перед имперским дворцом, на выстроенной специально к приезду наследников площадке помосте у которого и будут находиться все сановники и Избиратели.

Потом краткий обход дворца и сопровождение внука к мраморной урне, с прахом почившего деда правителя. Сразу после чего предложение ехать и устраиваться в свой дворец: жить всем вместе в императорском — наследники дружно наотрез отказались!

Аргуин трясся словно в лихорадке, перед завтрашним приездом внуков, что так его напугали своими криками ещё при проводимых им, предварительных переговорах о церемониале заезда всех четверых в столицу.

Магинарий Имерий был весь в думах о размещении постов гвардейской имперской и столичной стражи — при завтрашней встрече внуков покойного императора, а министра Дезидерия одолевали невесёлые размышления о его собственных дальнейших шагах: поссорить свиты наследников и в дальнейшем перекинуть конфликты данных заинтересованных лагерей на группу Избирателей — самому же став умудрённым и влиятельным «нейтральным» примирителем и арбитром, что поможет погасить конфликты и предложить устраивающие всех варианты...

План был уже составлен, но одно очевидное опасение крайне тревожило главного имперского министра: он, как выяснилось лишь сейчас, крайне слабо представлял себе группы поддержки провинциальных наследников и времени на их изучение у него уже не было. Следовало рисковать и действовать несколько наобум!

Входящие в «Малый имперский совет» сановники, быстро попрощавшись разошлись, так как у всех его участников ближайшая неделя должна была быть заполнена государственными заботами крайней важности, от успеха которых зависела судьба империи, да и их самих.

На утро следующего, после данного собрания, дня, когда должны были наконец въехать в столицу империи люди, одному из которых предстояло её возглавить — город походил на взбудораженный пчелиный улей: огромные празднично одетые толпы людей, как вставших пораньше горожан столицы, так и прибывших из соседних многочисленных городков вокруг, а то и провинций.

Постоянно носящиеся повсюду курьеры и гонцы, как имперские — так и аристократов. Огромные полотнища флагов и выстроенные небольшие башни, с эмблемами всех приезжающих наследников.

На площадях беспрерывно гремели оркестры и постоянно раздавалась дробь барабанов. Множество стражников стояли в строю, ограждая площади и улицы от наседавших толп людей, или разбрелись пятёрками на свои посты.

Разодетые рыцари в парадных, укороченных и облегчённых, начищенных до солнечного блеска, доспехах и высокая знать — разодетая в тонкую шерсть и бархат, золотые украшения с огромными камнями и перья редкостных птиц в головных уборах, словно бы бахвалились друг перед другом своими нарядами.

Море цветов повсюду и даже нарисованные картины — теперь украшали окна и террасы

домов или стояли под охраной слуг у дворцов, мимо которых, по непроверенным слухам, должны были проехать прибывающие в столицу сегодня наследники.

Сановники и многие из тех кто должны были встречать наследников покойного императора на трибуне у императорского дворца — прибыли туда ещё самым ранним утром, под охраной городской стражи или вовсе провели ночь в гостевых апартаментах самого жилища покойного правителя, дабы не тратить время и нервы на утренний проезд по большому полису с волнующимися массами черни.

Столицу словно приодели в новые, невиданные ранее одежды и увеличив население в ней, как по мановению руки, вдвое — заставили почти всех людей в городе: петь или кричать, носиться словно угорелые и искать себе подходящее место что бы удобно было глазеть, а найдя его — отбиваться от иных соискателей, с силой толкающих счастливцев в спину.

Взбудораженные люди перебегали с места на место, пытаясь найти участки улицы для осмотра проезда наследников, где бы лучше всего было можно рассмотреть прибывших провинциальных вице-королей.

Но все подобные уголки и пяточки были ещё с ночи заняты более удачливыми и настойчивыми, и драться с находившимися там стражниками или завсегдатаями подобных столичных парадов — у новичков не было ни малейшего желания.

Нагловатые жители столицы, что смело толкались и оттесняли более слабых, и немного стесняющиеся такого наплыва людей, крестьяне, из соседних со столицей сёл — явно обалдевшие от суеты и напора столичной давки. Их всех кружило в человеческом море и нередко выбрасывало совсем не в том месте, куда они планировали изначально прибыть.

— Ты какого тут стоишь, как пень?! — выверился парень лет семнадцати, в кожаном жилете поверх светлой рубахи и с крохотным цветком в верхнем кармане, на своего ровесника, может бывшего чуть младше его.

Младший из юношей мешал ему быстро перескочить, оказавшийся свободным крохотным проход и очутиться на другой стороне улочки, с которой можно было наблюдать приезжих знатных провинциалов когда те придут, как на самой улице — так и на соседней площади где уже стояли шеренги стражи и всю надрывался оркестр. Место на повороте — стоило того что бы за него побороться!

— Я? Что... А что? Да я тут... — замямлил тот к кому обращались и завертел головой, не понимая чего от него хотят.

— Ты! Иди прямо, на ту тётку с клумбой у себя на голове. Да! Давай вместе двигать в том направлении!

Оба юноши вскоре достигли указанной матроны и более разбитной старший парень, будучи к тому же местным, за плечо развернул своего случайного спутника и показал ему на проплешину среди людей, на повороте с улицы на площадь, прокричал случайному сотоварищу прямо в ухо: «Там будем стоять! Всё увидим: и на уличном проезде, и когда их на площади начнут криками приветствия встречать стражники, а оркестр чего-нибудь эдакое изобразит в их честь... Давай туда!»

Потолкавшись немного на новом месте и послав куда подальше пару глухихи старух и хамовитого толстяка мясника, более старший из ребят решил наконец вновь обратиться к ровеснику: «Ты откуда? Селянин?»

Младший немного испугался, потом поправил свои короткие штаны и довольно бедненькую грубую тканную курточку, и обиженно засопев спросил: «И что?»

— Дурья голова — да ничего! Я так, для разговора, пока наши будущие правители придут. Ты слишком медлителен для горожанина, тем более столичного. Значит прибыл откуда то из ближайших сёл или вместе с торговыми повозками, что массово тащат товары к нам, в преддверии праздника Избрания и Коронации, ведь так?

— Угу... — востро заулыбался довольный объяснением младший из ребят. — Я был с нашими бочарями. Батя при них мастером, а меня взял что бы я посмотрел на такое великое событие: смену правителя нашей державы! Вот.

— И как вас сударь, сын мастера бочара, зовут? — не без ехидства поинтересовался горожанин.

— Жак. Сын Жана.

— Жак-простак. — немного грубо констатировал местный юноша.

— Почему? — скорее с любопытством, чем обидой в голосе, спросил Жак.

— Честно говоря — не знаю! Наши, из мелких дворянчиков без земли и рыцарей, которых по походам лишь пинками и таскают — именно так вас всегда называют, когда напьются. Причины этого мне неведомы, возможно что такое было поводом...

— Ваши? — с дрожью в голосе спросил Жак, думая что перед ним какой из сыновей дворян, а он с ним вот так, запросто разговаривает.

— Ага. Что мелкий рыцаришка без замка, что горожанин столицы великой империи — одна ровня! А ты как думал?! Мы не то что обычные, из полисных жителей, мы живём там — где вся власть и деньги у нас перед носом, вот так и бурлят! Всё знаем: какие законы примут, куда имперский поход уйдёт, кто с кем изменял из князей и герцогов...

— Ого... — Жак немного растерялся, так как не до конца понял что ему говорили. Однако тут же спросил внове, — А вас как зовут?

— Атаульф. Сын Аделарда. Батя мой при имперских переписчиках обитает, помогает с кожами для книг — достаёт самые подходящие, помогает переплётчикам во дворце. А там, при писцах книгочехх — все новости узнать можно и понять, что в державе нашей и как обустроено... — важно заявил старший парень и внезапно толкнув Жака в плечо, проорал радостно. — Всё! Первый уже прибыл! Едут!!!

Толпа заволновалась и загудела ещё пару минут назад, но ребята, занятые своими разговорами и новым знакомством, заметили что что то изменилось — лишь по приближении и выезде первого из наследников со свитой на улочку, на изгибе которой они сейчас и находились.

Отовсюду из толпы раздавались крики и клятвы верно служить, нередко пьяными вусмерть хриплыми голосами. Частые женские перешёптывания и свист радостных подростков, барабанная дробь и цокот множества копыт на каменной мостовой.

Первым, согласно протоколу въезда сговоренному имперским канцеляристом Аргуином и главным министром Дезидерием — прибыл внук покойного императора из Уммланда, Лиутпранд и теперь ему доставалась вся первичная радость от встречи с будущим правителем, что накопилась у жителей столицы и её гостей, со времени смерти императора-основателя державы и до этого самого времени.

Люди востро усмехались и умилялись. Женщины нередко одновременно и плакали вместе с этим. Дети размахивали руками и цветами зажатými в них и востро орали, создавая конкуренцию пьяницам — делавшим примерно те же вещи но без цветов и частично выведенным из человеческого моря бдительной столичной стражей.

Наследник из Уммланда ехал неспеша, специально стараясь покрасоваться перед

встречающими его людьми, благо волей случая и переговорам — именно он въезжал в столицу империи первым из кандидатов на трон и мог с полным правом получить всеобщее одобрение, благодаря новизне происходящего и умению производить впечатление. Что что, а последнее — он умел и любил делать.

Вице король Уммланда, Лиутпранд — одевался столь ярко и вычурно, что получил прозвание «Павлин» даже от своего окружения, в народе же он стал именоваться «Звездой»: сейчас, проезжая по столице своего недавно умершего деда, Лиутпранд был наряжен в дорожный жёлто-оранжево-красный бархат, с золотой вышивкой по всему одеянию.

Носил огромный, лихо заломленный берет с ворохом огромных длинных перьев, с надетой поверх берета тонкой короной с изумрудами и широкий, небрежно завязанный шёлковый пояс, по отражавшемуся от него солнечному утреннему свету — словно полностью состоящий из золота и драгоценных камней.

Лиутпранд любил сам придумывать новые одежды для себя и своих слуг или оруженосцев. Требовал от придворных художников, в управляемом им королевстве, определённых традиций в изображении его на холстах и вообще — считался законодателем многих мод в империи деда, соперничая в этом с любителем всех удивлять, Избирателем князем Гассаксом.

Данный внук-наследник был хорошо развит физически, умел отлично выступать с речами и музицировать, ездить на лошадях и играть в мяч. Обожал огромные балы, но при этом был совершенно равнодушен к охотам.

У многих его знавших людей складывалось ощущение, что наследник старается компенсировать отсутствие внимания со стороны родителей и постоянной занятостью деда — тем что сам организывает мероприятия, где бы он всегда был в центре всеобщего внимания и по возможности, обожания.

Огромные, на несколько сот приглашённых гостей, салонные обсуждения новых дамских мод — где Лиутпранд председательствовал и давал советы.

Невероятные балы: с тысячей музыкантов и художников, что писали огромные портреты фавориток вице-короля и дам, которые стали фаворитками прямо на балу, как «победительницы вызовов красоты» монарха Уммланда.

Лиутпранд был мот и модник. Обожал повторять увиденные им и понравившиеся театральные жесты и фразы, чем нередко огорчал своего деда, императора, который переживал что держава может попасть в руки «негодного кривляки с подмостков».

Когда стали известны довольно свободные нравы, царящие в его землях, где инквизиция была сильно ущемлена в правах на следствие и наказание, вместе со жрецами культа Солнца — многие призадумались: было известно и ранее, что уммландский внук императора нередко, при посещении поместий своих дворян — немедля отправлялся с визитом и к их жёнам, где в качестве церемониала встречи правителя — мужья стояли рядом и держали свечи, пока Лиутпранд всю старался с увеличением плодородия аристократии ему вверенного королевства.

Церемониал «держания свечей» — стал чуть ли не официальным хорошим тоном, при приёме вице короля и его свиты, в замках знатных людей.

Однако внутри самого Уммланда это не вызвало особых споров или ненависти к наследнику: то ли там и ранее были таковые нравы и вице-король лишь возглавил и усовершенствовал их, то ли смог убедить всех что это нормально и разумно — однако особо на него никогда не жаловались императору и Лиутпранд считался чуть ли не образцовым



для подражания правителем.

Церковь его ненавидела и требовала приструнить, на аудиенциях у императора. Знатные люди смеялись и считали что он «свой человек». Простецы хохотали и укладкой рассказывали срамные истории с его похождениями, но без всякой злобы.

Его, как и его брата, правителя Ромлеи, так пока что и не удалось женить и сейчас всюду ходили слухи о возможном браке с великой княгиней бывшего королевства Амазонии, что являлось сейчас частью империи деда Лиутпранда, однако довольно мятежной и воинственной, и брак представителей имперской династии и правителей Амазонии мог бы несколько сгладить конфликты и трения последних лет.

Галантный сердцеед и модник, обожающий балы и любовные утехы, и откровенно скучающий на войнах и охотах — Лиутпранд тем не менее явно был не дураком, что явно показывала его свита, ехавшая вслед своему, несколько излишне раззолоченному, патрону.

Среди свиты вице-короля Уммланда выделялся Тудджерри: богатейший банкир и негодичант империи. Человек, которому принадлежали почти все шахты Уммланда и несколько торговых городов, с портами, на севере. Чей банк дважды спасал денежными ссудами империю, во время тяжёлых войн с соседями и один раз — когда разразился голод и эпидемии.

Тудджерри считался, по крайней мере по слухам, по богатству равным всем Избирателям вместе взятым, а то и богаче.

Он вёл свои дела на северных и южных морях империи, строил всё новые суда, а то и целые флотилии, скупал наёмников для заселения приграничных постов, что через года становились новыми городами. И, что было немаловажно, всегда очень уважительно относился к Лиутпранду — это показывало что наследник из Уммланда был не так глуп, как могло показаться вначале и умел подбирать людей в своё ближайшее окружение...

По слухам, именно Тудджерри создал что то вроде съезда дружественных ему банкиров и предложил всячески финансировать возможное Избрание Лиутпранда императором, помогая Избирателям решать их проблемы с казной или давая обещания преференций у компаний негодичантов, принадлежавших членам данного съезда.

Банкирами лояльными лиутпранду и Тудджерри — были собраны группы учёных риторов и нотариатов, для ведения любых дел «их наследника» и его команды в столице.

По постоянно возникавшим всё новым слухам, они хотели давать представления для дворян в театрах и для простоты — на площадях города, что бы повысить уважение и любовь к «такому замечательному правителю как Лиутпранд» и создать ему правильный образ у будущих подданных среди знатных людей, первоначально собравшихся в столице империи что бы узнать о результатах Избрания.

Группа Тудджерри считала что просто следует полюбовно договориться со всеми: обещать военным новые походы, точнее их обязательное и полное финансирование. Купцам — колонизацию новых земель и захват местных дешёвых ресурсов. Знати — новые замки или прямые взятки на починку уже имеющихся но обветшавших. Простецам — много еды и избавление от безденежья на новых, массово придуманных Лиутпрандом, работах.

Нотариаты помогали обходить небольшие законы при восхвалении Лиутпранда, риторы — читали оды тому на площадях городов, банкиры давали монеты на бесплатные раздачи еды и выпивки, и все были довольны!

Королевство Уммланд когда то считалось родственным тому, из которого началась нынешняя империя и после её создания — именно на него приходилось больше всего

рыцарей и тяжёлых пехотинцев, в кольчугах и с алебардами или двуручными молотами, в имперской армии.

Наличие огромного количества шахт позволяло наладить отличную металлургию и кованые доспехи, новейшие бомбарды, огромные молоты и усовершенствованные алебарды — неиссякаемым потоком шли из Уммланда в арсеналы империи или армии бывшие в походах.

Вице королевство было экономически развито и плотно заселено. Обладало тысячами замков и большими торговыми городами на судоходных реках или побережье северных морей.

Однако люди в нём всё более преклонялись мощи и забывали о Церкви, что неоднократно пытались донести до уже покойного императора, представители жреческих коллегий солнечного культа.

Будучи представителем группы центральных провинций империи, Лиутпранд не мог рассчитывать на поддержку условных «Южан» — Кельрики и Ромлеи, где правили его братья конкуренты в борьбе за трон и «Севера», где кроме его младшего брата правителя из Гарданы, также скрывалось много бежавших и запрещённых в империи друидов, и примкнувших к ним морских разбойников северян — живущих лишь пиратством и считающих, своей по праву, любую добычу, захваченную ими вдоль побережья в набегах.

За Лиутпранда были также несколько малых рыцарских орденов, в основном расположенных в его вице-королевстве.

Огромное количество ветеранов уммландцев, готовых вновь вернуться в строй по просьбе Лиутпранда и с обильным финансированием Тудджерри, а также недавно придуманный ими странный «орден для боевых холопов» — позволяющий простоте некоторые обряды и послабления, что имелись у простых рыцарей, давали данному наследнику уверенность в своей личной армии, особенно её численности и вооружённости.

Точно никто в столице не знал, что это такое: «орден для боевых холопов», однако ходили упорные слухи, что таким образом Лиутпранд готовил тайно свою «вторую армию», не увеличивая официально ни на «копье» основную и собираясь, в случае попытки сместить его силой с провинциального престола — свалить любого из узурпаторов братьев.

Большое, населённое, развитое ремесленно и торгово, королевство Уммланд — давало ему хорошие шансы на победу в Избрании. А то, что богатейший банкир Тудджерри собирался лично финансировать мероприятия по этому случаю, позволяло считать именно Лиутпранда, если и не явным — то всё же одним из фаворитов будущих «скачек» за трон империи.

Блестящая кавалькада из трёх сотен кавалеристов в доспехах или дорогих нарядах, со знамёнами развевающимися на ветру и под звук горнов и труб, прошествовала мимо Жака и Атаульфа и въехала на площадь.

Тут же раздалась команда и две линии гвардейцев стражей стали на одно колено и отсалютовали оружием приехавшему принцу.

Оркестр заиграл любимую композицию Лиутпранда: «Всегда первым быть» и многие на площади начали громко, но вразнобой, орать: «Ура! Многие лета!! Правитель!!!»

Наследник франтовато стал раскланиваться, точнее кивать головой и прижимать правую руку к сердцу, показывая что тронут.

Остановливаясь он не пожелал и также как и ранее, не сбавляя шага своего коня — проследовал далее, что бы наконец добраться до императорского дворца и после

приветствий от сановников деда, почтить и его прах своим посещением.

За ним проследовали и все его люди: разодетые во всё самое дорогое и со знамёнами с золотыми вышивками в руках, постарался всё тот же Тудджерри, желавший показать низкой знати и простоте присутствующей на встрече наследников — как должен выглядеть въезд в столицу будущего правителя.

Пока народ на улицах захлёбывался восторгом от первого обмена впечатлениями от появления наследников, сам вице король Уммланда наконец прибыл во дворец деда и нехотя слез со своего коня.

Магинария Имерия он поприветствовал скорее холодно, чем любезно, так как тот нередко передавал ему строгие предупреждения от деда, пока тот был жив.

Дезидерия, как встречающего его крупнейшего саовника имперского чиновничества — просто в упор не замечал, пока тот говорил свою высокопарную торжественную речь, всячески показывая презрение к главному имперскому министру смешками и часто зевая при словах того.

Главный министр Дезидерий был выскочкой и «новым человеком», и наследнику, с его имперской, точнее «староимперской» идеей, внушённой ему Тудджерри: что именно обилие новых людей у престола и расшатает твёрдые устои державы — подобный человек был явно неприятен.

Если прежде «престолодержатель» всю потешался, слушая о проблемах с четвёркой наследников своего врага, канцеляра Аргуина, когда тот рассказывал о переговорах с ними и угрозах в его адрес, то сейчас Дезидерий отчётливо понял что и сам оказался в плохом положении: наследник из Уммланда имеет в своей свите богатейшего имперского банкира и явно именно его метит на пост первого министра державы. С Дезидерием, они оба, мягко говоря, имеют прохладные отношения, а перебить ставки богатейшего негоцианта державы своими фондами — «престолодержатель» вряд ли мог.

Оставались антиподы Избиратели, Хорхе и Виллиам: оба презиравших уммландца Лиутпранда за практический отказ от веры и лишь рутинное выполнение ритуалов её, и проведение своей жизни в празднествах и прочих грехах... Пожалуй стоило именно на них делать ставку в борьбе с махиной «съезда банкиров Тудджерри» и командой самого Лиутпранда.

После церемонии приветствия и представлений чиновников покойного императора, прибывшего наследника отвели через подземный ход в комнаты где хранилась урна с прахом его великого деда и тот немного постоял несколько минут в молчании и одиночестве там.

Пока не был сооружён мавзолей, урну с пеплом решено было держать во дворце покойного правителя.

Наконец Лиутпранд вышел и попросил у Тудджерри, демонстративно поверх голов Магинария Имерия и прочих, отвечавших за протокол его приезда: «Договорись о первом совете с братьями и Избирателями. Последние меня коротко поприветствовали на трибуне, но ничего не сказали о своих просьбах — это странно... Нужно знать о требованиях и пожеланиях людей, тем более столь важных и нужных для служения империи. Я бы хотел чуть позже лично с ними встретиться, у нас в особняке и...»

— Невозможно! — грубо и резко встрял Дезидерий, руки которого в его обширных одеждах уже слегка тряслись. — Это невозможно никак: Избиратели сами определяют на Избрании наследника что займёт престол и станет правителем, и что бы не было запугивания или подкупа...

Магинарий Имерий с любопытством смотрел на говорившего немного путано «престолодержателя», канцелярист Аргуин — скорее с ужасом.

Наследник из Уммланда посмотрел на начстражи императорской гвардии и поднял в немом вопросе свои брови.

Магинарий Имерий улыбнулся ему в ответ и лишь повёл плечом, после чего произнёс: «Верно. Следует дать им возможность выбора — без угроз или чего ещё... На общем с остальными наследниками совещании, Вы будете представлены Избирателям более близко и объясните своё видение дальнейшей судьбы империи. После чего они объявят, после суточных обсуждений, кто из вас станет императором.»

Лиутпранд устался на говорившего начальника стражи своего попойного деда, потом перевёл взгляд на Дезидерия и наконец, на Аргуина.

Последний тут же превратился в каменное изваяние с открытыми от ужаса глазами. Наконец уммландец произнёс: «Тудджерри — здесь всё запущенно и покрыто плесенью, не находишь?»

— Безусловно мой господин. — спокойно подтвердил банкир, — Однако есть то, чего не скрыть и тревоги Избирателей слишком явны, что бы мы не могли их успокоить и уверить что всё... Абсолютно ВСЁ в этой жизни — можно решить.»

Сразу после этого свита первого из прибывшего внуков покинула дворец императора и отправилась в собственное поместье, где Тудджерри собирался принять своих агентов в столице, из клиентов его банка или купцов что с ним постоянно торговали, и договориться с ними о новой поддержке для Лиутпранда, заодно узнав у нескольких его ждущих агентов: личного поставщика вина князя Гассакса, проигравшего собственный замок рыцаря Блеза из ордена «Чёрного единорога», а также столичного закупщика лошадей для отрядов маркграфа Руггера — не объяснят ли эти трое чего именно хотят их повелители и не сможет ли он, богатейший негодник державы — чем помочь их лидерам и им самим...

В это же самое время, на улицах столицы Арнульф и Жак, сдружившиеся за данный короткий период, обсуждали что им делать далее: «Идём ближе к воротам! Я думал они на площади останутся для чего-либо, вроде погарцевать для нас, а раз просто сразу проезжают во дворец — лучше на них смотреть на главных улицах!» — предлагал опытный в таких делах, местный Атаульф.

— Нас там у ворот не задавят? — беспокоился Жак, впервые в жизни видя столько людей вокруг и огромные толкучки у высоких каменных зданий.

— Неа... Будем орать и нас стража спасёт, точнее выпхнет прочь — что бы не орали и визгами не портили впечатление от столицы, у кортежей прибывающих наследников. Не бойся, что нибудь придумаем! Айда за мной!

Вскоре оба юноши уже расталкивали людей на второй из главных улиц города, что начиналась сразу после ворот, через которые должны были въезжать наследники.

Было решено залезть на одну из башенок с гербами наследников и оттуда, чтоб стража не заметила этого надругательства над символикой вице-королей, украдкой осмотреть нового, второго по очерёдности, прибывающего из кандидатов на престол.

Неожиданно взревели повсюду горны и трубы, и барабанный бой, вперемешку с новыми радостными криками толпы — сообщил о въезде в город второго из внуков наследников: вице-короля Кельрики.

Атаульф и Жак приготовились было залезть на крохотную деревянную башенку с флагами, но внезапный ажиотаж людей вокруг помешал их планам и они вынуждены были

ограничиться периодическим подсакиванием на месте, что бы хоть чуток ранее посмотреть на очередного прибывшего кандидата в правители.

Вначале юноши ничего не разобрали, ибо видели лишь сплошное огромное чёрное пятно, что двигалось на многочисленных лошадях, им на встречу.

Потом стало возможным разглядеть отдельные лица прибывших, одеяния свиты и наконец, самого наследника: все люди из группы поддержки второго внука покойного императора, включая и самого вице-короля Кельрики, Амвросия — носили чёрные, словно бы траурные одеяния и подчёркнуто простые перевязи для оружия и сами ножны, не отличавшиеся от стандартных рыцарских или даже подобных у простых оруженосцев.

Не было никаких иных цветов одежд кроме чёрного и белого, с явным преобладанием первого. Минимум украшений и кружев — лишь золотые цепи, признаки знатности и перстни с огромными камнями или изображениями печатей на них.

Кавалькада кельриков была мрачна и этим пугала ещё сильнее: многие из ранее радостно вопящих людей мгновенно замолкали, увидев на огромном чёрном коне, чуть позади наследника Амвросия на белой лошади — Корсо, Великого инквизитора трибунала инквизиции империи.

Трубы и барабаны продолжали приветствовать прибывших людей, но вот оживление в толпе и радость от встречи явно поубавились, и многие начали воздевать руки к солнцу и несколько наигранно, как по мнению простоватого Жака, молить его о благах, для данного из внуков покойного императора.

Свита кельриковского принца состояла из множества разных людей, но наличие в ней минимум десятка инквизиторов и вдвое большего числа жрецов — сразу же бросалось в глаза.

Было много имперских рыцарей в облегчённых, «южных» доспехах, для рубки на сильной жаре. Среди оных выделялся начальник охраны самого вице-короля Амвросия, легендарный капитан имперской гвардейской стражи, Путысон: легендарный рубака, что смог стать имперским рыцарем будучи простолюдином.

Он в схватке на мосту, что случилась лет пятнадцать назад — смог раскидать проезжавшего там с тайной проверкой императора и его спутников, в том числе и сопровождающую правителя императорскую стражу.

Потом Путысон поступил сам в этот гвардейский элитный отряд и отличился в первых же походах, демонстративно отказываясь от щита и используя два меча, или меч и топорик в руках — и постоянно неистово атакуя врагов в сече.

Он получал в каждом из боёв по новому шраму, но считал это отметиной того что участвовал в них, и делал новые татуировки после каждого своего боя: художественно записывая в них число убиенных, собственноручно, противников.

В конце концов Великий инквизитор Корсо смог стать близким другом Путысона и убедил того перейти из имперской стражи — в охрану наследника императора вице-короля Кельрики, Амвросия, что бы бороться с лунопочитателями и вести праведную жизнь, в вечной борьбе с ересями.

Рассказы о похождениях Путысона в Кельрике разнились, но все были единогласны в том, что на окраине империи данный рыцарь прилично морально опустился и оскотинился, хотя и стал ещё более смертоносным бойцом чем был ранее.

Сейчас, данный начальник охраны наследника из Кельрики — ехал чуть позади своего господина Амвросия и отдавал постоянные приказы гортанным голосом своим людям, что

имели кроме обычного рыцарского вооружения ещё и дротики у сёдел, с которыми, по слухам, ювелирно обращались в постоянных конных стычках с лёгкой кавалерией лунопоклонников.

Королевство Кельрика было завоёвано империей одним из последних, в череде королевств составивших в дальнейшем имперскую державу: вначале Кельрика была словно чересполосица смешанных земель — лунопоклонников и дружественных империи крохотных государств. Потом превратилась в лоскутные графства и герцогства, с совершенно перемешанным населением.

Покойному императору — удалось, в самом начале первого похода в Кельрику, укрепиться возле горных проходов, организовав там первое приграничное маркграфство, а в дальнейшем, постоянными вторжениями в течение семи лет к ряду — разгромить полтора десятка местных владетелей и захватить их земли себе.

Для удержания данных новых земель и поддержания империи, что теперь исповедовала один лишь единый религиозный культ Солнца, на земли бывших лунопоклонников были отправлены усиленные группы трибунала инквизиции и в таких количествах, что вскоре, по штатам, оказалось что их там находилось до половины, от всех существующих в имперской державе.

Тогда император, что хотел увести инквизиторов куда подальше из основных, «родных», земель своей страны и найти им работу на недавно завоёванных территориях — предложил Великому Инквизитору Корсо стать наставником его внука Амвросия, чуть более пяти лет как правившего в Кельрике и туда же перевести главный имперский штаб и основные структуры самого трибунала инквизиции, оставив в столице империи и иных землях, лишь небольшие местные штабы.

Вскоре Кельрика была почти полностью зачищена от иноверцев, как массовыми изгнаниями так и такими же сожжениями еретиков и просто неудобных властям, и стала одной из наиболее рьяно верующих, в Светило, провинций империи. Такого количества фанатиков, как из Кельрики, не было в храмах ни одной иной провинции державы.

Инквизиция стала назначать министров королевства и выборных представителей местных собраний дворян, вела самостоятельные суды и начинала местные походы-она была равной имперской властью, в данном королевстве и с этим не смог ничего поделать даже покойный император, основатель державы, как ни старался.

В Кельрике располагалось множество рыцарей и соответственно — в армии данного вице королевства всегда в изобилии была тяжёлая латная кавалерия. Правда оруженосцы и лёгкие отряды всадников — предпочитали дротики и короткие арбалеты, с помощью которых неплохо выкашивали своих врагов.

Достаточно хорошо были развиты в Кельрике шахты, но несколько слабее металлургия чем в Уммланде.

Кельрики отлично ковали доспехи и славились своими клинками, однако почти совершенно не производили самостоятельно артиллерии и не имели больших пороховых мельниц.

Огромный южный флот, из галер и редких парусных судов — позволял наследнику Амвросию, правящему данным королевством, осуществлять частые морские походы и вести оживлённую торговлю. Хотя последнему немало мешала всё та же инквизиция, с институтом «присматривающих» за всем: храмовыми службами, правительством, торговлей, городскими магистратами и рыцарскими орденами...

Поговаривали, что инквизиция готовила из своих убийц что то вроде «кумпаний фанатиков», что по приказу жреца убивали любого, кто был против солнечного культа, инквизиции, империи и самого наследника, причём именно в такой последовательности.

Данная метода воспитания видимо подействовала положительно и теперь кельрики являлись преданнейшими солнцепочитателями и имперцами, может даже более, чем те — кто их некогда завоевал.

Внук императора, вице-король Кельрики Амвросий — был воспитан в строгости и смирении, хотя и несколько напускном.

Он любил сам принимать участия в самобичеваниях и ходил полуголый по своей провинциальной королевской столице, нанося себе множественные удары пятихвостой плёткой и взывая о прощении.

Был аскетом и при этом обожал разнообразные казни и пытки для еретиков, что во множестве выдумывал его наставник, Великий инквизитор империи, Корсо.

Поговаривали что Амвросий — совершенно глух к прощению и считает лишь наказание, путём к правоте и истине, лучшим способом искупления любого проступка.

В народе, правитель самого южного королевства империи получил прозвище «Ворон»: как за своё вечно чёрное одеяние в котором он регулярно появлялся перед подданными, так и некий «каркающий» голос, которым произносил короткие речи-воззвания, перед аутодафе.

Злопыхатели Амвросия утверждали, что фраза: «Всякая плоть должна сгореть в жаре истинного Светила!!!» — принадлежала именно ему, после очередного приступа массовой самопорки и стоянии на южном солнце с непокрытой головой, более десяти часов к ряду.

Вице-король Кельрики не любил музыку для развлечения и искренне презирал искусство, считая что до гармонии и красоты Светила — ему далеко, а пытаться делать жалкие потуги приблизиться к недостижимому априори — достойно лишь идиотов.

Люди его откровенно боялись, однако при этом считали за «святого человека» и инквизиторы всячески поддерживали это мнение в простецах.

Знать иных земель, а не его собственного королевства — презирала Амвросия и всячески это, хотя и осторожно, побаиваясь Корсо и его инквизиции, демонстрировала.

Крупнейший имперский город-храм, «Карающего Жара» — постоянно проповедовал за него. Конкурент из «Утреннего Рассвета», пускай и крайне осторожно, всё же внук императора — но регулярно осуждал массовые казни и пытки, регулярно проводимые Амвросием в Кельрике.

Люди не знали чего им ждать от его возможного правления как императора: святого светлого «десятилетия праведников» или ужасной декады костров чёрной инквизиции и страшнейших пыток... Возможно было всё.

Амвросий проехал мимо Жака и Атаульфа, которые разом замолкли при его приближении и вскоре повернул в сторону площади, откуда молодые люди недавно перебрались на новое место обозрения.

— Уфф! — пробормотал простоватый Жак. — Словно... Ну...

— Смерть проехала мимо нас? — подсказал ему более откровенный Атаульф.

— Да нет, я что... я же не...

— Всё ясно и без слов. Этот если станет императором — будет править на кладбище, а этого никому не хочется. Ужас!

Пока друзья обсуждали вполголоса кортеж и самого второго въехавшего в имперскую столицу наследника, сам Амвросий выехал на площадь с оркестром, и когда ему заиграли

какую то религиозную мелодию, гим приветствие, в честь Светила — приказал Путысону немедленно прекратить данный вертеп и не пачкать святые звуки религиозных гимнов, игрой площадных фигляров.

Тут же помчались гонцы к музыкантам и вскоре те затихли в немом ужасе. Особенно когда Великий инквизитор Корсо стал их оглядывать своим знаменитым долгим взглядом, «полным укора и презрения».

Наконец наследник из Кельрики добрался до императорского замка и его ввели на трибуну для встречи с важными людьми империи и приветствия, в честь прибытия вице-короля в столицу.

В отличие от ранее въехавшего старшего брата, Лиутпранда из Уммланда — Амвросий ни о чём не спрашивал и не перебивал, наоборот: он всё время внимательно слушал, словно бы запоминал малейшие мелочи.

Коротко поприветствовал императорского начстражи Магинария Имерия. С улыбкой сказал что то доброе Аргуину, что буквально затрясся от страха, при его и Корсо появлении. Увидев Дезидерия — долго его рассматривал немигающим взглядом, но ничего не проговорил, а лишь кивнул на приглашение проследовать к урне с прахом покойного деда.

Вместе с Великим инквизитором, Амвросий прошёл на территорию помещений с установленной в центре залы мраморной урной и пробыли они там вдвоём минут десять.

Когда вышли, главный имперский министр Дезидерий был готов поклясться чем угодно, что у обоих были красными, от слёз, глаза.

Получив охрану и сопровождение, вице-король Кельрики отправился в своё поместье что располагалось поблизости, что бы начать готовиться к встрече и беседе с Избирателями, что должна была уже скоро состояться, по торопливым заверениям «престолодержателя» Дезидерия.

Ни о чём не спрашивал и ничего не требовал: просто слушал и кивал, иногда шёпотом переговариваясь со всё время стоящим рядом с ним, чуть сбоку, Корсо.

Когда мрачная пара убыла прочь, Магинарий Имерий с улыбкой проговорил Дезидерию: «Фавориты скачек прибыли, а остальные — уже не столь важны... Хотя.»

— Что? — не понял сказанного «престолодержатель».

— Ах да, вы же из «новых людей»... — немного задел самолюбие Дезидерия правдой, начстражи гвардии покойного императора. — Так вот: Император, лишь внуков от первой супруги сына, иноземной принцессы — считал достойными трона своей державы и преемниками себе и особо готовил к возможному правлению. Младшие, от прочих дам... Это скорее запасной вариант, если совсем плохо будет. Не более того.

— Вот как? — не догадывался. — честно признался главный имперский министр, раздумывая над причинами откровений, обычно молчаливого, Магинария Имерия.

— Уммланд и Кельрика — тренировочный полигон, хороший и надёжно прикрытый. Империя в миниатюре! Ромлея — скорее страна «Солнцеликого», как примаса нашей единой церкви Светила. Там много городских республик и малых княжеств, которые мы так и не пощипали вовсе, по просьбе всех бывших первосвященников.

— Гардана?

— Приграничье! Странное и мрачное. С кучей варваров и пиратов, спрятавшимися у них от гонений инквизиции, друидами и прочим... Иногда так и просто жутким! Чему там мог научиться наследник?

— Воевать! Выдерживать удары судьбы! — предположил главный имперский министр.



— Ну, не совсем: скорее пить, более меры и жрать — столько же... Думаю следует объяснить и Избирателям расстановку.

— Нет!

— Почему?

— Эти засранцы сразу начнут требовать, как у меня, при своём приезде: денег, земель, прав, солдат и может кто из внуков их испугается. Пускай ведут разговоры прямо перед Избранием и ограничат их общение: если первые два внука основные кандидаты на трон — то смогут Избирателям это продемонстрировать! Не зря их дед ничего отдельно не сказал нам, перед своей кончиной о них как о фаворитах, видимо верил в способности основной пары претендентов на трон!

— Возможно вы и правы... — протянул неопределённо Магинарий Имерий и отошёл к своим курьерам, ждать новостей о том что происходит в столице.

Чуть погодя после этого разговора, случившегося на трибуне при площади у императорского дворца, Атаульф и Жак, на своём удобнейшем месте между площадью и главной соличной улицей — наблюдали заезд в столицу третьего из внуков, покойного ныне правителя: вице-короля Ромлеи Джанелло.

Данный наследник появился под всеобщие вздохи удивления и начавшиеся тут же пересуды: он сам был разодет в невероятно пёстрые одежды мешковатого покроя, с огромным количеством разноцветно бархата и шёлка, нередко просто совершенно не сочетаемых цветов.

На нём всюду блистало золото, словно на знатной даме: серьги с огромными жемчужинами в ушах, массивная золотая цепь, в два пальца толщиной — почти до пояса, толстые браслеты на руках и огромные перстни и печатки, на пальцах.

Свита не очень отставала от ромлеянского вице-короля и также была облачена в странноватые пёстрые наряды и огромное количество золота и драгоценных камней.

Джанелло и его свита более походила на стаю огромных крикливых птиц, чем высоких вельмож и знати.

Люди из числа приближённых, третьим прибывшего в столицу внука усопшего монарха — постоянно тыкали пальцами в толпу и раздражались громким хохотом, словно пьяные простолюдины на ярмарке. Данное поведение резко контрастировало с заездами ближайшего окружения первых двух внуков, кандидатов на трон.

Сам наследник из Ромлеи, Джанелло, как известно было почти всем в толпе встречающих жителей столицы и гостей города — был с трудом признан в качестве внука своим дедом, императором, когда последний, с новорожденным на руках ворвался к невестке, дабы потребовать немедленных объяснений невероятной, даже для новорожденного, смуглостью его кожи.

Потом, тогдашний правитель вышел и привселюдно, при служках, поцеловал малютку в лоб, после чего и произнёс: «Мой... Мой внук!» и «Бедная девочка...»

Ребёнка отдали на воспитание советникам, однако в отличие от детей первой супруги сына, дети от последующих жён Хада явно имели меньшие шансы на наследование престола: им предоставляли неплохих, но не более того, преподавателей и нередко дед император отказывал им в месте на совместном государственном совете или участии в крупном походе, хотя делал это всегда в меру вежливо, и с добрыми отговорками и шутками.

В дальнейшем Джанелло отправили вице-королём в Ромлею, южное королевство бывшее некогда центром древней империей, а сейчас славное тем, что там располагался

главный храмовый комплекс Солнца и избирали, местными жрецами, главнейшего из них первосвященника для всей империи — «Солнцеликого».

Вариантов данного назначения на ромлеянский престол, было два: с каждым годом всё более темнеющий кожей и начавший всю курчавиться Джанелло — уже в открытую вызывал пересуды при дворе и его возможное перемещение в самую южную провинцию, где у многих, даже дворян, были подобные черты лица — позволили бы ему самому управлять подданными без ненужных пересудов за спиной, и его деду, императору — чувствовать себя спокойнее при спорах с высшей имперской знатью, что нередко упрекала императора подобным «Как-бы-внуком».

Вторым вариантом назначения считалось то, что Ромлея, состоящая из обширного района личного управления Солнцеликого, множества отдельных мелких маркизатов и крохотных герцогств, торговых городских республик — не нуждалась в слишком жёстком управителе, так как быстро восставала любому диктату, что хорошо запомнил император — трижды подавлявший смуты в этой провинции своей державы.

Возможно решено было оставить внуку лишь номинальную, представительскую власть, отдав реальные рычаги правления в королевстве первому жрецу Солнечной церкви и самым крупным из аристократов, в королевском совете.

У ромлеянского наследника было прозвище — «Чужачок», за цвет кожи и волосы, нехарактерные императорской семье до этого.

Со временем он настолько стал «чужим» — что прогнал, ещё при живом деде, всех его советников, по крайней мере явных и стал набирать своих, из которых особо отличался бежавший откуда то из пустынных песков — Алавия: что вначале доставлял королю Ромлеи редких наложниц, а позже стал незаменимым собутыльником и советником.

**Больше книг на сайте — [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

Император своими эдиктами сильно урезал полномочия бунтующего внука, но оставил тому провинциальный трон, договариваясь с Солнцеликим и главами банкирских домов Ромлеи, лично, через голову Джанелло, при частых встречах в столице империи.

Ходили постоянные слухи о том, что наследник не просто вспыльчив, а скорее помешан: может отрезать нос или уши разозлившему его человеку, причём любого звания — сразу после пустячной ссоры. Обожает ходить «на вазу» при полном зале специально для этого собранных королевских дворян и принимать ванны в здании королевского совета, а во время мытья — подписывает документы с законами, гольшом, прямо при депутатах.

Сами ванны, после того как омовение заканчивалось — тут же разбирались и немедля возводились новые, что бы утончённый правитель мог принять следующую очистительную процедуру, в условно «новом и чистом», месте.

Джанелло до сих пор не был женат, предпочитая почти официальные гаремы и регулярные изнасилования аристократок, в доме которых его принимали.

Это стало настолько обыденным, что мужья дам или сами связывали супруг и «дарили» правителю — или бежали через горы в столицу, требовать справедливости на имперском суде чести.

Ромлея, имея древнейшие торговые связи с многими странами и отличные земли для сельского хозяйства — явно проигрывала в разработке шахт и производстве металлических изделий.

Там жили торговцы и латифундисты. Находились и рыцари — но несколько изнеженные, над которыми постоянно посмеивались в прочих землях империи, и моряки —

одни из лучших, если не лучшие, среди имперцев. Моряки Ромлеи нередко становились пиратами и доставляли своим землякам кучу проблем.

Богатейшие банкиры и торговые республики Ромлеи поддерживали Джанелло в походе за имперским тронem, так как, по слухам: надеялись что это «проклятие» покинет наконец их земли и либо начнёт править далеко от них, либо же свернёт себе шею, в большой драке с остальными кандидатами на престол.

Его первый министр, Алавия — вёз с собой, в столицу империи, сундуки с монетами и редкие ювелирные наборы, а также огромных рельефных молчаливых рабов массажистов: суммы из сундуков предназначались аристократам, бывшим при власти. Наборы драгоценностей — для молодых жён и любовниц, этих самых столичных аристократов, а послушные рабы массажисты — их скучающим, по дворцам, пожилым, оставленным вниманием мужей, супругам.

Ромлеянская свита была невероятно шумлива и постоянно быстро жестикулировала, создавалось впечатление словно у каждого в ней было по шесть или восемь рук.

Люди из Ромлеи гримасничали и громко визгливо кричали, показывая чрезмерную провинциальность и удивление при виде столицы, и праздничной встречи в ней в их честь.

— Обезьяна! Как есть... — прокомментировал увиденное Атаульф.

— Нет, ну отчего же... — попробовал было смягчить вывод Атаульфа Жак. — Он всё же...

— Кривляющаяся обезьяна! — оборвал друга Атаульф. — Ты видел как он гоготал? — как мельник после многих литров вина! Не должен будущий правитель постоянно размахивать руками и что то с мерзкими улыбочками и ужимками обезьяны — обсуждать с людьми за его спиной. Может в Ромлее так и принято, но у нас его быстро укоротят на голову! Попомни мои слова...

На площади чуть далее от разговаривающих юношей заиграл оркестр и едущий на коне вице король Джанелло остановившись — внезапно спрыгнул со своего скакуна и принялся отплясывать что то простонародное и зажигательное.

Вскоре к нему присоединились все его люди, кроме первого министра Алавии, что часто хлопал для ритма в ладоши и подбадривал криком пляшущих, при этом сам не слезая с седла.

Через пару минут ромлеяне залезли снова на своих лошадей и разогнав скакунов, внезапной лихой лавой влетели на территорию перед императорским дворцом, где их уже ждали министр Дезидерий и начстражи имперской гвардии.

Все новоприбывшие, дружно гогоча, свалились со своих сёдел на камни перед трибуной, и их предводитель, вице король Ромлеи, Джанелло — несколько фамильярно поприветствовал подошедших к нему, с заверениями почтения и готовности служить, главного министра «престолодержателя» и начстражи: «Верные лакеи деда? — Привет! Потом заверения и встречи со всеми — всё потом! Вначале церемониал у вазы с дедовским пеплом, потом, в наш дворец — веселиться и пить!»

Люди в свите ромлеянского принца завопили дурными голосами и заулюлюкали, а Дезидерий и Магинарий Имерий в удивлении переглянулись: у них складывалось стойкое впечатление что ромлеянский наследник не в себе, либо же был откровенным шутом — которому невозможно было никоим образом отдавать в руки правление огромной державой.

Не став мешкать, главный имперский министр проводил Джанелло и его первого министра Алавию в помещения где располагался прах недавно умершего императора и

вышел из зала, оставив дверь в неё слегка приоткрытой.

Внук из Ромлеи внезапно остановился у мраморной урны и вся его смешливость и скоморошья удаль куда то в мгновение улетучилась.

Он несколько раз нервно погладил свои пышные, иссиня-чёрные, курчавые волосы и вдруг стал тихим голосом начитывать молитву, быстро быстро произнося слова, словно проглатывая их.

Первый министр Ромлеи Алавия, до этого чинно и смиренно стоявший сзади своего повелителя, нескромно расхохотался и громким шёпотом обратился к своему повелителю: «Мой господин, вы зря стараетесь — все ушли и в любом случае, вряд ли они сильно следили за вашими церемониями перед этой кучкой праха... Им похоже важнее договориться с Вами о дальнейшем...»

— Тварь! — Джанелло в мгновение развернулся и с безумными вытаращенными глазами, с кинжалом в левой руке, бросился на своего первого министра. — Тварь, мразь, скотина — не смей! Дед — единственный кто считал меня человеком и именно он был моим кумиром и примером, пускай даже и не догадывался об этом! Тварь! Ты знаешь что стало с моей матерью?! — а где отец... или как там его?! Не смей скотина смеяться над покойным императором, иначе я прикажу оскотить тебя полностью и отдам в южные гаремы бедуинов пустыни, в твои родные места. Урод!

За время тирады, наследник из Ромлеи успел трижды несильно порезать своего первого министра и тот сейчас валялся на полу, захлёбываясь соплями и слюнями, и униженно моля о пощаде, пытаясь поймать и поцеловать руку взбесившегося господина.

Алавия считал что хорошо знает своего повелителя, однако сейчас осознал что ещё многие тёмные или наоборот, светлые, с какой стороны посмотреть, закутки его души — ему абсолютно неизвестны.

— Молю... Повелитель! Прощения и милости... — скулил мелкий, сухонький Алавия, на терракотовом полу помещения где держали урну с прахом и хватая руками за ноги Джанелло, что сейчас несильно пинал слугу в бока, старался их целовать.

Джанелло остановился. Потом сильно, последний раз, пнул своего первого министра: «Вставай скотина и давай направимся в наше поместье в столице. Нас ждёт жратва и бочки выпивки, а в конце — куча сиськастых дамочек... Что будут сегодня как следует обихожены нами и нашими людьми... включая даже слуг!»

Оба главных ромлеянина вышли к ожидающим их сановникам деда и Джанелло, сославшись на усталость, заявил что не хочет никаких долгих представлений и разъяснений, ибо он устал с дороги и ему пора передохнуть.

Сразу вслед этому, все хохочущие и размахивающими беспорядочно своими конечностями, люди из свиты Джанелло — вскочили в сёдла и с присвистом, и молодецкими кувырканиями в них, отправились с провожатыми во дворец принадлежавший вице-королю Ромлеи.

— Что скажете, господин «престолодержатель»? — совершенно спокойно и даже буднично осведомился Магинарий Имерий у Дезидерия, пока канцеляр Аргуин шумно и несколько истерично рассказывал собеседникам, чуть поодаль, о странном поведении только что уехавшего внука императора на площади, где в его честь оркестр играл какую то «ромлейскую» простонародную песенку.

— А что? — вроде бы искренне удивился главный имперский министр. — Весьма энергичный молодой человек. Со своими представлениями о жизни... и вообще! — министр

помнил что ему ещё предстояло найти «своего» кандидата на престол, в игре против Избирателей и первых министров вице-королей, и самих наследников покойного императора — и на его взгляд, когда он немного отошёл от шока, от фамильярности и откровенного хамства прибывшего третьим вице-короля Ромлеи Джанелло, тот был пока что самым вероятным вариантом для вербовки: самовлюблённый и глупый павлин, его первый министр больше похож на уличного проходимца, причём мелкого — чем на даже средненького политика. Свита, скорее набор галдящих сорок, которых можно перекупить или запугать...

По сравнению с прибывшими ранее уммландцем Лиутпрандом и кельриком Амвросием, у ромлеянина Джанелло была куча преимуществ — в виде слабой команды и собственных чудачеств, что так нравились в нём Дезидерию.

Именно вице король Ромлеи виделся ему наиболее лёгкой добычей, которую можно заполучить уже в течении недели. Главным было не дать возможности Избирателям всё так быстро закончить!

Магинарий Имерий недовольно покачал головой, поняв что с ним никто откровенничать не будет и решив больше не слушать весь тот верноподданческий бред, что собирался говорить ему и дальше «престолодержатель» — отошёл к своим людям, что бы осведомиться о приезде последнего из внуков умершего императора, вице-короля Борелла, из Гарданы.

В этоже самое время, на улочке, чуть далее ворот через которые заезжали по очереди все наследники, началось очередной оживление: наконец должен был проехать последний из внуков императора и после его отправления во дворец деда — начинались массовые гуляния в столице, сопровождавшиеся раздачами пищи и огромными фейерверками, а также игрой множества оркестров на площадях города.

— Едет! — заорал Атаульф Жаку и стал орать вместе со всеми и хлопать в ладони, словно для поднятия дополнительного шума к тому, что устраивали барабанщики, вдоль всего следования эскортов наследников.

— Ты чего так радуешься? — со смехом спросил Жак, видя как друг прямо подпрыгивает на месте от нетерпения и восторга обуревавшего его.

— Мой отец родом из Гарданы! Точнее дед — тот точно был настоящим гарданцем, а отца ещё маленьким сюда перевезли... Но это наша Малая Родина, прародина нашей фамилии и мы гордимся её нынешним вице королём! Да здравствует принц Борелл, да здравствует наш будущий правитель и император!!!

Тут же пара оплеух была отвешана голове Атаульфа и Жак с ужасом понял, что не все в толпе, как и его друг, «немного гарданцы» — и вообще, одобряют подобное развитие ситуации с наследованием.

— Этот пьяный боров нам не нужен! — пробасил какой то огромный мужчина, с толстенным брюхом. — Пускай у себя в северных лесах ведёт шашни с друидами и прочими еретиками, но к нам сюда, в столицу империи — ни ногой!

Атаульф стал что то горячо возражать, но Жак вскоре перестал слушать споры людей вокруг себя и просто пялился на кавалькаду что приближалась к тому месту, где стоял он сам: впереди, на огромном чёрном рыцарском коне — ехал верхом пузатый детина, с несколько неопрятной бородой тёмно рыжего цвета и всклокоченными длинными волосами.

На нём не было головного убора, что было странно для знатного имперца, однако и в его свите лишь рыцари покрывали голову шлемами, а остальные предпочитали ехать без

шляп или входивших в моду огромных беретов.

Одет наследник из Гарданы был в пышное, хотя и несколько тёмное одеяние, до самых колен — видимо немного скрывавшее его явнейшее пуздо.

Сапоги, отороченные мехом и совершенно бесформенные. Широкий пояс с дорого украшенным оружием на нём, странный плащ, со всё тем же мехом и золотой вышивкой.

Вице-король Гарданы скорее напоминал весёлого мельника после литра крепкой настойки, чем правителя одного из важнейших королевств империи.

Сразу за Бореллом ехал его первый министр и по совместительству — тесть, и супруга наследника, высокая стройная женщина со светлыми волосами до самых ягодиц.

По слухам, сам первый министр Гарданы Поллион и его дочь — были скрытыми друидами и император всячески противился данному браку.

Однако во время лечения тяжёлого ранения, полученного в каком то из постоянных своих походов, император получил своевременную помощь искусными лекарями от нынешнего тестя Борелла и хотя и не очень радуясь, всё же дал добро на этот странный, по меркам империи, брак: между внуком всемогущего императора и девицей, о знатном звании которой было ничего не известно...

Вскоре Поллион, тесть наследника из Гарданы, Борелла — стал и первым министром данного вице королевства, однако правил он настолько разумно и верно, что даже пару раз приглашался самим императором на «малые имперские советы».

Поллион явно мог заменить тот провал власти в Гардане, когда вице-король Борелл месяцами охотился в лесах на кабанов или неделями лежал пьяным, по различным своим охотничьим павильонам или городским дворцам.

Дочь Поллиона, Алуникофиэль — слыла первой красавицей и... ведьмой! С ней не рисковали ссориться даже самые стервозные, из придворных дам императорского дворца, так как считалось что друиды — дали гарданской принцессе невероятных сил и она способна доводить до прыщей или пейзанской красноты лица любую знатную женщину, с которой враждует. Такого жуткого наказания страшились все фрейлины и фаворитки в державе...

Проехавший мимо Борелл обдал Атаульфа и Жака явнейшим винным духом, и подростки немного озадачились, глядя вслед удалявшемуся мужчине.

Они заметили наконец, что и сам вице-король Гарданы, и его свита — буквально везде где можно приторачивали мех, а то и целые шкуры редких зверюг. Что подобало скорее бедным рыцарям или каким торговцам, чем высокой, хоть и провинциальной, знати.

— Ну... — неуверенно протянул Атаульф, — может он для храбрости — чуток выпил?

— Не бреш! — опять ввязался в разговор толстяк сзади. — Не просыхает неделями и пока его родственники друиды творят свои культы, он скачет по лесам на охотах или блюёт, после вёдер выпитых им элей и прочего, чего покрепче! Такой вот государь в Гардане...

О данном наследнике и вправду давно ходили слухи, что он несколько, мягко говоря, простоват и предпочитает жизнь скорее обычного бедного имперского рыцаря — сложному ремеслу правления провинцией.

Любит выпить и простую, незамысловатую шутку, в виде отрывки. Неплохо пляшет в кругу воинов, но совершенно почти не танцует с дамами позиции на балах. Добряк, хотя и немного с хитринкой, скорее крестьянской. Щедр, особенно за счёт казны.

Гардана, самые северные земли империи — всегда славилась пушиной, деревом, рудными шахтами, добычей рыбы и наймом дешёвых храбрых солдат, из варваров северян,

которые правда часто бросали службу и начинали самостоятельно грабить или пиратствовать, считая что так им проще будет разбогатеть.

На север, в Гардану, частенько сбегали сами или ссылались государством преступники, и этот край был весьма «лихим».

Торговый союз городов Гарданы — «Заган», во всём поддерживал своего вице короля, который не притеснял их налогами и позволял основывать новые города, благо имперских, на побережье северных морей — было откровенно мало.

В Гардане массово прятались друиды, бежавшие от инквизиции из захваченного имперцами королевства Амазонии и прочих завоёванных империей земель где они процветали ранее, а также иные еретики и культисты, что мечтали восстановить почитание молний и кровавой Луны, и нередко были рассказы пограничной стражи о нахождении ими замороженных на алтарях людей, разделанных на части и обгрызанных, людьми или животными, было тайной.

Гардана была огромным полупустынным краем пушнины и руд, и практически не имела больших ремесленных гильдий.

Свои сырьевые богатства она продавала далее, южнее, в ремесленно развитые провинции империи и закупалась там оружием, хлебом, винами, лошадьми и многим прочим, столь необходимым ей самой.

Торговые караваны в Гардане обязательно сопровождали конвои стражи. Всюду совершали рейды многочисленные банды, из сбежавших из имперской армии, северян.

Нередки были нападения и пиратов, как на прибрежные города, так и их вылазки на плоскодонных судах по рекам, вглубь Гарданы.

Считалось что в Гардане можно как быстро разбогатеть, так и также скоро — потерять голову... В лучшем случае.

Огромное, малоизведанное приграничье империи: с кучей мрачных культов и тысячами своенравных воинов, что пришли сюда за деньгами и свободой...

Через площадь, с огромным оркестром, Борелл проехал весело смеясь и махая рукой, из за чего пару раз чуть было не свалился с седла, и лишь вовремя подскочившие телохранители, в длинных кольчугах до самых пят — поддержали своего господина, не дав тому «поцеловать» камни мостовой.

Поллион громко приказал всем ехать не останавливаясь и охрана, взяв поводья коня вице-короля Гарданы в свои руки — быстро вывела четвёртого наследника покойного императора прочь, со столь многошумной площади, где играла понравившаяся ему музыка и тысячи людей вопили и свистели, выражая радость от появления последнего наследника и скорого начала празднеств.

Так, сидя на коне и ведомый своей спешенной стражей, внук императора из Гарданы и въехал во дворец деда.

Министр Дезидерий уже ничему не удивлялся, поняв насколько разными могут быть данные родственники, особенно если они — правители различных королевств огромной империи.

А посему просто соскочил с трибуны и быстрым шагом подошёл к Бореллу, приветствуя того: «Господин правитель Гарданы, всячески рад видеть Вас в столице нашей великой империи и...»

— А...? — я уже где? — с интересом уставился вице-король Гарданы на толкающего перед ним речюгу человека, в странной малиновой накидке с вензелями и золотой

вышивкой, пока телохранители осторожно вынимали его самого из седла и ставили на землю, под короткие, но явственно слышимые насмешливые шепотки своих коллег из императорской стражи, что стояли рядами чуть сзади и слева от трибуны, с встречающими наследников сановниками.

Было очевидно что четвёртый наследник явно перебрал лишнего и теперь не до конца понимает где находится.

Тут же в разговор вмешалась пара за его спиной, тесть и супруга вице-короля Гарданы: Высокий старик, с прямыми длинными свинцовыми волосами, в одеянии сером с голубыми и зелёными частями, вышел чуть вперёд и коротко кивнув «престолодержателю», объявил: «Наследник Борелл хотел бы передохнуть с дороги и просит провести все церемонии как можно скорее, без лишней помпезности!»

Алуникофиэль тут же добавила, вслед отцу: «И кстати — кто вы такой и по какому праву обращаетесь без должного почтения к наследнику престола великой державы? Мне казалось, что в столице империи могли быть приветственные церемонии и более показательными, и отработаны до блеска, предыдущими встречами иноземных королей и послов государств!»

Ошалевший Дезидерий услышал тихий смех начстражи имперской гвардии Магинария Имерия, за своей спиной и понял что значат слухи, что ранее просачивались из Гарданы в столицу: наследник Борелл тихо спивается на охотах и пирах, а всем в вице-королевстве правят его тесть, первый министр вице-королевства Гардана Поллион и его дочь Алуникофиэль, через которых проходят все назначения чиновников в тех землях и получение лицензий для негоциантов.

Видимо данная пара родственников кандидата на трон и здесь решила показать с кем предстоит всем вскоре иметь дело и сразу же проявила свою властность, что бы прежние слуги, покойного уже императора, особо не надеялись на милости от самого Борелла: не он решает кого казнить, а кого миловать.

Наследники: уммландец Лиутпранд и ромлеянин Джанелло — были ещё не женаты, у кельрика Амвросия супруга была словно тень и всюду следовала за ним, и лишь гарданец Борелл обзавёлся такой «второй половиной», что смело затыкала за пояс его самого и видимо всех его людей, из свиты, кроме собственного батюшки.

Главный имперский министр заметил, что когда говорила эта женщина, вся охрана из Гарданы вытянулась по стойке и чуть было не упустили своего пьяненького господина пасть на каменную мостовую. Пустячок, но показательный...

— Госпожа! — вежливо но твёрдо произнёс Дезидерий, — Я, всего лишь скромный слуга Вас и Вашего супруга, как и его братьев, разумеется! Главный министр империи, а ныне — «престолодержатель». Пока не совершится Избрание и Избиратели не определят нашего нового повелителя...

— У вас есть сомнения? — немного наигранно спросила женщина.

— Ну что вы! — выбор Избирателей очевиден: править будет достойнейший! — с двойным смыслом ответил ей «престолодержатель», пока отец королевы буравил его своим прямым, голубым, словно старый толстый лёд, взглядом.

Дезидерий понял, что первый министр Гарданы считает именно его — своим прямым конкурентом за пост главного министра, и повернувшись к старику ответил тем же: прямым, немного с вызовом, взглядом.

Поллион улыбнулся в свои седые, обвисшие, длинные усы, с кончиками в косичках и



пошёл по трибуне, его дочь бросилась ему вслед.

Вскоре данная семейная пара уже всю самостоятельно знакомилась с имперскими чиновниками, ожидавшими на трибуне наследников и даже о чём то шутила с канцеляристом Аргуином, пока начстражи имперской гвардии, Магинарий Имерий, уклонившись от встречи с ними — вновь подошёл к стоявшему у лестницы на трибуну Дезидерию, что ждал пока Борелла, его собственные телохранители, заведут наверх.

— Выбор Старого надеюсь теперь понятен? — спокойно поинтересовался глава гвардейцев и чарующе улыбнулся «престолодержателю».

— Угу... — скорее горестно чем хитро, ответил главный министр. — Вполне! Старик видимо и в последние годы — был умнее многих из нас...

Вернувшаяся королева Гарданы потребовала что бы Дезидерий подготовил отчёты о состоянии казны, внешних отношений, внутреннего положения, списки имперских аристократов и ещё с десятков документов.

— Боюсь, я пока не готов вам предоставить данную информацию. — чарующе улыбаясь заявил «престолодержатель».

— Как много времени вам следует дать, на столь простую задачу? — несколько с вызовом бросила гарданская принцесса.

— Как только ваш супруг станет императором — так сразу же! А пока... — Дезидерий виновато развёл руки.

Женщина ненавидящим взглядом уставилась в его лицо, потом прошептала какое то мелодичное проклятие на странном, певучем языке и резко отвернувшись пошла к отцу, что уже вёл разговор с главой инквизиторов столицы — столичный инквизитор весь побагровел при этом и с нескрываемой ненавистью глядел на Поллиона, что видимо подтрунивал над ним.

Наконец наследник из Гарданы был заведён заботливой охраной на трибуну и нехотя, словно в забытьи, скоро и бессвязно со всеми поздоровался.

Тут же подскочил вовремя появившийся, словно бы из ниоткуда, Поллион с дочерью и потребовали что бы Борелла поскорее отвели к праху деда императора, а уж далее — направили в его собственный дворец в столице, ибо: «Наследник престола крайне вымотан дорогой!»

Никто спорить не стал и Дезидерий лично проводил всю троицу гарданцев к урне с прахом умершего недавно императора.

Зашли вместе. Поллион и Алуникофиэль с интересом, хотя и без всякого почтения, оглядывали резные стены и саму мраморную урну, постоянно о чём то тихо переговариваясь и даже и не думали соблюдать тишину.

Наследник же, пьяно икнув, пустил такую же слезу и вдруг, внезапно для всех — стал опускаться на одно колено.

На полпути к этому его повело немного в сторону и Борелл упал, стукнувшись лбом о пол, с явственным глухим звуком удара.

Поллион и супруга наследника тут же бросились его поднимать, и женщина всё время отчитывала «пьяного окаянца, что не может себя вести в приличном обществе».

Тесть наследника и его дочь, с трудом смогли за минуту кое как поднять Борелла на ноги и было держа его под руки увести прочь из помещения, как внезапно наследник остановился и громко, во весь свой зычный голос, рыдая, начал орать: «Спасибо дед за трон! Спасибо! Лишь твоими стараниями Гардану заполучил — век не забуду!» — и он внове

попытался встать на колени.

На этот раз сопровождающие Борелла быстро остановили данный порыв и если Поллион что то скороговоркой зашептал зятю на ухо, то его дочь, и Дезидерий готов был в это клясться — дала короткий пинок под зад супругу, и громко произнесла непонятное слово, явно ругательство.

— Ладно! — согласился с уговорами сентиментальный внук императора. — Пора уже и прощаться, а то жрать и выпить вновь хочется — до рези в брюхе...

Его немедленно вытащили назад, на трибуну, родственники, а Поллион успел бросить «престолодержателю» что бы тот подготовил сопровождающих и они могли немедленно отправиться во дворец им приготовленный ранее.

Борелла, опять с немалым трудом и держа осторожно под руки, личная охрана неспеша спустила на площадь с трибуны и под смешки императорских гвардейцев, прозвавших своих коллег «няньками» — усадили вице-короля на коня. После чего Борелл всем присутствующим весело махнул рукой и поехал, правда уже самостоятельно, в сторону указанную сопровождающими его людьми.

Провожавший гарданца взглядом министр Дезидерий призадумался: два последних наследника казались ему идеальными «дураками для вербовки». Однако ромлеянин был вспыльчив, а вот гарданец, как ни странно, но уже обзавёлся «своей командой» — что явно им вертит как хотят и если его и следовало перевербовывать, то лишь после ликвидации первого министра Поллиона и супруги вице-короля...

А это было муторно и могло вызвать большое расследование и подозрение со стороны инквизиции и Магинария Имерия. Да и времени на подобный поступок требовалось много. Следовало обдумать данные прожекты получше.

Идеальным вариантом казался последний из прибывших наследников, гарданец: весёлый дуралей и пьяница, которому можно оставить охоты да пиры, а самому заниматься государевым делом... Фактически быть регентом, при правящем императоре! Но! И это было немаловажно — данная ниша уже была занята тестем наследника Поллионом и его дочерью, которые видимо давно обрабатывали Борелла и надеяться что их удастся легко потеснить, без полной ликвидации, было бы слишком наивно.

Кандидат в императоры из Уммланда, Лиутпранд — обладал сильной командой во главе с богатейшим негоциантом и банкиром империи Тудджерри, у которого были обширнейшие связи, агентурные сети и, что немаловажно — почти неистощимая казна...

Кельрик Амвросийявлялся фанатиком и связан многолетним наставничеством Великого инквизитора Корсо, а связываться с инквизицией, учитывая их шпионов и доносчиков при храмах, следователей и методы силового допроса, массовые казни на кострах — совершенно не было желания.

Веры в то, что можно было за неделю или менее, удачно провести представление себя, как незаменимого «друга» в столице, перед этой парой старших из наследников — у министра Дезидерия не было никакой.

Оставались ромлеянин Джанелло и гарданец Борелл: гарданец был сам по себе лучше, но уж больно муторным казалось противостояние с его командой, по крайней мере пока что...

Ромлеянин видимо был той ещё скотиной: вспыльчивой и довольно аморальной, однако! Однако его первый министр Алавия, казался Дезидерию скорее рыночным шарлатаном, что волей случая попал в большую политику и свалить подобного соперника,

виделось «престолодержателю» не столь уж и сложным: пару провокаций, предложение своих услуг ромлеянскому наследнику, объяснение что можно помочь ему с заполучением престола.

— Лишь бы эта истеричная скотина не стала на меня бросаться с кинжалом, как на своего сутенёрминистра! — выругался про себя главный министр империи. — Ещё чего удумает какую блажь и давай... Вот нет идеала, нет: гарданец — идеальный дурачок, что бы за ручку его водить, как дитя малое. Так ведь занято данное тёплое местечко! Ромлеянин сам по себе скотина и видимо невменяем, по крайней мере с припадками буйства — зато команда такая, что позволит своего господина из под носа увести. Вот же невезение!

На трибуне, при императорском дворце, начальник императорской гвардейской стражи Магинарий Имерий давал указания о сегодняшнем совместном ночном ужине для наследников, а остальные сановники понемногу расходились, постоянно шушукаясь о том что видели и какими им показались, при первой встрече после смерти императора, его наследники.

Начальник имперской канцелярии Аргуин сейчас выглядел победителем: последний наследник, Борелл и его супруга, вместе с тестем — с ним несколько минут говорили и даже заявили что хотели бы его видеть в свите будущего императора. Это была заявка на многое... Так по крайней мере ему казалось.

В самой же столице понемногу начинались празднования в честь приезда «Долгожданных»: выставлялись, жрецами храмов и негоциантами — столы с провизией для бедных. Выкатывались огромные пузатые бочки хмельных напитков, на площади. Стража что принимала участие во встрече четвёрки вице-королей — уходила в казармы и на улицах оставались лишь отдельные посты, для поддержания порядка. Всюду слышались музыка и песни, женские визги и мужская гортанная брань.

Атаульф обернулся к Жаку и потянул того за собой: «Вперёд! Посмотрим на пляски возле фонтана и потом, сможем там же получить не только пироги со свиной, но и пожалуй кружку чего крепенького — бегом!», — и как его новый друг не отнекивался, Атаульф утащил его в шумные круговороты большого столичного праздника, что как раз после приезда последнего из наследников и начинался.

Где то уже вовсю дрались пьяные, с воплями и соплями набрасывающиеся друг на друга на грязных улицах, и к ним нехотя подходили две пятёрки городской стражи что бы успокоить буйных.

Женщины просили кавалеров занять места поближе к сценам с оркестрами, что бы можно было поесть и поплясать, почти одновременно. Атаульф и Жак прорывались сквозь остановившихся людей ближе к раздачам еды.

— Как тебе наши государи? — вежливо поинтересовался Жак, главной сегодняшней темой.

— Ну... Первый — чванлив, но зато богат и вряд ли начнёт драть с нас три шкуры. Второй... В общем с инквизиторами шутки плохи, так что промолчу. Но не хотел бы его заполучить в императоры, вот честно! Третий был дурак дураком и скорее его место с бродячим балаганом, чем на троне! А вот мой условный земляк, тот немного разочаровал: так накачаться выпивкой перед въездом в столицу... Это надо уметь! Пока что ставлю на уммландца, а там — кто его знает!

Оба юноши бросились к столам с бутербродами с копчёной рыбой и в минуту обзавелись сразу четырьмя.

Потом Атаульф потащил младшего товарища к бочкам, возле которых уже разливали какой то пенный и ароматный напиток и несколько брюхатых мужиков с лопатовидными грязными бородами вовсю горланили здравицы в честь империи и её правителей, сразу всех четырёх наследников.

Столица праздновала обновление: обновление лиц на троне, ждала определённой смены в руководстве, после полувекового «строительства» империи, своего первого и пока единственного, императора-основателя. Теперь, от его внука и наследника, люди ожидали чего то иного, «своего пути», что ли.

Люди расходились во мнения что следовало далее предпринимать: развивать походы на соседей и ещё сильнее укрупнить державу или заняться её скреплением, методом создания общих, для всех имперцев, целей и возможностей их совместной реализации.

— Не обращай внимания! — проорал Атаульф Жаку почти в ухо, когда начался фейерверк, а его друг внимательно прислушивался к беседе пары забулдыг, что наперебой давали бочке с напитком советы, как правильнее управлять державой. — Будет как будет! По старому уже никак, значит будет что новое...

— Почему никак? — дивился Жак. — Что мешает?

— Ну... Положим больше нет того, кто всю эту кашу заварил — умер недавно! Его наследники не имеют ни опыта его, ни авторитета, да и вообще — скорее даже диво что они сразу не развязали гражданскую войну меж собой, а согласились на Избрание. А то могли бы такое учудить...

— Так ведь тогда бы их жрецы в храмах прокляли и имперская армия пошла и...

— Ну и что? Часть жрецов прокляла — другая назвала спасителями державы! Делс такое... И имперцы, хоть пока себя и не проявили, всё же тоже люди и нуждаются в выдачах жалования: я имею в виду боевых кнехтов или получении земель и замков, для обедневших имперских рыцарей. Хочешь не хочешь, а предложи из наследников, кто пооборотистей, некие варианты нового раздела и передела замков и части доходов высшей знати — и под его стяги тут же придут тысячи молодых карьеристов, что решат в паре тройке битв обеспечить себе и своему потомству безбедную старость. Как в своё время и предлагал ересиарх Руфус, если ты помнишь о таком...

— Так отчего же...

— Рано! Наследники имеют лишь свои силы в подчинении, которыми сложно захватить всю империю. Прибыв в столицу нашей державы они начнут интриговать и переманивать к себе высших аристократов, а те — своих клиентов и тех кто ступенькой пониже... И так до самых последних крестьян, в глухих сёлах на горных вершинах! Когда один из них будет уверен в победе — тогда и рискнёт, а пока что будет показное Избрание.

— Почему показное?

— Если кого и изберут, ему придётся решать что делать с братьями и самими Избирателями: либо устроить бойню в столице и начать правление как кровавый тиран, рискуя ответом когда либо за подобное поведение — либо отпустить их в принадлежавшие им земли и... ждать обязательного заговора против себя. Положение преудрацкое, поверь мне!

По площади, возле беседующих юношей, бегали артисты из бродячих балаганов и смешили народ своими выходками.

Пару драк происходили возле бочек с питием, а на лестнице, возле выхода к императорскому дворцу, уже вовсю играл оркестр, призывая людей не расходиться в

наступающей темноте, а продолжать празднование приезда наследников — при факелах и фонарях, что во множестве были установлены в местах празднования стражей столицы.

## Глава четвёртая: «Дела наши грешные...»

Когда в столице, ближе к полночи — начали понемногу успокаиваться народные гуляния. Когда Жак и Атаульф, наконец попросившись в полной темноте, разошлись, сговорившись о завтрашней вечерней встрече на пяточке где познакомились сегодня — на которой Атаульф хотел показать приезжему другу основные знаковые места родного столичного города. Когда стража перешла на свой привычный ночной режим патрулирования улиц, а основная часть вызванных, в честь приезда наследников, стражников и гвардейцев — вернулась в свои казармы, для отдыха после суматошного сегодняшнего дня — именно в это время начался совместный ужин всех прибывших наследников внуков умершего императора, во дворце их покойного деда.

Четвёрку вице-королей тайно провели, с небольшим эскортом из провинциальных советников и телохранителей, ко дворцу, в котором они сегодня уже чуть ранее почтили память усопшего властителя и старшего родственника, и осторожно проведя разным входами — всех одновременно запустили в парадную трапезную залу: что бы не вызвать у кого из них лишних подозрений в сговоре за их спинами.

Уммландец Лиутпранд был весел и бодр — он явно уже отдохнул после своего въезда, самым первым из наследников, в столицу. Кельрик Амвросий, что было для него непривычно — улыбался, хотя настолько странно, что лучше бы он этого не делал: его улыбка скорее пугала, чем располагала людей к нему.

Ромлеянин Джанелло был подчёркнуто вежлив, однако иногда с площадной бранью и угрозами пыток срывался на своих людей, что портило всё первое мнение о нём. Гарданец Борелл был снова в слегка хмельном веселье, но явно бодрее чем недавно вечером, когда он с трудом просто стоял на ногах.

Увидев друг друга вместе, а Дезидерий знал что наследники не собирались таким образом уже более семи лет — каждый из внуков императора резко остановился на месте где находился и взялся за эфес своего оружия.

Однако, с секундным промедлением, начстражи дворца Магинарий Имерий, громким голосом попросил их ни о чём не беспокоиться и напомнил, что пока что императорская гвардейская стража отвечает за безопасность, на данной территории императорского дворца и любого кто вытасит для бесчестной атаки меч или кинжал — ждёт клинок гвардейцев в грудь, не взирая на титулы или известность.

Это несколько сгладило странную обстановку первой нервозности от общей встречи и внуки быстро зашли в огромную залу, лишь слегка поприветствовав друг друга кивками на входе.

Только гарданец Борелл было заорал что то уммландскому собрату, но был немедленно остановлен громким шёпотом своего первого министра Поллиона и выполнив его указание, опустил голову и молча, явно немало злясь на советующего тестя, прошёл к столу для наследников.

В зале, размерами пятьдесят на двадцать метров, располагались два стола: огромный длинный — для общей свиты наследников и их охраны, и малый, на возвышении — для самих наследников и их первых министров.

Столы были плотно заставлены блюдами с дичью и рыбой, копчёным мясом и бульонами в огромных фарфоровых посудах, винами в прозрачных бутылках или кожаных

бурдюках, а также, в установленных в деревянные упоры, амфорах.

Музыканты и акробаты ждали лишь приказа от канцеляра Аргуина или министра Дезидерия, что бы начать развлекать гостей.

Однако сперва сами провинциальные вице-короли наследники, развлекали своим поведением всех присутствующих:

Оказалось, что за столом с наследниками — есть места лишь для них самих и их первых министров, а также для имперского канцеляриста Аргуина, начстражи гвардии императора Магинария Имерия и «престолодержателя», главного имперского министра, Дезидерия.

Супруги вице-королей Гарданы и Кельрики — должны были есть отдельно, в помещении с фрейлинами и жёнами высших сановников империи, по соседству с трапезной залой где располагались их мужья и должны были быть приглашены воссоединиться с супругами, лишь после окончания ужина.

Тут же возмутилась, своим громким резким голосом, Алуникофиэль и потребовала и себе места за главным столом, вместе со всеми наследниками.

Все уговоры министра Дезидерия её лишь злили и она объявила ему что потребует себе барабан, из кожи «престолодержателя», когда супруг возглавит империю.

Наследники дружно захлопали в ладоши, от данного предложения своевольной дамы, отчего главного имперского министра прошиб пот, но в конце концов Поллион и Борелл, отец и супруг голосящей девы, убедили её присоединиться к женщинам в отдельной зале, а не продолжать ненужную ссору при всех.

Когда после ухода дам все наконец расселись по местам, выяснилось, что никто из наследников не собирается есть предоставленную хозяевами дворца пищу и каждый привёз, под тщательной охраной, взятые лишь для него одного припасы приготовленные его личными поварами: фрукты, мясо, вина.

Получалась фантазмагория: пока подозрительные наследники выкладывали из корзин и кожаных мешков, что принесли их телохранители, лишь им предназначенные продукты — первые министры королевств и слуги, за «нижним» столом, от души готовились набить себе брюха едой, обильно предоставленной устроителями ужина.

Смысл был впрочем понятен: если кто и захочет отравить одного или всех наследников, то ему придётся постараться и сделать это с провизией, выдаваемой начальниками охраны вице-королей своим правителям. Если же еда и вино были отравлены заранее, устроителями трапезы, например медленным ядом — то гибель слуг, в дальнейшем подтвердит попытку убийства внуков покойного императора и те будут ещё осторожнее при общении с чиновниками покойного деда.

Уммландец Лиутпранд осторожно отрывал, двумя пальцами, крылышко какой то крохотной птицы, зажаренной в редком масле и заедал парой огромных кислых виноградин. Кельрик Амвросий ел кашу с хлебом и запивал это всё простой водой, намоленной его Великим инквизитором Корсо прямо перед сегодняшним заходом Светила. Ромлеянец Джанелло вытащил для себя сразу три подноса: с мясом, сырами и фруктами, пирожными и уминал за обе щеки данное разнообразие, — явно потешаясь со своего брата из Кельрики. Гарданец Борелл, с чавканьем и неописуемым удовольствием на лице — уминал приличных размеров кабанью ногу и заедая её горстями облепихи и орехов, запивал, с видимым удовольствием, всё это терпкой настойкой на желудях и ягодах, имеющей явно немало градусов.

Великий инквизитор Корсо потребовал что бы не было никаких музыкантов, ибо сие

греховно и отвлекает от поглощения пищи — и тут же, не медля ни секунды, ромлеянин Джанелло его высмеял и даже хотел кинуть ягодой. Но взглядом Корсо остановил ромлеянского принца и тот, лишь погрозив инквизитору пальцем, отвесил подзатыльник своему верному первому министру Алавии, что дурачился с ним рядом, всю набивая рот предоставленной ему хозяевами дворца провизией и трогая продукты с подносов своего господина.

Наследники старались не встречаться взглядами и вообще, всячески показывали всем присутствующим, за их столом, что совершенно чужды друг другу.

Министра Дезидерия немного вывела из себя ссора с женой Борелла и теперь, когда вместо радужного угощения и душевной беседы, после третьего кубка крепкого вина, предстояла мучительная тягостная «как бы трапеза» — он пытался придумать что ему далее сделать: сами наследники, исключая гарданца Борелла и ромлеянина Джанелло — старались почти не пить крепких напитков, их первые министры, опять же, за исключением слуги Джанелло Алавии — также.

Главные представители вице королевств явно готовились к большому разговору с Избирателями и попытки «престолодержателя» негласно провести его сейчас, после отличного ужина и весёлой беседы с развлечениями, полностью проваливались.

— Хм... — вновь проявил себя Великий инквизитор Корсо. — Когда же именно мы сможем поговорить с Избирателями? Было бы логичным встретиться с ними поскорее и также скоро провести и само Избрание императором достойнейшего, из внуков покойного великого правителя! Зачем откладывать данное важное государственное дело и давать повод к возможному беспорядку и анархии в нашей державе... Стоит ли тянуть с данной встречей и дальнейшим голосованием?

— Стоит! — подумал про себя Дезидерий, но сам ответил следующее: «Уважаемый брат Корсо — Вы безусловно правы! Однако...Есть нюансы выполнения условий процедуры, от покойного императора, при самом Избрании и мы бы хотели их все соблюсти, дабы не было пересудов что кто то из наследников имел преимущества при подобном важнейшем, для судеб державы, голосовании! Вы увидите с Избирателями за сутки до принятия ими окончательного решения, в тайном доме и сможете выступить с пояснением того — каким, каждый из кандидатов на трон, видит своё правление и дальнейшее развитие империи. А уж исходя из услышанного и веры в Ваши идеи, Избиратели и приведут на престол того из наших славных наследников, кто им покажется наиболее убедительным и достойным. Как и хотел, всей душой, покойный ныне император!»

Все за столом, кроме Аргуина, Магинария Имерия и самого Дезидерия — сразу нахмурились и помрачнели. Было видно что подобное развитие событий никому из приезжих не нравится.

Теперь с вопросом выступил Поллион, первый министр Гарданы: «Где сейчас пребывают Избиратели? Не стоит ли узнать об их здоровье и охране, и если понадобится — перевезти всех в этот охраняемый дворец и вместо одной встречи, провести несколько, отдельно со всеми кандидатами на престол? Избиратели лучше познакомятся со всеми наследниками и составят более точное представление...»

— Нет! Избиратели, до приезда наследников — жили в своих собственных особняках в столице. В день въезда кандидатов на трон мы их собрали в прекрасно охраняемом замке и наконец, в день Общения — они будут привезены сюда, в императорский дворец все вместе и под отличной охраной. Не стоит слишком часто вызывать их. Повторюсь: что бы не было



кривотолков, что кто то из кандидатов получил больше времени для пояснения своей позиции, чем иной. Не стоит давать повод к слухам и спорам, возможным конфликтам после состоявшегося выбора Избирателей. Одна встреча с каждым из наследников, а потом — сразу же Избрание достойнейшего.»

Опять наступила сильно затянувшаяся пауза, в которой первые министры провинциальных королевств что то нашёптывали своим правителям и те либо хмурились, либо кивали в ответ, соглашаясь с услышанным.

Говорить и вообще общаться между собой, внуки покойного императора не желали, их министры — тоже.

Теперь, после прояснения ситуации с Избирателями и встречей наследников с ними, каким-либо желанием беседовать между собой не горели уже все сотрапезники, за верхним столом и если за нижним, с вовсю веселящимися свитами, провинциальных королей — уже громко хохотали и шли безостановочные вызовы на поединки, то ужин за верхним столом, где восседали правители и их первые министры — скорее походил на поминание умерших, причём в огромных количествах.

Дезидерий решил немного разогнать тоску, что царила за столом где он сам председательствовал как «престолодержатель», в междуцарствие и начал новую беседу, пытаясь хоть немного узнать в ней что то интересное о наследниках и их министрах, для своих дальнейших интриг: «Мы с покойным императором, хотя конечно же скорее он сам, ибо Я — был всего лишь покорный исполнитель его воли, так вот: мы старались постоянными переговорами — столкнуться со всеми завоёванными империей землями, о возможном дальнейшем участии в совместном государственном строительстве державы на максимально свободных и обширно допустимых правах для них, не как рабах или слугах, а скорее сотоварищах и партнёрах в наших имперских, дальнейших великих делах!»

«Престолодержатель» был уверен что данный вброс, его, как «нового человека» в имперской властной иерархии — покажет лояльность ко всем провинциальным вице-королям наследникам и способность к переговорам самого министра, что бы внуки не стеснялись и возможно скорее начинали плотное и «доверительное» общение с ним.

— Кгхм... — проскрежетал, внезапно громко, Великий инквизитор Корсо, глядя с явной угрозой в адрес говорившего Дезидерия. — Мы, в Кельрике — видели к чему приводили заигрывания покойного императора, да озарит Светило его прах, с различными еретиками и отщепенцами, включая друидов и лунопоклонников! Нам! Именно Нам, пришлось почти два десятилетия, огнём и мечом уничтожать данную заразу на своих землях — выжигая целые поселения еретиков фанатиков и изгоняя их десятками тысяч прочь, из наших земель! Костры горели неделями и мои инквизиторы с ног сбивались, таская к ним вязанки дров и приводя на аутодафе очередные тысячи мерзавцев, что оспаривали наши исконные истины Веры! Рыцарские ордена Кельрики истекали кровью, когда их братья, в иных частях державы, вероятно тоже проводя благодушную политику «переговоров» — позволяли ересям пропитать тело их королевств и заразить всю нашу державу. Этому стоит положить конец: раз и навсегда!

Пока, удивлённый таким фанатизмом Великого инквизитора, которого он считал ранее скорее тонким политиком, Дезидерий размышлял что ответить и считая что данная тирада обращена лишь ему одному — за столом уже явно разгорались споры между первыми министрами королевств.

За глаза многократно обвинённый в друидизме Поллион, из Гарданы, что то тихо

шептал себе в сивые усы, собранные в миниатюрные косички и с явным презрением смотрел на Корсо. Алавия хохотал и громко шептал своему господину Джанелло, что «в Кельрике видимо земли дураков, раз таковые там за министров правят...». Уммландцы переговаривались между собой тихо, но видно было что откровенно пересмеиваются, не воспринимая слова Великого инквизитора всерьёз.

Дезидерий решил воспользоваться ситуацией и вновь зажечь искру беседы, пускай и спором: «Не соглашусь с уважаемым Корсо! Именно умение императора сглаживать углы и противостояния, а не только мощь наших имперских отрядов — помогли не только завоевать империю, но и сохранить её народы в покорности и причём, хочу заметить — почти без крупных восстаний! Это редкость и показывает умени...»

— Походы и костры! — резко перебил оратора Корсо. — Много горелых еретиков и завоёванных городов, спорщиков с нами. Города вновь заселим или сожжём, вместе с жителями что нам не подчинятся добром!

— Дайте договорить! — махнул в сторону Великого инквизитора Дезидерий. — Пока что я имперский главный министр и мне, пускай и лишь немного более вашего, но всё же общеимперские проблемы виднее...

— Не беспокойтесь. Я с удовольствием вас подробно выслушаю, когда стану принимать дела... — несколько двусмысленно произнёс Корсо и с явным превосходством посмотрел своим взглядом «следователя-инквизитора», в глаза главного министра империи.

Он откровенно пытался заткнуть оппонента и запугав того своими полудосказанными фразами, показать кто теперь лидер за столом. Но ничего подобного не получилось.

— Ой ли?! — хохотнул гарданец Поллион и тут же и его господин Борелл искренне громоподобно расхохотался, поддерживая своего тестя.

Через секунду, над словами и самим Великим инквизитором, за столом вице-королей, потешались все, кроме наследника из Кельрики Амвросия, что сидел взбешённый и держал столовый нож как меч, в своей костлявой, загорелой до бронзы, руке.

Тут же что то затараторил громким шёпотом Алавия и ему громогласно ответил своей фразой ромлеянин Джанелло: «Да, видимо напекло голову от постоянных костров — до полного маразма...»

Дезидерий улыбнулся в лицо своему оппоненту за столом, Корсо и спокойно заявил: «Возможно вы и правы... У нас явно разные методы проведения политики, но пока что, именно Я — главный министр империи.»

— Ключевое слово — пока... — процедил выведенный из себя Великий инквизитор и махом опрокинул бокал вина внутрь себя, чего до этого не делал за весь вечер.

Шутки над инквизитором продолжались и «престолодержатель» с удовольствием замечал, что люди по соседству давно были готовы начать споры меж собой, если не сами наследники, то их советники министры точно и это давало ему, как примирителю, преимущества.

Можно было понаблюдать как ведут себя данные люди в конфликтных переговорах и сделав выводы подобрать ключики к каждому из них: кому поддакивать, кого убеждать доводами или эмоциональными взываниями — каждому своё.

В спорах первых министров провинциальных вице королевств, за верхним трапезным столом — можно было окончательно определиться через кого из кандидатов на престол проводить свою политику на продолжение пребывания на посту их главного имперского министра, а кого, из наследников, по возможности всячески отдалять от Избирателей и

возможного престола державы.

Великий инквизитор Корсо, сейчас, в самом начале трапезы — был слишком уверен и самонадеян при общении с Дезидерием, а десятилетие, что он на пару с наследником Амвросием из Кельрики фактически вёл непрекращающийся боевой «поход Света», явно изменили не в лучшую сторону его характер: Корсо был жесток и пожалуй слишком полагался на запугивания, привыкнув к своей почти абсолютной власти Великого инквизитора в вице королевстве Кельрика, и совершенно забыв там искусство переговоров.

— Такие долго не продержатся... — мысленно охарактеризовал возможности пары из южной Кельрики, Дезидерий и вновь с интересом стал рассматривать главных говорунов и выпивох за своим столом, наследников из Ромлеи и Гарданы, людей, что наиболее ему лично подходили как кандидаты на трон империи.

Оба мужчины уже вовсю хохотали и громко, не стесняясь или подбирая выражений, костерили Великого инквизитора, о чём то спорили со своими министрами и, что было немаловажно — потихоньку всё же отпивали и объедали напитки и еду предоставленную принимающей стороной, явно забыв о первоначальной угрозе отравления.

— Раздолбаи... — опять радостно подумал Дезидерий. — Идеальные правители: всё на балах да охотах, пока я, как пчела — творя дела государства... Идеальные императоры!

Внезапно, из себя вновь вышел, до этого вроде бы уже успокоившейся, Корсо. То ли от кубка выпитого залпом вина, то ли по ещё какой причине, но он вдруг возопил дурным голосом: «Не смей скотина обо мне там шептаться и прихихикивать!» — заорал Великий инквизитор на Алавию, первого министра кандидата из Ромлеи, Джанело, — «Ты, уродец — уже давно бы у меня на кострах жарился или в медном быке! Но ничего, я ещё доберусь до тебя и вырву твой мерзкий, поганый, лживый змеиный язык. Попомни меня!!!»

Алавия комично всплеснул руками, словно шут на представлении, но ничего не ответил и спрятался за спину своего господина, Джанело, показываясь оттуда украдкой с уморительными гримасками на лице — а сам Джанелло, с умиленным спокойствием — просто показал язык уже совершенно беснующемуся Корсо и было видно что принц ромлеянин уже изрядно навеселе.

— Вы слишком привыкли к кострам и медным быкам. — проговорил наконец громким голосом Поллион, первый министр наследника из Гарданы. — Если планируете заменить нынешнего «престолодержателя», собой... — он саркастически усмехнулся одному подобному предположению, — Вы должны быть выдержаннее: в словах и поступках.

— Не хватало ещё, что бы еретик-друид меня поучал! — вновь перешёл на крик Великий инквизитор и Дезидерий с немалым удивлением осознал, что молчаливость и спокойствие Корсо, ставшие притчей во языцах в Кельрике — явно были напускными стараниями актёра. Человек весь клокотал от раздиравших его эмоций, и видимо лишь в регулярных схватках, истинных и мнимых, с ересями — он мог найти себе какое успокоение своей мятущейся натуре. — Я знаю кто такой Поллион и чем занимаются бежавшие из Амазонии и прочих их земель, друиды, в Гардане. Именно с его негласного разрешения и проводятся в Гардане бесконечные еретические культы и оргии, а сбежавшие туда во множестве друиды и волхвы, творят свои мерзкие обряды! Пираты и разбойники — запросто принимаются в отряды королевской дружины. Таможня не отсылает сборы в имперскую казну, а забирает в хранилища доверенных людей вице-короля Гарданы, Поллиона! Ничего! За подобные деяния положено наказание и оно скоро постигнет ересиархов и их почитателей — всех! Знаю о ваших шапнях с умершим правителем и как ему поставляли

друидов лекарей — знаю! И что? — ваши зеленоплащные врачеватели уже на допросах, в штабе столичной инквизиции! Их взяли сразу после смерти правителя и когда они назовут...

— Повторюсь: вы слишком часто упоминаете костры и прочую глупость. — спокойно перебил Корсо, Поллион. — Мне кажется что вы давно лишились разума, в огне и блеске данных мероприятий, по сжиганию людей, и вас просто опасно подпускать к реальной власти во всей империи. Искренне жалею Кельрику и её жителей — они не заслужили подобного!

— Не смей... — уже задыхался в приступе гнева Корсо, бешено вращая глазами и складывалось ощущение что скоро у него ртом пойдёт пена. Возможно даже чёрная, как его одеяние.

— Хватит! — внезапно встрял в разгоравшуюся ссору богатейший банкир империи Тудджерри, первый министр вице-короля Уммланда. — Костры наказания и друиды, конечно заслуживают нашего всестороннего внимания, но попозже. Сейчас скорее важны иные главнейшие вопросы: в каком состоянии финансы державы и на что может решиться, а на что нет — избранный скоро император? Нам хотелось бы получить, от господина «престолодержателя» — документы о состоянии нынешних финансов империи, а всё остальное: от назначения полководцев на походы, до раздач бастид и земель имперским выслужившим рыцарям — мы сможем легко провести без промедления, по получении оных документов и понимания сложившейся сейчас ситуации в казне державы...

— Банкир всё о злате хлопочет? — с усмешкой спросил, внезапно так же быстро успокоившийся, как до этого буянивший, Великий инквизитор Корсо. — Богатейшему имперскому негоцианту всё мало денег и он решил теперь получить доступ и к общеимперским сундукам самой величайшей державы?

— Мне — хватает! — тут же парировал выпад инквизитора Тудджерри, — Однако, что бы чем управлять, следует чётко представлять те ресурсы что есть у тебя в наличии: денежные, человеческие, временные. Именно это и лишь это, меня и интересует.

— Империю строили инквизиторы и полководцы, а восе не торгоаши! — вновь вспылел Великий инквизитор Корсо.

— Возможно. Но кормили «строителей», пока шли походы и разорялись, выжигались, засыпались солью земли с хлебом и оливами, уничтожались города, вместе с ремесленниками жившими там и тому подобное, постоянно происходившее непотребство — именно негоцианты! Мы доставляли хлеб голодающим войскам — на своих личных торговых эскадрах, мы привозили пополнение потрёпанным в боях частям, именно мы нанимали ремесленников — для починки осадных машин, одежды и прочего для нашей великой имперской армии, и привозили мастеров и ресурсы ближе к военным лагерям!

— За золото и преференции!

— Не без этого. Однако я достаточно вложил, из своих личных кошель, в создание нынешней империи — прямо на строительство: новых городов, кораблей, мостов через бурные реки — что бы также считаться одним из тех самых «строителей», о которых упомянул господин Корсо...

— Что вы знаете о войнах и походах? — огрызнулся, правда уже беззлобно, Великий инквизитор. За время споров он явно потерял немало своего южного гонора и теперь старался особо не лезть на рожон, видимо справедливо считая что сейчас не лучшее для этого время и место.

— Знаю, что если войны выгодны, пускай даже и с друзьями — их стоит продолжать.

Даже при проклятии жрецов и дворян, которых потом можно будет переманить на свою сторону раздачами пожертвований и земель. Если разорительны, даже при защите святынь или родных земель — следует прекращать, уступая победителю, с тем что бы позже восстановить иным способом, не таким затратным, прежнее положение. Например подкупами или тайными убийствами...

Дезидерий с удивлением уставился на говорившего данные тезисы, банкира Тудджерри. Видимо слова последнего удивили не только его, так как вскоре главный имперский министр перехватил удивлённо-непонимающие взгляды начстражи имперской гвардии Магинария Имерия, Великого инквизитора Корсо и наследника из Кельрики Амвросия, а также гарданца Поллиона.

Ромлеяне вполголоса переговаривались меж собой и был слышен громкий пьяный шёпот министра из Ромлеи, Алавии, своему господину Джанелло: «Да тут сплошные дурни, при ваших братьях! Как им вообще посты министров достались то?! — видимо за взятку... ахахаха-да, да!»

Ещё с десять минут поспорили министры наследников о пустяках: Поллион говорил что следует «вернуться к корням» — что были у прежних королевств до вхождения в империю и его вновь заклеил Великий инквизитор, как гнусного позорного друида. Тудджерри советовал больше внимания уделить казне и таможене огромной империи, и наладить выгоднейшую торговлю с соседними странами по морям, что северным что южным и судоходным рекам — и тут же был обозван Корсо внове: «торгашом, которому золото застигает разум».

Сам Великий инквизитор — бредил ужесточением законов и многочисленными кострами после походов, за что получил прозвище, от коллег, «кельрикийский мясник».

Алавия просто дурачился, видимо будучи при своём господине и за первого министра и за шута, одновременно.

В залу осторожно зашёл один из личных доверенных секретарей главного имперского министра Дезидерия, Тарасий и принёс своему господину поднос с сообщениями, что не терпели отлагательства при прочтении.

Главный имперский министр удивился подобному гонцу сейчас, во время столь значимой трапезы со всеми наследниками, но всё же отвлёкся от созерцания споров своих провинциальных сотоварищей и конкурентов, и немедля прочёл переданные ему документы.

Потом всю неприлично заулыбался и тут же быстро погасил свою улыбку, боясь столь откровенного высказывания своих чувств.

Министры продолжали собачиться меж собой, при сидящих в молчании своих правителях и явно не зная чем себя занять: пить и есть никто более не желал, а веселья за их столом как не было, так и наступало.

— Ну что же, есть первые выводы, — думал про себя Дезидерий, разглядывая собравшихся за его столом людей. — Итак: братья явно слишком опасаются друг друга, что бы проводить переговоры сейчас между собой — или ненавидят... уже не суть важно. Сговор, за уступку трона — пока быть не может, а что будет потом — посмотрим. Их министры... ммм... Своеобразны! И это если мягко говорить: инквизитор кельрик Корсо — явный истерик и садист, ромлеянин Алавия — скорее шут и сводник при своём господине, уммландец Тудджерри — негоциант до пальцев ног и в этом его сила и слабость одновременно, а гарданец Поллион... самый настоящий друид! И даже если это и не правда — всё равно его можно на этом ловить. И крепко! Поллиона и Корсо следует в дальнейшем

сравнить — для смертельной схватки их господ, а тем временем обрабатывать Джанелло и Борелла, предлагая им трон по очереди и себя самого — в качестве главного имперского министра и переговорщика с Избирателями, для «правильного» голосования ими. Алавия дурак и его можно использовать для удара против Тудджерри, с которым напрямую связываться явно рискованно...

Поразмыслив немного над вариантами планов своих ближайших интриг, «престолодержатель» решил прервать вновь готовую разразиться, очередную ссору первых министров наследников: «Господа — прекратите! У меня важнейшие известия из провинций и они, поверьте мне, главному имперскому министру — просто пугающие! Прощу вас — успокойтесь!»

Когда все за столом замолкли и устали на Дезидерия, «престолодержатель», с подчёркнуто печальным лицом, начал рассказывать те новости, что ему недавно принёс на подноме, в коротких сообщениях записками, его секретарь: «Итак... Пришла срочная информация из королевства Амазонии — там местные дворянские сборы объявили о восстановлении династии прежних правителей и выбрали себе королеву. Сейчас они всю укрепляют разграничительный ров, что некогда был сохранён нашим великим императором и не скрыт полностью, как память о прежней независимости данной, ныне нашей, провинции, хотя и уничтожены были на нём все башни — по данным наблюдателей имперцев: амазонийцы готовятся с оружием оказывать сопротивление нашим войскам...»

Вопли негодования раздались со всех сторон и лишь Поллион и его господин Борелл оставались безучастны: первый министр Гарданы смотрел куда в сторону, а вице-король Гарданы просто был сильно пьян.

— Дожили! Вот что значит промедление в вопросе Избрания. Срочно выбрать достойнейшего и отправить походную колону рыцарей и добровольцев, на Амазонию! Инквизиция поможет разобраться с местными предателями — умения у нас есть! — бесновался всю Великий инквизитор Корсо, размахивая руками в чёрных одеяниях и страшно при этом ругаясь.

— Удушить... Блокадой. — спокойно предлагал непонятно кому Тудджерри и начал советоваться со своим правителем Лиутпрандом о возможных действиях против мятежной провинции.

Амазония была довольно крупной провинцией империи, в меру отдалённым и труднопроходимым полуостровом.

Некогда, там, в густых местных лесах что отгораживались от остального континента тремя широкими бурными реками — находилось самостоятельное королевство, где по неизвестным имперцам традициям, наследовала престол всегда лишь женщина.

Королевство имело ограниченное небольшое количество рыцарей, зато почти каждый крестьянин тех земель — был хорошим стрелком из длинного лука и прирождённым охотником.

Вот по этой то причине Амазонские правители предпочитали тактику разбойников, с постоянными ночными обстрелами врагов на привалах из засад в густой чаще, действиям рыцарских армий на полях сражений: густые леса и редкие дороги позволяли амазонийцам отсечь силы противника от снабжения, и либо довести солдат врага до сдачи, от голода, либо, понемногу отстреливая фуражные команды, отправленные к глухим сёлам за провизией и водой — добиться выгодного для себя перевеса в силах для ночного штурма походного лагеря противника.

Городов, в данной провинции, было не более полутора десятков и десять из них находились на берегу моря.

В основном местные жили в затерянных в густых лесах небольших посёлках. Однако те города, что имелись в наличии в Амазонии — обладали мощными каменными стенами и почти все имели порты и причалы, хотя бы и речные — делая провинцию выгодной как с торговой, так и военной точки зрения союзницей всех, а в особенности Островной державы, что давно мечтала «отщипнуть» это дружественное и союзное им, по общей друидической религии, королевство, от столь внезапно построенной обширной империи.

В Амазонии, как и Островной державе — ранее основной была друидическая религия «почитания Древ и камней».

Там были центры сего древнего культа и известнейшие сборы друидов для обмена знаниями или судилищ провинившихся, и отправки убийц тем из преступников, кто уже сбежал прочь из Амазонии.

После походов ныне покойного императора и согласия последней из королев Амазонии стать его четвёртой женой, хотя бы и лишь по названию, ибо десятилетняя девочка и глубокий старик так ни одного дня и не прожили вместе — королевство получило новые права, уже в самой империи, но потеряло свою многовековую независимость.

Особо никто из имперцев не угнетал данные земли, так как помнили о «свободах» бедных простолюдинов вольных «лесных территорий» и постоянных многочисленных шайках в чащобах, что не удавалось полностью вывести ни одной власти.

Друидов правда прогнали, хотя и не всех, ибо император считал что в империи должна быть единая, объединяющая всех имперцев, религия — однако многие из друидов без всяких проблем отплыли на территории Островной державы, часть укрылась в Гардане и ещё столько же — стала тайно исполнять свои культы в самой Амазонии, в закрытых садах и охотничьих угодьях, при замках местной знати.

Как инквизиция ни просила, но император так и не позволил проводить в Амазонии полного имперского расследования трибуналом инквизиции, и запретил Великому инквизитору покидать Кельрику и выезжать в Амазонию, сколько тот не умолял правителя державы об этом.

В случае начала войны с данным королевством, у любого его противника возникало множество трудностей: морские берега Амазонии были малопригодны для высадки крупных десантов из за наличия крутых скал с башнями на них и сложных для судов прибрежных вод с частыми мелями, а те что подходили — были давно заселены и там стояли города-крепости, с артиллерий на стенах и башнях.

Прорываться, через узкие лесные дороги или тропы, большой армией было опасно и вряд ли могло привести к быстрой победе, скорее уж огромным потерям от ночных диверсий или началу болезней, при осадах. Снабжение войск было затруднено и приходилось ограничивать численность армии вторжения.

Дезидерию было очевидным, что скоро в Амазонии начнут действовать и друиды, в качестве наставников и командиров для селян партизан, а далее придут подкрепления к друидам из Гарданы и Островной державы, а на землях провинции, сильно лесистых и заболоченных — всё это противостояние могло растянуться на десятилетия, как уже не раз с Амазонией и случалось прежде...

При покойном императоре, которому удалось скорее угрозами, чем реальным походом добиться присоединения королевства к империи — особо никогда больших проблем с

Амазонией не возникало. Однако теперь, когда его не стало, местные дворяне явно решили что пора выходить из подчинения наследникам правителя, благо коих было четверо и существовала немалая вероятность элементарных ссор между ними и скорого начала гражданской войны, в огромной державе, когда о нынешнем мятеже самой Амазонии уже никто и не вспомнит.

— Поход! Только поход с огнём и мечом, на этих еретических бунтовщиков! — орал Великий инквизитор Корсо.

— Остыньте... — советовал Корсо его уммландский коллега Тудджерри, — туда уже столетие никто успешно с войсками не совался. Все тысячами теряли людей и глупейшим образом подыхали: от отравленных стрел, при ночных обстрелах из засад по людям у костров или от голода и болезней — на болотистых привалах, когда лошадей, при телегах с провиантом, первыми, меткие стрелки из длинных луков убивали. Блокада — только она! Переговоры и блокада. По Амазонии можно плутать годами: дорог мало и они плохие — все дороги под обстрелами из засад в лесах, много лучников среди пейзажей, в наличии многочисленные друиды и их фанатики, городов мало — зато все отлично укреплены... Мы за десятилетие там ничего походом не решим! Артиллерию лишь с моря можно подвести, а удобные пляжи и гавани ещё следует завоевать... Блокада и переговоры — как единственно верный вариант!

— Прощу внимания! — опять заговорил Дезидерий. — Это ещё не всё... Урдия.

— Что?! — проорали почти все за столом, включая наследников и начстражи гвардии императорского дворца Магинария Имерия. — Что Урдия?!

— «Круг рыцарей», данного бывшего независимого королевства, а сейчас нашей провинции — также провёл своё собрание и наши агенты докладывают, что они выбрали, из числа самых известных своих рыцарей, думаю знакомого многим из вас бывшего командира десятого, юбилейного, похода на Север — Аликарда Крогхта и его братьев, ставшими официальными наследниками новой династии, если что случится с первым королём возрождённой Урдии Аликардом, Адаларда и Алинарда.

Теперь тягостное молчание сразило всех за главным столом трапезной имперского дворца. Два крупных провинциальных королевства подняли официальный бунт против империи и главное — какие королевства!

Если Амазония считалась землёй бескрайних лесов, бурных рек и опасных болот, то Урдию, уже более как три века — называли «страна замков», за огромное количество каменных дворцов, замков, бастид — что были расположены по всей её территории на очень близком расстоянии друг от друга.

Урдия располагалась между двумя огромными судоходными реками империи и всю пользовалась этим своим удачным положением: занимаясь торговлей с северными и южными морями, перевозкой грузов, продажей зерна и строевого леса, и многим иным подобным.

Огромное количество городов. Укреплённых каменной стеной поселений — даже сёл, с оградой как в ином рыцарском замке, а также небольших именных каменных замков и прочего подобного — вот что отличало Урдию всегда.

Большое количество близких по расстоянию стоящих друг от друга замков и бастид — нередко просто объединяли вместе новыми стенами и так появлялись новые города, с несколькими синьорами, что было невозможно в иных провинциях империи.

Урдийцы присоединились к империи не в следствие войны, а скорее по причине



неудачной охоты на вепря: когда их последний король упал с коня прямо под ноги дикого кабана «секача» и был вспорот им до смерти.

Император, бывший также прямым внуком деда умершего короля Урдии — тут же объявил свои права на престол, благо мужского потомства у неудачливого урдийского правителя-охотника не было и вскоре, после проведённых консультаций и переговоров, пообещав широкие права и равное участие урдийской знати в имперских походах и отсутствие на их землях трибуналов имперской инквизиции — был объявлен королём Урдии, а через год признан и императором, сбором знати королевства Урдии.

Урдийские рыцари считались истыми имперцами наравне с уммландцами, или даже впереди них: они командовали полками или целыми самостоятельными походами, управляли крупнейшими городами империи и были министрами. К ним никогда не было никаких претензий. Все привыкли что урдийцы всегда стояли за империю и сейчас, когда пришло сообщение о расколе — это прозвучало как гром среди ясного неба. Кто угодно — но Урдия?!

Плечом к плечу, столько лет, сражались рыцари Урдии с остальными имперцами. Отличились в присоединении Ромлеи и Кельрики, помогали в войнах с Островной державой и Северных походах Света и вот совершенно неожиданно, теперь... отделяются!

За столом с наследниками и их министрами теперь все молчали, уставившись прямо перед собой. Продержав минутную паузу, Дезидерий добавил, словно только вспомнил: «Уважаемые наследники, вице-короли! Вот ещё что... Ваш отец сбежал из своего замка-узилища и где он сейчас пребывает — нам неизвестно... По понятным причинам он не является кандидатом на престол. Официально. Но рыцари бывают разные, в том числе глупые и бедные, и я бы не стал утверждать что мы о нём ничего вскоре не услышим.»

— Святое сияние!!! — возопил неожиданно Великий инквизитор Корсо. — Силы тьмы лунного затмения на нас ополчились! Столько бед за один раз — как такое могло случиться?!

Все за столом уставились на объявившего последние дурные новости главного имперского министра и тот вынужден был оправдываться: «Ваш отец пообещал людям, его охранявшим, что с его восшествием на престол они все станут герцогами и часть его стражи, ребята несколько простоватые — поверила в это и перебила верных клятвам оставшихся стражей... Где теперь беглец и сколько с ним людей — нам пока что неизвестно. Не думаю что он будет спешить в столицу, тут его вряд ли ждут.»

— Безумец на свободе. — как то буднично провозгласил Лиутпранд, вице-король Уммланда и старший из сыновей бежавшего Хада. — Теперь можно ожидать чего угодно: от массового похода крестьян на столицу — до того, что кто то из ныне его поддерживающих рыцарей, сам же его и зарежет, за насилие над своей сестрой или старой прабабкой...

— На костёр скотину и вся недолга! — предложил брат кельрик Амвросий, брату уммландцу, с которым до этого вообще весь вечер не общался, впрочем как и с остальными из родственников, за столом.

Внезапно вскочил, опрокинув подносы и вино, в стоявших на подносах кубках, ромлеянский вице король Джанелло и затрясся всем телом как в лихорадке.

Потом, сжимая кулаки, принялся кричать словно в никуда, истерично и несколько визгливо: «На части резать — на куски! Живьём обварить — как он мать... Тварь! Мразь! Дайте его мне и я сам распотрошу эту мразь — отдайте его мне!!!» — мужчина буквально бился в истерике и его первому министру Алавии стоило больших усилий усадить снова за

стол и упрямый Джанелло выпить пару кубков вина, после чего ромлеянский правитель понемногу успокоился. Лишь постоянно плакал и что то быстро-быстро тараторил своему министру утешителю, что успокаивал его как мог.

Внезапно проявил себя гарданец Борелл, что сидел уже несколько минут с кубком в руках и складывалось ощущение что он просто заснул: вино резко выплеснулось из ёмкости в руках мужчины ему на брюхо и на стол, обдав, немного брезгливо поднявшего брови при этом происшествии, Поллиона.

Борелл попросту раздавил золотой бокал своей медвежьей ручищей «лапой», видимо сильной как у дикого зверя, на которого он и сам немного походил, и теперь внимательно разглядывал винное пятно на своей одежде. Потом наследник из Гарданы глухо сказал: «К двум согнутым соснам привязать и отпустить. Будет честно...»

— Нет! — завизжал Джанелло и кинул поднос в Борелла, — медленно эту тварь мучать, медленно! За всё... всё... всё!!!

Крик ромлеянина словно спустил с цепей все страхи сидящих за столом людей: наследники вскочили на ноги и с красными лицами требовали отчёта у Магинария Имерия и «престолодержателя» о том, как подобный побег стал возможен, тем более теперь, в преддверии Избрания нового императора и глумливо интересовались — не предательство ли это со стороны высших имперских сановников?

Тем временем первые министры провинциальных королей снова начали споры выяснять отношения меж собой: Великий инквизитор Корсо бросил пустым кубком в Алавию, назвав того шутком — за что получил булкой прямо в лоб, от ромлеянина и новое прозвище «колбасник еретиков»!

Корсо тут же пообещал провести тотальные проверки в Ромлее, где инквизиция хоть с ограничениями, но работала и если что узнает нового о проделках ромлеянского шута министра — немедля отправит того в пламя очищения, без раздумий!

Вмешавшиеся в их перепалку Поллион и Тудджерри — тут же были осыпаны градом оскорблений со стороны обоих спорщиков и махнув рукой на происходящее просто попытались успокоить собственных кандидатов в императоры.

Корсо грозился вывести друидическую ересь «под ноль» и скоро вернуться в Уммланд с проверкой на Веру Света всех местных негоциантов, как было много столетий назад, когда без подобной проверки ни один купец не мог начать своё дело в этом, тогда ещё независимом, королевстве.

Начались потасовки и между людьми за «нижним» столом, предназначенном для свит наследников.

Уже нескольких вывели прочь из зала императорские дворцовые стражники гвардейцы и стали слышны громкие крики и сговоры о завтрашних встречах для поединков.

Дезидерий сидел с ничего не выражающим выражением лица, хотя в душе он ликовал и готов был пуститься в пляс: на ровном месте начиналась приличная ссора, что может в дальнейшем немало помочь ему отсрочить Избрание императора и возможно сохранить своё нынешнее место главного имперского министра, а то и стать регентом, при определённых условиях...

Расходились наследники и их люди злыми, как никогда: кельрики и ромлеяне осыпали друг друга бранью, не подбирая слов. Уммландцы первыми покинули зал, а гарданцы ждали пока не выйдет их королева, что показывало насколько мало было значение Борелла в его собственном королевстве и как важны были Поллион и его дочь.

Алуникофиэль появилась крайне раздражённая и было попыталась тут же начать говорить, но Поллион перебил своё дитя и указал что поговорит с ней позже.

Женщина быстро оценила обстановку и кивнув гривой своих светлых волос — гордо удалилась под охраной гарданских телохранителей, волоча вместе с отцом своего пьяненького мужа за собой и тихо ругая его почём зря.

Магинарий Имерий отправился посмотреть в каком сейчас пребывают состоянии задержанные за драки приезжие гости столицы империи, из свит наследников и проверить посты во дворце, а заодно и проводить всех наследников до дворцовых ворот, что бы драки и поединки, если где и происходили между сторонниками кандидатов на престол — то обязательно вне стен императорского дворца.

Канцелярист Аргуин был шокирован произошедшим и отпросился уйти к себе в особняк, на что милостиво дал разрешение Дезидерий.

Сам же главный министр, после окончания сего странного ужина — потребовал у своих агентов и доверенных секретарей срочного сбора через три часа, на ночном совещании, и указал им мало используемый павильон в дворцовом парке при императорском дворце, где любил последние годы сживать покойный правитель, когда страдал бессоницей.

Когда наконец собрались срочно вызванные им люди, Дезидерий у них спокойно поинтересовался тем, насколько реально найти и привезти в столицу Хада, отца наследников — что бы, при возможных удачных случаях: либо сдать его одному из сыновей, либо же внезапно возвести на престол, в обход завещанию умершего императора.

Идея министра была проста: гарантировать Хаду престол, с условием невмешательства того в дела державы и свободного приятного времяпровождения.

Простых дворян и имперцев можно было сагитировать за прямое наследование сыном императора, а не его разношёрстными внуками — особенно странным, ненавидимым многими имперцами, ромлеянином Джанелло и таким образом начать свою собственную игру.

Создать условный «имперский совет» при полудурошном императоре и править его именем, меняя шлюх и развлечения, для постаревшего дебила.

Один из секретарей министра, Тарасий — сразу же указал Дезидерию на все недочёты подобной идеи: нахождение беглеца, переговоры с ним, попытка добиться выполнения того — в чём он не заинтересован, и главное: Хад не столько дурак, сколько подонок и если что и пообещает, то это не значит что не казнит всех кто ему помогал, на следующий же день!

Нехотя, но всё же главный министр согласился со своими людьми, что не следует вообще связываться с Хадом — ибо нет никаких гарантий что он их самих, не сварит живьём в чанах.

Было решено объявить утром официальную награду за голову беглеца от имени империи, и послать гонцов во все провинции с сообщением о бегстве опасного преступника, и награде за его поимку или уничтожение.

Пока согласились использовать Хада и его побег — как страшилку против наследников, и попытаться каким либо образом обратить это себе на пользу: будь то за поимку его или устранение самой угрозы ближайшего Избрания императора, не есть суть.

Секретари сообщили «престолодержателю» что Избиратели — сейчас сильно напуганы своим общим сбором в тайном дворце на окраине города и находившимися там многочисленными стражниками имперской гвардии, которые их стерегут, и между собой говорят что возможно наследники решили их перебить... Этим тоже можно было

воспользоваться.

Дезидерий потребовал что бы при Избирателях распространялись слухи о грозящей им опасности, например прислугой кто приносит еду или убирает у них, что бы в случае если он открыл двери их клеток — «пташки» могли тут же, словно бы по собственному желанию, немедля упорхнуть — да так, что ни одна погоня их не догонит! Это был запасной вариант для отсрочки Избрания, но был шанс использовать и его.

Через час все распрощались и главный имперский министр отправился в свою ближайшую ко дворцу резиденцию, что бы утром быть вновь одним из первых на заседаниях «малого имперского совета», что теперь будут проводится с наследниками, дабы понемногу ввести их в курс общеимперских дел.

## Глава пятая: «Советчик»

Как показалось самому Дезидерию, всего через пару минут после того как он заснул после принятия ароматизированной ванны с цедрой лимона и апельсина, маслами и лепестками цветов, и расслабляющего массажа, в одном из своих многочисленных особняков в столице — как его уже вежливо, но очень настойчиво будил второй из трёх, личный секретарь Анулон, с сообщением о том что пришли очередные важнейшие новости и их следует немедленно узнать господину главному имперскому министру.

Туго соображая от недосыпа и совсем недавно проведённого скандального ужина со всеми наследниками, а также всего прошедшего дня, потраченного на встречу важных коронованных гостей и их приветствие в столице империи — «престолодержатель» тяжело грузно поднялся на своём ложе и громко отрыгнув, наконец недовольно буркнул себе под нос, надевая толстый халат и привычно суя ноги в кожаные туфли с загнутыми носками: «Что там стряслось ещё?»

— Все господа наследники прислали своих людей, с просьбой к Вам — с ними поскорее встретиться...

— Виделись совсем недавно! Чего им не спится?

— Они просят зайти по возможности ранее, скрытно, в их дворцы и потолковать об Избрании и том, какие должности Вы бы могли занимать после него.

— А... — просиял Дезидерий. — До приезжих провинциалов наконец дошло, что стоит иметь в друзьях главного министра империи? — хоть что то... Хотя и поздно! Ладно, ради этого стоило разбудить. Придумаю график их посещения и ты должен будешь послать гонцов, оповестить всех наследников о времени наших ночных встреч. Всё?

Секретарь виновато переминался с ноги на ногу, потом произнёс: «Вообще то мне казалось что это как раз и неважно, и вы могли бы позже выполнить подобную их просьбу. А то и через сутки, а не прямо сейчас, ночью, провести с ними консультации. Набить себе цену при сделке, вроде того.»

— Ты чего мелешь?! — искренне изумился главный имперский министр, просто не веря своим глазам и ушам, — ты меня разбудил что бы лекции читать, о том как себя вести с прибывшими наследниками и получать от них преференции? Ты сдурел что ли?! Пьян мерзавец?!

— Нет господин! Просто это были второстепенные новости, а главные пришли от агентов из Ромлеи и я...

— Говори скорее! Надоело ждать твои манерные отвлечённые подкаски!

— В Ромлее, внезапно, около пары суток назад скончался глава культа почитания Святого Светила Солнца — «Солнцеликий», и пока наш гонец скакал сообщить об этом странном совпадении: что как только покинул своё королевство правитель Джанелло, так сразу же и верховный жрец Солнечной Веры умер, как пришло очередное сообщение от наших тамошних людей, что новый капитул высших жрецов срочно собрался и в течении суток избрал нового примаса церкви Солнца, без одобрения императора, как бывало всегда ранее. Правда императора пока что и нет в державе, но вот что бы даже не спросить у империи...

— Вот же скорострелы... молодцы. Подгадали. — искренне удивился Дезидерий, будучи всё ещё немного сонным и не до конца соображая весь ужас сложившейся ситуации.

— Да... — продолжал секретарь Анулон. — Они избрали новым Солнцеликим, печально известного Велизария, или Балтазара — как его кличут простецы. Его ещё часто за причёску, у нас, при императорском дворе — называли «Барс с косою», за то что тихо, как барс, умел подходить к говорившим людям и носил длинную косу, в память о каких то событиях своей жизни.

— Они совсем ополоумели, что ли?! — возопил Дезидерий на своём ложе. — Бывшего пирата, развратника, негодяя и мерзавца — на престол «Солнцеликого»?! Да что же это такое...

«Престолодержатель» быстро свкочил на ноги и зашагал по своей спальне, вспоминая детали что он знал о новом примасе Солнечного культа и пытаясь понять что же теперь будет.

Велизарий был младшим сыном одного, в меру оборотистого, ромлеянского маркграфа и смог получить хорошее аристократическое образование.

Позже, когда его отец спустил своё немалое состояние из за куртизанки Олимпии и её братьев, что по слухам также были его любовниками, Велизарий отправился добровольцем в местный рыцарский орден и вскоре стал там знаменит.

Однако когда к нему, в его личный отряд, стали во всё больших, просто невероятных, количествах записываться новички, а были это в основном опытные ветераны и рыцари, имевшие за плечами по несколько походов — глава ордена провёл собственную тайную проверку столь чудесной карьеры молодого перспективного командира и... ужаснулся!

Велизарий и его рыцари регулярно захватывали в плен и запугивали ради выкупа дворян из прибрежных поместий, нередко продавая их работорговцам из южных земель, для острастки оставшихся. Занимались массовыми похищениями простецов и продажей их знакомым пиратам и контрабандистам. Скупали у пиратов захваченные теми имперские грузы и сами давали информацию: что, где и как можно вскоре заполучить морским разбойникам.

У них была собственная база в незаконно захваченном у местного маркиза замке, из которого они сделали провинциальный центр по продаже контрабанды и дешёвых рабов.

Силами самого ордена, «гнездо» группы Велизария было захвачено, а его люди наказаны: рыцарям отрубили головы, ветеранов кнехтов перевешали, известных насильников или садистов — живьём варили в чанах с найденным вином, для запугивания остальных рыцарей ордена и воспитания в них умений отличать Добро и Зло...

Однако сам глава разбойничье рыцарского отряда не был сразу же казнён, так как в припадке чистосердечного рассказания и обильных слёз, падая часто на колени и разрывая на себе дорогие одежды, громко стелая — он проговорился, что держит, тайно от своих людей, «грешников и нечестивцев» — казну отряда, в которой было не менее миллиона золотых монет...

Велизария, с тремя рыцарями и двумя десятками кнехтов, сержантов, оруженосцев для конвоя и сопровождения — тут же отправили на поиск и привоз казны в штаб ордена, но...

Но по пути он сумел убедить кнехтов что «неча делиться с напыщенными дворянчиками и за такие монетки — они везде себе сами будут хозяевами!»

Ночью, шестеро кнехтов ордена перерезали остальных людей, в конвойном отряде и вместе со связанным Велизарием отправились на тайную пиратскую базу, в укромном морском гроте, что был надёжно скрыт от посторонних глаз.

Там, шестёрку «сотоварищей» рыцаря-разбойника быстро скрутила группа смотрящих

пиратов, которым и принадлежало данное укрытие, что находились на постах наблюдателей вокруг грота. Сам Велизарий отдал новых шестерых рабов, за своё спасение — пиратам в уплату.

Вскоре о нём стали ходить легенды по всему имперскому Южноморью: его галера внезапно появлялась, словно из ниоткуда и «краснокосыночники», с воплем и выучкой не хуже чем у рыцарских абордажных команд — в минуту оказывались всей своей вопящей оравой на палубе толстобрюхого корабля торговцев.

Самым известным стал случай одновременного ограбления трёх караванов: с шерстью, кожей и оружием — всего одиннадцати кораблей, что провернул новый пиратский капитан, лишь за один жаркий летний день.

Ещё через три года, один из верховных жрецов Солнца в Ромлее, заявил тогдашнему «Солнцеликому» что хочет отправиться к пирату Балтазару, как стали его называть на южный манер и попытаться его убедить отказаться от данного преступного ремесла. Все оплакивали наивного жреца, идущего прямо в пасть сему лютому зверю...

Однако уже вскоре вернулся и сам жрец «воспитатель» — на судне вместе с одетым в рубище Велизарием, и оба они пешком отправились в город-храм «Солнцеликого», где бывший рыцарь и пират — на коленях полз от самых ворот в город, вымаливая в слезах себе прощение, до места в саду где его ожидал примас культа Светила. Вскоре прощение было ему милостиво даровано.

Злые языки утверждали что это всё сговор и никаких соплей с раскаянием, не было: Велизарий искал пути вернуться из отбросов общества — в нормальный, знакомый ему мир знатных людей. Негоцианты думали как избежать постоянных нападений его небольшой, но крайне дерзкой галерной флотилии, а культу Солнца нужно было настоящее и главное — современное, чудо в Ромлее!

В то время как в Кельрике правила инквизиция, совершая подвиги на полях сражений с лунопоклонниками и при судебных кострищах чернорясных жрецов, где сжигались еретики тысячами — Ромлея уже давно не могла похвастаться у себя какими то ни было успехами на ниве Веры, а тут вдруг такая победа: известнейший пират раскаялся, после проповеди жреца из Ромлеи и стал честным человеком, вернувшись к мирной, спокойной, достойной и законопослушной, жизни.

В крупном портовом городе, в Ромлее, Велизарий купил себе роскошный особняк и стал вести непонятные дела, вроде бы связанные с торговлей.

Однако никто не понимал откуда у него, с его всего пяти торговых судов — столь вопиющие прибыли, позволяющие помогать городу деньгами и устраивать за счёт бывшего пирата, а теперь негоцианта, целые недельные карнавалы и многодневные представления на спортивных аренах.

Вскоре один из торговцев проговорился, что Велизарий продаёт «ярлыки» от пиратского альянса — что объединял полсотни флотилий в южных морях и располагался в городе крепости, на территории одного из княжеств многочисленных племён луннопоклонников, и что купивший данный документ — на год освобождается от нападения этих объединённых свирепых морских грабителей, более того — они преследуют всех пиратов одиночек, что мешают им «мирно» контролировать торговлю данными охранными патентами на море.

Ещё через пяток лет, когда состояние Велизария считалось просто неприличным даже для торговой богатой Ромлеи — он внезапно, вроде бы «отписал» его полностью, одному из

крупных храмов и вскоре получил право, в обход стандартных правил, стать жрецом данного храма.

Вслед этому, всего за три кратких года, его возвели в ранг Главных провинциальных жрецов и вызвали в город-храм «Солнцеликого», где бывший поочерёдно: рыцарь, пират, негоциант и жрец — стал одним из советников самого примаса церкви Солнца.

Вскоре новоиспечённый помощник Слнцеликого стал просто незаменимым «решателем», при дворе тогдашнего главного жреца Культа Солнца: Велизарий проводил частые оргии для высокой аристократии — находя по всей Ромлее лучших и главное, не заразных чем нехорошим, куртизанок. Устраивал раздачи хлеба и представления для бедноты. Уговаривал дворян оставлять замки и земли, жертвовать деньги и корабли с редким товаром — различным храмам по всему вице королевству. Устраивал спортивные одиночные игры и целые турниры с призами, по «игре в мяч». Проводил невредимыми огромные торговые караваны, принадлежавшие храмам в Ромлее, вызывая правда этим жгучее презрение у инквизиции и жрецов, из известнейшего имперского храма «Карающего Жара» и нанимал солдат для охраны городов, принадлежавших храмам и их замков, с хранившимися там немалыми сокровищами.

Велизарий «Барс с косой» — стал совершенно незаменимым «решальщиком» всех сложных дел при дворе примаса Солнечного культа и его из уважения, прямо в глаза, называли «первым министром Солнцеликого», хотя данный пост и занимал официально иной человек.

Именно Велизарий проводил и по слухам всячески «направлял», последние два голосования за пост «Солнцеликого», когда даже имперские чиновники, присланные для контроля сего мероприятия — оставались всем довольны и присылали восторженные отзывы о проведении процедуры выборов высшего жреца культа Светила... Увозя в столицу империи сундуки с монетами и кучу редкостных драгоценностей, на себе.

Кроме того, Велизарий до сих пор был отличным спортсменом и сам принимал участие в матчах на аренах по игре «в мяч»: где соперники толкались и били друг друга, пытаясь затолкать в корзину на стороне соперника странный кожаный предмет овальной формы, набитый шерстью или тряпицами.

Один примечательный случай, многое говоривший о его влиянии на людей, произошёл ещё в то время когда он был негоциантом в портовом городе — «воротах» западного Южноморья империи: после удачного и отлично проведённого матча на стадиуме, Велизарий собрал толпу из игроков команды которую содержал — их он выставил впереди и нескольких сотен болельщиков — чуть сзади игроков, и повёл их всех, под речёвки и гимны, к зданию магистрата города. Там они окружили административный дворец и требовали у властей всё что Велизарий им говорил.

Ошалевшие от случившегося правители полиса, поняв что Велизарий может как разгромить их нынешнее укрытие, так и прийти к ним ко всем по домам, вместе со своими боевиками, да ещё с такой оравой простых сторонников — предпочли немедленно принять все условия возбуждённых победой в недавнем матче и бесплатным вином, людей, и мирно проститься с Велизарием в тот день...

А ведь всего за неделю до этого знаменательного события — планировалось арестовать бывшего пирата Велизария за явные связи с морскими разбойниками и торговлю лицензиями от них, после чего отправить на судилище в имперскую столицу, в надежде на скорую мучительную казнь для него.



Больше подобной глупостью в городе не страдал никто, прекрасно понимая возможности и организационные способности этого человека.

Позже он примирился с магистратами, устроив годовые еженедельные раздачи хлеба бедноте из своих средств и договорившись, полюбовно, с бандами в полисе: что бы не было убийств или похищений граждан для выкупа или продажи в рабство. Как ему это удалось — правители города и знать не хотели.

У главного имперского министра Дезидерия даже не возникло сомнений в том, что именно, недавно произошло в Ромлее: опытный «решальщик» Велизарий, посчитав что пора и самому подниматься в гору по карьерной лестнице — подождал пока покинет своё королевство правитель Джанелло и уедет в столицу на Избрание императора. Далее, случайно дождавшись или, что было вероятнее всего, просто отравив предыдущего «Солнцеликого» — Велизарий сам провёл свои же собственные «правильные» выборы. Благо опыт в этом у него был огромный и теперь он, Велизарий — является фактически полным хозяином, не только административным но и духовным, большого королевства.

Ибо было сомнительно, что вице король Ромлеи Джанелло скоро вернётся туда, а истовое почитание Солнцеликого в данных землях — сравнимо с боязнью инквизиции в Кельрике. Велизарий теперь за главного там: и как земной правитель, и как представитель Светила...

— Хм... — напомнил о себе секретарь.

— Что ещё? — не без сарказма поинтересовался Дезидерий. Ночь его не переставала неприятно удивлять.

— Агенты докладывают, что Велизарий ведёт переговоры со всеми крупными торговыми республиками Ромлеи о ссудах ему, и набирает многочисленные отряды наёмников отовсюду. Скупает их буквально тысячами. Занимает всё новые замки и раздаёт земли и города своим сторонникам, бедным рыцарям — уже без стеснения прогоняя бывших хозяев оных, из старой высшей знати. Он похоже там укрепляется надолго...

— Да. Серьёзный в планах человек и быстрый в поступках. Ладно! Явно он готовит мощное выступление против империи, благо время удачное: внезапно невовремя Амазония и Урдия взбунтовались, тут ещё безумец Хад сбежал, императора, опять же — нет... Может это всё именно Велизарием и подстроено, а? Он, по моему разумению — самый умный из всех них: я имею в виду нынешнюю королеву Амазонии и правителей, братьев рыцарей, из Урдии. Может «Барс с косой» нас просто перехитрил? — создал тайную коалицию, благодаря жреческим связям и деньгам своим личным, немалым — потом дождался пока все наследники будут в столице империи, но сам император ещё не избран и — раз! Самоизбрался Солнцеликим, захватил фактически без боя Ромлею, возможно дал денег на бунты ещё и Амазонии с Урдией, и пока мы будем дробить силы на каждое из этих выступлений — он будет обрабатывать посулами и угрозами знать Ромлеи и убеждать простецов: что он — истинный примас культа Солнца, а имперцы — еретики. За него, провинциальные бедные рыцари — станут сражаться за замки и титулы, а простецы — за истинную веру и борьбу с ересями, что заполонили империю... Если рассказать ромлеянам хоть часть из того, что сегодня орал за столом Великий инквизитор Корсо — они немедля сбросят любое подчинение империи, без всяких споров!

Дезидерий задумался о том что ему далее делать, потом сказал секретарю: «Надо провести переговоры с наследниками уже сейчас! Как можно скорее! Порядок их посещения таков: кельрик, гарданец, ромлеянин, уммландец — ты понял?»

— Да господин!

— Хорошо. Исполни! — Дезидерий стал спешно сам одеваться, пока его секретарь Анулон тенью выскользнул из спальни что бы проинструктировать гонцов, с сообщениями наследникам.

Главный имперский министр призадумался и внезапно тихо хохотнул: «А ведь меня это вполне устраивает! Ну какие спешные выборы императора, когда империя уже рушится?! Вначале подавление бунтов и ересей, силами наследников, а уж тогда, среди самых отличившихся и прочее бла бла бла...»

Ему показался очевидным, для выполнения, самый простой из планов, что приходил ранее в голову Дезидерию от всех поступивших судьбоносных новостей последних суток: не искать себе в спешке подходящего из наследников и тащить того на трон всеми силами, а заставить всю четвёрку внуков императора заняться подавлением мятежей и пока что самому оставаться «престолодержателем», и фактически, с урезанными конечно, частью правами, всё же Дезидерий не великий герцог или князь какой — быть главой империи!

Был правда риск крупной ссоры с внуками умершего правителя и попыткой тех разрешить этот спор силой, в самой столице. Однако их четверо и поползновение любого из них на власть министра «престолодержателя»- будет воспринято остальными как узурпация власти и попытки избавиться и от них самих. При таких вариантах следовало играть на повышение ставок!

Одевшись и умастив волосы благовониями и маслами, главный имперский министр вызвал себе паланкин, что позволял практически бесшумно передвигаться на ночных улицах столицы и отправился вначале в поместье наследника из Кельрики, дабы увидеть состояние Великого инквизитора Корсо, после всех споров за поздней трапезой в имперском замке и именно фанатичным верующим в Солнце кельрикам — первым сообщить о смене Солнцеликого в Ромлее, что бы они начали будоражить людей своими высказываниями и истеричными религиозными действиями: и в том и другом Дезидерий даже не сомневался.

Добрався «престолодержатель» до Храмина — всего за четверть часа, как обычно в столице называли в основном пустующее, мрачное здание особняка принадлежавшее наследнику Амвросию из Кельрики: огромный дворец-храм, с утопанной песчаной площадкой для наказаний провинившихся, прямо перед главным входом во дворец.

«Храмина» поражала своей монументальной мощью, в неверном лунном свете, в ночи и при этом казалась практически необитаемой. Лишь распевные молитвы жрецов и почти невидимых в сумраке ночи инквизиторов, в их отличительных чёрных балахонах — показывали наличие большого количества людей в самом здании и окружающих дворец территориях.

У входа во дворец кельрикского наследника, Дезидерия встретил командир телохранителей вице короля Кельрики — Путьсон и тут же попросил оставить любое имеющееся оружие ему, а своих охранников расположить в караульном помещении на первом этаже.

Узнав что у главного имперского министра нет телохранителей, впрочем как и оружия при себе, вначале искренне удивился. Потом хмыкнул и громко пробормотал под нос: «Просто в столице империи кинжальщики лунопоклонников почти не действуют, а так — посмотрел бы я...» и продолжая откровенно лыбиться в свои пышные ухоженные усы, провёл прибывшего ночного гостя в помещения, где того уже должны были ждать.

— Как себя чувствуют властитель Кельрики Амвросий и Великий инквизитор Корсо? —

решил занять себя разговором Дезидерий, после долгих нудных проходов по слабосвещённым лестницам с охраной и странных, полупустых кабинетов, данного паласа Храмины.

— Что? А... Его святейшество сейчас занимается вечерней поркой, а его высочество... — не без смеха ответил Путысон.

— Кого наказывает? — удивился такому трудолюбию Великого инквизитора главный имперский министр, ибо ночное время явно намекало на сон вместе с отдыхом от дневных трудов и возможность отложить наказание на утро.

— Да нет! — рассмеялся, теперь уже вовсю, не сдерживая себя, Путысон, — самого себя стегает кожаной плёткой. Он так делает регулярно, каждые три часа и все сутки напролёт: спит на полу, на простой циновке, регулярно бьёт себя плётками и ест лишь простую пищу, и иногда жаренное мясо. Странный образ жизни, но ему подходит!

Дезидерий вспомнил что Путысон — бывший отличный имперский гвардеец и несколько простоват и косноязычен, и ждать от него правильных словесных оборотов не стоит. Зато можно получить информацию о том что происходит во дворце вице короля Кельрики, как бы ненароком задавая правильные вопросы.

— А его высочество?

— С супругой и её мамками!

— Как это?! — наигранно простодушно изумился гость.

— Да она очень суеверна, вы же помните что они поженились ещё подростками? — наша королева в основном сидит под замком, в окружении своих воспитательниц, что при ней с тех самых пор когда она была ещё ребёнком и всяких бабок гадалщиц, и весь день напролёт, они, всей бабской галдящей оравой что то там высчитывают...

— И как успехи?

— Да никак! Её жизнь — это вечная «золотая клетка»! Что там высчитывать гаданиями, если никуда из дворцов не отлучаешься, даже в парк — на прогулки? Наш правитель Амвросий, как примерный супруг, дважды в день посещает королеву и беседует с ней о Вере, и любви: к ней и державе... Кгхм... — видно было что Путысон всё это считает явной аристократической блажью, а вовсе не правильным поведением своего господина, считавшегося среди простолюдинов Кельрики «почти святым».

Дезидерий призадумался: если ранее он считал что Путысон переехал в Кельрику ради участия в походах против еретиков, как истый солнцепоклонник имперец — то сейчас, беседуя с ним, ему всё сильнее казалось что лихой рубака скорее соскучился по постоянному риску яростной схватки и когда империя приостановила свои активные завоевания, отправился туда, где всё время было жарко от непрекращающихся, ни на день, боёв и столкновений. В Кельрику.

Наконец они добрались до большой, плохо освещённой залы, с горящим камином несмотря на летнюю жару и вице-королём Кельрики Амвросием, сидевшим в кресле прямо напротив камина и чей взгляд сейчас был направлен прямо в пламя, рвущееся в каменной клетки своей. Каким то особым умиротворённым взглядом смотрел кельрик на огонь, как на что то крайне приятное и успокаивающее — что позволяло ему расслабиться и отдохнуть от суеты обыденной жизни.

Путысон щёлкнул каблуками с металлическими набивками и после данного звона, словно из ниоткуда — появился сам Великий инквизитор Корсо. Но не в своём привычном чёрном с белыми крхотыми частями одеянии, словно огромная сорока, а в некоем подобии

свободного халата с большими выдающимися наплечниками и в привычных сандалиях на босу ногу.

Инквизитор отпустил привычным властным жестом главного телохранителя и призвал министра Дезидерия присоединиться к нему и вице-королю Кельрики в креслах у камина.

После парыминутной паузы, Корсо спокойно начал: «Нам с Амвросием хотелось бы прояснить некоторые моменты, что вызвали вопросы на недавней трапезе... хм... Где было несколько шумно и разные шуты, вроде ромлеянина Алавии, мешали поговорить о важных делах серьёзным людям.»

— Да-да, конечно! — с готовностью отозвался Дезидерий, не понимая пока куда клонит Великий инквизитор Корсо.

— Думаю Вы согласны, что новый император должен привести вместе с собой, к управлению державы и новую, ему лично преданную, команду? Для безопасности своей и покоя государства, конечно же... — продолжал тихим умиротворённым голосом Корсо.

— Да... Пожалуй. — несколько глухо отозвался главный имперский министр, решив что сейчас его начнут уговаривать передать все дела людям кельрикского вице-короля и влиться в группу его сторонников, но, понятное дело, с явным понижением в должности.

— Наш спор за столом, о моём назначении на ваш нынешний пост — не пустая блажь, для начала ссоры, отнюдь! — это честное признание перед Вами, господин главный имперский министр, наших с Амвросием дальнейших шагов, сразу после его избрания императором. Мы с Вами предельно честны!

— Благодарю! — по возможности бойко ответил «престолодержатель», проклиная про себя обоих своих собеседников.

Корсо снова немного помолчал и вытянувшись — стал медленно твёрдо говорить, глядя прямо в лицо гостя: «Мы считаем, что поход на предавшую империю еретическую Амазонию — следует доверить именно нам, ещё до Избрания императора, прямо сейчас! Вы, как главный имперский министр, легко выделите на это фонды из имперской казны и мы сможем уже вскоре начать «поход Света» в ближайшее же время: захватим и сожжём все культовые места почитателей «древ и камней», уничтожим на кострах проклятых друидов и вернём империи важную провинцию! Заодно, показав всем умение нашего славного вице короля — быстро и эффективно решать появившиеся перед державой проблемы...

— Но... — запротестовал было Дезидерий, однако инквизитор одним лишь жестом перебил его, показывая что не договорил.

— Далее: из Амазонии, наши войска, усиленные имперскими частями — войдут на территорию Гарданы и начнут преследование сохранившихся там почитателей «зверей и молний», и бежавших к ним тысячами друидов, из остальных земель нашей державы! Мы сможем одним походом, условно говоря на Север — подавить бунты в Амазонии и очистить Гардану от той скверны, что в ней скопилась за все годы управления ею... ммм... да простит меня Амвросий, абсолютно негодного к правлению, его брата, Борелла.

— Он мне брат лишь по отцу. — тихо, словно из иной комнаты, наконец заговорил вице король Кельрики. — Отцу, которого мы все ненавидим... Так что на самом деле Вы зря, Корсо, просите прощения: мы настоящие братья лишь с Лиутпрандом и то, это ничего не значит. Борелл и тем более Джанелло — совершенно чужие мне люди.

Наступило тягостное молчание, прерываемое лишь сопением Дезидерия, что пытался понять как ему реагировать на откровения Великого инквизитора и что ответить тому.

— Вы понимаете что мы от вас хотим? — вновь спросил Корсо, обращая взор на гостя.

— Не до конца.

— Хорошо. Начнём сначала... — устало объявил Корсо и стал терпеливо объяснять, словно туповатому школяру. — Вы, пока что являясь условным регентом, в отсутствие нового законно избранного императора — уже сейчас поможете нам с финансированием проектов и получением в подкрепление имперской армии, для большого «похода Света»: вначале в Амазонию, а позже, после успехов там — на Север, в Гардану. Это станет хорошим поводом призадуматься Избирателям о нашей силе, раз мы уже сейчас получаем подобные преференции из казны и имперских арсеналов, а успехи в борьбе с еретиками — перетянут на нашу сторону жрецов и просто верующих людей. Мы получаем полностью гарантированное избрание Амвросия императором, а Вы, за данную услугу — останетесь министром, например начальником императорской канцелярии. Это тот пост что вы уже ранее занимали, ведь так? Кельрика получает своего императора, а господин Дезидерий — остаётся одним из важнейшим сановников империи и смею Вас уверить, на долгий период!

Просчитав что ему предлагают и решив про себя что это хоть и не очень хороший вариант, но всё же, как запасной, вполне сойдётся — Дезидерий притворно вздохнул но объявил: «Это невозможно! Имперская казна, также как и армия, в полном распоряжении будущего императора и я не могу просто так начать выделять суммы из неё — я за них в ответе! Слишком откровенное подыгрывание Вам, может возмутить имперских прокураторов и кого ещё. Остальные наследники потребуют немедленных раздач сумм и им, и тогда будет бардак... Я с удовольствием выдам все документы на казну сразу после Избрания нового правителя, ему и его главному министру. Но не раньше! Да и походы, против мятежных провинций, ещё под вопросом: стоит ли решать всё войной, когда покойный правитель старался мирно ужиться с новыми многочисленными подданными и пристроить их на равные места с прежними своими людьми, что бы все считались равней и едиными по духу и правам — имперцами?»

Корсо таращился неверящим взором на оратора, потом вскочил с кресла и начал орать, с хорошо слышимым в Храме, эхом: «Как раньше?! Друиды в Амазонии и Гардане чувствуют себя как дома! Рыцари Урдии посылают нас прочь, словно и не было унии королевств и признания ими единой империи! И это вы называете «хорошим решением»?! — чушь! Только новый поход истинно верующих рыцарей и их боевых слуг, способен восстановить единство и величие державы и вернуть Солнечной Вере звание единственного Учения, в нашей великой стране! И если главный имперский министр Дезидерий потакает врагам державы, изменникам и еретикам культистам — это лишь его проблемы и заблуждения! Мы, с наследником Амвросием, сами соберём армию в Кельрике и получим необходимые средства на поход, из наших местных храмов. Они дадут нужные суммы и тогда — пускай все видят на что способны люди у которых Светило, его свет и жар, в сердце и крови!!! Мы проведём поход сами!»

— Угу... — подумал про себя «престолодержатель», — жар в голове. Видимо частые костры совсем напекли голову обоим кельриками и они уже несколько не в состоянии адекватно воспринимать ситуации, что перед ними возникают. Вон, вице король как сидел, всё время смотря на огонь в камине, так и не отвернётся от него. Явно наслаждается... Костры и пытки о заменили данному дуэту всё: личную жизнь, амбиции, мечты и стремления. Забавно. Хотя и немного страшно...

Однако вслух, главный имперский министр произнёс следующее: «Не стоит начинать походы, что могут привести к скорой всепогубительной гражданской войне! У нас и так

множество проблем и одна из новейших, о которой мне сообщили совсем недавно, буквально час назад: скончался, пару дней как, в Ромлее Солнцеликий и на престол главного жреца церкви Солнца взошёл Велизарий «Барс с косою», который уже объявил что собирается отделить Ромлею от империи и провозгласить там собственное государство жрецов. Вы надеюсь не забыли данного авантюриста?»

Корсо остановился как вкопанный где стоял, Амвросий же наоборот — вскочил со своего кресла будто бы ужаленный змеей и теперь растерянно смотрел на своего многолетнего наставника и советника, Великого инквизитора.

Наконец Корсо произнёс: «Карающий жар Светила... Что же теперь будет? Центр нашей веры... Земли — символизирующие зарождение и распространение её во всём мире — во власти мерзких отщепенцев и извращенцев?! Да... Теперь следует срочно снаряжать походы не на Север, это уже второстепенно, а в Ромлею! Это слишком важно и значимо!»

— Безусловно следует что то предпринять! — горячо согласился «престолодержатель» с Великим инквизитором, — но всё же лишь после согласования на «малом имперском совете», при содействии всех внуков наследников почившего императора. Поймите меня правильно: это дело касается нас всех и при всём моём уважении, я не могу позволить лишь вам начинать «походы Света», словно остальные из кандидатов на престол, прокажённые!

На самом деле Дезидерий опасался иного: слишком фанатичные в Вере кельрики, ведомые Великим инквизитором Корсо и его истеричным упрямством — запросто могли самостоятельно начать походы как в относительно спокойную, пока, Гардану, так и начавшую бузить Ромлею. К тому же была известна нелюбовь внуков императора из Кельрики и Ромлеи, Амвросия и Джанелло, друг к другу, а также частые ссоры поддерживающего кельриков Хорхе, Избирателя и главу города храма «Карающего Жара» и Виллиама, главного жреца «Утреннего Рассвета» и сторонника Солнцеликого и Ромлеи: Хорхе, как и большинство знати Кельрики — мечтали о непрекращающихся походах Веры и массовых ежедневных казнях еретиков на кострах, как в их родных землях, где уже десятилетие не прекращались конфликты и массовые сожжения, а ромлеяне и последние Солнцеликие — старались примирить различные религиозные общины империи и предложить концепцию сосуществования возможно разных учений, в том числе и религиозных, в едином крупном сверхгосударстве.

Обе группировки ненавидели друг друга и всячески старались навредить, и теперь выходило что позиции «умиротворителей», ромлеян — подорваны внезапным поступком Велизария, зато кельрики и фанатики инквизиции усилились и могут вытребовать себе большой общеимперский «поход Света», который, по глубочайшему убеждению Дезидерия — окончательно развалит империю в огне гражданской и религиозной междуусобицы.

— Есть подозрение... Впрочем это даже слух, без всяких доказательств. Пока что... — тихо произнёс в полумраке комнаты и отблесков горящего в камине пламени, «престолодержатель», — Что возможно ваш брат из Ромлеи, неким образом ответственен за данное странное поспешное избрание Солнцеликим недостойного Велизария и фактически начавшийся бунт, в самом своём вице королевстве. — Дезидерий решил ещё сильнее расширить пропасть между кельриками и ромлеянами, дабы играть на этих противоречиях в ближайших переговорах с ними обоими. — Однако мы не можем...

Корсо вскочил на ноги и сделав пару быстрых кругов вокруг кресел со своими собеседниками, хлопнулся на почти невидимую, во мраке, циновку в углу и яростно быстро зашептал молитву: «О Солнце, великое и непобедимое, дающее нам надежду днём и

питающее нас плодами, что насыщаешь недостойных грешников своим светом и теплом...»

Амвросий повернулся к главному имперскому министру и спокойно ответил на слова последнего: «Я даже и не сомневаюсь. Эта скотина специально продал своё вице-королевство еретикам и шкурникам, что бы с огромными деньгами прибыть в столицу и претендовать на трон: подкупая чиновников и Избирателей!» — в углу уже громко, в полный голос истово молился Корсо, отбивая земные поклоны с явственным стуком головы о терракотовую плитку перед горящей, в золотом «солнечном абажуре», свечой, а Амвросий продолжал: «Не брат он мне! Не родня и вообще — никто! Пора прекращать этот балаган и вновь привести к власти силу, способную держать империю в узде. Мы надеемся на Вас...»

Дезидерий решил что сейчас самое время покинуть, немного шокированных последними новостями кельриксских властительных провинциалов и отправиться по остальным адресам наследников ныне покойного первого императора.

Оставшуюся троицу тоже следовало проинформировать о новой ситуации в Ромлее и узнать какие от них поступят предложения: как по решению всех нынешних проблем государства, так и ему, главному имперскому министру и «престолодержателю», лично — по поводу его дальнейшей карьеры.

По пути в «Берлогу», огромное, но низкое, всего в два этажа высотой — так не принято было строить особняки знати в столице империи, поместье кандидата на престол из Гарданы Борелла — «престолодержатель» вдруг подумал что Великий инквизитор Корсо прав и именно он, Дезидерий, сейчас волей провидения, случайно, возможно совсем ненадолго, стал «министром-регентом» империи, а кому же ещё им быть в столь сложное время?!

— Я при покойном императоре, основателе державы — был последним главным имперским министром, а до этого — канцелярию его несколько лет исправно вёл... — бубнел себе под нос Дезидерий, несомый служками в большой парк в поместье северян, с бегающими там свободно зайцами и оленями, в котором и располагалась «Берлога» вице-короля Гарданы. — Я, именно Я — достоин управлять этой державой, как человек ведший лично многие важные и тайные дела и знающий все нюансы государственного управления и новой имперской иерархии! — А что мне предлагают?! — отдать всю проделанную мною, сложнейшую работу, провинциальным королькам что бредят одними лишь кострами инквизиции или пьяными «булькают», целыми месяцами напролёт, за пиршественными столами?! И всё же... пока что именно Я условный «регент» и не следует спешить избавляться от данного, пускай и весьма пока маловесомого, звания.

«Престолодержателю» вдруг пришло в голову, что он мог бы и далее вести дела империи: он конечно же незнатен и не имеет никакого отношения к династии умершего императора, однако сколько было примеров из прежних времён — когда усилившиеся министры отстраняли слабых правителей и либо «мягким» вариантом, жена тех на своих дочерях, сами становились полноценными хозяевами державы, или же поступая менее благородно: просто договаривались с тогдашним Солнцеликим о смене династии «в виду вырождения правящего рода» и основывали собственные, получая благословения жрецов Светила, и пожелания многих лет правления...

Выглядело пока что как ночной бред, но Дезидерию начинало казаться, я в мистическом полумраке ночи, что он сможет остаться «регентом» на довольно долгий срок — возможно даже что и до конца своей жизни.

Главное было как можно дольше откладывать Избрание императора и направлять

усилия наследников на подавление вспыхнувших бунтов в их землях или территориях по соседству, заодно втайне стравливая «четвёрку» кандидатов на престол между собой.

Благо наследники и сами не переносили друг друга на дух и с удовольствием бы перебили один другого, если бы не условное ожидание всеми ими церемонии выборов императора и тайные надежды, каждого из них, на законное занятие престола всей империи, вместо недавно умершего деда.

Прибыли наконец к зданию «Берлоги», сейчас казавшейся мрачным злчным местом: с кучей пьяных и горланящих песни огромных бородатых северян, и молчаливых людей в плащах с капюшонами — водящих хороводы у огромных странных деревьев.

— Хе-хе, да это же друиды! Корсо оказывается был прав... — слегка изумился Дезидерий увиденному, пока его провожали по деревянным полам устеленным шкурами диких зверей, мимо длинных лавок, которыми в столице уже лет сто, кроме простолюдинов, никто не пользовался.

Повсюду валялись пьяные бойцы в кольчугах, несло выпивкой и блевотиной. Был бардак и беспорядок, словно в военном лагере после неудачного штурма уже давно осаждённой крепости.

Прибывшего гостя ввели в хорошо освещённую факелами тронную залу вице короля Гарданы, где находившийся там Борелл — сейчас восседал за длинным столом пирующих, среди обычных своих дружинников и вновь ел и и пил до тошноты, пока его супруга сидела на его собственном троне, на возвышении, а её отец, Поллион — на троне своей дочери, королевы.

Увидев Дезидерия, оба родственника вице-короля поднялись на ноги и пока Борелл радостно что то кричал с набитым ртом, и просил гостя скорее присоединиться к «Жратве и бухлу рекой»-Алуникофиэль и Поллион провели прибывшего министра Дезидерия за отдельный небольшой стол, в укромном углу залы и сев с обеих сторон от него, начали беседу: «Я рад что Вы приняли наше приглашение и прибыли в наше скромное жилище...» — сразу же сказал Поллион.

— А вот и я! — радостно проорал подошедший к переговорщикам вице-король Гарданы и плюхнулся возле своей супруги, пьно рыгнул и тут же расхохотался на её недовольную гримасу. — Может разопьём на всех бочонок чего покрепче, а?!

— Любимый... — несколько странным тоном произнесла Алуникофиэль, — ты ведь не хочешьопять неделями страдать от мужского бессилия, со своими миленькими селянками служанками, не так ли?

Борелл изменился в лице и резко выпрямился — он перестал улыбаться и весь напрягся. Женщина тем временем наставительно продолжала, словно бы говоря текст непослушному мальцу, а не одному из знатнейших людей великой империи: «Дай нам быстренько поговорить о сегодняшнем недавнем ужине, во дворце твоего деда и мы с отцом к тебе вскоре присоединимся!»

— Не вопрос! Тараторьте без меня — не буду отвлекать. — добродушно согласился правитель Гарданы и куда то вышел, тяжело ступая и переваливаясь с бока на бок как медведь, с которым его постоянно сравнивали.

Поллион проводил зятя внимательным взглядом и продолжил прерванный разговор, когда тот отошёл достаточно: «По поводу Амазонии, того что там недавно произошло. У нас есть варианты решения данной проблемы империи и мы были бы не против помочь вам, как нынешнему «престолодержателю», справиться с этой щекотливой ситуацией, столь вам



наверное неприятной...»

— Как любому честному имперцу. — ввернул Дезидерий.

— Наверное... — двусмысленно подтвердил Поллион, — но главное: вы ведь в ответе перед будущим императором, за то что случился подобный бардак в делах государства пока его избирали и именно вы — отвечаете за державные промахи последнего времени. — явно намекая и угрожая Дезидерию, продолжал Поллион. — Мы поможем вам в вопросах с Амазонией, а вы — подскажите чем нам возможно очаровать Избирателей, для их верного выбора в ближайшее время. Борелл обязательно простит вас, как император, а я, как будущий главный министр империи — буду прислушиваться к вашим советам и предложу хорошую службу при мне... — уже всю чувствуя себя хозяином положения, увещевал и одновременно запугивал гостя, Поллион. — Вы улавливаете возможности: как получить награду и заслуженный покой, после избрания императора — так и лишиться головы, за плохо выполненную работу?

— Безусловно! Также как и желание фанатичных кельриков сходить в ваши земли «походом Света», для того что бы сжечь на кострах всех плясунов, водящих хороводы у деревьев, вроде тех, что я видел сейчас у вас во дворе, пять минут назад. — спокойно парировал «престолодержатель», показывая что не очень серьёзно оценивает угрозы Поллиона.

— Хорошо, хорошо! — примирительно прозвёс первый министр Гарданы, — давайте просто обсудим ситуацию и подумаем, чем можем быть друг другу полезными.

— Внимаю с нетерпением. — с намёком произнёс Дезидерий, — но вначале, дайте мне какой либо вашей настойки, что бы так спать сильно не хотелось. Я утомился невероятно!

— Конечно, конечно! — совершенно примирительным тоном произнёс Поллион и что то скомандовал, на непонятном языке, слугам, с капюшонами на головах, явно лишним в полутёмном помещении ночью.

Вскоре перед главным имперским министром стоял горячий напиток, а первый министр, из Гарданы — всю убеждал своего гостя, что после пяти глотков данного отвара тот спокойно обойдётся без сна целые сутки.

В это время вернулась Алуникофиэль, что на пару минут выходила из за стола и требовала успокоиться, начавшего шумно шаловливо прыгать по помещению, как дикое животное, Борелла.

— Так вот. — продолжал Поллион, — Я, как вы наверное знаете — являюсь уроженцем именно земель Амазонии и хорошо знаком лично, со всеми местными властителями. Как из знати, так и духовных лидеров...

— Друидов? — догадался Дезидерий.

— Конечно. Я смогу договориться о новой унии Амазонии с империей, при условии широких полномочий моей Малой Родине и права исполнять наши древние культы почитания «древ и камней». Мне кажется это очень немного, ради мира в державе и возможности всё решить переговорами, а не долгой войной, да ещё и с такой провинцией — где можно крайне удобно обороняться против неприятеля, практически любой численности и главное: очень, очень долго!

— Предлагаете отдать Амазонии права на вице-королевство, причём не с родственником императора, а обыкновенной местной провинциальной знатью — да ещё и разрешить запрещённую прежде веру? — немного удивился «престолодержатель» такому предложению. — Вам не кажется, что для империи это будет гораздо более катастрофично,

чем возможный «поход Света» инквизиции или пускай и долгая, но блокада данных земель войсками и флотом имперцев? Пока что не вижу особых выгод от ваших предложений: ни империи, ни мне лично...

В разговор вмешалась дочь Поллиона, что слушала разговор обоих мужчин постоянно сжимая-разжимая свои крохотные белые кулачки.

Сейчас она буквально взвилась на дыбы: «Это судьба! Проклятое решение сдохнувшего императора запретить «почитание Древних Духов Древ» — оказалось ловушкой и теперь, когда империя в неё попала и издыхает за это, следует немедленно отменить солнцепочитание, как единственную религию и вернуть друидам их место в державной властной иерархии, что принадлежит им по праву! В Гардане, Амазонии, Островной державе — тысячи соратников друидов лишь ждут приказа наступать на империю и что тогда будет?! Вам дают шанс красиво отойти, дав небольшую контрибуцию победителям и сохранив своё лицо, вы же... «— женщина захлебнулась словами и в гневе стукнула кулачком по столу, так что питьё Дезидерия чуть не пролилось ему на одежды.

— Есть и иной вариант. — совершенно спокойно констатировал «престолодержатель. — Огромные армии имперцев, усиленные фанатиками веры и инквизиторами — просто затопят земли поклонников друидов и сожгут их всех, как еретиков, как раз на кострищах из полен тех самых деревьев, из «священных рощ». Переговоры с Амазонийскими элитами это хорошо. Нужно подумать. Но разрешение на друидизм и отказ от подчинения империи, пускай даже с формальной унией — глупость! За такое уничтожают, а не ведут переговоры... И кстати. Вам наверное будет приятно узнать, раз вы столь нестандартно мыслите о судьбах королевств в пределах нашей державы: в Ромлее сменился Солнцеликий и нынешний, заявил что берёт управление королевством на себя, в обход прежних имперских эдиктов и законов. Так что теперь уже не две провинции — Урдия и Амазония бунтуют, а три: к ним добавилась ещё и Ромлея!

После минутной паузы, когда Поллион и его дочь пытались понять что им сейчас сказал Дезидерий, наступила бурная радость обоих, которую они даже и не скрывали: девушка танцевала и что то выкрикивала в полный голос, расписным потолкам помещения, а её отец горячо шептал, смеясь в свои усы с крохотными косичками, гостю: «Вот! Вот пример порочности запретов веры друидов! Это наказание, проклятие от них! Единая вера — порочный пример. Следует изменить ситуацию и немедленно, пока остальные фрагменты, королевства и княжества, не посыпались словно старая мозаика, обнажая убогий рухнувший фасад державы!»

Решив что ему пора откланяться, так как нового ничего Поллион ему не сообщит, а слушать его друидические басни Дезидерий совершенно не желал — главный имперский министр не очень многословно попрощался и будучи выведен провожатым, вскоре уже на своём паланкине приближался ко дворцу третьего из наследников, из Ромлеи, которому предстояло сообщить о бунте в его собственных землях и зная истеричность Джанелло, следовало делать это осторожно, что бы не нарваться на удар кинжалом от истерика вице-короля...

— Что мы имеем? — почти неслышно бурчал себе под нос «престолодержатель», вновь советуясь сам с собой, во время передвижения в паланкине. — Кельрики — готовы залить кровью и пламенем костров всю империю, ради величия веры Светила и лишь её монополии. Гарданцы — всё же действительно оказались друидами, не по наветам клеветников — по крайней мере Поллион и его дочь, а именно они сейчас всем управляют

при дворе пьяненького обжоры Борелла... Хм... Конфликт очевидный, особенно с учётом предложения Корсо о скорейшем «походе Света» и ответной идеи Поллиона, о начале переговоров с его «старыми знакомцами» из числа друидической знати Амазонии. Внезапный захват Ромлеи новым Солнцеликим и... и что? Что... А вот что: ссорим кельриков и гарданцев из за Амазонии, чуть погодя, возможно — добавим локальных стычек кельриков и ромлеян из за Солнцеликого и его узурпации власти в землях Ромлеи, а потом. Хм... Уммланд. Я то конечно останусь на ближайшие ещё пару месяцев регентом, при случившемся так кстати «пожаре в империи», но пока что именно Уммланд никуда не лезет и видимо первым бросаться не станет. Плохо. Пока полоумная, в своём религиозном фанатизме — Кельрика станет воевать с Гарданой, что почти наверное, в этом случае, окажется в некоем союзе с Амазонией и возможно Ромлеей, и все вместе, почти точно, вместе одолеют Кельрику — Уммланд только накопит свои силы, никуда не вмешиваясь и сможет потом легко добить победителя всей данной склоки. А мне — дать топором по шее, за то что не уберёг в целостности державу и допустил начало гражданской войны! Нет. Прямого конфликта королевств наследников следует пока избегать и все мероприятия проводить с санкции «имперского малого совета», как аналога высшей имперской власти, пока нет законно избранного императора.

Прибыли ко дворцу Джанелло Ромлеянина: утончённому четырёхэтажному помещью с колоннами и многочисленными скульптурами в ухоженном парке, мозаичными окнами и резными дверьми. Фресками внутри дворца и... И вообще: данный особняк скорее напоминал музей, чем был помещьем в прямом смысле слова.

Сам вице король-Ромлеи, Джанелло, здесь бывал редко, но его первый министр, Алавия — часто наезжал в столицу для решений своих вопросов и куча дорогого барахла что он покупал, воровал, ему давали за взятки — оседали в данной сокровищнице представительстве Ромлеи, в центре столицы империи.

Здесь некогда проводились знаменитейшие оргии, с тремя сотнями куртизанок одновременно и конкурсами для них: вроде разбития полевых дынь — их собственными тяжёлыми, налитыми соком, «дыньками» или массажа гостей, когда посетителей-гостей Джанелло первоначально тащили в бани, где голые девы чаровницы мыли их своими собственными телами, натирали маслами и вообще — обслуживали по всему перечню услуг, что гости требовали.

Наследник из Ромлеи обожал показательные празднования в стиле древних патрикиев и всячески поощрял это и в своих людях.

За подобное, дед император, все последние годы и запрещал ему въезд в собственную столицу и всячески ограничивал власть Джанелло в самой Ромлее.

В парке, у выстриженных геометрическими фигурами деревьев и кустов, всюду развлекалась всегда громкая, вечно гогочущая, свита ромлеянского вице-короля: шумные, пьяные молодые люди с хохотом бегали за полуобнажёнными девушками с открытой грудью и соблазнительно видными ножками, и захватывая понравившуюся самку — на руках тащили тех в павильоны, расставленные во множестве по всему парку или валились с ними прямо на траву, после чего начинали кусать и целовать свою добычу.

Музыканты играли три разные мелодии в противоположных частях парка: игривую — возле столов с напитками и едой, медленную — близ большого павильона и немного странную — где то за искусственным озерцом, с визжащими там нимфами, что голенькими резвились в воде под одобряющие крики обступивших их мужчин.

Дезидерий вспомнил сводки, что ему нередко составляли командиры стражи по поводу ромлеянского наследника: что тот возил с собой десятки танцовщиц и массажисток, и не брезговал захватывать себе в гарем любую понравившуюся женщину — будь то знатная дама или простолюдинка в таверне.

Его людей десятки раз убивали за это на поединках и просто вешали по вердиктам судов, что однако не мешало Джанелло продолжать пополнять свой «птичник» всё новыми прелестницами. И если Избиратель, князь Гассакс, покупал рабынь или принимал услуги добровольно, от к нему специально для этого приехавших в его имение куртизанок, то Джанелло, по многочисленным слухам — было мило именно насиллие, как при заплучении женщины, так и дальнейшем обращении с ней.

Некоторых своих жертв, ромлеянский правитель потом просто «дарил» кому из слуг, как например маркизу Морфи, захваченную им в замке её мужа и после недели развлечений — подаренную лакеям принца.

Никакого конфликта с родом Морфи у него не было и врагами империи они не являлись, однако Джанелло расудил иначе и пока мужчины пытались судиться в имперском суде, в столице державы — он насилловал женщин их фамилии.

Были известны случаи, когда расвирепевший за пустяк вице-король ромлеянин, внезапно вытаскивал за волосы куртизанок из своей кареты и кидал их голыми в толпу нищих, а потом уезжал прочь.

Пару известнейших «фей любви и ласк» Ромлеи, были таким образом зверски замучаны толпой, получившей их тела внезапно себе на потеху...

Вспоминая с кем предстоит иметь дело на ночных переговорах, Дезидерий встретил на пороге дворца странную пару: низкого, маленького, щуплого Алавию — первого министра Ромлеи, и стоявшего с ним рядом гибкого высокого мужчину, с трапецевидным туловищем.

После коротких приветствий выяснилось, что высокий незнакомец — Тестомал, командир стражи ромлеянского наследника и сейчас он следит за порядком в парке.

Мужчины втроём отправились в кабинеты где должны были проходить переговоры и внезапно Тестомал поинтересовался, почему главный имперский министр без охраны.

— Зачем? — в столице не так много дерзких многочисленных банд что нападают на господ со слугами, император постарался навести порядок! Стража городская прилично усилена и патрулирует надёжно главный город империи.

— Удивительно... — странно неприятно ощерился Тестомал. — у нас бы в Ромлее — вас немедля похитили ради выкупа или продажи врагам. Враги любят покупать себе друг друга и потом держать в палацио, в личных крохотных тюрьмах: можно помучать или что ещё...

По странному перешучиванию и разговорчикам между Алавией и Тестомалом, Дезидерий внезапно догадался что начальник стражи Джанелло — скорее всего бывший наёмный убийца и не столько охраняет принца, на это есть рыцари, в том числе и имперские — сколько выполняет его тайные поручения: вроде всаживания кинжалов в бока в толчее улицы или капания яда в бокалы, во время празднеств.

Дезидерию вспомнился кельрик Путысон и его подобный вопрос совсем недавно. Путысон удивлялся отсутствию большого количества «кинжальщиков» на улицах столицы империи, Тестомал — недоумеваает что главный имперский министр ездит по улицам без охраны... Эти пустячные разговоры показывали довольно ярко характер правления, в данных вице королевствах и несколько хуже, кем являются тамошние, местные, вице-короли.

— Забавно... — думал «престолодержатель», поднимаясь по вычурной витой лестнице. — У ромлеянина, первый министр — иноземец проходимец, а начальник стражи из бывших, а то и нынешних — наёмников «кинжальщиков»... Оригинал! Видимо не случайно Велизарий так легко отнял у него королевство. Джанелло дворцовый испорченный мальчик, что рос без отца и матери, и полностью зависит от своего окружения. Точнее даже так: своего настроения — которому всюю потакает его свита... Чего бы Джанелло не вытворял.

Зайдя в огромную залу с зеркалами на всю стену, фресками, картинами, скульптурами и многими дорогими вещами разбросанными где попало, Дезидерий тут же увидел самого Джанелло, который гонялся, без штанов, за парой каких то очаровательных девушек, с огромными, открытыми взорам присутствующих мужчин, бюстами — что при беге дев волнительно подпрыгивали в такт движениям, своих весело гомонящих обладательниц.

— А... припёрлись! — недовольно заорал Джанелло и направив руку в сторону троих недавно пришедших, добавил вполне серьёзно. — Отрежу уши. Всем вам — что бы не мешали.

После чего вице король Ромлеи внезапно резко расхохотался и бросился в соседние комнаты за своей «сладкой» добычей, пока Алавия усаживал гостя, а Тестомал говорил что «хозяин шутит... наверное».

— Отрежу, отрежу, отрежу... — хохоча, через минуту появился, но уже в штанах, Джанелло и присел возле стола с фруктами, где уже распивали вино его слуги и гость.

Он шутливо погрозил рукой пришедшему Дезидерию и предложил Алавии начинать разговор, дабы прояснить некоторую ситуацию, что возникла за время недавнего ужина.

Однако главный имперский министр не стал ждать очередных намёков странного наследника из Ромлеи и его полубандитского окружения, и сам громко объявил, на опережение, главную новость: «Велизарий, Балтазар «Барс с косой» — стал новым Солнцеликим и полностью изгоняет имперских чиновников из Ромлеи. Он объявил вас низложенным и теперь ваши люди массово переходят ему на службу. Ваша казна — почти полностью захвачена им, также как многие замки и земли. Ваше высочество — у вас крайне тяжёлое положение. Похоже вы банкрот: как политически, так и в прямом смысле слова. Ваши братья могут посчитать что вы специально всё это устроили, что бы помешать им избраться на престол и тогда...»

Хозяева дворца вскочили на ноги и тараторя наперебой начали бегать по огромному кабинету, где все они вальяжно расслабленно сидели всего минуту назад: Джанелло орал и раздавая пинки Алавии и Тестомалу, бросался в них кубками и фруктами. Двое последних, словно комики на ярмарке, смешно уворачивались от наказания своего истерящего господина и в паузах, от коротких перебежек, падали на колени перед правителем — умоляя простить и дать исправить положение.

Всё это выглядело со стороны совершеннейшим абсурдом и скорее веселило, чем озадачивало Дезидерия. Министру это напоминало цирковой площадный балаган высшей пробы.

— Ваши земли оскудеют, даже если империя вернёт их вам. К тому же многие ваши солдаты и рыцари — будут убиты или перейдут в лагерь к противнику, и вы, в любом случае — потеряете нынешнее своё положение. — добавил последнюю каплю в бокал горечи и страха, приготовленный им для Джанелло, Дезидерий.

Теперь можно было верёвки вить из испуганного паренька, каким вернулся ромлеянин

принц за стол с фруктами: спесь и гонор с него сошли, как краски для лица с мордашки пожилой путаны, внезапно попавшей под ливень...

Его люди выглядели не лучше, словно их избивали добрый час цирковые атлеты, а потом заставили пробежать несколько миль под солнцепёком в шкурах медведей: они все тяжело дышали и были потными и красными, словно после бани. Джанелло заплакал и Алавия начал его утешать, суя фрукты под нос или суетливо прося выпить бокал вина.

После пары минут подобных утешений, наследник из Ромлеи немного успокоился и начал потихоньку цедить вино, глядя отрешённо в сторону, а его первый министр тут же подсел ближе к Дезидерию и зашептал: «Вы поймите... Если нам помогут и Джанелло займёт императорский престол — мы не забудем и отблагодарим, точно! Замки, девки, золото, земли, титулы — всё до чего дотянемся, когда наш кандидат станет императором — всё послужит для ответной любезности помощникам что его усадили на дедовской трон!»

Главный имперский министр искренне подивился подобной простоте своего провинциального «коллеги» и решив про себя, что если с «регентством» ничего не выгорит, то именно ромлеянского наследника Джанелло необходимо будет пытаться тащить «под себя», как кандидата на власть — вслух пообещал Алавии подумать над его предложением и чем сможет — помочь.

Вновь наступила пауза, которую каждый заполнял как умел: Джанелло всё ещё сидел шокированный и не с кем не желал разговаривать, Алавия заламывал руки и постоянно выходил прочь, кричать на слуг за какие то невнятные провинности что они ранее сотворили, а Тестомал всё время руками трогал и ощупывал оружие у себя на поясе и в тайных карманах, которых внимательный Дезидерий насчитал не менее трёх.

Сам «престолодержатель» всю наслаждался сценой развернувшейся перед ним и раздумывал как защитить от нападков кельриков и уммландцев Джанелло, что бы продержат его, как полноценного кандидата на трон, как можно дольше и не дать, из за этой авантюры Велизария — раньше всех выбыть из интриги с Избранием императора.

— Хм... — наконец прервал надоевшее ему молчание в комнате главный имперский министр, — Хм... мой вам добрый совет: сейчас Избиратели и ваши братья, а также многие имперцы — искренне считают что всё что произошло в вашем королевстве, сделано при вашей воле и явном одобрении, и для них вы такой же мятежник как и сам новый Солнцеликий, Велизарий.

— О святое Светило! — лишь пробормотал Джанелло и стал судорожно глотать очередную порцию вина. Его люди настороженно вслушивались в разговор, понимая что ситуация возможно даже хуже, чем они ранее себе предполагали.

— Вас считают соучастником и возможно, думают что вы решили начать крупную войну между наследниками, не веря в победу честным избранием императора! А посему, — Дезидерий повысил голос, — посему не стоит вам покидать столицу, даже если начнутся какие то обвинения или беспорядки. Имперская стража вас точно защитит, а с вашим мятежным королевством, мы возможно сможем договориться: подкупить знать и жрецов, прислать конкурента для Солнцеликого — ведь были же случаи когда их было от двух до пяти, одновременно! Ситуация крайне неприятная, но всё же не сделайте глупость резкими движениями и не ухудшайте её для себя!

— Хорошо... Я понял вас и останусь в столице. — заверил Джанелло, заинтересованного в этом, «престолодержателя». — Как ко мне теперь относится Церковь... Инквизиция и храмы?

— Кельрики — кричат о походе на Ромлею...

— Нельзя допустить этой бойни от полоумных фанатиков!

— Возможно вы и правы. — важно согласился Дезидерий. — Пока варианты действий самой империи ещё не приняты и на следующей неделе мы начнём их проработку и выполнение.

Наследник из Ромлеи сказал что то тихо Алавии и его первый министр шустрой обученной крысой метнулся в дальнюю комнату, из которой вернулся с огромным перстнем, в котором сверкал большой рубин.

Джанелло протянул подарок Дезидерию: «Благодарю вас за предупреждение и совет. Это лишь малый дар... Чем смогу рассчитаться — даже и не ведаю!»

После вежливых отказов и шарканий, «престолодержатель» принял дар Джанелло, хотя и не надел, помня о любимых шутках ромлеянского отравителя: «шипях» с ядом в перстнях подарках, которые при неверном одевании или задевании скрытого рычажка — убивают своих носителей.

Попрощавшись с очередным наследником, Дезидерий был препровождён через малую калитку на улицу где его ожидал паланкин и направился с последним, как он надеялся, ночным визитом, к наследнику из Уммланда.

Пока что всё складывалось в его пользу и по мнению «престолодержателя», выглядела ситуация сейчас так: он будет как можно дольше «министром-регентом», при пылающей провинциальными мятежами империи и не даст пока что полностью затухнуть кострам измен и бунтов, что могут помешать скорому Избранию императора.

Дезидерий сам начнёт подготавливать предложение о том, что бы пока идут конфликты — не сменять его, как знающего всю подноготную и нюансы имперской политики, министра, а оставить для решения текущих проблем... на неопределённый срок.

Если всё сорвётся и наследники смогут вытребовать немедленного голосования от Избирателей, хотя минимум ромлеянин будет против, прекрасно понимая что в нынешних условиях ему грозит не трон, а костёр инквизиции, от собственных братьев. — Тогда следовало ставить именно на Джанелло и самому министру лично пытаться начать «обрабатывать» Избирателей, подспудно убирая от Джанелло прочь его странную команду, в виде убийцы телохранителя или мошенника и сутенёра первого министра, что будут лишь мешаться под ногами самому Дезидерию.

Прибыли к замку уммландцев: большому многоэтажному дворцу с несколькими корпусами.

Дезидерия быстро провели через полупустую площадку перед главным входом и запустили через небольшую дверь, по тайной лестнице, заведя за пару минут на самый верх.

В хорошо освещённом небольшом кабинете сидел наследник из Уммланда Лиутпранд, его первый министр Тудджерри, пара жрецов с тетрадами на коленях, несколько советников стояли за креслами наследника и Тудджерри.

Приветствия были короткими и откровенно дежурными. Гостю дали чашу с бульоном и сухарики на подносе, после чего банкир Тудджерри, несколько буднично, поинтересовался: «Смена Солнцеликого и мятеж в Ромлее — ваших рук дело? Уж больно большой замах для провинциалов, чувствуется рука столичного «интригана-мастера».

Главный имперский министр с минуту сморел с вызовом, на крупнейшего банкира империи, но когда тот даже и не подумал шевелиться или отвести взгляд, произнёс: «Вы мне хотите бросить обвинение или показать свою осведомлённость?»

— Пока лишь второе. Хотя если смогу что доказать, обязательно и первое ваше предположение, осуществлю. — спокойно подтвердил Тудджерри. — Нас смущают такие частые последние мятежи, особенно ромлейский.

— Это озадачивает и меня. Похоже был явный заговор и...

— И видимо в столице? — ехидно осведомился Тудджерри. — Как то дружно пошли на выход королевства, особенно учитывая Ромлею, где до этого правил один из кандидатов на имперский престол... Словно кто заранее, ещё здесь, в столице империи — всё спланировал и теперь разыгрывает свою партию.

Дезидерий развёл руками: «Вы так считаете? Мне скорее кажется вероятной версия о давних связях между взбунтовавшимися провинциями и их надеждами на самостоятельность, как только наследники покинули свои земли и прибыли для Избрания. Велизарий опытный и опасный авантюрист и вполне мог...»

— Хватит! — внезапно вмешался прежде улыбчивый Лиутпранд, что сейчас сидел облачённый в элегантный жакет, положив ногу на ногу и молча попивал вино с печеньем. — Хватит! У меня складывается стойкое впечатление, что господин главный имперский министр всё это сам устроил — дабы подольше быть арбитром между кандидатами на престол державы, и заполучить себе место побогаче, после своей скорой отставки! — люди в окружении Лиутпранда закивали головами и стали громко выражать одобрение словами правителя Уммланда.

Пока Дезидерий клялся всеми оттенками Светила в своей невинности и говорил что делает всё от него зависящее, что бы прекратить смуты и провести как можно поскорее Избрание императора, которому и предстоит решать возникшие внезапно у государства, столь серьёзные проблемы, в беседу вернулся Тудджерри: «Странную игру ведёт господин «престолодержатель»: он мешает встречам наследников императора с Избирателями и в это самое время королевства, словно бы гроздьями, дружно — отказывают в повиновении империи! Господин Дезидерий хочет быть вечным главным имперским министром? Ему нравится идея постоянных раздоров в империи и его место при них, как условного «примирителя и переговорщика»? Уже давно пора было провести встречу и Избрание, а не тянуть время!»

— Уточните свой бред! — жестко парировал Дезидерий, решив пойти на определённую конфронтацию с уммландцами, раз по иному пока не получалось. — Вы все так часто бросаетесь обвинениями, тянущими за собой смертную казнь в случае их подтверждения, что поневоле задумаешься: за ними что то стоит, кроме бешеного желания сместить меня незаконно и срочно провести переговоры с Избирателями, за спинами остальных наследников и кандидатов на трон?

Лиутпранд и Тудджерри со смешками переглянулись и синхронно пожали плечами, убедив главного министра в его правоте.

Это означало что им пока что ему предъявить нечего и они просто стараются немного запугать «престолодержателя», как до этого, чуть примитивнее — делали все из кандидатов на императорство.

— Я не обижаюсь на ваши, не гневайтесь на правду, господин Тудджерри — довольно жалкие потуги меня вывести из себя. — продолжал Дезидерий, видя что сейчас он оказался в несколько выигрышном положении, чем вначале разговора и переглядывание старших уммландцев показало его правоту. — После ужина во дворце, представители Кельрики угрожали мне кострами, Гарданы — проблемами с тайными друидами и их колдовством,



ромлеяне — грозились что ценное в теле отрезать... И все хотели пообщаться поскорее с Избирателями и по возможности без остальных родственников конкурентов в борьбе за трон...

Вся свита уммландского вице-короля дружно расхохоталась, лишь Тудджерри ехидно усмехался в свою короткую, «имперскую», бородку клинышком.

— Есть правила и законы, и я их намерен соблюдать! — несколько высокопарно продолжал свою речь «престолодержатель». — Всем наследникам следует проявить терпение и не раскачивать судно нашей империи, из стороны в сторону, по их внезапным желаниям! Мы найдёт выход на «малых имперских советах», по поводу наказания мятежных провинций и придумаем как скорее и законно провести Избрание императора.

Поклонившись после этих слов, Дезидерий испросил разрешение покинуть наследника из Уммланда, в виду своей большой занятости и тут же получил на это соизволение.

Отправился Дезидерий, в своём паланкине, сразу же в императорский дворец, благо уже брезжили первые утренние лучи встающего Солнца.

Смысла возвращаться и заезжать в свои особняки не было никакого, а провести переговоры легко можно было и на месте собственной постоянной многолетней службы.

Было очевидно что из всех наследников, именно группа поддержки уммландца — самая мощная: они смогли быстрее остальных конкурентов узнать о мятеже в Ромлее и провести связь с действиями самого «престолодержателя» и Избранием императора, что вместо скорого проведения имеет все возможности быть отложенным: как по причине общения Избирателей с кандидатами на трон, так и ещё десятку причин, что мог придумать министр «регент», что бы сохранить как можно дольше своё нынешнее влияние.

Шансов повлиять на Лиутпранда и его свиту, по крайней мере сейчас — у Дезидерия практически не было, а соответственно: стоило каким-либо образом его ослабить и играть именно против него в первую очередь...

Оставался один вопрос — как это сделать? Земли вице-короля Уммланда не бунтовали и было сомнение что начнут, уж больно крепко там были утверждены каноны и законы империи, и главный министр это знал прекрасно.

Явных авантюристов не наблюдалось, земли были обильны и богаты, и вряд ли крестьяне и рыцари начнут походы бедноты, что случались при больших неурожаях или несправедливостях от местных властей.

Банкиры, из группы Тудджерри — крепко держали города в повиновении и те, несмотря на вольности, не решились бы выступить против своего вице-короля.

Правда ссоры с церковью позволяли надеяться на некие конфликты на религиозной почве, с кельриками, что как фанатики Веры должны были ненавидеть отошедших от истинной веры уммландцев.

Но и тут были нюансы: были ведь ещё более ненавидимые кельриками друиды Амазонии, бунтовщики еретики Ромлеи, культисты северной Гарданы и лишь после них всех... Уммланд!

— Стоит натравить каким то образом Хорхе именно на Уммланд, попросив его пока не лезть с прочими своими истериками, по поводу друидов и Солнцеликого... Но это будет трудно! — бормотал себе под нос Дезидерий, когда его, через тайные ворота, заносили на территорию императорского дворца.

## Глава шестая: «Планы министра»

Столица империи понемногу приходила в себя после долгожданного приезда наследников умершего монарха и праздников, по случаю их встречи и приветствия, что продолжались до глубокой ночи на всех основных площадях огромного полиса.

Многие лавки и рынки открылись утром с опозданием, так как их хозяева и прислуга слишком весело горланили песни и здравицы ночью, и много пили хмельных даровых напитков, при вчерашних раздачах оных возле играющих оркестров и полных снедью столах, выставленных жрецами храмов и магистратом города — в честь пока что неизвестного по имени, до будущего Избрания, нового правителя державы.

На улицах и площадях столицы оставались стоять построенные за неделю трибуны и крохотные деревянные башенки, с гербами наследников. Огромные тканевые полотнища висели на стенах дворцов. Знамёна развевались на каменных сторожевых башнях и крышах особняков.

Город отдыхал от вчерашнего праздничного дня и последующей «гулящей ночи»: утренняя дремота охватывала большинство столичных горожан, даже тех, кто сам не гулял допоздна, но так и не смог заснуть из за криков и пьяных драк веселящихся на улицах людей.

Главный министр империи Дезидерий, добравшись самым ранним утром в помещения императорского дворца, приказал его будить лишь в самой крайней нужде и немедленно свалился в глубоком сне на свой привычный крохотный диванчик, где и ранее, при покойном императоре, нередко коротал ночи в случае разработки больших генеральных планов походов или высчитывании долгоиграющих «перспективных» нюансов, при подписании дипломатических соглашений с соседними государствами.

«Престолодержатель» был уверен что и наследники не побеспокоят его минимум до полудня, так как после позднего ужина и дальнейших «ночных визитов» самого министра в их дворцы, в столице — они должны были отдохнуть и принять решения о своих собственных дальнейших действиях. И на то, и на другое требовалось какое то время.

Ещё во время утреннего сна министра Дезидерия, к его слугам и секретарям прибыли гонцы от наследников, с просьбой провести обязательный вечерний «малый имперский совет», по поводу ситуации сложившийся сейчас в державе и каждый из претендентов на престол желал лично присутствовать на нём: «Дабы привыкать проводить подобные мероприятия уже самостоятельно и, заодно, узнать как продвигается подготовка к Избранию императора.»

Люди министра, знавшие что обычно подобные советы проводились вечером, а то и ночью — всем отвечали что следует прибыть после шести вечера в императорский дворец и на том расставались с гонцами провинциальных принцев, не желая по пустякам будить своего господина.

В полдень Дезидерий наконец проснулся и после очень плотного завтрака, состоявшего из куриного бульона с зеленью и ножкой птицы, фруктов, сыра с изюмом и бокала вина — потребовал у своего личного секретаря Анулона подготовить несколько комнат, в подвалах дворца, где практически невозможно было спрятать людей что могли подслушивать разговоры, благо строительством подобных помещений озаботился ещё сам создатель империи — и приказал начать сбор в них, указанных списком к встрече, самых важных из агентов главного имперского министра.

При упоминании о гонцах от наследников, «престолодержатель» лишь с ненавистью отмахнулся: «Надоели уже! Встреча вчерашняя, праздничная — с речами на трибуне. Потом ужин, как на похоронах, ночные побегушки по городу с новостями... да пошли они все!»

Сейчас Дезидерию следовало решить несколько неотложных дел связанных с судьбой самого министра и по возможности направить события, произошедшие в державе за последнее время, в нужном ему русле.

Общие детали плана были им уже ранее разработаны и встреча со своими людьми, агентами и доверенными слугами, позволяла немного дополнить полученную ранее информацию подробностями и начать действовать: нанося удары на опережение по наследникам и готовясь как можно дольше оборонять занимаемый, промежуточный, но оказавшийся сейчас столь важным, пост «престолодержателя».

Ночные истерики фанатиков кельриков, странные намёки друидов гарданцев, ступор изнеженных лентяев ромлеян и явное пренебрежение им уммландцами — заставляло Дезидерия срочно искать выходы из сложившейся ситуации.

Фанатикам веры, кельрикам Корсо и Амвросию — можно было пообещать «походы Света»... куда-нибудь! Первому министру Гарданы Поллиону, предложить договариваться с Амазонией, но без всяких гарантий: может что и выйдет в дальнейшем, а если и нет — натравить на него инквизицию во главе с Великим инквизитором Корсо. Наследник из Ромлеи Джанелло, особенно сейчас, когда лишился своего провинциального трона — более чем когда прежде подходил на пост «своего» императора, но пока что само Избрание следовало любыми силами откладывать на максимально неопределённый срок, оставаться при этом «министром-регентом» при совершеннолетних, но не имеющих общеимперских полномочий, наследниках императора.

Уммланд и люди оттуда представлялись наиболее опасными противниками, и следовало подумать как их по возможности скорее обезвредить: подкупам или кинжалом.

Подкупить, богатейшего банкира империи Тудджерри — казалось невероятным, а убить... В общем всё же хоть и ненамного, но проще чем купить!

Однако нужна была новая, свежая информация о свитах и самих прибывших наследниках, что бы наконец приступить к активным действиям по срыву скорого Избрания или оттягивания оно, на как более возможно долгий срок.

Главный имперский министр прошёлся быстрым шагом, разминая ноги после сна и плотного завтрака, по кабинету и стал продумывать что скажет своим людям на встрече.

Планы на случившиеся бунты в Урдии и Амазонии уже были, теперь оставалось туда добавить ещё и разработки по ромлеянскому мятежу и можно начинать большую игру против скорого Избрания императора, а при удаче — самому стать «незаменимым главным министром», при истеричном дурачке из Ромлеи, что лишь благодаря стараниям Дезидерия сможет занять дедовский престол: Джанелло получит разукрашенное резное в золоте кресло и золотой обруч с камнями на голову, а Дезидерий... власть!

Министр улыбнулся своему отражению в зеркале и подмигнул. Потом, по приглашению своего секретаря Тарасия — спустился в указанные тем «тайные комнаты для переговоров», где уже собрались полтора десятка его наиболее доверенных агентов и слуг, которых он использовал для «серых» или и вовсе — «чёрных», своих поручений.

«Для туманных дней или ночного часа» — как нередко шутил сам «престолодержатель» об этих людях и ими выполняемых его приказах.

В то время как четверо наследников и их свиты спали после трудного прошлого дня и

нервной ночи, а столичные жители, хмуро приходя в себя от выпитого вчера вечером, делились впечатлениями о въезде наследников императора и их шансах на занятие трона Деда — вот в это же самое время, в императорском дворце, в глубоких тайных подземельных кабинетах созданных специально для переговоров и проходила встреча министра Дезидерия и части его самой секретной агентуры.

Ради важности момента главный имперский министр решил их собрать так массово, чего прежде никогда не делал, что бы они не знали друг друга в лицо и не могли сговориться против него.

Однако сейчас ситуация требовала рисковать по крупному и Дезидерий решился: следовало как можно скорее попытаться усилить бунты и брожения в империи силами всех своих агентов, а потом, разом подавить все мятежи одним большим походом — во время которого замкнуть на себе управление имперской армией, хотя бы частью и всеми отрядами различной стражи — особенно императорской гвардейской, и крупнейших городов империи через которые пройдёт походная колонна.

Это позволило бы министру перестать бояться провинциальных дружин наследников вице королей и уже в чём то диктовать им самим свою волю — пускай и в пределах законов империи, разработанных их великим дедом, и принятых собранием аристократии и жрецов не без споров, и казни десятка особо рьяных спорщиков...

Был правда ещё и вариант с созданием собственной стражи, гвардии охраны главного имперского министра — мингардов, мингвардов, или как ещё их назвать.

«Престолодержатель» сейчас раздумывал над небольшой провокацией с нападением на него и мгновенным, без согласия наследников или начстражи гвардии Магинария Имерия — созданию своего собственного отряда охраны, в ответ на попытку его убить.

Переговоры с определёнными ветеранами из рыцарей и боевых кнехтов и сержантов рыцарских орденов, что были не против вернуться на службу, да ещё и в столицу империи, прошли успешно и оставалось лишь их всех официально зачислить в штат...

В помещении, не приспособленном на переговоры такого числа людей, было явно тесно: полтора десятка мужчин с удивлением рассматривали друг друга или тихо перешёптывались, если были ранее знакомы. Дамы несколько презрительно фыркали в адрес друг друга и предпочитали полушёпотом говорить лишь со своими кавалерами.

Когда зашёл нынешний «престолодержатель» — все дружно вскочили на ноги и уселись лишь после его милостивого разрешения на это: «Полно, полно... Не стоит так резво скакать. У нас есть проблемы и мы должны их решить. Вместе!»

Проговорив это, главный имперский министр встал из кресла, куда всего мгновение назад уселся и оглядев всех своих агентов в меру пристальным взглядом и поняв что они ловят каждое его слово, стал терпеливо объяснять: «Прибыли наследники. Вчера. Скоро Избрание... Если мы не вмешаемся. У каждого из наследников своя преданная свита и уже готовы списки назначенцев на все важнейшие посты, в том числе и на мой! Как только произойдёт Избрание императора — тут же меня попросят на выход и займутся вами, как моими агентами и людьми, за которыми водятся разнообразнейшие грехи и во множестве... Если мне не удастся спастись и сохранить своё нынешнее влияние — вижу вас всех на кострах инквизиции фанатиков Корсо или заколотыми на улочках столичного города убийцами из Ромлеи. Меня отправят куда в провинцию, в ссылку, а вас — перебьют всех до одного!»

Люди в комнате загалдели и стали наперебой что то предлагать. Министр понял что

достиг цели и даже самые твердолобые из них, уяснили, насколько рискованна сложившаяся ситуация, прежде всего для самих агентов главного имперского министра.

Теперь будет проще их убедить к совершению новых «серых и тёмных» дел, что Дезидерий хотел предложить агентуре осуществить по его новому плану и во множестве.

— Да. Нужно срочно действовать и не дать в ближайшее время провести Избрание, а уж потом... Возможно в дальнейшем удастся и вовсе обойтись без него, и оставив меня на нынешнем моём государственном посту, вас всех держать, при мне, на различных должностях. Как и прежде... — последние слова «престолодержателя» потонули в криках одобрения и требованиях что бы он приказывал, а уж они не подведут и выполнят что угодно. — Итак. Сперва всячески мешать скорому волеизъявлению Избирателей, а для этого следует провести ряд мероприятий, что бы наследники и сами Избиратели видели насколько накалена обстановка в империи и занялись решением проблем с мятежниками, а не бесконечными выборами и всё новыми требованиями преференций как со стороны обуянных жадностью участников Избрания, так и тщеславных, в гордыне — кандидатов на трон...

Вновь крики одобрения со всех сторон сотрясали стены «тайной комнаты» и Дезидерий, не без удовольствия, наблюдал что до его людей видимо не только быстро дошло, насколько они зависимы от его успешной карьеры, но и появилось у них здоровое желание помочь сохранить тот столп, к которому они тянутся как виноград своей лозой и который поддерживает их собственные потуги подняться ещё выше в жизни...

Был правда немалый вариант что кто то из собравшихся, сразу же после данной встречи, помчится докладывать противникам главного имперского министра. Но в нынешней, и так не очень хорошей, для Дезидерия, обстановке — это вряд ли сильно поколебало бы его позиции: если всё удастся — он пробудет ещё долго «министром-регентом», при никак ни избираемых выборщиками на трон четырёх провинциальных королях, если же нет... Тогда на него свалят все мятежи и проблемы в державе и отправят на костёр, причём не раздумывая на это согласятся все, из наследников императора.

Дезидерий нервно поёжился от подобной промелькнувшей у него мысли и через секунду, уже расправив плечи, заговорил совершенно спокойно и уверенно: «Итак. Людям, что занимались Севером империи — Амазонией и Гарданой, вместе со всеми островными государствами, да, именно вам Клотт и Мика, это моё обращение: следует провести переговоры с нынешней королевой правительницей Амазонии и убедить её в том, что империя сейчас слаба и Амазонии следует действовать понаглее и требовать себе не только прежних суверенных прав, но и новых земель из числа спорных с империей территорий! Амазонийскую знать следует побуждать к активным вылазкам за пределы их «женского королевства», на судах или в кавалерийских вылазках — не суть важно... Друидам, которых желательно тоже встретить и пообщаться с ними при посещении данного королевства — предложить провести несколько показательных церемоний, что бы все видели что древняя религия вновь у них официально разрешена: это будет шоком для наших жрецов и инквизиторов, и они начнут всюду вопить о немедленных походах Света, давая мне преимущества! Ещё следует выдать королеве Амазонии солидные суммы, через северные торговые союзы городов и посоветовать правительнице гарантировать им свободную торговлю, в ей принадлежащих портах, а заодно объявить что корсары — могут у неё чинить суда и продавать свою добычу... Это правда несколько противоречит одно другому, поэтому пускай выберет что важнее: торговля с сетью крупных городов на Севере империи или

поддержка тамошних морских разбойников, в возможном скором военном конфликте с имперцами.»

— И как нам убедить торговые города выделять ей деньги? — осведомился осторожный худощавый Клотт, напоминая скорее крысу в человеческой одежде.

— Всему своё время! — ответил Дезидерий. — Я объясню всем и каждому, откуда тому брать фонды на конкретно его операцию, пока что вы должны просто понять чего я от вас требую и начать думать о своём пути из столицы в указанное вам место и своих действиях там! Амазония... Да, вот ещё: пускай их королева пообещает нашим северным торговцам преференции в их промысле и помощь с провозом южной контрабанды, которая может выстаиваться на её складах, пока негоцианты не смогут забрать её себе. Уверен, от подобного не откажется ни один из наших «самых честных плательщиков торговцев и банкиров»!

Люди в зале дружно расхохотались удачной остроте министра и после минутного веселья, Дезидерий оборвал их: «Продолжим! Теперь Урдия: следует позволить им овладеть, без промедления, имперскими арсеналами с бомбардами, что есть на их землях и заполучить инженеров по фортификациям, которых массово отправляли в те земли учиться строительству замков, что бы инженеры помогли восстанавливать замки и усиливать те, что есть сейчас у Урдии...»

— А кто им выдаст орудия? — удивились агенты работающие в срединных королевствах, в том числе и Урдии — Шильд и Марк, огромный толстяк, под два метра ростом и кроха, которого нередко принимали за ребёнка, за его небольшой рост и «детскую» мордашку, даже в двадцать пять лет. — Арсеналы под охраной гарнизонов и без приказов они начнут обстрел их атакующих отрядов и могут успеть испортить хранящиеся у них стволы бомбард... Тогда какой смысл будет в атаке на арсеналы?

— Потом. Всё объясню потом! — нетерпеливо махнув рукой заявил главный имперский министр, — выдачи денег и оружия будут проводиться с помощью доверенных писем и приказов, переданных гонцами, с имперскими заверениями о полномочиях и подлинности самих документов, благо я имею достаточно полномочий что бы знать что и как, по протоколу, подтверждает подлинность приказа в подобных письмах: что у негоциантов при займах, что у военных — при передаче имущества от склада с хранящимся оружием к действующему отряду или ставшей в осаду армии. Объясню потом! Главное убедить власти Урдии, а там, насколько помню, сейчас братья Арды всем заправляют, бывшие имперские рыцари и комтуры — что именно на них, с походом, пойдёт первым делом Великий инквизитор Корсо, со своими фанатиками кельриками и им стоит как следует вооружиться и укрепить свои города и замки, перед атакой «огненных людей» из Кельрики.

Дезидерий откашлялся и обвёл своих собранных агентов взглядом. Высмотрел троих и указал на них рукой: «Южане, теперь вы: Сандро — ты как мой агент в Кельрике, должен будешь всячески распалить истерику веры в своём инквизиторе, при котором ты доверенный слуга. И заставить его обратиться, с нужными нам требованиями, к самому Корсо, тот ему будет благоволить... обещаю! В походе кельрики должны будут сжечь пару невинных имперских городов и заставить население их и вообще имперцев — начать себя ненавидеть. Не подведи!»

— Не сомневайтесь! — ответил сухопарый загорелый человек, с кукурузными зубами, что выделялись слишком явно на его бронзовом лице. — Будут полыхать так, что запомнится это на века!

— Теперь очаровательная Далила и Леонардо: вам следует начать переговоры с Велизарием в Ромлее, на вашей родине и узнать чего же именно он хочет и каковы его условия возвращения в империю... Пока лишь общие переговоры — без конкретных обещаний и предложений ему.

Бывшая куртизанка и её муж сутенёр переглянулись, и мягко ответили на приказ министра улыбкой.

Своему нынешнему работодателю они оба могли гарантировать что переговоры обязательно случатся и их радовало что не требовался конкретный результат, которого могло и не быть, при встречах со столь хитрой бестией как нынешний Солнцеликий Велизарий «Барс с косой».

— Теперь о финансировании всех этих мероприятий и документах прикрытия... Подложных, ясное дело. — начал Дезидерий разговор о том, что более всего волновало его людей. — Я думаю, все здесь присутствующие помнят художественную мастерскую мастера Брейхеля?

Смешки и откровенный хохот стали ответом главному имперскому министру — ещё бы они не помнили эту группу художников в личном подчинении министра!

А всё, уже довольно давно — началось с желания Дезидерия, тогда обычного нотариата в имперской канцелярии, заполучить себе небольшое поместье умершего родственника, который, к немалому сожалению мужчины, оставил своё имущество соседу по землям, бедному, но по слухам, честному, имперскому выслуженному рыцарю.

Друзья Дезидерия, среди коллег нотариатов, тут же подсказали выход из ситуации: нанять хорошего художника, который за тройную оплату подделает почерк умершего старика и печати, по крайней мере чернильные — на свитке наследования. Всё остальное вполне можно решить с местечковым судьёй, благо от представителя чиновничества столичной имперской канцелярии, ни один из них не откажется принять небольшой «дар».

За неделю был найден мастер: сильно пьющий художник, что ранее рисовал портреты провинциальных баронов, но в последние пять лет скорее побирался при домах своих бывших почитателей и этот мастер приступил к изготовлению документа, по всем подсказанным ему правилам столичного документооборота.

В течении трёх дней был получен новое завещание, по которому умерший — полностью, юридически верно, всё своё имущество оставлял «дорогому Дезидерию, талантливому молодому человеку с блестящим будущим» и просил не дать обмануть его каким-либо мошенникам, в крохотной приписке старческим мелким почерком на документе...

Судья, старый имперский рыцарь, с удовольствием выпил с появившимся новоиспечённым «настоящим» правообладателем замка и имений, столичного дорожущего вина и за двадцать золотых монет пообещал честно и беспристрастно во всём разобраться.

Случился суд и рыцарь, которому вначале и достались поместья умершего родственника нынешнего «престолодержателя», так и не смог ничего прояснить по поводу второго документа.

Было решено что мошенничество с его стороны не доказуемо, хотя подозрения и есть, и радостный Дезидерий, без лишнего шума и судебного преследования конкурента, вступил в права на переданные ему замок, три дома и довольно приличные по размерам луга.

Вскоре он всё это смог выгодно продать втридорога, однако острый ум будущего главного имперского министра — подсказал ему что не стоит забывать о художнике, что

подсобил в деле наследования и вскоре тот был перевезён в неприметный особняк под охраной, на окраине столицы.

Теперь Дезидерий начал работать в ином масштабе: его люди визнавали о спорных наследствах или тех, где наследователями выступали дети или слабые женщины, и тут же, с помощью слуг в доме, выкрадывался какой документ с почерком умершего.

Брейхель споро делал подложное завещание и с помощью нотариатов и знакомых судей Дезидерия — почти всегда дома, замки, денежные суммы, земли и прочее имущество — оказывалось во владении нового и истинного, «достойного наследника»...

Нет, конечно же не самого Дезидерия, что было бы слишком подозрительно, а его многочисленных агентов мужчин и женщин, которые работали за процент от полученной наживы: поместья тут же продавались со значительной скидкой, деньги переводились в небольшие провинциальные банковские конторы и там либо за них покупалась новая, «чистая», недвижимость, либо вкладывались в постройку торговых судов и их дальнейшее использование в морских торговых караванах, что в империи, обладающей портами на Юге и Севере континента, было весьма выгодно.

Главный имперский министр никогда не рисковал и не влазил в имущественные споры графов или кого подобного, из высшей знати, его интересовали смерти в фамилиях провинциальных рыцарей и баронов, средней руки купцов и банкиров, в меру богатых иноземцев и ювелиров, но не из самых известных или богатых.

Получив пост начальника императорской канцелярии — Дезидерий несколько раз удачно подделывал государственные документы с помощью Брейхеля и смог, в ворохе с настоящими, совершить пару вбросов на рассмотрения «к решению императора» бумаг, обыкновенно в вечерние заседания за свечами и факелами, престарелого, к тому времени, правителя.

Десяток недоброжелателей Дезидерия отправились на эшафот, а он сам получил около года спокойствия, за который смог расставить своих людей в основных управлениях канцелярии...

Тем временем Мастерская художника Брейхеля обзавелась ещё десятком художников, что специализировались лишь на почерках: мужских, женских, детских, иностранных языках. Были набраны мастера художники по печатям чернильным и те, кто талантливо подделывал восковые и подобные, вплоть до царапин, бывших на оригинале и создавал копии данных печатей, на всякий случай.

Это, расширявшееся постоянно заведение мастера Брейхеля — давало Дезидерию около трёхсот тысяч золотых монет в год и позволяло периодически отправлять в небытие, если и не самих прямых врагов министра на политической арене, по крайней мере напрямую — то хотя бы самых важных из их слуг, а также родственников, любовниц или агентов.

Замарав, в чём непотребном, с помощью «случайно найденных документов», близкого слугу министра с которым давно и сильно враждовал — Дезидерий потом начинал издали, понемногу, сомневаться при императоре, в качествах, деловых и личных, «подобной личности» и через определённый срок, каждый раз не менее полугода — министра, противника Дезидерия, всё же изгоняли прочь из императорского дворца, к немалому удовольствию того, кто подставлял его...

— Да. Вижу вы все поняли суть моей идеи. — Довольно потёр руки «престолодержатель». — Нам следует отправлять к негоциантам письма от людей, которых они знают по закупкам в столице: их агентов или партнёров, столичных купцов, что просят



помочь суммами Амазонии от их имени и «от пожеланий больших людей» — имён которых в письмах упоминать не следует... В Урдию, на арсенальные замковые запасы бомбард — мы пошлём курьеров с письмами-приказами, точными копиями тех, что выдают сейчас у нас для поставок в имперскую армию перех походом. Стандартный приказ на перемещение ценностей. Но подделку! Хотя ребята Брейхеля и соорудят все печати и подписи как надо, но всё же без идеала, что бы в случае использования подобного документа на имперских судилищах — можно было определённо доказать что это подделка и во всём виноваты медноголовые дураки что охраняют арсеналы... У меня есть на то причина! Пускай мятежные провинции получают грузы по подложным просьбам и гарантиям негоциантов из столицы, и обзаведутся артиллерией — по личному приказу Первого бомбардира артиллерийского парка императорской гвардии... Которого тот не отдавал! В спешке и панике, от того что мятежники так резко усилили свои позиции и дальнейшей суматохе походов против них — будет не до разбирательства, по крайней мере подробного. А после подавления... После — будет уже иное время, с иными расчётами.

Люди ещё немного посудачили об услышанном и том как получить побыстрее купеческие «гарантированные суммы», и быстро перевозить их водой: по рекам или морем, для скорейшей передачи Амазонской королеве и правителю Урдии.

Потом взял слово мелкий Марк: «Есть предложение, хозяин. Мы тут с Шильдом поговорили и предлагаем начать ссорить людей принцев, тем более что они и сами с этим хорошо справляются: кельриков, фанатиков солнечной веры — против гарданцев, среди которых множество тайных друидов или их сторонников. Ромлеян, против уммландцев и так далее...»

— Есть конкретные предложения?

— Конечно! Из за всей этой ситуации с Ромлеей, начать, по пьяным глазам — провоцировать в тавернах нападать кельриков на гогочущих «изменщиков ромлеян», а после потасовки между ними — пробежать мимо дворца гарданцев, переодетыми как кельрики и бросая в его парк факелы, и грозясь на всю улицу сжечь «всех поганых древопочитателей!!!»

— Опасно. Стража начеку и...

— Да нет же! Никаких долгих акций что бы стражники не успели схватить — всё быстро и коротко: пьяные разговоры и провоцирование резни в кабаке, быстрая пробежка и заброс огня. Никаких шансов на поимку или долгое разбирательство — всё внезапно. Удары по слабым местам каждого из прибывших провинциалов!

— Годится! Я выделю деньги на это, но никаких чужих людей! Работайте своими привычными группами — пускай будет всего две акции, но запоминающиеся!

Шильд предложил пытаться стравливать и охрану наследников, как наиболее приближённых и воинственных из их слуг: постоянные потасовки телохранителей вице-королей вначале развлекут столичных горожан, потом надоедят и покажут всю никчемность прибывших провинциальных правителей.

После короткого обсуждения возможных провокаций, решили пока остановиться лишь на «пьяных бесчинствах фанатиков провинциалов» и пробежках мимо поместий наследников, пока что не связываясь с охраной внуков покойного императора.

— Теперь... — Дезидерий обвёл своих агентов испытующим взглядом. — Мне нужно от вас и ваших людей, что обитают повсюду, следующее: самые грязные слухи, а лучше настоящие тайны, о первых министрах наследников. Повторюсь, не самих наследников — это мне сейчас не поможет никак, а именно о провинциальных первых министрах, как их

главных советчиков и тех людях, на которых смотрят как на мою ближайшую смену. Спали их Светило в прах!

Внезапно поднялся всё тот же здоровила и пузан Шильд, что недавно был главным источником идей по поводу провокаций в столице, против людей принцев и их стравливаний на улицах полиса: «Ну... У нас с Марком есть кое-что на Тудджерри, первого министра и советника при уммландце Лиутпранде. По поводу его второй женитьбы, на многим думаю ещё памчатной авантюристке Лайме Аннит, что именовала себя «дщерью Светлой Солнечной» и утверждала что питается лишь светом дневным, и не ест ничего, что жрут обыкновенные люди, а соответственно — и в нужники никакие она не ходит...»

Главный имперский министр тут же вспомнил эту историю, десятилетней давности, что он ранее в подробностях слышал по секрету и под большой тайной, от одного из министров покойного императора и в которой сам был, правда косвенно, немного замешан — в самом конце, когда женщина уже попала в лапы трибунала инквизиции и многие пали из за её откровений на допросах.

Дезидерий предложил Шильду продолжать. Был шанс вновь освежить воспоминания о тех знаменательных событиях и заодно узнать что новое, о своём, возможно самом опасном, из противников.

Шильд и Марк, словно какая цирковая пара, из за разности в габаритах, перебивая и дополняя друг друга, постоянно размахивая руками, словно хоботами, как дрессированные слон и комар — начали рассказ об известном им событии, случившемся в судьбе крупнейшего имперского банкира, Тудджерри.

В Уммланде, лет двенадцать назад, внезапно появилась молодая женщина что ходила от храма к храму и просила её принять. Однако когда она начинала сообщать о себе подробности — её тут же прогоняли прочь с руганью и даже пару раз инквизиторы готовили местечковые процессы против неё, но каждый раз что то им мешало отправить беглянку на костёр.

Лайма Аннит, так звали эту женщину, всюду утверждала что она есть «дщерь Светила святого» и благодаря своему отцу — питается лишь светом сияния его, и даруемого всем людям тепла: что греет как человека — так и животного с растением, даже рыбу на мелкой воде...

Вскоре однако у женщины появились почитатели, как среди изгнанных жрецов отступников нарушителей, так и сельских проповедников и даже несколько в меру обеспеченных купцов, одного из полисных ремесленных центров Уммланда, стали регулярно давать ей деньги и одежду и предоставлять кров на ночь.

В день Солнцепочитания, один из пяти крупнейших праздников империи, Лайма, босая и в простом одеянии — вышла, во главе сначала небольшой, процессии, что через пару часов прохождения через весь город стала многотысячной: люди скандировали «С нами святая!» и «Дщерь Солнца предводительствует нами!» и обильно жертвовали всем храмам, мимо которых проходила голая и радующаяся толпа верующих.

Жрецы Уммланда, недовольные относительным безбожием, что процветало при дворе местного вице-короля Лиутпранда и подобным же падением нравов по всей этой центральной имперской провинции — тут же ухватились за подобную возможность и сами стали распространять информацию о святости Лаймы и её «родительстве» самого Светила.

Изгнавшие её ранее жрецы и магистраты городов были покараны, а Лайму, с огромными почестями — пригласили в столицу Уммланда город Помм.

Там женщина была приписана к храму «Солнечных поющих Птах», сугубо женской религиозной общине и стала чем то вроде витрины и достопримечательности, поглазеть на которую приходили толпами простецы и пообщаться с которой приезжали крупнейшие аристократы со всей империи.

Монастырь безмерно богател от жертвований богачей и посещений многотысячных толп, что мечтали лично узреть «дщерь Светила» и солнечная религия понемного возвращала свои позиции в вице королевстве Уммланд, как вдруг разразился скандал: один из общавшихся с Лаймой банкиров, не поверив в её описания того, как она за всю жизнь ничего не ела и соответственно — не имеет нужды ходить отправлять «надобности» в сортир, оставил с десятков своих наблюдателей вокруг Храма, где пребывала женщина и смог столкнуться с кем то из жриц, что подсказали ему место, где можно застать Лайму вкушающую фрукты, прямо на свежем воздухе при храмовом саду.

Банкир, крайне религиозный человек, узнал от своих соглядатаев где и в какое время ходит лакомиться фруктами «светочистой Лаймы» и проникнув в сад по сплетённой лестнице с «кошкой» — стал оскорблять застигнутую им обманщицу и требовать немедленной кары для неё.

Всё бы может так и случилось, но храм был сугубо женским, а «святая Лайма» стала не только приносить огромную прибыль непосредственно данному храму, но и позволяла вернуть хотя бы часть прежнего влияния на умы людей провинциальной местной жреческой иерархии, ибо с уммландских священников, все последние годы — откровенно потешались их коллеги из Ромлеи, и грозились сжечь на кострах, вместе с еретиками, кельрики.

Банкир был тут же обвинён в святотатстве и проникновении в «женские заповедные территории», и сам отправлен на костёр: как за неслыханное по дерзости вторжение в закрытую обитель, так и ложное обвинение в адрес святой Лаймы Аннилит.

Скандалом и влиянием, что после него лишь возросло, «дщери Солнца» — решили воспользоваться в торговом доме крупнейшего имперского банкира Тудджерри: его глава уже тогда был первым министром Уммланда и богатейшим негоциантом империи, теперь же, предложив свою кандидатуру на пост супруга «святой» — он мог невиданно увеличить собственный авторитет и по слухам, примирить местных уммландских религиозных иерархов с вице-королём Лиутпрандом, с которым у них давно были склоки и конфликты, вплоть до проклятий и отлучений от культа Солнца — отчего несколько раз дед вице-короля, император, издавал внезапные резкие «имперские эдикты»: как против внука, так и явно зарвавшихся жрецов Уммланда.

Своим браком на Лайме Аннилит, Тудджерри поднимал невероятно высоко собственный авторитет и мог влиять, хотя и довольно опосредованно, на имперские религиозные организации, которые до сего момента были в основном в подчинении Кельрики, с её штабом трибунала имперской инквизиции и Ромлеи, где находился главный первосвященник церкви Солнца и проводились наиболее значимые религиозные мистерии.

Первые два года всё было просто отлично: Тудджерри вкладывал огромные собственные средства в массовые шествия верующих, во главе с Лаймой, по всем основным городам Уммланда и соседних провинций, и бесплатные раздачи пищи.

Строились десятки новых храмов и восстанавливались старые. Значимость Уммланда, как третьего религиозного центра империи, потихоньку увеличивалась и позволяла потеснить инквизиторскую Кельрику и «солнцеликую» Ромлею, на землях которых чудеса происходили ещё в достопамятные времена — добавляя плюсов в копилку местного

наследника императора, что бы тот мог занять трон деда прямым его назначением.

Однако... Однако в начале третьего года совместной жизни богача и «святой», планы Тудджерри и всё данное предприятие постиг жесточайший крах.

Многие, истинно верующие знатные люди, не поверили в святость «дщери Светила» и отправляли всё более людей на слезку за ней и её слугами, как супруг не старался, но оградить полностью жену от агентов: инквизиции, престола Солнцеликого, Избирателей, императора и многих высших аристократов — не смог даже и он.

Случился скандал: приглашённые к известному мастеру празднеств, князю Гассаксу, супруги были разведены по разным помещениям — Тудджерри решал вопросы новых многомиллионных займов империи от его банка и его младших партнёров по Уммланду, а вот Лайма...

Лайма была просто очарована запахами кухни князя Гассакса и позволила уговорить себя, своей старой доверенной служанке, как выяснилось позже, на суде, по совместительству агенту Великого инквизитора Корсо: съесть «ма-а-а-ленький кусочек торта и запить бокалом чудесного выдержанного тридцатилетнего вина».

Пока «дщерь Солнца» баловалась в одиночестве, в крохотном закрытом павильоне в огромном княжеском парке, принесёнными служанкой-агентом вкусностями и запивала всё это кубками вина, сама служанка, в великой спешке, сообщила Великому инквизитору Корсо, бывшему также в то время, по просьбе императора, в гостях у ненавистного ему Гассакса — что сейчас происходит в павильоне и где можно застать, прямо на месте преступления, Лайму Аннит.

И Корсо немедленно воззвал к Хорхе, главе храма «Карающего Жара» и самому императору, требуя сейчас же тайно посетить павильон и посмотреть на деяния той «Что не отвела ни крошки и ни капли — от самого своего появления на родительский свет...»

Император, князь Гассакс, вице-король Уммланда Лиутпранд, Тудджерри, Избиратель глава храма «Карающего Жара» Хорхе, Великий инквизитор Корсо и Избиратель глава храма «Утреннего рассвета» Виллиам — скрытно проследовали куда их вела старая служанка Лаймы, и через тайные отверстия, что во множестве знал в своём павильоне князь Гассакс, наблюдали все стадии опьянения «голодающей святой»: от нетрезвых разговоров со смешками с самой собой и неприличных танцев — до подпускания ветра и швыряния фруктами в окна...

Потом Лайма задрала юбки и сходила «по-большому» на деревянную лопату, которую тут же сама выбросила из двери далеко в кусты роз, после чего оправила одежды и закрывшись в павильоне, завалилась дальше спать на удобном широком диване, расположенном среди лимонов в кадках.

Свидетелей было много и Тудджерри стоял побагровевший, совершенно не зная что и сказать. Корсо и Хорхе требовали немедленного допроса и переаттестации всех жрецов и священников Уммланда: «Раз те допускают объявлять в своих землях святой — греховодницу бесстыжую!».

Император дал одобрение на расследование инквизиции, однако же потребовав что бы и имперские прокураторы на равных его проводили.

Влияние Уммланда, среди верующих, после этого случая — резко упало: местные священники прошли чистку трибуналом инквизиции и комиссиями жрецов Солнцеликого, и почти все они были заменены людьми из Кельрики и Ромлеи.

Вице-короля Лиутпранда и главного банкира империи Тудджерри — обвиняли что они

всё и сами прекрасно знали, и специально поддерживали эту мистическую ересь, заставляя простецов ей доверять: чуть ли не называли в открытую ересиархами, опасаясь лишь гнева императора.

Лиутпранд, пять лет после этого грандиознейшего скандала не появлялся при дворе деда, а Тудджерри вынужден был передать часть своих замков и торговых кораблей религиозным властям Кельрики и Ромлеи, подписав с ними мир, на условиях выплаты фактической контрибуции.

Избиратель Князь Гассакс, в имени которого всё разоблачение «святой Лаймы» и произошло, и до этого бывший большим другом Тудджерри и Лиутпранда и занимавший у них регулярно деньги на свои «шалости» — оказался в ссоре с уммландцами и сильно умерил свои аппетиты, даже поговаривали что приболел и слёг...

Группа условных «имперцев» в иерархии державы — проиграла группе условных «жрецов», и самому императору пришлось пойти на уступки и ужесточение некоторых положений вероисповедания в его государстве, чему ранее он всячески противился.

Инквизиторы оказались в наибольшем выигрыше и всячески начинали всё новые процессы против обычных жрецов и имперской знати, надеясь воспользоваться столь важной победой для закрепления своего нового статуса «службы над всеми».

Закончилось это правда частыми ссылками самих «чёрных» инквизиторов и запретом массовых казней на кострах, но первые годы после суда «дщери Светила» — именно инквизиторы и их сторонники особенно подняли головы и стали пытаться всюду наводить свои порядки, и казалось их победа вообще в империи, скоро и неизбежна.

Тудджерри лично привёз Лайму на суд в тележке с запряжённым мулом и всячески поддерживал обвинения жрецов и инквизиторов против неё.

Выяснилось, значительно позже, как это узнал Дезидерий — что банкир договорился с тогдашним Солнцеликим о признании недействительности их с Лаймой брака, на основании её предложенных подложных сведений при заключении союза и получив за огромную взятку документы из Ромлеи что брака никакого и не было, по крайней мере законного, раз нарушена процедура в него вступления — с чистой совестью присутствовал на казни на костре бывшей супруги, что ненадолго возвысив его — чуть было не утянула, вместе с собой, на пламенный эшафот...

Прямо перед казнью на костре, местные инквизиторы вырезали женщине язык и её, связанную и в полуобморочном состоянии, тащили через город в тележке запряжённой мулом.

Инквизиторов, сделавших «отрезание» — вскоре выгнали из трибунала, по слухам: за то что приняв взятку от Тудджерри — не дали Лайме Аннит, хотя бы на костре, обвинить в чём новом супруга, чем она ранее многократно грозилась, всё время пребывания в заключении, видимо в надежде что муж её спасёт из застенков инквизиции.

Великий инквизитор Корсо посчитал что его подопечные не столько пытались «образумить обезумевшую грешницу», сколько мешали ей показать на своих соучастников и соответственно — всю мешали следствию.

Попытка создать некий альянс, большого капитала и святости Веры, в очередной раз провалилась с огромным скандалом, так и не дав успокоения людям обладавшим огромными состояниями, что они попадут в число помощников на небе, для пылающего ежедневно святого Светила...

Слушая рассказ своих агентов, Дезидерий вспомнил некоторые моменты этого дела, о

которых он узнал совсем недавно, когда сам занял пост главного имперского министра: император, подстрекаемый Великим инквизитором Корсо и тогдашним Солнцеликим Митавией — дважды думал арестовать и казнить Тудджерри.

Для самого правителя державы это был отличный повод избавиться от огромных долгов, перед уммландским банкирским домом и пополнить государственную казну, а Корсо — надеялся запугать арестом и дальнейшей показательной казнью Тудджерри всех негодяев империи и негласно начать сбор процентов, со всех сделок, проводимых купцами и банкирами, в пользу трибунала инквизиции.

Тогдашнего Солнцеликого толкали к этому варианту ромлеянские города-республики, что обзавелись во множестве торговыми эскадрами в южных морях и теперь хотели казнью лидера условных «северных торговцев» — надолго обуздать северных своих конкурентов и по возможности захватить и их собственные рынки, особенно торговлю пушниной и рудой в Гардане, строевым корабельным лесом из Амазонии, и шерстью и одеждой из неё — ввозимыми из Островной державы в империю, исключительно лишь судами компаний Тудджерри или его многочисленных родственников и друзей, тоже негодяев.

Император, на этот шаг с арестом, так и не решился — опасаясь негласного противодействия, в этом случае, сплочённой организации северных банкиров, что по имеющимся данным имперских агентов, в это время уже была создана под патронатом вице-короля Уммланда Лиутпранда, в его землях.

Люди, входящие в данный «банкирский совет», обладали колоссальными состояниями и имели во множестве слуг и агентов, в том числе и из бывших имперских и орденов ветеранов.

Умерший правитель империи часто говаривал Дезидерию, что попытка грубо ломать банкиров «о колена» — может привести к массовому, хорошо оплаченному, заговору, как дворцовому — среди сановников в столице, так и выступлениям бедных провинциальных рыцарей и баронов, и всячески в дальнейшем отказывался от прямого столкновения с ними, предпочитая переговоры и взаимный обмен: когда империя уступала какие нежелательные земли или даровала высокие титулы негодяев — в обмен на гарантии колонизации силами самих торговцев пустых районов державы и поддержку имперских войск всеми возможными способами: от уплаты задержанного жалованья наёмникам, до создания, на мануфактурах банкиров и привоз к месту осады — огромных бомбард, что крушили ведровыми ядрами почти все известные каменные стены замков или городов...

Договоривших наконец свою информацию о Тудджерри и Лайме Аннит, агентов Шильда и Марка — Дезидерий поблагодарил и попросил присесть.

Про себя же решив что данная «чернуха» хоть и несколько устарела, более чем на десятилетие, но сейчас, в период междувременья и склок между вице королями — тоже может пригодиться, если правильно напомнить об этом случае Великому инквизитору Корсо и главе храма «Карающего жара» Хорхе, и намекнуть что у него есть некие новые данные... Возможно стоило подкинуть каких документов из мастерской художника Брейхеля, что бы погубить столь опасного для самого Дезидерия, банкира Тудджерри.

Пока разберутся что и как подделано, уже наверное случится пару конфликтов с кровью и в преддверии Избрания императора и мятежей в провинциях — мало кто будет обращать пристальное внимание на мелкие, странные детали подложных бумаг.

Пришла очередь рассказывать свою информацию для томной Далилы и манерного Леонардо: что им известно о ромлеянском наследнике Джанелло, о котором впрочем и сам

Дезидерий мог разглагольствовать полночи, особенно описывая их сегодняшнюю заполюшную, слегка истеричную, встречу.

Говорила в основном Далила, Леонардо лишь важно кивал головой, подтверждая сказанное женщиной.

Оказывается, первый министр Ромлеи, Алавия — нередко продаёт понравившихся, восточным и южным иноземным послам, знатных женщин, из своего вице-королевства: дурочек угощают фруктами или вином обработанными наркотическими составами и когда те впадают в состояние практически полной неподвижности и расслабления, как растения — их увозят завернутыми в ковры, в гаремы иноземных правителей.

Были известны случаи, когда прямо на крупных балах, устраиваемых вице королём Джанелло — послы просто указывали Алавии кого бы они хотели забрать с собой и первый министр Ромлеи, через своих слуг, отбивал дам от их родителей или мужей, и чуть насильно не угощая специальным пойлом доводил до состояния полуобморочного беспробудного сна. Потом приходили «покупатели» и забирали ценный груз себе в гарем или в качестве подарка их повелителю.

Сам Алавия не рискнул бы этим заниматься, не имей он прикрытия со стороны своего господина, Джанелло.

Пока были похищены лишь женщины, по званию не выше супруги или дочери графов, однако многие аристократы Ромлеи опасаются что если их вице-король станет императором, то подобные «продажи женщин на балах» могут коснуться уже всех без разбора — возраста и положения, женщин, а некоторые из паникёров, даже пугали рыцарей Ромлеи рассказами и о похищенных мужчинах, для утех особо испорченных восточных правителей...

Дезидерий глубоко вздохнул: он собирался в случае чего делать ставку именно на Джанелло, как на будущего императора, однако их личные встречи и данные от его агентов — доказывали что это могла быть очень большая ошибка и данного, практически неуправляемого, человека, невозможно было полноценно контролировать.

Далее выступали агенты Дезидерия с информацией про первого министра Гарданы, Поллиона — который являлся «тайным Старшим друидом» и по слухам, неоднократно ел, на ритуальных закалываниях на столах в «круге камней» — мясо юных девственных жертв, запивая его специальными настойками, на грибах и травах.

Проскакивала информация, что Поллион готовит большую встречу всех друидов и их сторонников в столице, и возможно, если их на это спровоцировать — можно будет устроить облаву на друидов инквизиции, вместе с имперскими гвардейцами и Поллиону тогда точно несдобровать!

Услышав последнее предложение, главный имперский министр вначале с улыбкой покачал головой, но обдумав его получше, решил что это очень даже возможно и план вполне реализуем: то что Поллион друид — это уже не вызывало никаких сомнений. Осталось убедить его и иных друидов в столице, а они здесь были и во множестве: не только как лекари, при уже покойном императоре, но и скрытые, тайные — почти со времён основания самого полиса, даже когда победил культ Солнца всё равно случались скандалы, когда выясняли что некоторые из жрецов, в храмах Светила — являлись тайными почитателями религии «Древ и камней».

Итак: если спровоцировать массовую встречу друидов в столице и устроить облаву на данное собрание — можно пристрелить, из арбалетов убийц Поллиона, «в спешке схватки»

и тогда... Тогда пьяница и дурак Борелл оставался без своего первого министра и фактической няньки. Роль, на которую вполне мог претендовать, в дальнейшем, сам Дезидерий.

— Как мило бы всё сложилось... — мечтал про себя «престолодержатель», — ромлеянского идиота Джанелло оставим лекарям и инквизиторам, а мне следует выполнять при Борелле ту же роль, что сейчас играет Поллион: править за него и не подпускать других к общению с императором, пока тот веселится на пирах и охотах. Вот это было просто чудесно...

Начал выступать Сандро, агент министра в Кельрике. По его словам выходило, что сам Великий инквизитор Корсо особо ничем не выделяется: умерен в еде, питье и с женщинами, не любит дворцы и предпочитает роскоши хорошие книги или свою работу... Но! Даже умерший император обвинял его в излишнем рвении на поприще судов и казней, и это можно использовать: обвинив Корсо в самозабвенном фанатизме и излишней жестокости. Поверхностных, скорых на жесточайшие наказания, бесчестных судах и частых лютых расправах с инакомыслящими. В том числе и праведными достойными солнцепоклонниками, которые чем его прогневали случайно.

Рассказывать людям в подробностях о массовых казнях в Кельрике и говорить что подобная дикость вернётся и сюда, в столицу империи и вообще, абсолютно во все исконно имперские земли. Подобное способно напугать даже самых смелых из слушателей.

Ещё немного поговорили о добыче новых сведений и дальнейших провокациях против министров наследников.

Обсудили суммы для тайной выдаче мятежным Амазонии и Урдии, что бы те как можно скорее могли начать формировать свои всё новые боевые отряды и укреплять бастиды, перед возможным походом имперцев на них.

Агенты объяснили какие именно письма желательно заказать в мастерской Брейхеля и как им их следовало передать, с какими паролями и сопровождением в виде гонцов или охраны.

Ближе к трём часам пополудни все распрощались и третий секретарь Дезидерия, Риккульф, тайно вывел всех его агентов прочь из императорского дворца, заодно сообщив хозяину что «нужный слуга, для успеха дела вашей личной стражи — уже прибыл и его экипируют на малой летней кухне одного из павильонов, при постройках для прислуги».

«Престолодержатель» улыбнулся. Это была вторая, из трёх частей, его сегодняшнего, в меру сложного плана действий и возможно — самая главная.

Ему пора было обзаводиться собственной боевой дружиной, способной оказать сопротивление попыткам запугать министра со стороны боевиков наследников и небольшая провокация, в имперском дворце, которую он тщательно готовил и разрабатывал, с помощью своих доверенных слуг — должна была ему в этом помочь.

Дезидерию следовало как можно скорее пройти в парк, при главном входе и подождать слугу, о котором сообщал ему ранее его секретарь Риккульф...

Потом, после короткой встречи с данным человеком — начать в спешном порядке формировать собственную охрану, из заранее вызванных из провинций обедневших имперских рыцарей и сержантов, ветеранов многочисленных походов умершего правителя.

Раз императора сейчас пока что нет — не следовало спрашивать его личного разрешения на создание подобного отряда и можно было обзавестись своим собственным подразделением личных телохранителей, в обход людей и соответственно, глаз и ушей,



начстражи имперской гвардии Магинария Имерия.

Подобная скрытность и защищённость, в период яростных придворных интриг — являлась основной задачей для каждого, из участников заговоров или скрытых переговоров.

Дезидерий коротко яростно взмолился к Солнцу, что бы ближайшая встреча с данным «слугой» прошла удачно и глубоко вздохнув — направился в небольшой, в меру заброшенный парк при императорском дворце. Ибо уже точно никто не мог сказать когда его полностью убирали или следили за ним. Парк, что занимал слегка одичавшие, от пренебрежения, территории, примыкавшие к северо-западной части императорского дворца.

На стенах и многочисленных переходах дворца и пристроек стояли посты охраны на дежурстве — состоявшие из дворцовой императорской гвардейской стражи, однако в самом одичавшем парке, а не на его окраинах, близ ворот или калиток через которые пропускали людей — никого из них не было.

Когда Дезидерий добрался до середины открытой поляны, видимой со всех сторон постам дежуривших дворцовых гвардейцев стражников, его доверенный секретарь Рикульф, только что приглашавший министра в парк и сейчас удачно спрятавшийся в огромных, выше человеческого роста, кустах, указал на спину главного имперского министра какому то человеку в зелёном плаще и голубых штанах, и тихо произнёс: «Он! Как договаривались: три быстрых коротких удара в спину или живот, лишь туда! Потом, сразу же бросай кинжал ему под ноги и беги прочь со всех ног, к замшелой старой каменной арке, что прямо возле выгребных ям в парке. Давай! Действуй! Завали этого хряка и получи награду!»

Главный имперский министр Дезидерий неспеша вышагивал в своём сиреневом мешковатом одеянии, которое помогало скрывать его тучные телеса, когда из пышных кустов, в беспорядке произрастающих на окраинах поляны в парке — внезапно появился какой то худой человек, вначале плохо различимый в своих зелёно-голубых одеждах и вприпрыжку кинулся к здоровающемуся, в это время, с офицером поста дворцовой стражи на верхнем каменном мосту, прилично возвышающемся над поляной и самим парком, министру «престолодержателю».

В десяток шагов неизвестный, выскочивший из кустов как молния, догнал отвернувшего от него голову в противоположную сторону главного имперского министра и не успели императорские гвадрейцы криком предупредить Дезидерия об опасности или что либо предпринять — нанёс министру пять быстрых коротких ударов кинжалом в бок и спину, а когда его жертва повернулась с отчаянным воплем к нему, бросился бежать, бросив своё оружие на месте преступления, под ноги министру.

Всем видом показывая что шокирован происходящими с ним событиями — министр Дезидерий грузно осел на землю, прямо под собой, накрыв своим немалым телом в сиреневом балахоне и орудие преступления, которым его прямо сейчас поразили и постоянно ощупывая себя руками — видимо желая обнаружить раны, из которых на его одеяния обильно текла кровь, делая их чёрными и по возможности прикрыть отверстия толстыми пальцами или плотной тканью плаща...

Возле каменной арки, близ выгребных ям — уже стояли, словно кого ждали, два стрелка арбалетчика, что входили во «внешнюю» императорскую дворцовую стражу, судя по их относительно невзрачным накидкам поверх бригантин и оружию, явно выдавшему и лучшие времена.

Обычно внешнюю стражу не допускали в помещения самого дворца и вообще, использовали скорее как оруженосцев и посыльных при императорских гвардейцах, что

непосредственно охраняли жилище правителя империи и его самого, в походах или посольствах.

— Это убийца «престолодержателя»!!! — истошно, словно женщина, завопил появившийся украдкой, на миг, словно ниоткуда, из всё тех же пышных кустов откуда ранее выскочил и сам предполагаемый преступник, один из трёх личных доверенных секретарей поражённой кинжалом жертвы, Рикульф и стал указывать двоим арбалетчикам, стоящим на арке, на бегущего, словно заяц, человека в странных зелёно-голубых одеждах.

В секунду оба стрелка, словно бы только и ожидали данного приказа — подняли свои установленные в удобное положение и заранее заряженные арбалеты, и дружно метко выпустили стальные болты, в пробегающего мимо них, на расстоянии не более пяти метров, преступника.

Оба заряда оказались точно в теле «кинжальщика», задев тому правый бок и пробив насквозь шею.

Бегущий невысокий худощавый мужчина, в зелёноголубом одеянии, свалился на траву на поляне и стал биться в конвульсиях, когда через мгновение, всё тот же секретарь «престолодержателя», орал, уже полностью скрывшись в пышной растительности заброшенного парка, подбегавшим двум «пятёркам» императорской внутренней стражи, состоящим лишь из гвардейцев: «Стрелки! Это соучастники! У них заряженные арбалеты — не дайте себя убить гвардейцы!!!»

Императорские гвардейцы тут же выставили вперёд себя большие щиты, та пара что была вооружена мечом и имела щит для обороны. Алебардщики оцетинили десятку «ежом», из шести выставленных за спинами щитоносцев смертоносных стальных шипов, а пара арбалетчиков, приданных всем пятёркам на постах — взяла на прицел ошалевших от происходящего своих коллег на мосту, которые явно не ожидали такого развития событий и теперь просто заворожённо смотрели на надвигающихся на них с угрозами, своих бывших коллег.

— Они повели руками — будет залп!!! — завопил ещё громче секретарь министра Рикульф из кустов, и зачем то прыгнул на землю.

Оба имперских гвардейца арбалетчика, в подбежавшей десятке стражников, произвели одновременно выстрелы из своего оружия — каждый по своей цели и пара стрелков на мосту, с разряженными ранее в «кинжальщика» арбалетами, свалилась как подкошенная на замшелый камень арки.

Подбежавшие алебардщики принялись их истово тыкать в живот и шею, что бы окончательно добить и не дать возможности преступникам оправиться и сделать выстрел в сторону гвардии.

Собирались во множестве люди: подбежало ещё четыре поста охраны дворца и часть отдыхающей в казармах дворцовой стражи, вокруг Дезидерия вовсю суетились его слуги и пару стражников — они готовились на связанных плащах отнести раненного министра в указанные им помещения и немедля вызвать из особняка его личного лекаря и жрецов, для возможных процедур лечения тела и духа, а также подготовки к чему худшему, если понадобится...

Кричавший ранее в кустах, секретарь министра Дезидерия Рикульф — тихо отполз по незаметным кочкам к входу в подвалы технических помещений дворца и там же вскоре и скрылся, а переодевшись в новую одежду, вместо испачканной землёй и соком травы и растений, уже вскоре появился пред ясны очи своего господина, которого за это время

успели отнести общими усилиями в кабинеты на третьем этаже императорского дворца и при котором пока что дежурили несколько стражников гвардии, для возможного отражения нового нападения.

Все ожидали скорого прибытия личного лекаря министра и жрецов, вместе с поварами, что по приказу Дезидерия будут теперь неотлучно находиться при нём, пока он восстанавливает своё здоровье — если это будет возможно и процедуры не запоздали...

В самом дворце происходила явная суматоха: передавались самые невероятные слухи об убийцах из южных стран, что охотились за главным имперским министром, подосланных наследниками «кинжальщика» или, как само собой разумеющееся — прорвавшихся отрядах знати, что хотели убить «престолодержателя» и скорее всего и самих наследников, и вместо империи объявить о создании некоего нового государственного образования...

Начстражи имперской гвардии Магинарий Имерий, ходил вместе с преданными ему офицерами и нервно смеялся каждый раз, при прослушивании очередных нелепых рассказов о толпах убийц и тому подобном, что неожиданно прорвались в ранее столь охраняемую резиденцию покойного правителя империи.

Он никак не мог понять: отчего арбалетчики, из внешней стражи охраны дворца, внезапно стали столь опасны и главное, как на защищённую территорию, без специального пропуска, проник убийца — переодетый, мягко говоря, нелепо: в балаганного сторонника друидов из представления на площадях столицы. Куда делся свидетель, что по словам застреливших стрелков на каменной арке, арбалетчиков имперской гвардии и кричал им об опасности от данной пары и том, что эти люди заговорщики и соучастники «кинжальщика» внизу.

Ведь он должен был проявить себя после пресечения убийства или чего там случилось, однако же... Его нигде не смогли найти, и главное — сами гвардейские стражники утверждали что не знают как он выглядел, так как человек кричал из за густых зарослей кустов полузаброшенного парка, при дворцовых территориях и они его совершенно не видели, ни как он был одет, ни какое у него было лицо...

В императорский дворец наконец прибыли доверенные люди из обслуги Дезидерия и попросив уйти всех лишних, в том числе и охранявшим министра стражников, которые вначале отказывались так поступить — начали осторожно снимать окровавленные почерневшие одеяния главного имперского министра, что пропитались кровью так, что их можно было выжимать.

Хотя с тем как часть одежд «подсохла» — теперь все сиреневые накидки Дезидерия скорее напоминали уродливые бесформенные чёрные латы некоего рыцаря Тьмы, из многими любимых рыцарских романов.

Потом и лекарь Дезидерия, и жрецы в кабинетах расхохотались, вместе с самим пострадавшим «престолодержателем» и его личными секретарями — и всё дружно стали громко шутиться, похлопывая друг друга по плечам и спинам, и шёпотом поздравлять что всё удалось как планировали.

На министре была всего пара небольших царапин — не более того, и его личный лекарь предложил сделать три коротких медицинских надреза, что смогут сойти, при осмотре посторонними, за ранения от «кинжальщика».

С разрешения, охающего как девушка, Дезидерия — его немного осторожно «надрезали» и теперь, когда министр переодевался в чистую новую одежду, секретарь министра с удовольствием раскладывал на столе заляпанные и застывшие комьями старые

одеяния своего хозяина, и жёг в камине толстую бычью кишку, с набранной в неё ранее свежей свиной кровью, которая была спрятана в кармане накидки министра и так удачно и обильно позволила пролить на свои одежды чужую кровь, самому министру, пока суетившиеся стражники и все зеваки были отвлечены криком его секретаря: вначале на бегущего прочь «кинжальщика», а потом — на пару арбалетчиков из внешней стражи, на каменной арке.

Причины подобного представления и немалых рисков с ним связанных, были весьма существенны: Дезидерий начал сильно опасаться за свою жизнь, в связи с постоянными угрозами от прибывших наследников и решил всё же как можно скорее обзавестись отрядом личных телохранителей, но не маленьким, человек в двадцать, который ему мог выделить начальник имперской гвардейской стражи Магинарий Имерий, а вполне сопоставимым с теми дружинами боевиков, что привели в столицу деда, покойного императора, его внуки и наследники.

Просить у Магинария Имерия гвардейцев стражников Дезидерий не желал — прекрасно понимая что они будут «глазами и ушами» своего командира, при главном имперском министре и не позволят спокойно проводить встречи, со своими многочисленными агентами, «престолодержателю».

К тому же гвардия была преданна империи и императору, а соответственно, могла сразу после Избрания последнего — арестовать и препроводить на казнь, ставшего ненужным, «престолодержателя».

Это был плохой и при этом вполне вероятный вариант, тогда как со своими новыми, лично выбранными, охранниками — Дезидерий планировал, в случае дурного развития событий, пробиваться к морю и уплыть в сторону Островной державы, где у него было тайно приобретено небольшое поместье и имелись некоторые суммы, на банковских вкладах местных контор.

План созрел быстро, благодаря помощи и подсказкам троих доверенных секретарей Дезидерия, его личного лекаря и вычитанных ими ранее подобных случаев, из хроник многочисленных старинных королевств: следовало провести какую заметную провокацию, с «ненастоящей попыткой убийства», что бы люди о ней постоянно говорили и были бы свидетели, желательно говорливые и глупые — далее следовало потребовать усилить охрану главного имперского министра и «престолодержателя», до Избрания нового императора и тут же, самим, быстро составить отряд ему верных бойцов.

Бойцов нашли ранее в окрестностях столицы империи, где пребывало в безденежном и безземельном состоянии множество отчаянных головорезов рыцарей со всех провинций империи и ещё большее количество безработных боевых кнехтов и сержантов готовых за плату резать кого угодно.

И вскоре секретарь Дезидерия, по имени Анулон, сообщил что всё сговорено: есть с сотню рыцарей ветеранов, что готовы служить министру и примерно впятеро более сержантов и ветеранов орденов и имперской армии, которые были уволены или сами ушли от привычного армейского безденежья на вольные хлеба.

Людей расселили небольшими группами возле столицы и приказали ждать сигнала, для того что бы одновременно появиться в городе, с разрешениями на руках, так как в честь приезда наследников въезд был ограничен и посты на воротах усилены и вместе подойти к указанному им дому, для представления нового нанимателя и господина.

Второй, из личных секретарей Дезидерия, Рикульф — вместе с доверенным лекарем

министра Феофилактом, разработали идею последующего «представления» во дворце, после которого можно было требовать создание личной министерской стражи, не вызывая подозрения у наследников или Магинария Имерия, как в чём предосудительном.

Рикульф сможет через своих людей, среди поваров, готовящих для слуг императорского дворца, на подземельных кухнях — ввести на сутки к ним нового служку, на сменные вторичные «грязные» работы: «слугу-вонючку».

В день, когда данного слугу введут во дворец как ничтожнейшего из подносчиков каш для котлов или чего ещё, этого служку переоденут в одежды напоминающие одеяния друидов Амазонии и сговорившись с Дезидерием о времени прогулки последнего, по заброшенной поляне дворцового парка, что бы были свидетели из имперской стражи подчиняющейся Магинарию Имерию и слуг, среди которых наверняка окажутся агенты наследников, это было очень важно в показухе — Рикульф отправит переодетого «кинжальщика», с оружием балаганных актёров, смешным ножом с тупейшим наконечником, что проваливается лезвием внутрь при несильном и вообще, любом ударе — привселюдно «зарезать» главного имперского министра. При этом гарантировав «кинжальщику» свободный уход от беззащитного, раненного им министра и тайный лаз, в каменной арке у выгребных ям при императорском дворце, через который тот уберётся, а потом получит в городе оставшийся, второй мешочек с золотом...

Агенты Дезидерия Далила и Леонардо, ранее сговорились с парой арбалетчиков, из внешней стражи императорского дворца — «подстрелить» одного служонка, которого, согласно их истории, приревновал к своей супруге богатый купец и договорились: что когда арбалетчикам криком укажут на подставленного ранее дурака, в условленный день на каменной арке над поляной, в заброшенном парке императорского дворцового комплекса — то нанятая пара стрелков прикончит неудачливого «любовника» гарантированно, а потом, даже если их и отправят в отставку за убийство «какого то там поломоя...» — они, кроме уже выданного им вознаграждения, ещё и будут наняты охраной в дом купца, заказчика всего этого преступления.

Далила и Леонардо даже указали арбалетчикам на одну из крупнейших лавок столицы и намекнули, что они предлагают работу именно от её хозяина.

Дезидерий, получив от своего личного лекаря Феофилакта «колбаску», из бычьей кишки со свежей свиной кровью внутри — спокойно спрятал её в своих пышных одеждах и вышел «прогуляться», специально громко поприветствовав какого то офицера стражи, на ближайшем к нему посту, что бы привлечь его внимание и его людей, и таким образом добавить себе в свидетели гвардейских стражников, в будущем покушении на него.

Второй из секретарей министра, Рикульф, отдельно вывел будущего «убийцу-кинжальщика» через малообитаемые подземные проходы для слуг, в императорском дворце и наводил того на цель, указывая куда бежать после атаки и обязательного оставления оружия при жертве — «для метки и запутывания следов!»

На самом деле брошенный «жертвой-убийцей» балаганный кинжал, что мог озадачить, в случае своей находки, следователей — тут же был спрятан Дезидерием у себя в одеждах, вместе с раздавленной пальцами кишкой, со свиной кровью, что обильно выпуская из себя содержимое создала впечатление о страшных ранениях, полученных главным имперским министром и его огромной кровопотере.

Неудачливого «кинжальщика» застрелили арбалетки, из внешней стражи дворца, располагавшиеся, по сговору, на каменной арке, как на номере в охоте: когда условную

добычу вывели на охотников в засаде.

Самих же стрелков на арке, совершенно ненужных никому свидетелей — удалось удачно ликвидировать с помощью гвардейцев из внутренней стражи дворца, и вовремя подданного из кустов «паникёрского» крика секретаря Риккульфа.

Был ещё запасной вариант с отравлением их еды, в тюрьме гвардейской стражи, в самом императорском дворце — если бы пару стрелков всё же задержали.

Однако дело это было непростое и долгое, и отъезжавшие сегодня же в Ромлею Далила и Леонардо, «наниматели» арбалетчиков — вряд ли вскоре могли быть задержаны кем из следователей, даже если бы на них и вышли сразу же...

Случилось всё как нельзя лучше для министра Дезидерия: множество людей видело нападение на него и помогало тащить «раненного» министра в его кабинеты, на третьем этаже дворца.

Также появлялся повод для обвинения Магинария Имерия, в плохом выполнении им своих прямых служебных обязанностей и, что немаловажно, был найден официальный, законный важный предлог — для создания своей собственной стражи министром Дезидерием, в противовес людям наследников.

«Престолодержатель» даже мог сейчас попытаться обвинить кого из наследников, в данном преступлении против себя или шантажировать их этим в будущем, предлагая сделку с ним и на его условиях.

Дезидерий, в первой радости от исполненной задумки с убийцей — подумывал вначале обвинить в покушении на себя правителя Уммланда, Лиутпранда — указывая всем что тот ранее желал его смерти... Но пока решил не начинать со столь громогласных обвинений, помня о Тудджерри, в свите данного принца и его агентурных сетях банкирских контор по всей империи.

В кабинетах, личный лекарь главного имперского министра, Феофилакт — осмотрев своего господина, предложил сделать ещё несколько новых надрезов, что бы не было так подозрительно: столько крови на одеяниях министра и почти нет ран на теле и резанных колотых дыр, на одежде «жертвы».

Были проблемы и с тем, как убитого «кинжальщика» вводили в служки императорского дворца, через кого и с какими рекомендациями: но секретарь Анулон гарантировал Дезидерию, что все эти, задействованные в продвижении «кинжальщика», люди — уже покинули столицу и скорее всего, как только они прибудут в один из домов вне стен города, где сейчас квартируют будущие телохранители министра — их сразу же и перережут, как свиней, а потом где закопают в многочисленных садах...

Оставалось лишь дожидаться скорого приезда наследников или их первых министров, на созванное Дезидерием срочное совещание, дальнейших пламенных обвинений от «престолодержателя» в адрес начстражи имперской гвардии Магинария Имерия и его людей — об их полной неспособности обеспечить безопасность в периметре императорского дворца и наконец, как вершина в задуманной пирамиде планов главного имперского министра, на этот день: объявление самим министром Дезидерием — о создании своей собственной дружины охраны, что бы в дальнейшем никто не помешал его убийством проведению Избрания будущего императора и не лишил державу правителя...

К тому же был ещё один прожект задуман на сегодня, связанный с походами против бунтующих королевств и Дезидерий собирался сообщить о нём наследникам и их людям уже находясь в кольце собственной охраны, будучи совершенно уверенным в том что просто так

его не арестуют и не казнят нынешней же ночью, если что не понравится, в данном проекте министра — венценосным гостям.

Примерно через час после «покушения» — во дворец заявили первые министры вице-королевств и извинившись за отсутствие своих господ, объяснённое ими как «усталость после въезда в столицу и ночной приёмкой дел, от местных агентов и слуг», сообщили что уже весь город бурлит от информации о совершённом покушении на Дезидерия и каждый гадаёт: что это было и кто ответственен за подобное дерзкое преступление.

Недавно прибывшие провинциалы сказали правду: столица второй день к ряду жила в каком то непонятном возбуждении, вчера — от въезда в неё наследников умершего императора, сегодня — от так не вовремя случившегося нападения неизвестных убийц, с попыткой уничтожения «престолодержателя», который отвечал за государственные дела империи вплоть до Избрания нового правителя на трон.

Друг другу люди на улицах полиса передавали самые фантастические слухи: нападение друидов Амазонии, что замыслили этим убийством запутать государственные дела и отменив ближайшие выборы императора Избирателями — поспособствовать ссорам наследников и началу гражданской войны, со всеми вытекающими от этого бедами...

Другие орали что сами наследники и подослали убийц к главному имперскому министру Дезидерию, который крупно проворовался и теперь лишь кинжал, в его толстое чрево — даст ему шанс искупить свою вину.

Кто то указывал на державу Блистающего Шатра, огромное юго-восточное государство лунопочитателей — с которым, при первом императоре основателе державы, войн не было, но сейчас, эта страна уже фактически вплотную подошла к границам нынешней империи, покойного ныне, монарха.

Все считали что гвардейская дворцовая стража Магинария Имерия совсем перестала исполнять свои обязанности и если в самом императорском дворце возможно убийство одного из высших сановников государства, то уж простым горожанам, надеяться на помощь обыкновенной, городской стражи, в любое время суток — нет никакой надежды...

Встретивший, лёжа на диване и в окружении своих лекарей и слуг, министр «престолодержатель» прибывших к нему первых министров королевств наследников: Поллиона, Алавию, Тудджерри, Корсо, а также примкнувших к ним начстражи имперской гвардии Магинария Имерия и главу имперской канцелярии Аргуина — Дезидерий лишь молча кивал им всем головой, когда ему поочерёдно все прибывшие люди выражали своё сочувствие и пожелание поскорее выздоравливать.

Потом главный имперский министр откинул покрывала с ложа где пребывал и сделав вид, с каким великим трудом поднимается что бы сесть, слегка дрожащим от негодования голосом, Дезидерий заговорил: «Как такое могло произойти... как?! Самое охраняемое место нашей империи, министр, отвечающий за государственные дела в сложный период Избрания нового императора и тут... Как?!»

Попытавшегося было что то заявить в ответ на данную тираду Дезидерия, начстражи императорской гвардии Магинария Имерия — «престолодержатель» бесцеремонно перебил властным резким взмахом руки, показывая что ещё сам не закончил говорить. После чего министр продолжал:

— Это немислимо! Я всего лишь скромный слуга умершего нашего великого повелителя и его достойнейших внуков. Однако моя смерть, случись она именно сейчас и так неожиданно — могла бы привести к большой анархии в управлении и, не позволю сего

никогда наше святое Светило, возможно даже к столкновениям между отрядами наследников и Избирателей. Это бардак!

— Мы немедля усилим посты на дворцовых переходах и выделим людей для вашей охраны... — всё же вставил Магинарий Имерий, пытаясь хоть немного оправдаться, но его вновь перебил Дезидерий, видя что его сейчас слушают все и с нескрываемым вниманием, а начстражи гвардии хоть и пытается что отвечать, пока выглядит как школяр перед преподавателем, что не выучил заданный урок.

— Бардак!!! — провозгласил громовым голосом «престолодержатель». — Осталось совсем чуть чуть до начала голосования Избирателей и тут, внезапно, могло произойти непоправимое: и что тогда?! Кому и как принять дела: кто проведёт Избрание и передаст документы, вместе с имперскими тайнами, новому правителю?

Было заикнувшийся Аргуин, который хотел напомнить что он, как управляющий канцелярии императора, также допущен до подобной информации и при нужде вполне может заменить в передаче дел новому правителю главного имперского министра, был оборван на половине своей фразы «раненным» оппонентом.

— Бардак! — в третий раз произнёс любившееся слово Дезидерий. — Я уверен что этот друид, которого считают, как я слышал, выходцем из Амазонии... Так вот, этот друид из Амазонии — специально проник, что бы ликвидировать меня и устроить беспорядок в передаче власти, и вообще государственных делах, нашей великой империи. Друиды видимо прознали, что я практически не имею охраны, кроме пары-тройки преданных мне слуг и решились...

— Почему друид? — решительно вмешался гарданец Поллион, до этого стоявший вместе со всеми и лишь качавший головой на все слова раненного министра. — Какие этому есть доказательства и тем более, что данный «кинжальщик» — друид именно из Амазонии? Вы смогли его захватить и допросить: есть свидетель и информация от него?

Великий инквизитор Корсо громко фыркнул, пока мрачный Дезидерий, выдержав паузу, заявил спросившему его Поллиону: «Человек, что напал на меня — был одет в зелёно-голубые цвета, стандартные для друидов Амазонии. К тому же, когда он бил меня кинжалом, он шептал прямо в ухо о мести друидов именно со стороны данной провинции империи и...»

— Шептал? — вновь удивился Поллион. — Наш дорогой брат Дезидерий, вы несколько неверно поняли происходящее, возможно из за своего ранения и испуга от случившегося: у Амазонийских друидов, я точно это знаю, ибо уже говорил вам что сам родом оттуда — цвета иные в ходу: в основном тёмно зелёный, как единственный в одежде или же, крайне редко, зелёный и пепельно серый... Зелёный и голубой — это цвета друидов окраин севера Островной державы, диких территорий и земель «старых народов», что проживали там ещё со времён правления всеми землями мира огромными ящерицами и летающими драконами и если убийцы были подсланы оттуда, тогда здесь скорее внешняя политика замешана. Хотя мне и непонятно, с чего бы они на вас так взъярились — там в основном дикие кланы проживают и сами друиды их сторонятся, как совершенно потерявших человеческое достоинство... И ещё, к слову, если позволите: посланные убийцы друидов, для ритуальной мести или подобного — убивают либо молча, как обычные «тайные кинжальщики», либо громко крича перед всеми о мести за конкретную провинность перед друидами, или выполненной ими, подобным убийством, клятве. О «шептунах» среди них — я ничего никогда не слышал. К тому же, проще было использовать для вашей ликвидации бывших солдат ветеранов или девушек, очаровательных мастериц в обращении с отравленными



иглами или надеваемыми вещами, например перчатками. Хотелось бы конечно подробностей, от людей что ведут данное расследование, но пока что больше похоже на дешёвую попытку подставить друидов и да: убить прямо перед Избранием императора — главного имперского министра.

Великий инквизитор Корсо, всё время пока говорил Поллион, буквально испепелял ненавидящим взглядом объяснявшего друидические тонкости первого министра Гарданы, но ничего не произносил и лишь слушал, ему явно были интересны такие подробности, во множестве, о лютых врагах церкви Солнца, друидах.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

Пришла очередь вмешаться в беседу и начстражи дворца Магинарию Имерию, что с благодарностью воспринял предложение Поллиона о возможной «подставе» и тут же начал рассказывать собравшимся о том, что уже стало известно: «Кинжальщиком» оказался лишь вчера вечером принятый на работу служка, для грязных работ на кухне, где готовили для низшего персонала дворца. В подвалах расположена которая... Его застрелили опытные внешние стражники, что уже более семи лет находились у нас при дворце на различных постах — правда никогда не состояли во внутренней гвардейской страже и лишь пару лет назад были введены на постоянные, а не замещаемые должности... Люди, что принимали служку «кинжальщика», на работу — сейчас разыскиваются: они убыли ещё с сего утра, куда в неизвестном направлении, из дворца, по обыкновенным хозяйственным нуждам и так и не возвратились обратно. По местам, где они сообщали что проживают — их также не смогли найти посланные мною туда стражники гвардейцы. Так. Теперь, что было найдено при «кинжальщике»: оружия при нём не было, сейчас мои люди обыскивают весь пустырь, но как бы это не казалось странно — его нигде нет! Причём никакого... Одет убийца был в странную бедную зелёную курточку и широкие синие или голубые штаны. Мои ветераны, что воевали против друидов в Гардане и по всей империи, говорят что это не одежда друидов — скорее её нелепое подобие: так ни сами друиды, ни их слуги не наряжаются! Маскарад, одним словом... При нём, что удивительно, был найден крохотный медальон из бронзы — с изображением Солнца. Там были зарубки, так обычно делают при молениях в крупнейших наших храмах: считается что когда зарубки заполнят всю сторону медальона, на которой они делаются, его можно оставлять в жилище для охранения дома или передавать болящему родственнику...

— У друида Амазонии амулет с Солнцем?! — удивился, громово расхохотавшись, Поллион и даже его враг, Корсо, хмыкнул в усы. — Как это понимать?! — Ладно если бы человек демонстрировал его специально, как делали ранее друиды в войнах с империей, когда мстили за уничтоженные свои храмы и священные рощи: они одевались как солнцепоклонники и демонстративно показывали огромные украшения, амулеты солнца из чистого золота, когда же их пропускали в храмы Светила — начинали там кромсать людей, спрятанными в одеждах кинжалами и проклинать веру Солнца и его почитателей. Особенно это часто происходило в храмах связанных с инквизицией, вроде того же «Карающего Жара»... Но чтобы друид носил маленький солнечный амулетик под рубахой, у сердца... Это какая то бредовая постановка!

Дезидерий и сам сейчас мрачно взирал на троих своих личных секретарей, понимая что из за таких мелочей, может со временем раскрыться вся афера, с ненастоящим покушением на него. Анулон, Рикульф и Тарасий — мрачные ходили позади гостей и о чём то между собой, неслышно министру, переговаривались.

— Теперь убитые арбалетчики, что ранее застрелили «кинжальщика» как бы друида, — продолжал свой отчёт Магинарий Имерий, — кто их принимал в отряд стрелков — и сейчас у нас служат. Мы их задержали. Стрелки ранее несколько раз поощрялись выплатами, но особо нигде не отличились, правда и наказанными тоже не были... Что на них нашло — выясняем. Люди, что говорили с их семьями, утверждают: что стрелки, по пьяни, совсем недавно хвалились жёнам что скоро заживут богачами, после получения «лёгких денег» и скорее всего бросят опостылевшую службу во внешней страже дворца императора и пойдут в найм к негоцианту Брюнту. Мы пытаемся сейчас понять, за что именно давались им подобные «лёгкие деньги» и почему именно к торговцу мясом Брюнту, они оба собирались перейти на службу, после вполне престижной и хорошо оплачиваемой внешней стражи императорского дворца и нет ли тут какого сговора, через данного негоцианта...

Вступил в разговор и Корсо, который заявил что следовало поймать хоть кого из преступников живыми и учинить им допрос, и если у гвардейской стражи императорского дворца мало в этом опыта — они могли бы послать за инквизитрами и их подручными, и те вмиг бы примчались на помощь.

Далее Великий инквизитор несколько минут распинался о профессиональной непригодности стражи во дворце, к пониманию важности задержания и скорейших допросов преступников, и в конце концов объявил что всё же верит, несмотря на странности, в друидический след покушения и его люди уже начали разрабатывать именно этот вариант, всюю.

— Ну вот и славно! — про себя проговорил главный имперский министр и уже в полный голос произнёс. — Короче! Я вижу вас более волнует судьба убийц и их планы, чём моё ранение или дальнейшая безопасность. Однако я решил более не бросать на волю случая свою жизнь, а в нынешних условиях — судьбу всей нашей великой державы, а посему объявляю вам первым: о создании своей собственной дружины телохранителей! Меня станут охранять достойно и более ни один лазутчик друидов или от кого ещё — не сможет безнаказанно пройти мимо постов, в лучшем случае бездействующей, внутренней стражи императорского дворца! Даже не хочу говорить что в худшем...

— Но у нас достаточно сил! Есть свободные люди и имперская гвардия готова предоставить своих бойцов для охраны «престолодержателя»! — с ужасом завопил Магинарий Имерий, видимо уже подозревая что придётся допускать, на охраняемые его людьми территории, отряд чужаков, да ещё и при оружии.

— Я уже оценил. Благодарю покорно — но нет! — сказал, как отрезал, Дезидерий. — Я сам найму проверенных мною людей и кстати, господин начстражи имперской гвардии, не беспокойтесь — они будут находится лишь во мной занимаемых помещениях и не шататься бесцельно, по всему императорскому дворцу, как ваши люди... Итак: как «престолодержатель» и в виду отсутствия избранного императора — я сам подписываю указ о создании гвардии главного имперского министра!

Дезидерий ловко вытянул из футляра ранее подготовленный его слугами свиток и привселюдно его подписал, потом поставил огромные печати: одну чернильную, на самом документе и три поменьше: две свинцовые и одну хрупкую, из красного воска — на тканевом корешке свисающем с листа с указом.

— Господин Магинарий Имерий. — обратился главный имперский министр, к просто шокированному всем столь внезапно произошедшим прямо у него на глазах, начстражи дворца, — мои секретари сообщат вам о помещениях, что уже сегодня к вечеру поступят в

распоряжение моих личных телохранителей и новый порядок посещения меня вашими людьми и прочими, что желают увидеться и обсудить какие вопросы. Охрану «моих» кабинетов будут осуществлять только люди из министерской гвардии — прошу им содействовать во всём!

— Да но... — попытался всё же сопротивляться ошарашенный начстражи.

— Не стоит спорить! Хватит! Раз вы не можете достойно обеспечить охрану человека, который организывает преемственность власти в огромной империи и подвергаете возможному хаосу всю иерархию государственной власти нашей державы — я сам буду следить за своей безопасностью и выполнением моих приказов, в том числе и о скорейшем Избрании императора, и охране Избирателей. Господа! — обратился «престолодержатель» к стоявшим молча первым министрам наследников, — через четыре часа, уже поздним вечером — прошу настоятельно прибыть вас и всех наследников. Мы должны обговорить некоторые спорные нюансы связанные с будущим походом против мятежных королевств...

— Почему не с нами и прямо сейчас? — буркнул недовольный Тудджерри, что всё это время простоял с озабоченным лицом и явно начал подозревать что недоброе, в последних поступках главного имперского министра.

— Я понемногу прихожу в себя, слава Светилу и моим лекарям, потихоньку от последних ран... К вечеру полностью буду готов к беседам о походе и тогда расскажу в подробностях свой план и попрошу одобрения, а также, конечно же, советов — от наших уважаемых наследников и их первых министров.

Все начали потихоньку расходиться, а Дезидерий шепнул своему секретарю Тарасию, что бы тот немедленно приказал бойцам из будущих телохранителей министра, что располагались вокруг столицы в десятках поместий пригорода — въехать в город и прибыть к императорскому дворцу: въездные документы для города пускай возьмёт у Анулона — они уже готовы. На территорию дворца отряд телохранителей министра проведёт и расположит их тут сам Дезидерий, заодно и познакомится со своими новыми подчинёнными.

План главного имперского министра был прост: пока навестившие его люди наследников расскажут своим хозяевам о подробностях покушения на Дезидерия и переговорах у постели раненого министра — он уже успеет ввести своих боевиков во дворец и занять ими часть помещений, исключив новую, уже настоящую, попытку нападения со стороны кого из внуков покойного императора.

К тому же Дезидерий собирался провести небольшой показательный парад нового подразделения, для расстановки всех точек в спорах и угрозах в его адрес, и основное: он не был уверен что его план подавления случившихся в империи последних мятежей, точнее то, что именно он, Дезидерий, а не кто из вице-королей — должен будет возглавить поход ещё до Избрания нового монарха, понравится наследникам и они не сорвутся на истерику и требование казнить обнаглевшего «престолодержателя», что хочет занять место, ранее принадлежавшее лишь императору или им назначенному полководцу.

С приличной охраной, после её правильной демонстрации провинциальным вице-королям, появлялся шанс убедить их доверить подобный поход именно ему, главному имперскому министру и не допустить собственного ареста, если начстражи имперской гвардии Магинарий Имерий договорится с кем либо из наследников, что бы подвинуть, занявшего слишком высокое положение судьи над «околопрестольным спором» наследников, министра «престолодержателя».

Следующие два часа прошли в напряжённом ожидании и переговорах министра со

своими секретарями.

Анулон, Рикульф и Тарасий заверили своего господина что гонцы к бойцам уже отосланы и проблем не будет, благо ворот в столице с полсотни и в каждые, с правильными документами, смогут пройти по три пять человек за заход, потом собраться на указанных им местах в городе и уже единым сводным отрядом — они выдвинутся в направлении императорского дворца...

Обсудили положение с расследованием покушения на Дезидерия и решили что пока что опасности нет: «кинжальщика» вряд ли кто опознает в городе, ибо он лишь неделю назад как прибыл из Гарданы, арбалетчики конечно наговорили в семьях лишнего, однако Брюнт, мясоторговец на которого указывали вербовавшие стрелков Далила и Леонардо — ни слухом ни духом о них, а сами агенты министра, что и вербовали данных стрелков на убийство «кинжальщика» — уже несколько часов как выехали в Ромлею и их ещё следовало обнаружить и догнать...

Сейчас инквизиторы начнут рыть документальный «подкоп» под друидов Гарданы, в придачу к мятежным ромлеянам и вскоре можно будет сталкивать лбами эту троицу наследников, благо Великий инквизитор Корсо слишком нетерпелив что бы строить долгие планы.

Уммланд всё ещё держался в стороне от свар остальных и пока в открытую враждовать, с главным имперским министром или остальными наследниками, явно не спешил.

Пока «престолодержатель» совещался со своими доверенными людьми, на столичных жарких пыльных улицах встретились двое подростков: Атаульф и Жак, и радостно горланя приветствия, бросились друг к другу:

— Ты слышал об убийстве первого министра империи?! — кричал в возбуждении, словно в лихорадке, Жак своему товарищу.

— Конечно! Только не об убийстве, а о покушении... Неудачном! И не первого министра, это там, в провинциальных королевствах такие правят, а покушение на главного имперского министра — он самый важный из всех министров в империи!

— И кто это сделал — друиды проклятущие, как на всех улочках уже твердят проповедники и инквизиторы?

— Кто его знает! Инквизиторов ранее и самих нередко наказывали, за подосланных наёмников с кинжалами.

— Что ты говоришь, Атаульф?!

— Честное слово! Против них наш прежний император, да пребудет он со Светилом вместе, даже несколько раз назначал судебные процессы: за подсыл инквизиторами «кинжальщиков» к своим оппонентам, кого не могли в спорах религиозных победить или добиться нужных инквизиции приговоров судов над ними... Тогда просто посылали убийц и закалывали людей, невзирая на имперские запреты.

— И что дальше произошло?

— Десяток инквизиторов стали болтаться в петле, а штаб, данной организации «чёрных» — перенесли в Кельрику, подалее от нашей столицы, считай на окраину империи! Да и вообще — прилично их обкарнали с полномочиями и проведением трибуналов. Теперь вот боимся что править начнёт Амвросий, наследник из Кельрики, тот говорят на всю голову инквизиторский выкормыш...

— Говорили что он святой...

— Для кельриков — возможно! Но нам, правителя, что наслаждается еженевными

кострами, да ещё и массовыми, всё же не стоит себе желать. Пошли на площадь слушать оркестры!

Оба товарища, вразнобой громко хохоча, пробежали мимо статуй с королями и герцогами на конях, основателями местной государственности, ещё до того как страна превратилась в империю, и добредя до развилки перед императорским дворцом, остановились в изумлении: по дороге, на которой вчера гарцевали наследники и их свиты, теперь вышагивал бравый отряд в сотню кавалеристов и примерно втрое больше пехотинцев.

Все с оружием и словно бы готовящиеся к параду: доспехи начищены до блеска, как и сапоги. Оружие в недорогих, но всё же парадных ножнах. Кони вымыты и укрыты новыми разукрашенными попонами и накидками...

Станный отряд сопровождала по бокам столичная городская стража, численностью раз в восемь меньшей от выступающих по улице бойцов.

На развилке они все повернули к императорскому дворцу и один из стражников громко произнёс: «Это посланцы для господина главного имперского министра!»

— Дела... — пробухтел Атаульф, пока Жак провожал взглядом непонятный отряд, что после небольшой заминки с открытием, всё же вошёл в широкие ворота императорской резиденции. — Что бы это могло означать?

— А что такое? — удивился Жак.

— Что значит фраза «для господина главного имперского министра»? — поинтересовался Атаульф. — Ты тоже это слышал?

— Ага. Было такое! И что?

— А то: либо после покушения министра начнут охранять, как наших провинциальных принцев и тогда... Тогда он будет ещё большим начальником, чем сейчас, а то и самым важным из всех сановников империи, включая и наследников — пока не изберут законного императора нам всем. Либо же его собираются арестовать, подозревая в каких шашнях и не доверяя имперской дворцовой страже, с которой он возможно ранее и сговорился, а посему решили ввести отряды из новых провинциальных ветеранов, не из тех, кого знает в столице наш Дезидерий.

— А почему ты думаешь что это ветераны? — удивился Жак.

— Оружие, не столько показное — сколько простое и удобное, и легко доставаемое из ножен. Множество шрамов на лицах, которые в шлемах сложно поранить и видимо для этого понадобилась не одна схватка. Уверенный чёткий строй людей давно привыкших его держать. Презрительные шуточки в адрес «изнеженной городской стражи», что позволяют себе бойцы, частенько бывающие в походных лагерях... К главному имперскому министру двинули ветеранов, но вот зачем — на помощь или для ареста... Вопрос!

Пока юноши продолжали свои измышления, увиденный ими ранее отряд будущих телохранителей министра Дезидерия прибыл к воротам на территорию императорского дворца и после того как «престолодержатель» сам спустился, и в короткой словесной стычке потребовал от находившегося там же, Магинария Имерия, немедленно пропустить всех, приведённых его слугами, людей: без предварительного обыска и допроса, с занесением писарями на учёт довольствия имперской гвардии — начстражи императорской гвардии смирился со своим сегодняшним поражением и отойдя в сторону, остался наблюдать за вводом нового отряда, на охраняемые ранее лишь его бойцами, территории императорского замкового комплекса.

— Невероятно! — заявил Магинарий Имерий главному имперскому министру, когда все

«телохранители» последнего, быстро скрылись в предоставленных им старых казармах для имперских оруженосцев, что уже давно пустовали. — Невероятно! Вам удалось за несчастные часы, что прошли со времени покушения — набрать несколько сотен, если не ошибаюсь, примерно пять с половиной, так вот: за жалкие часы найти более полутысячи головорезов ветеранов, а уж я в этом разбираюсь и, что совершенно непонятно — свести их вместе вне стен столицы и одним отрядом завести в город? Господин Дезидерий, да вы чародей почище друидов — гораздо их сильнее!

«Престолодержатель» ничего не ответил и лишь бросив уничтожающий взгляд в сторону вопрошающего его мужчины в парадных доспехах, быстрым шагом ринулся в направлении казарм с его новыми подопечными.

Магинарий Имерий проводил министра насмешливым взглядом и уже грустно, без бравады, сказал своим заместителям по командованию различными отрядами внутри дворцовой императорской гвардии: «Нас обманули как детей...»

— Кто? Когда?

— Сегодня... Вот этот жирный каплун. Уверен что он сам устроил покушение на себя, уж больно хорошо чувствует после ранений, когда вся его одежда в крови пропиталась, словно в ней плавала и, что хуже: теперь во дворце есть большое количество лишь ему лично обязанных бойцов, которые помешают арестовать Дезидерия, если нам это кто прикажет.

— Кто именно?

— Предположим все наследники единым своим общим решением, или один из них, кого изберут таки наши выборщики, запертые министром Дезидерием на окраине столицы в «Гнезде».

— Да нет. Есть же иерархия! Они — наследники, правителя, а он — всего лишь чиновник, пускай и важный! — возмутился кто то из офицеров свиты Магинария Имерия.

— Теперь он имеет власти и безопасность, благодаря этому своему отряду ветеранов — даже чуть более чем кандидаты на престол. И если ранее его можно было быстро сместить внезапным арестом, то теперь лишь после кровавых боёв и возможного начала гражданской войны. Господин главный имперский министр Дезидерий стал игроком — игроком, который уже явно претендует на власть: либо как «престолодержатель», либо как примиритель всех разругавшихся меж собой наследников. И готов спорить на что угодно, что скорого Избрания императора не случится! А сегодня вечером он готовится объявить о походе против мятежных провинций, и так боялся это сделать без своих телохранителей, поблизости, что... Что следует ожидать чего то невероятного от вечернего заседания «малого имперского совета». Новости, что приведёт в ярость внуков покойного императора и от гнева которых Дезидерия спасёт лишь чин «престолодержателя», и полтысячи опытных боевиков, ставших так внезапно под его начало. Что то этим вечером да случится!

Офицеры гвардии дворцовой внутренней стражи разошлись мрачные и решили внимательно следить за чужаками, которые теперь вместе с ними делили охрану императорского дворца, что ранее было просто немыслимым.

Тем временем Дезидерий проводил быстрый осмотр своей новоиспечёной охраны и переговаривался со своим секретарём Тарасием, который и отвечал за подбор офицеров и наиболее значимых, из бойцов, в этот отряд: в отряде телохранителей министра было сто кавалеристов — тридцать имперских рыцарей, что пропили или проиграли в азартные игры свои, пожалованные ранее за службу или подвиг императором, земли и замки, и семьдесят конных сержантов — по большей части стрелков из малых «кавалерийских» арбалетов.

Пехотинцев с молотами, двуручными мечами, алебардами — было триста человек и они, по словам Тарасия, была в основе своей строевой группой, наряду с пешими арбалетчиками с ростовыми щитами, для защиты при перезарядке огромных аркебузов — что должны были в помещениях охранять главного имперского министра. При переездах или походах — пехотинцы стерегли шатры господина, пока кавалеристы разъезжали вместе с хозяином на выезды.

Все бойцы были одеты в доспехи, кольчуги с металлическими бляхами или новенькие усиленные бригантины. Оружие было вычищено и если золота и позументов явно не хватало, на одеяниях прибывших бойцов, то обветренные, бронзовые, заматеревшие лица, со множеством белевших шрамов на них и глаза, которые как казалось давно разучились чему-либо удивляться, снова напомнили министру Дезидерию его знакомцев из Избирателей: комтура ордена «Чёрного единорога» — Тибальда и маркграфа Руггера: те же выверенные точные движения, пружинистая походка, мало слов и внимательный цепкий взгляд, словно у охотника при виде добычи.

— Что же, — подумал «престолодержатель», — теперь мы можем пободаться с наследниками на равных и за ближайший поход на мятежников. Его обычно ранее всегда возглавлял сам император или им назначенный крупный, известный полководец империи. Но раз первого пока что ещё нет, а за второго и я сойду в новых условиях — придётся нашим провинциальным королькам утереться и признать свершившееся: ближайший общеимперский поход возглавлю именно Я, являясь «престолодержателем» империи в сложный период отсутствия монарха. И думаю им стоит крепко подумать, о том что мне предложить, в качестве содействия Избранию императора: меньше чем на пост, что я сейчас занимаю, и княжеский титул к нему в придачу — я уже не соглашусь...

Договорившись с Тарасием о размещении людей в пустующих казармах оруженосцев и постановке их на постоянное и полное имперское довольствие, ибо за свой счёт, главный министр империи, содержать собственных телохранителей и не собирался, считая что они охраняют важное державное лицо и их траты обязаны покрываться самим государством которому он служит — Дезидерий вскоре направился в свои помещения на третьем этаже императорского дворца, в ожидании приезда внуков наследников и договариваясь с доверенной тройкой секретарей о том, как через пару часов, на площадке где ранее стояла трибуна, для встречи приезжавших вчера поочерёдно вице-королей, провести небольшой смотр и парад его новоприобретённой дружины.

— Как их назвать? — спросил министр за ужином, где ему подали на первое раковый суп с сыром и уже немного позже, запивая кусок нежнейшей баранины отличным глотком красного, густого, вкуса чернослива с кислинкой, вина. — Нам необходимо звучное и простое, легко запоминающееся, название моим бойцам, что бы их легко отличали от имперской стражи и головорезов наследников...

— Мингварды, мингарды... — скороговоркой предлагал личный лекарь министра Феофлакт, нередко трапезничающий со своим господином.

— Минарды! — воскликнул Дезидерий. — Точно — минарды! Легко запомнить и с намёком о принадлежности именно к охране главного имперского министра, а не какогонибудь королька провинциала... Ну, да ладно.

По окончанию ужина вошли гонцы и сообщили что двое наследников, со своими первыми министрами — уже прибыли в императорский дворец и теперь ведут светские беседы с начстражи гвардии империи Магинарием Имериём, в помещениях крупнейшего

салона на первом этаже дворца.

Первыми прибывшими оказались Лиутпранд, наследник из Уммланда, со своим министром Тудджерри и Амвросий, кельрик, и его наставник и министр, Великий инквизитор Корсо.

Наследники коротко кивнули в знак приветствия зашедшему в помещение Дезидерию, их министры встали и глубоко, хотя и не без некоей издёвки, ему поклонились. В течении четверти часа прибыли и наследники ромлеянин с гарданцем, вместе со своими министрами и свитами.

— Прошу прощения! — скорее потребовал фразой к себе внимания главный имперский министр, от которого не укрылось, что все наследники, кроме Борелла, вице короля Гарданы, демонстративно холодны с ним и совершенно не желали выражать сочувствие по поводу сегодняшнего нападения на него «кинжальщика», случившегося в обед, словно его и небыло вовсе. Вместо этого внуки покойного правителя предпочитали громко обсуждать Избрание императора с Магинарием Имерием, словно бы от него там что зависело или разбирать последние столичные слухи. — Итак: сегодня произошло нападение на меня, попытка убийства...

Ропот удивления среди наследников, скорее правда сильно наигранный, чем от души. Трое оставшихся, после Борелла, из них вяло озаботились здоровьем главного имперского министра, словно не слышали до этого громкого голоса своего брата из Гарданы, что добрые пять минут говорил о том что случилось и предлагал, вместе со своим тестем Поллионом: «Отличных врачей, из бежавших к нам в Гардану друидов Амазонии!»

— Всё в порядке — ранения оказались не смертельными! — объявил Дезидерий собравшимся и тут же ехидные улыбки озарили лица наследников из Кельрики, Уммланда и Ромлеи, а также их министров и Магинария Имерия. — Я принял решение, являясь «престолодержателем «— до появления нового императора и с целью недопущения или срыва сего голосования по избранию нового нашего законного правителя... Создать отряд своей личной стражи, что будет оберегать меня от возможных дальнейших покушений врагов империи!

— Из императорских гвардейцев, разумеется? — поинтересовался вице-король Уммланда, Лиутпранд.

— Нет! Это проверенные ветераны, которые однако не имеют отношения к императорской гвардии или иных нынешних имперских отрядов. Ветераны походов, которым лично я доверяю...

— Тю, тю, тю... — со смешком проговорил ромлеянский принц, — наш главный имперский министр — не доверяет императорской гвардии что охраняла Императора? Это забавно...

— Боюсь, я не столько не доверяю — сколько подстраховываюсь. — объяснил Дезидерий своё решение. — К сожалению, стража дворца не смогла сегодня предотвратить покушение на меня и если предположить что у убийц, в среде императорской гвардии были сообщники, то мне проще создать подразделение из людей мало имеющих опыта дворцовых интриг, даже на низовых уровнях и вообще — удалённых прежде от столицы. Это позволит хотя бы первое время препятствовать попыткам на них влиять.

— Это и всё, ради чего вы нас пригласили? — несколько зло проговорил явно разозлённый услышанным, вице король Кельрики, Амвросий. — Ваши беды нас безусловно тревожат, но всё же...



— Нет! Сразу после небольшого представления Вам всем моего нового отряда телохранителей, мы поднимемся в кабинеты наверху и обсудим решение насущных проблем: возврат в лоно империи мятежных провинций и усмирение бунтовщиков.

— Нам столь необходимо смотреть на данную показуху? — поинтересовался Тудджерри.

— Пока мои люди не приготовят необходимые документы и не вызовут нас — время есть. — миролюбиво отвечал Дезидерий огатейшему торговцу державы.

Вышедших из дворца принцев усадили на приготовленные для них кресла, вокруг наследников стали их свиты и гвардейская охрана Магинария Имерия.

По приказу «престолодержателя», из воротец бывшей казармы имперских оруженосцев показались одетые в накидки малинового цвета, с золотыми скрещенными ключами на них — полтысячи бойцов новой охраны главного имперского министра.

Они молча вышагивали к сидящим людям. Никто не кашлял и не хрипел. Оружие хорошо слышно звенело и слегка бряцало. Копыта кавалеристов отбивали мерные удары о бубльжники — отчётливо скрипела кожа новёхоньких бригантин.

Пройдя с приветствием мимо четырёх наследников и людей рядом с ними, отряд громким криком «Здравия!!!» — поприветствовал и своего работодателя, главного имперского министра Дезидерия и сделав ловкий манёвр, все пятьсот с лишним человек совершили пару поворотов, и после небольшого круга по парку вернулись, через воротца, опять в свою казарму.

— Так... И сколько теперь стражей у господина министра? — тут же осведомился любопытный Тудджерри.

— Чуть более полутысячи... — спокойно ответил ему Дезидерий.

— Неплохо. Можно выдержать осаду, если что. — добавил своё видение ситуации Великий инквизитор Корсо и потянувшись в кресле, проговорил, — Пора обсудить походы против мятежников и еретиков. Хватит смотреть на все эти ваши оркестры и парады — уже два дня ерунду творим, пока империю разрывают на части...

Пока шли в кабинеты, для переговоров о решении случившихся внезапно проблем: мятежей в Урдии и Амазонии, избрании, без одобрения империи Солнцеликого и бунта знати в Ромлее — Дезидерий всё время слышал как наследники шепчутся со своими министрами, что он, «престолодержатель» — набрал слишком большую банду для защиты своей задницы и это что то да означает... От кого может исходить столь сильная угроза ему, временному чинушке «престолодержателю» — неужто от будущего императора?

Министр улыбался про себя и ждал их реакции на то, что он им объявит на данном совещании «малого имперского совета» — вот когда наследники удивятся, так удивятся!

Когда вице-короли уселись в кресла, а их первые министры заняли свои места сразу за ними, Дезидерий начал: «Мы все знаем о печальных событиях последнего времени — смерти нашего императора, основателя державы, сложностях в процедуре Избранием нового правителя, и наконец, что казалось ранее совершенно невероятным: случившиеся бунты против империи — в Урдии, Амазонии и, к величайшему сожалению, Ромлее. И если первые два мятежа можно списать на сложные договорные эдикты об унии этих древних королевств с империей и дальнейшим вхождением в неё, то мятеж нового, абсолютно незаконного, Солнцеликого, всем известного авантюриста Велизария и его почти полнейший захват власти в Ромлее, центре нашей святой солнечной религии — просто оскорбление всем нам!»

— Поход Света! — внезапно завопил как безумный Великий инквизитор Корсо, —

Поход на Ромлею и в доме этого подонка Велизария устроим великолепнейший очистительный костёр, что бы искупить казнями еретиков всю ту мерзость, что они сейчас творят!

— Поход... — спокойно подтвердил главный имперский министр. — Мы организовываем общеимперский поход для подавления мятежей. Незамедлительно. Сейчас же! Вначале к ближайшей к имперской столице — Урдии, потом на Амазонию, после неё...

— После?! — взревели оба кельрика разом, словно бы их самих уже жарили. — После?!

— Да, после... — ответил им тихо Дезидерий и решил пояснить свою позицию. — Мы считаем что сможем убедить жрецов Ромлеи и знать этой провинции — что не стоит связываться с самозванным Солнцеликим и они сами смогут провести дворцовый переворот или, если им не дано совершить данное простейшее действие, хотя бы максимально ослабят и ославят, что немаловажно — Велизария и его людей, а когда мы всей мощью имперской армии направимся на Ромлею, нам не придётся всю её брать приступом, а лишь несколько городов с укрепившимися там еретиками... Зачем рушить одну из богатейших и самых важных, со многих точек зрения, королевств — провинций империи?

После минутного молчания, когда все вице-короли шушукались со своими министрами, слово взял уммландец Тудджерри: «Кто возглавит поход и когда он состоится? Если император — тогда следовало поторопить Избрание, если же кто из полководцев — то как и кто будет определять их компетентность, и решать о назначении тех или иных отрядов, в походную армию?»

— Есть ли нужда спорить о назначениях — когда держава гибнет?! — несколько театрально возопил главный имперский министр, однако все присутствующие тут же ему прямо указали что необходимость в этом есть и стоит обговорить полководцев немедленно.

Министр ещё с десять минут распинался о величии и единении империи, важности и роли её частей в общей крепости державы, и тому подобной чепухе, пока Тудджерри не потребовал чётко дать понять кто возглавит поход и как пройдут назначения на командные должности в нём, ибо «каждое королевство наследников — захочет иметь собственных представителей там».

— Хорошо... — устало махнул рукой Дезидерий, раз вы так на этом настаиваете и хотите всё узнать сейчас. Прощу! Итак: пока нет императора — именно Я являюсь хранителем казны, документов и в каком то смысле, и самой империи, а соответственно: я самолично и выступлю для воссоединения державы, во главе данного скорого имперского похода...

— Ты...? — ошалело изумился уммландец Лиутпранд. — Ты?! Простой имперский чинушка спасает великую страну?! Да не ополоумел ли ты часом, министр главный во дворце... а?!

Случившаяся вспышка ярости, у прежде спокойного наследника из Уммланда, сильно позабавила главного имперского министра. Он также заметил явнейшее раздражение остальных вице-королей и их министров его словами.

— Прощу меня простить, однако пока из вас четверых не определился будущий правитель державы, именно я, как «престолодержатель» — обязан хранить её безопасность! — с вызовом заговорил Дезидерий. — Да, именно я возьму этот тяжкий груз, на себя и буду его нести, пока проходит Избрание нового императора. Наследники останутся с Избирателями в столице, я же гарантирую покой им в этой важнейшей политической процедуре и надеюсь что мне удастся скорейшим образом вернуть в лоно нашей державы,

все, составляющие её величие, провинциальные королевства. Кои я с удовольствием и приведу к полной покорности новому правителю, нашему второму императору!

— Наследники с Избирателями... останутся в столице. — громко пробормотал Магинарий Имерий и искренне расхохотался, настолько ему показалась забавной ситуация, когда две самых важных и первейших в имперской иерархии ступени пирамиды власти — будут, кусая себе локти, ссориться из за Избрания, а в это время главный имперский министр, во главе мощнейшей имперской армии — начнёт подавлять мятежи в провинциях. И ведь нет никакой гарантии что за эти месяцы, что пройдут в походе — будет избран император. Зато риск получить вернувшегося Дезидерия с ореолом славы ещё и полководца, и «сшивателя-портного» империи — была выше чем когда либо.

— Что ты мелешь?! — взорвался ромлеянин Джанелло. — Я буду сидеть и ждать Избрания?! Идиотский министришка — проводи скорее голосование и давай определим кто выиграл из нас! Мы без тебя сможем подавить любого противника, ты понял? А если что, то учти — мои люди тебе уши отрежут и...

— Уже нет. — спокойно перебил привычно истерящего Джанелло «престолодержатель», — я учёл случай с сегодняшним нападением «кинжальщика» и решил более не испытывать судьбу. Если ваши отряды попробуют что решить силой и незаконно поступить со мной — они будут без жалости перебиты! Из вас, ни один пока не является императором и любые телодвижения с войсками верных вам королевств, можно расценить как попытку узурпации или мятежа... Уже с вашей стороны. Повторюсь: прямо сегодня вечером начинается подготовка к походу против мятежников, который возглавлю именно Я, как нейтральная, равноудалённая, от вас всех, политическая фигура. Прошу соблюдать законы империи и дожидаться Избрания. Надеюсь выборщики будут готовы услышать ваши доводы при личной встрече и проявив мудрость — поторопятся... У господ наследников есть вопросы?

Никто ни о чём министра более не спрашивал. Наследники и их министры встали со своих кресел и в течении минуты все убрались из кабинетов для переговоров.

Молча, глядя себе под ноги, уходили наследники, что возможно впервые поняли что никакой реальной власти, в отличие от своих земель — в столице они не имеют.

Магинарий Имерий, выходя прочь, вновь расхохотался: «Ну ты и игрок! Думаю, что скорее всего буду тебя уже вскоре где вешать, на столичной площади, например, хотя... куда колесо удачи только не выворачивает? Молодец... Прямо не ожидал. Мы то со стариком тебя считали книжником и заумкой, с характером зайца — отчего он тебя на этот пост и назначил. А ты ничего — дал по зубам наследникам провинциалам...»

## Глава седьмая: «Понеслась!»

Уже к позднему вечеру и той же ночью, весть разнеслась по всей столице империи: главный министр и нынешний «престолодержатель», Дезидерий — решил самолично возглавить поход против мятежных королевств Урдии и Амазонии, а потом направится подавить ересь что завладела землями Ромлеи! Дезидерий создал свою малую дружину телохранителей, равную императорской гвардейской дворцовой страже и теперь вокруг этого отряда и начнут группироваться всё новые прибывающие силы: из числа имперских рыцарей, баронов с дружинами, графов и герцогов — ведших свои провинциальные отряды для участия в новом походе на мятежников...

На утро следующего дня, герольды, посланные с объявлениями гонцы — сообщили по всему столичному огомному городу и его окрестностям, о сборе добровольцев в списочные реестровые отряды и больших наградах, участникам похода, что теперь главный имперский министр щедро всем обещал за счёт государственной казны, считая, что пока он является её хранителем — то соответственно может себе позволить немного её порасточать: «Не корысти ради, лишь на безопасность державы!»

Всюду сообщалось что поход ведётся от имени будущего, пока что неизвестного, императора. Но так как Избрание монарха пока не состоялось и неизвестно было когда оно случится, то именно главный имперский министр и возглавит армию де факто, а позже, уже выбранный Избирателями новый глава империи — присоединится к походу с временным опозданием или вообще, просто примет в столице парад, от возвращающихся с победой отрядов, под командованием министра Дезидерия.

Простолюдины восхищались министром и кричали «Ура!!!», зная, особенно высокая, лишь качала головами и улыбалась в бороды и усы: было очевидным нарушение имперской традиции о назначении главы крупного военного похода, коим мог быть лишь император или, с его письменного разрешения, назначенный известный и заслуженный полководец.

Главный имперский министр, самостоятельно, именно так это расценивала зная — себя самого назначил совмещать посты «императора и полководца», и теперь вёл не только Избрание главы державы, что по мнению многих знатцев, из за похода будет почти наверное отложено на неопределённый срок, но и должен был возглавить значительные имперские военные силы.

Которые, в случае успеха подавления мятежей и щедрых выплат со стороны министра: раздач денежных премий ветеранам простолюдинам и замков и земель, знатым воинам, рыцарям и баронам — вполне могли протолкнуть, силой своего оружия, министра Дезидерия на «вечный» пост главного имперского министра, а то и трон, хотя бы лишь в каком провинциальном королевстве, вроде той же богатейшей Ромлеи, которую следовало отбить у ересиарха Велизария...

Наследники покойного императора, после последней общей встречи в императорском дворце и обсуждения будущего похода, внезапно засуетились и через своих слуг сговорились, вместе, ещё раз, всем четверым встретиться и без злопамяти прежних обид друг другу, обсудить сложнейшую ситуацию что сложилась.

Вначале решили собраться у кельрика Амвросия, в его Храмине — однако вскоре все гарданцы и ромлеяне покинули, с руганью, данное мрачное место, а их слуги и телохранители назначили два десятка поединков, на вечер этого же дня, местным

инквизиторам и рыцарям из Кельрики.

К обеду договорились о встрече в замке Уммландского вице-короля Лиутпранда, но и там всё произошло наперекосяк: принцы принялись ругаться ещё во время трапезы и кидать друг в друга мясными объедками...

Никто не хотел уступать и предложение Тудджерри, о выборе среди них единого кандидата на трон которого примут прочие братья, что бы избавиться от назначения правителя ушлыми Избирателями — прошло под зубовный скрежет и угрозы.

Тогда Тудджерри предложил избрать делегата, из числа самих наследников, в будущем походе на мятежные королевства — для присмотра за главным имперским министром Дезидерием и вновь нарвался на отборную ругань: никто из наследников не собирался уезжать из столицы что бы просто «присматривать» за министром, пока проходило Избрание и никто не хотел добровольно уступать свой шанс, стать вскоре императором, иному родственнику.

Переговоры заходили в тупик каждый раз ещё при их начале. Первые министры провинциальных королевств подливали масла в огонь, постоянно критикуя друг друга и угрожая: особенно отличился Великий инквизитор Корсо, который успел в адрес всех трёх своих коллег произнести до полусотни угроз будущих казней, костров, пыток и прочего подобного, не увеличившего доверия и дружелюбности между сторонами.

В конце концов, на встрече у того же Лиутпранда, наследник из Кельрики, Амвросий — схватился за кинжал и набросился на наследника из Ромлеи, Джанелло.

Их еле успели раскидать, по разным углам комнаты, вскочившие на ноги первые министры и прислуга за столом.

Встреча была безнадежно испорчена и под нестихающие вопли кельриков, в адрес Джанелло: «Еретик! Ересиарх!!!» — наследники и их помощники разошлись по своим особнякам.

Всем было ясно что с нынешними разногласиями и подозрениями друг против друга, наследники покойного императора вряд ли могли объединить усилия против начинавшего набирать просто невиданную силу, министра Дезидерия. Который, это было очевидно уже многим, в случае успешного подавления им мятежей в провинциях — становился практически единственным кандидатом на пост главного имперского министра, причём для любого, избранного нового императора...

Тем временем в столицу империи прибывали всё новые отряды и слуги, наследников кандидатов на престол: каждый час всё новые провинциалы из северной, снежной и хвойной Гарданы, жарких ущелий и равнин Кельрики, пышноцветущих зеленью земель Ромлеи или горных круч и рудных шахт Уммланда, всех этих территорий четырёх внуков умершего монарха — каждый час всё новые толпы прибывали из тех земель провинциальных вице-королевств и узнав от своих знакомых и друзей, о ссорах «своего» вице короля с иным, из братьев наследников, тут же клялись за это отомстить и немедля бросались искать, благо много времени это не занимало, праздно шатающихся слуг из свиты обидчика патрона. Потом были оскорбления и скорые вызовы на поединки...

Первое время стража столицы справлялась с начавшими расти, как снежный ком, неприятностями — одиночными и массовыми схватками приезжих провинциалов между собой, что в количествах увеличивались буквально каждый час. Начавшими всё учащаться пьяным выходкам провинциалов, грубых приставаниях к женщинам на улицах столицы и поножовщинам, прямо в лавках известных торговцев.

Но к концу третьего дня, по приезду наследников и их с каждым днём всё увеличивающихся свит, начстражи столицы стал просить у Магинария Имерия пополнения для своих отрядов и новых полномочий — вплоть до возможных коротких быстрых судов и повешения на месте, как того требовала взбешённая столичная толпа, когда группа пьяных ромлеян зарезали проходящего мимо них торговца вином и изнасиловали всей оравой его двенадцатилетнюю дочь...

Ромлеян насильников всех задержали, однако при попытке довести арестованных до ближайшей тюрьмы — стражу атаковали галдящие и жестикулирующие как ненормальные родственники задержанных и завязался настоящий ночной бой: с кинжальными атаками из темноты, обстрелами подозрительных участков арбалетными залпами и въездом пьяных рыцарей, без лат, в строй алебардчиков стражников, что немедля зарубили и самого отчаянного ездока, и его неповинную, в глупости наездника, лошадь.

Несколько раз главный имперский министр Дезидерий — приказывал своим новоявленным телохранителям, «минардам» — арестовать или принять участие в боевом задержании нарушителей и жители столицы были свидетелями как минарды, без спешки, как и должны поступать опытные ветераны — скручивали сопротивляющихся сторонников вице королей или расстреливали их из арбалетов, в случае размахивания, нарушителями, оружием и отказа сдаться и подчиниться страже.

Дезидерий всё рассчитал верно: его люди получают боевое слажевание и проявят себя перед ним, своим нанимателем, это раз. Они станут олицетворением исполнения закона и некоей простонародной условной «справедливости», в то же время как люди наследников, благодаря всем последним выходкам и преступлениям оных — прослынут «отморозками», что в державе где единственной религией считался культ жаркого Солнца, было даже хуже, чем совершенно ужасно и это было два. А в третьих, сами наследники убедятся в склонности Дезидерия к решительным действиям и что если он не побоялся приказывать арестовывать людей из их свит, то есть шанс, что в случае если главного имперского министра сильно заденут — решит использовать своих минардов и против самих кандидатов на трон...

Дезидерий был уверен что братья наследники, как опытные политики, пускай и провинциальные — тоже почувствуют разницу в его поведении: «До» и после объявления похода, и вряд ли решат снова собираться на сговоры против «престолодержателя», что бы не дать ему повода обвинить их, как и их свиты, в каком непотребстве и не разогнать своими «минардами», до того как наследники решат наконец вызвать свои собственные провинциальные армии под столицу...

— А даже если и вызовут... — про себя раздумывал Дезидерий, видя как его телохранители тащат связанными верёвками, очередных нарушителей закона, из прибывших в столицу слуг наследников. — А даже если и приведут сюда свои отряды — их можно будет обвинить в узурпировании власти и нарушении требования императора деда, об Избрании. Тот кто первым припрётся с армией к столице империи — станет врагом остальных трёх и они это и сами прекрасно понимают. Будущему императору нужно законное признание, а не прозвище узурпатор и легенды о том, как он, в нарушении всех законов и принципов морали, захватил престол силой... Того кто так становится правителем, не грех и самого прогнать — ударом кинжала в спину... Наследникам, абсолютно всем, нужна процедура законного Избрания на престол и этим стоит воспользоваться!

В столице всю начали распространяться всё новые слухи, не без помощи агентуры главного имперского министра и благодаря диким выходкам приезжих провинциалов —

каждый день всё большие толпы столичных жителей собирались на каких либо площадях и в парках, что бы послушать тараторящих среди толпы специальных людей, «щеглов-говорунов»: о туповатых молчаливых уммландцах, что постоянно хлещут из бочек и кружек своё пиво и горланят песни, качаясь дружно в стороны, за столами на скамьях. Фанатичных кельриков, которые, по слухам — уже начали на кострах жарить кого из горожан столицы, за малейшее нарушение ими же придуманных новых правил поведения в ней. Насильников и подонков ромлеян, что ежедневно насильничают по сотне девушек, а потом, в ночную пору — похищают и продают женщин на восточные и южные морские рабовладельческие рынки, для гаремов местных правителей. Гарданцев, что считались пьяницами и задирами, а также почитателями тайных культов и «людозверями», которые лишь в столице империи и живут как люди, а у себя, в Гардане — строят землянки и по полгода спят в них, как медведи...

Часть слухов имела под собой место, так как все новоприбывшие провинциалы, из свит вице-королей — считали что именно их правитель займёт вскоре престол всей империи и относились к столичным жителям как к своим, пускай и будущим, но всё же слугам.

Это выводило горожан из себя, особенно при воспоминаниях о скончавшемся совсем недавно, первом правителе державы.

Частые разбойные нападения и потасовки с поножовщинами, насилия над женщинами и захваты понравившихся домов негоциантов в исполнении всё прибывающих в столицу провинциалов — перестали удивлять горожан.

Все молили Светило дать им как можно скорее императора и прогнать прочь, из столицы, понаехавших обнаглевших чужаков.

Этими то негативными настроениями и решил воспользоваться в свою пользу, «престолодержатель» Дезидерий: «Раз у всех наследников есть «свои» земли — пускай меня поддерживают в столице империи! Не столько за меня, сколько против чужаков провинциалов, из свит наследников!» — провозгласил главный имперский министр перед своей агентурой и стал им втолковывать исполнения чего он от них желает.

Следовало провоцировать приезжих сторонников вице-королей на беспорядки и тут же спускать на них «минардов», что по совершенной случайности будут находиться в зданиях рядом: пускай горожане столицы видят — что стража полиса не может полноценно их защитить и именно стараниями министра Дезидерия, самые буйные, из приезжих чужаков — задерживаются и им не удаётся совершать свои дерзкие злодеяния далее.

Заодно, подобное массовое пополнение каталажки при императорском дворце, людьми наследников — позволяло главному имперскому министру удачно использовать задержанных при просьбах первых министров вице королей, об освобождении, тех или иных людей, а то и личных визитах с прошениями самих внуков умершего императора.

Во время, ставших частыми, подобных переговоров — министр Дезидерий притворно вздыхал и говорил о том, что люди наследников совершенно не хотят исполнять законы империи, а ведь они в находятся в её столице, самом сердце державы! Его просили посодействовать и он, тихо соглашаясь — просил держать освобождение в тайне...

Таким образом, за несколько дней, свиты наследников уменьшились на десяток самых буйных и отчаянных головорезов, причём это произошло всего за одну единственную неделю: кого убили «минарды», кто был вызволен своими хозяевами и отправлен назад, на малую родину, подальше от столичных соблазнов, кого так и продолжали держать в подвалах...

Министр хорошо видел что прежняя спесь покидает наследников и их людей, и уже

чувствовал себя уверенным «хозяином» столицы и окружающих её ближайших провинций.

Избиратели, запертые министром в замке на окраине города, теперь также постоянно просили, а не требовали, как ранее, переговоров с ним и всячески намекали что нуждаются в его защите от возможного насилия со стороны четвёрки кандидатов на трон. Работа по психологической обработке Избирателей «говорливой обслугой», из людей Дезидерия, давала свои плоды.

В помещения, где шла запись добровольцев для будущего похода, было непротолкнуться: обещания новых раздач земель, денежных премий, передачи замков на захваченных территориях мятежных королевств и прочее и прочее — заставляли ветеранов и нищих рыцарей тысячами записываться на любых, даже не самых удачных для них, условиях, в реестровые отряды для ближайшей военной кампании.

«Минарды» были лучшими отборщиками подобных людей — проводя занятия на полигонах и проверяя, по своим знакомым из ветеранов, рассказы тех из рыцарей, чьи истории казались им слишком уж выдуманными.

Поход, ранее считавшийся сложно организуемым, в случае противодействия наследников, теперь было просто невозможно остановить: внуков императора, из за постоянных бесчинств в столице их слуг — начинали потихоньку ненавидеть, Дезидерия — считать «спасителем империи», а сам поход — отличным способом: как подавить бунты в мятежных королевствах, так и убрать лишних людей с оружием, с улиц имперской столицы...

Для горожан именно последний довод был решающим, в их яростной неутомимой помощи всем начинаниям по организации сего военного выступления.

С той же энергией что они проклинали слуг четвёрки наследников, горожане несли продукты и напитки в помещения приёмки вещей для будущего похода, а некоторые из них, ранее служившие в рыцарских орденах сержантами или боевыми кнехтами — и сами записывались в новообразованные отряды, и грозились жёнам «привезти полсотни золотариков», на свадьбу дочери или возможный переезд за город, на купленную ферму, где они вместе и проведут свою старость в тишине, покое и достатке...

Произошли и иные случаи связанные со сменой настроений и показавшие, что теперь у провинциальных вице-королей, в столице их деда, на одну заботу, вместе с Избранием императора и странной кипучей деятельностью главного имперского министра, стало больше: Несколько фанатичных жрецов малых храмов чуть было не убили наследников из Ромлеи и Гарданы — бросаясь на них с кинжалами прямо из толпы, собравшейся у особняков данных кандидатов на престол.

Каждый раз престарелых вопящих «кинжальщиков» скручивала или убивала стража наследника, однако то, что уже начались попытки с помощью фанатиков решить вопрос с наследием императорского престола, стал проблемой для многих: Дезидерий никак не мог объяснить самому себе — кто именно решился на столь радикальные меры, а его агентура в столице молчала и не могла ему помочь в ответе на этот трепещущий вопрос.

Высшие жрецы культа Солнца в столичном полисе — утверждали что жрецы, которые пытались убить кандидатов на трон — совершенно свихнувшиеся «бывшие» братья, и и все остальные жрецы их безусловно осуждают...

Среди простецов ходили слухи о заказах со стороны инквизиторов Кельрики и банкиров Уммланда, однако чем-либо конкретным подтвердить это было пока невозможно.

Ромлеянин Джанелло плакал в своём дворце, перед немедленно примчавшимся туда,



после покушения на него, Дезидерием: что ранее потерял своё королевство, так теперь его хотят лишить и жизни — какой уж тут трон деда?! Гарданец Борелл стал ещё сильнее напиваться и требовал что бы перед его выездом, всех людей прогоняли прочь от ворот, и перед ним разгоняли толпу, особенно если в ней были жрецы. Данные приказы звучали несколько двусмысленно...

Главному имперскому министру, последние происшествия подсказали идею добавить ещё одну новую задачу, своим людям, в столице: набрать в ближайших провинциях спившихся жрецов, но с хорошим, поставленным голосом и установив им «заданную тему» — отправить тех провозглашать речи на все посещаемые людьми площади столицы, под прикрытием и охраной переодетых простолюдинами «минардов» и слуг министра, что должны были решать возможные проблемы будущих «народных обличителей наследников престола», если кто из провинциалов вице королевств решит заступиться за честь своего господина или стража столицы пожелает подобных ораторов задержать.

Пока Дезидерий организовывал очередную проблему для наследников, ему поступили сведения что гарданцы Борелл, Поллион и Алуникофиэль — провели первичные сборы друидов в столице и поставили им задачу начать собирать сведения на пользу Избрания Борелла, на трон его деда и против остальных кандидатов.

Главный имперский министр уже знал, что многие аптекари столицы являлись тайными друидами, так как именно знахарство и производство настоек и лечебных мазей с порошками — всегда славил друидов и большинство травников столицы, с целью перенять их тайны и сами принимали, пускай и несколько показушно, обряды и культы данных верований.

Данные негоцианты от медицины — привлекли к этому древнему учению немало своих клиентов и учеников, в том числе и очень знатных, и подобное собрание, при правильной организации и помощи — могло повлиять, в положительную сторону, на ситуацию с Избранием для того, кто имел на друидов известное влияние.

Дезидерий решил на всякий случай усилить охрану замка с Избирателями ещё и своими «минардами», и обязательно сменить всех нынешних слуг там, для верности, новыми людьми.

Было также возможным, что это собрание проводилось для выяснения того, кто именно присылал жрецов фанатиков убить Борелла и не исключено что сами друиды — решили вскоре нанести ответный удар отравленным кинжалом, это был их привычный стиль.

Лекари были при всех высоких знатных фамилиях и большинство богатейших негоциантов имело личного лекаря. К тому же именно ему, исцеляющему боли и иные проблемы — люди чаще всего доверяли свои тайны в беседе, что позволяло шпионить, с помощью врачей, не хуже, при правильной их организации, чем с помощью сети жрецов.

У министра Уммланда Тудджерри были агенты из торговых компаний его самого и его партнёров, что проводя торговые караваны — имели свои глаза и уши почти во всех землях где проходили. Знаменитая «банкирская сеть»: банковских контор для скупки и погашения всего что требуется, агентов сбора информации, наёмников для охраны караванов, убийц конкурентов, наконец...

Великий инквизитор Корсо — пользовался знаниями шпионов инквизиции и её дознавателей, а также огромной организации «добровольных помощников» из числа пожилых людей, что сидя при храмах на лавочках: либо слушали разговоры в них и

докладывали кураторам, либо же направляли беседу в нужном, для инквизиции, направлении — многие ведь уважают пожилых, умудрённых опытом, степенно говорящих людей! А ведь ещё были следователи трибунала инквизиции, тайные фанатики убийцы из ополоумевших жрецов, сведения на знать империи...

Теперь оказывалось что и у Поллиона, министра из Гарданы — может появиться своя мощнейшая агентурная сеть в столице: из лекарей и аптекарей, членов друидического культа. В перспективе, у данной структуры могли быть возможности — лишь чуть уступающие «банкирской Сети» Уммланда и инквизиторским «добровольцам» Кельрики. Это было опасно для Дезидерия!

Секретари министра и лекарь Феофилакт напомнили своему господину, что скорый поход, где он будет исполнять роль условного «императора-полководца» — направится в земли Амазонии, считающиеся одним из центров друидизма и возможно Поллион и его друиды в столице, решили что Борелла «заказал» именно Дезидерий, в преддверии своего выступления на Амазонию, и сейчас они готовятся всячески мешать походу, в том числе и попыткой настоящего покушения на жизнь «престолодержателя».

Бессонная ночь и размышления, заставили главного имперского министра принять решение о дополнительной слежке за гарданцами, на что были направлены силы трети агентуры Дезидерия в столице империи и привели его к переговорам с Магинарием Имериём, во время которых он также напомнил тому о своём скором выступлении против друидической Амазонии и попросил совета у начстражи имперской гвардии, о том как ему лучше обезопасить себя от покушений.

— Для начала — следует брать побольше телохранителей с собой! — наставительно проговорил Магинарий Имерий. — Есть и пить — лишь «свои», привезённые доверенными людьми, грузы с провиантом, причём с личным виночерпием, для дегустации... Меньше лазить возле толп людей, как наследники из Ромлеи и Гарданы. Не стоять у окон выходящих на площади или улицы...

— Стрелки? — догадался Дезидерий.

— Ну, возможен ведь и такой вариант: выстрел из небольшой ручной бомбарды, заряженной рубленными частями металла.

— А взлетит так высоко рубль? — искренне усомнился министр. — Тяжёлый... скорее падать должен.

— Уверен что нет. Однако сам видел стрелков из длинных луков, что за триста метров — стабильно поражали шапку на чучеле и арбалетчиков, что могли на скаку стрелять из арбалета точно в цель, за тридцать метров от себя.

— А это здесь при чём упомянуто? — не понял Дезидерий.

— Возможности. Залп из небольшой бомбарды, по телу министра, «облаком» металла. Удачливый стрелок из лука, на большие расстояния, что может дожидаться своего единственного шанса. Проезжавшая карета с шторками на окнах и быстрый залп, из неё, ветеранов арбалетчиков... зачем рисковать? Лучше иметь окна рабочих кабинетов и спален — с выходом на внутренний парк, и что бы под ними, и на возвышениях, если таковые где будут — дежурили ваши телохранители.

— Благодарю... — Дезидерий поклонился и вышел, позже повторив своим офицерам минардов, почти слово в слово то, что сказал ему Магинарий Имерий и потребовав у своего личного лекаря Феофилакта держать постоянно наготове десяток самых известных противоядий и мазей, на случай ранения отравленными стрелой или кинжалом. Подозрения

что друиды столицы собирались на свою тайную сходку именно по его жизнь, не покидали главного имперского министра вторые сутки.

Утром следующего дня начали действовать проповедники, на улицах столицы, которых секретари «престолодержателя» — Анулон, Риккульф и Тарасий, через своих доверенных слуг, уже смогли ввести в саму столицу и разместить в неприметных домиках, близ крепостной стены, подальше от внимательной столичной стражи и людей наследников.

Одетые в истрёпанные, а нередко и просто рваные жреческие хламиды, сандалии на босу ногу, или расхаживая босиком по камню мостовых полиса — эти бойкие говорливые старики начали появляться во всех частях города, где собирались во множестве люди и всюю распространяться, своими хорошо поставленными, голосами, о том: «Что давно уже пора дать державе достойного в Вере мужа — высокого по Уму и положению в обществе, для того что бы окончательно не потерять империю и не развалить её в мятежах и гражданской грызне, и войнах «четырёх провинциальных бездарей!!!»

После всех беспорядков последних дней, связанных с приехавшими недавно из своих королевств наследниками покойного императора и их провинциальными свитами: грабежей, пожаров, убийств, изнасилований в исполнении нахлынувших в столицу провинциалов — данные слова падали на благодатную почву и всё более жителей столицы начинали и сами запальчиво поддакивать ораторам, а также кричать, что «Пускай убираются корольки, в свои дальние земли — а нам нужен тот, кто понимает государственные дела и был при Императоре, значит он разбирается во всём и наведёт порядок в нынешнем бардаке! Не нужны нам приезжие провинциалы, что свои порядки хотят у нас установить — нет!!!»

В толпе, не без помощи огромного количества агентов Дезидерия — постоянно звучало его имя как возможного арбитра, в спорах между наследниками и люди, признавая что у главного имперского министра нет по рождению или знатности, права на трон, говорили тем не менее что возможно, дабы не начинать братоубийственной внутриимперской большой войны между четвёркой, одинаково противных им, внуков покойного императора — возможно следует вновь ввести пост, некогда бывший в королевстве, «управляющего королевским дворцом», который и станет править внутренним хозяйством империи, пока условный «квартет из внуков наследников» — будет принимать послов соседних держав, ходить в походы вне территорий страны и участвовать в религиозных торжествах, не сильно мешая «министру-управителю» в тонком деле правления огромной державой их деда.

— Тогда не будет никаких мятежей и сами наши провинциальные корольки — перестанут мечтать подвести под стены столицы их деда, свои армии! — орал толстяк пивовар, перекрикивая своим трубным голосом, даже глаголящего речи проповедника, возле себя. — Не могут нормально договориться — пускай над ними будет кто старший, «примиритель», который сам на престол не сядет, но и гражданской войны не допустит!

— Верно! Это вариант! Надо просить главного имперского министра о защите — корольки лишь своих насильников слушают и вытаскивают их из тюрем, куда «минарды» министра тех сажают за преступления! — тут же раздалось в толпе с десятков различных кличей и предложений.

Пока на этой площади сговаривались о прощении к министру Дезидерию, на соседней, там где по приезде наследников большой оркестр играл различные мелодии в их честь — так же всюю старался и орал очередной жрец, вытасченный, из привычной ему провинциально нищеты и пьянства, усилиями доверенных секретарей главного имперского министра: «Вы говорите что кельрик Амвросий праведник... святой?! — вы сошли с ума, безумцы! Нет в его

голоданиях и самобичевании ничего, от того, что приближает нас к извечному Светилу — нет! Есть гордость великая и похоть неизбывная! Точно говорю вам!!! От желаний своих неуёмных он и спасается самоизбиением, а некоторые из моих братьев, в храмах империи, даже подозревают, не без оснований веских: что это ему нравится, без всякой меры и в порочности своей, он и лупит со всей своей дури, собственное тело — для ублажения позывов его и карает за мельчайшую провинность любых людей, на которую иные могли и глаза закрыть, бичами, именно что бы самому вновь распалиться и бежать в очередной раз стегать себя по заднице, до упаду... Вот такой этот ваш «праведник», из Кельрики!!!»

Толпа вокруг негодовала и спорила, однако случаи, когда прибывшие люди, из свиты вице-короля Кельрики Амвросия, за малейший проступок распинали людей на улицах столицы и нещадно пороли, что кожа слезала кусками — были общеизвестны, также как и пугающие слухи о том, что уже проводились некие ночные казни, на кострах, в поместии Амвросия — Храмине и кельрики решили на своём скрытом собрании там: что пока их наследник не станет императором законно — тайно похищать всех его противников и их сторонников, и сжигать на кострах, у себя на площади, прямо перед зданием Храмины...

Что было правдой, а что вымыслом, в истории с кострами не знал точно никто. Но ужас охватывал жителей столицы от понимания того, что если Амвросий действительно станет их императором — то подобные наказания станут нормой у них и каждый зябко ёжился от страха, несмотря на жаркий летний день...

Всё меньше спорили о святости кельрика и больше говорили о новых порядках, что они с собой привели из своей фанатичной провинции, и о том, что не стоило подобные порядки кельриков вводить в столице империи, ни под каким предлогом: «Здесь всё же ситуация иная, чем в приграничной, с южными варварами лунопоклонниками, провинции!»

На другой площади, точнее крохотной площадке, у памятника одному из князей, основателей города, в пышном парке с вековыми деревьями — очередной проповедник добивался внимания пары сотен горожан, что случайно оказались его слушателями: «Гарданская жирная свинья, Борелл — истину говорю вам! Ничего кроме жрать и возвращать природе, в виде перегноя, им сожранное — он не способен! Животное раздетое в бархат как князь и не более того! Там заправляют его советники — друиды, что и хотят сравить нас, имперцев солнцеверов, что бы помешать в полном и окончательном завоевании еретической Амазонии и заставить всех слушать их поганых пьяных человекоедцев — друидов, вместо жрецов Солнца... Братья! Мы должны объединиться и всячески помогать готовящемуся походу на мятежников, ибо лишь в нём спасение нашей державы и возможный мир и покой, вместе с благоденствием! Если наследники начнут мешать выступлению — будьте уверены: проклятые друиды опоили их своими настойками и внуки основателя нашей империи, просто не в себе! Не стоит их в этом случае слушать или принимать всерьёз — выдвигайтесь без приказов против еретиков Амазонии и предателей Урдии, и смело сбивайте их деревянных и каменных идолов с постаментов, крушите рыцарские замки и требуйте воссоединения с империей, вечного и лишь на наших условиях!»

— Верно! Поможем походу и министру Дезидерию!! Хватит собачиться меж собой — пора объединяться против мятежников и еретиков!!!

Толпа всё увеличивалась и в парке стало уже тесно, часть людей начала кого то выталкивать из неё и пинками гнать прочь: это были гарданцы, что зашли послушать странных жрецов в столичных парках и решив что это очередной «кинжальщик», что ранее

бросался на их господина — попытались было схватить оратора у памятника.

Однако тут же они были избиты стоящими рядом с ними людьми и выкинуты прочь, с угрозой «перевешать гарданский друидических собак — на всех деревьях парка.»

— А ромлеянин, что с ним?! — возопил какой то паренёк, худощавый и вечно движущийся, как ртуть, у ненадолго замолкнувшего, из за потасовки с гарданцами, проповедника. — Его кем считать?

— Этого негодного и «ненастоящего»?! — изумлённо возопил проповедник, оглядывая всех словно в немом исступлении, от столь странного вопроса заданного ему. — Да какой же он внук императора, если всем доподлинно известно, от многочисленных свидетелей, что блудница, мать его — прижила плод от какого «раба для дамских утех», купленного ей сыном нашего покойного императора, подлым и совершенно безмозглым — Хадом! Он потешался над процедурой престолонаследия! По достоверным слухам, даже гарантировал своим людям, что смеха ради протолкнёт на престол, после себя, именно «Чужачка» Джанелло, что совершенно не похож ни на кого из верных народов нашей империи — лишь южных бедуинов или кого ещё, им подобных... Возможно он и не внук, а положен в люльку вместо настоящего, умершего ребёнком, внука — врагами и шпионами! — уже немного пугался на летней жаре старенький жрец проповедник. — Да! Неверный невнук императора посылает людей своих, что бы они насильничали у нас, в столице империи, пока в его землях отступник и ересиарх Велизарий «Барс с косой»- сам себя производит в Солнцеликие. Да когда возможно такое было?! Я уверен, что был сговор между негодными Джанелло и Велизарием, и последний, специально так быстро занял земли ромлеянского правителя и провёл собственное избрание Солнцеликим, что вице-король Ромлеи с ним заодно и против нашей священной, под Светилом, державы! Они стоворились её разрушить, развалить изнутри: Джанелло будет разваливать как светский правитель — дурацкими законами и насильничаньем, а Велизарий, как высший жрец примарх церкви Солнца — давая место ересям и уничтожая правое учение, и всех кто его ещё поддерживает!

— Нет «Чужакам»! Прочь ромлеянские скоты — бегите назад в свои земли!! Не дадим глумиться с наших жён и дочерей — прогоним из столицы ромлейских подонков!!! — орали вокруг собравшиеся люди в толпе.

— Братья!!! — взывал в запале проповедник, видя что толпа его слушает, как овцы доброго пастуха, — Братья! Вдумайтесь в мои слова, прошу: гарданский наследник — идиот и обжора, что за похлёбку и кубок вина продаст нас всех друидам и северным лютым варварам, ненавидящим Солнце и не знающим тепла его и достатка, в садах и парках своих... Ромлеянин — неверный невнук императора, готовый в случае избрания себя правителем — всех наших женщин, жён и дочерей, сестёр и прочих родственниц — продавать на рынках южных морей своим друзьям, племенным вождям из варваров, в гаремы, лишь бы набить свою мошну, вечно дырявую... Можем ли мы взирать на это безучастно?!

— Нет!!! Не станем!!! — горланила всю раззадоренная толпа.

В ней то тут то там появлялись странные ловкие люди и перемигиваясь меж собой, начинали вместе дружно орать: «Просить министра Дезидерия о заступничестве! Как его «минарды» сдерживают преступников, из прибывших провинциальных свит наследников — пускай и он сам, раз сейчас именно он «престолодержатель»- спасёт нас от самих корольков, из окраины нашей державы! Просить министра!!!»

— Уммландский наследник Лиутпранд... — продолжал проповедник, хотя его уже

почти никто не слушал, так как все, перебивая друг друга объясняя всем и каждому, рядом с собой, необходимость обуздать своеволие прибывших наследников императора и их слуг, с помощью главного имперского министра Дезидерия и его нынешних, и обязательно впредь бессрочно продлённых, полномочий «престолодержателя». — Лиутпранд — Скрыга! Вся казна державы пойдёт на его крохоборов министров, вроде главного кровопийцы, богатейшего банкира империи — Тудджерри. Как только они усядутся вдвоём на троне — тут же увеличат вдесятеро налоги и начнут штрафовать за любую мелочь, отбирая в свою пользу самый мало мальски ценный кусок земли или захудалую бастиду нищего рыцаря, пивоварню или пекарню — всё! Его уммландцы мало себя пока проявили в бесчинствах лишь оттого, что они мастера налоговой описи и сборов: как только дорвутся до власти — мы все получим сполна новые поборы и подати!

Толпа вовсю бесновалась и вскоре с сотню молодых людей отправились к дворцу ромлеянского наследника, возглавляемые тем самым парнем, что ранее спрашивал у проповедника о Джанелло.

По пути они агитировали всё новых людей и уже к воротам поместья наследника из Ромлеи, их прибыло с три сотни злых, возбуждённых, размахивающих руками и галдящих людей, с кинжалами за поясами и палками и камнями в руках.

Начав кидать камни в окна — они требовали у ромлеян убираться прочь, а когда одного из атакующих застрелил арбалетчик на дозорной башне, начался фактически настоящий штурм: на бочки и столы, приставленные к воротам в поместье, влазили всё новые люди и пытались перебраться внутрь территории, скамьями выбивали двери подсобных помещений и забрасывали внутрь факелы из смолы или горящую солому.

Вскоре прибыла столичная стража и столь любимые у горожан «минарды» министра Дезидерия: и если стража, уговорами и тычками, оттесняла толпу далее куда прочь от дворца наследника Джанелло, то минарды вошли внутрь ромлейского штаба и несмотря на отчаянные протесты ромлеян, забрали с собой, «на суд» — с десятков им просто не понравившихся слуг и телохранителей вице короля Джанелло, предупредив что в случае сопротивления им и попытки мешать с арестами — сюда придут все их бойцы из казарм в императорском дворце: «И тогда...»

Джанелло бесился, прыгал как обезьяна и плакал. Алавия привычно его утешал вином с фруктами и уговорами, и советовал реже появляться в столице вне стен их поместья — Избрание неизвестно когда произойдёт, а покушение и даже попытка штурма собняка, вот они, с небольшой разницей во времени случились.

Слуги ромлеянского вице-короля были мрачны: их постоянно захватывали, на улицах имперской столицы и нередко убивали при этом — минарды главного имперского министра и пока наследник Джанелло особо не преуспел в защите людей из своей свиты.

Смысла служить такому слабому правителю, уже потерявшему свои собственные земли — становилось всё меньше и меньше... Часть ромлеян тайно сговаривалась со знакомыми гарданцами и уммландцами, о переходе в свиты их господ, или шпионаже, в пользу иных наследников престола.

Столица кипела от гневных проповедей новоявленных ораторов на площадях и случившегося побоища у поместья Джанелло, и всё чаще произносились вместе слова «Прощение» и «министр Дезидерий».

Агенты последнего, с его негласного разрешения и финансирования, уже вовсю подзуживали людей как можно скорее идти к императорскому дворцу и выставив уважаемых

в народе людей за «просителей к добрейшему из главных имперских министров» — нижайше его умолять о защите от насилий, прибывших в столичный город провинциалов из свит вице-королей и взять управление походом, на мятежников, лишь в свои руки, а возможно и не только походом...

Последнее говорилось шёпотом, но всё чаще люди, рубя воздух ладонями, доказывали собеседникам необходимость в пожизненном «главном имперском министре Дезидерии» и оставлении четырёх наследникам лишь их нынешних земель и неких «представительских полномочий», без передачи реальной власти — что бы не произошла гражданская война и новые мятежи провинций империи.

Дезидерий распорядился через своего личного лекаря Феофилакта — организовать из имперской казны богатые раздачи пищи неимущим и организацию всё новых празднеств, в основном религиозных или военных, и связанных прямо со столичным городом: дабы связать себя крепче с горожанами крупнейшего полиса империи и явственно, делами своими, показать добрую волю к жрецам храмов и участникам будущего похода против мятежных королевств.

Жрецы и рыцари получали новые выплаты — «походные», а ветераны из простолюдинов — бесплатные столы с едой и вином, и выступления нанятых министром артистов, включая и огромные оркестры, что веселили музыкой для плясок людей до глубокой ночи.

Возле столичных храмов, на крупнейших площадях города, даже близ императорского дворца — всюду расставлялись длинные столы и скамьи, устраивались музыканты или жонглёры, подвозились пузатые бочки с вином и пивом, на длинных транспортных телегах.

К каждой подобной раздаче была приписана, секретарями Дезидерия и своя команда «кликуш», что обязаны были за вечер обойти веселящихся людей и пока одна группа агентов министра проклинала приехавших наследников и их слуг, что безобразничали в столице — вторая всю нахваливала «престолодержателя» и всячески намекала подвыпившим людям о том, что не стоит долго рассусоливать и пора уже как можно скорее идти с совместным прошением к министру, дабы оградил, в эти дни окаянные тревог и мятежей, от безумных людей провинциальных наследников и... И сам продолжал исполнять обязанности главного имперского министра, даже несмотря на избрание нового императора, до самой своей смерти.

Первые дни, подобные разговоры о «безвременно правящем министре» — скоро прерывались собеседниками и люди в испуге уходили прочь от агентов Дезидерия.

Но с каждым новым днём горожане всё смелее и активнее обсуждали эту тему у себя до домам и на работах, и на третьи сутки раздач и представлений, официально устроенных «для поддержания славы и духа будущего похода на мятежников» в людях — уже почти все, находящиеся в толпе, на площадях столицы, хором скандировали имя «престолодержателя» и потихоньку начинали готовить делегации к городским старшинам из самых уважаемых граждан, что бы они, в ближайший праздник Солнца, что должен был случиться уже ровно через два дня — возглавили народное шествие с прошением и челобитной к Дезидерию, и официально: от всех городских гильдий, имперских рыцарей проживающих в столице, полисных магистратов — торжественно и с максимальным почтением преподнесли ему данное прошение, на коленях, показывая степень уважения перед ним и желание людей что бы он оставался на своём посту максимально долго.

Слуги наследников — вскоре сообщили о подобных настроениях в городе своим

хозяевам и те решили провести как можно скорее совещания, и узнать у своих первых министров: нельзя ли что предпринять, против данного выступления черни и примкнувших к ним, низших дворян столицы.

Великий инквизитор Корсо, на вопль отчаяния от своего ученика и одного из нынешних наследников, Амвросия, лишь покачал головой: «Поздно. Мои инквизиторы всегда готовы действовать, но сейчас, почти все из столичной черни и мелкой знати — на стороне Дезидерия... А благодаря нашему упущению — он всё ещё «престолодержатель» и обзавёлся охраной, отличной от имперской гвардии, которая вряд ли бы послушалась нашего приказа, в случае желанья всех четырёх наследников об его аресте. Аресты же лишь силами самой инквизиции, в столице — возможны, но без упорного боя уже не обойтись, а кто победит, в ненавидящей нас распутном греховном городище — сейчас совершенно неясно... Не стоит его трогать. Нужно ждать и верить... У нас в подвалах есть несколько ополоумевших жрецов, которых вполне реально вернуть в мир с оружием в руках и указав на цель — просто отдать приказ. Возможно они будут удачливее того странного друида, с медальоном Солнца на шее, который послужил причиной создания гвардии телохранителей министра, проклятых «минардов»!

Алавия также попросил подождать и не делать каких либо резких движений своего правителя Джанелло: говоря что время ещё не пришло, тем более сейчас, когда их собственное королевство временно потеряно, вместе с доходами оттуда — не стоит так откровенно и безрассудно бросаться в атаку на усилившегося безмерно главного имперского министра! Пускай остальные наследники искушают зарвавшегося Дезидерия, а уж потом...

Тудджерри советовал вице-королю Уммланда, Лиутпранду, при котором был первым министром — не идти первым и напролом, а занять роль «примирителя», благо уммландцы не успели настолько надоесть столичным горожанам, как остальные, недавно прибывшие толпами, провинциалы из королевств внуков наследников покойного императора, и есть шанс получить благоволение жителей столицы себе.

Когда Дезидерий уйдёт в поход на мятежные королевства — можно устроить собственные раздачи продуктов и подарков, даже земель и замков, у них в Уммланде — нуждающимся в них рыцарям и баронам, и провести пару массовых шествий с молениями, по всем храмам города: «Опыт организации подобных мероприятий у меня есть... Кгхм... «— проговорил немного смущаясь банкир и отвернулся, когда Лиутпранд с улыбкой стал грозить ему пальцем и что то говорить о его бывшей «не настоящей супруге», отправленной на костёр за подобные же «массовые гуляния с народом».

Гарданцы же заперлись в своём в замке, «Берлоге» и вызвав десяток преданных друидов, из числа бывших лекарей императора, которые смогли спрятаться и не попасться инквизиторам в лапы сразу же после смерти монарха — стали договариваться о том, как и через кого, можно будет передать в императорский дворец яд и по возможности скорее отправить к праотцам, так внезапно для всех усилившегося, главного имперского министра, Дезидерия.

Через двое суток, в праздник Седьмого Победоносного Светила — особо почитаемый сержантами рыцарских орденов и оруженосцами день, так как согласно легендам, именно в эти праздничные сутки они получают невиданный прилив мужества и силы, из за каких то там «всплесков» на Солнце и в припадках святого боевого духа могут совершать невиданные подвиги: в одиночку рубясь с десятком латных рыцарей противника или что подобное — и началось массовое шествие горожан к императорскому дворцу и примкнувших к ним



бойцов, из лагеря при столице будущего похода против мятежников.

Многие из имперских рыцарей, выбившиеся в них из отличившихся оруженосцев или, что бывало гораздо реже, сержантов — именно данным «днём солнцекипения» объясняли свои беспримерные подвиги на полях сражений, что и привели их к рыцарскому званию... Пока недоброжелатели за их спинами поговаривали о «шутах при герцогах», что своими проказливыми деяниями отличились скорее в шатрах, на пирушках, чем в схватках — против врагов.

Несколько десятков тысяч людей, в лучших своих нарядах — с самого утра разошлись по основным храмам столицы, а потом, скрытно ведомые «как бы случайно», агентами главного имперского министра: которые то устраивали «пробку» на одной из улочек — переводя людскую массу на иное направление движения, то громогласно требовали идти «к такой то», ими обозначенной площади, и объединиться со стоящими там мастерами из гильдий — агенты Дезидерия заставили толпы людей начать потихоньку всем вместе выдвигаться на улицы и площади возле императорского дворца.

Агенты ни на минуту не прекращали контроля за всё подходившими людьми и всячески проталкивали наиболее активных говорунов к небольшим площадкам или возвышениям, что бы они занимали людей своей болтовнёй, перед тем как начнётся основное действие сегодняшнего дня.

Вскоре многолюдная, шумная, колышущаяся толпа заполонила до упора, словно сельди в бочке, три огромные площади прямо перед дворцом покойного монарха и несмотря на все попытки стражи вмешаться и как то отвести прущих всё сильнее людей в иные места, потихоньку приближалась, к означенной горлопанами Дезидерия, цели.

— Привет!!! — заорал в радостном возбуждении Атаульф, хватая за рукав Жака, что прибыл в делегации вместе со своими земляками. — Ты тоже сейчас будешь просить министра о милости и защите, вместе с нами?

— Здорово братец Атаульф! — чуть не прослезился «Жак-простак», видя друга так близко от себя. — Конечно! Все наши — считают господина Дезидерия очень достойным человеком и хотят просить его о защите, от нападок со стороны безумных слуг «четверых» и... Там ещё что хотят, тоже...

— Да знаю я, чего все хотят! — хохотнул Атаульф скромности друга. — Что бы министр Дезидерий, как самый достойный этого поста — занимал должность главного имперского министра пожизненно, и что бы избранный вскоре император — не привёл своего, провинциального первого министра, на этот пост, и не стал нас душить налогами и странными законами, как привык у себя в провинциальном вице-королевстве!

Пока юноши медленно двигались в толпе, приближаясь, по шажку, к императорскому дворцу — они слышали всё новые разговоры о нынешнем главном имперском министре и в каждом из них добавлялась какая то новая положительная его черта: до последнего не набирал себе стражу — видимо врагов особо не имел, а значит был достойным, хорошим человеком, пока на замарался с проклятыми наследниками! Понимает дела империи — был главным министром при усопшем императоре, не то что «корольки провинциалы»! Не даёт наследникам и их людям обижать почём зря, простецов и малую знать, как и сам первый император основатель державы: тот тоже «поприжал хвосты» вельможным высшим аристократам из грандов!

Наконец толпа вплотную прижалась к воротам запирающим площадь у дворца и после криков имперской гвардейской стражи и минардов, которые дружно объявили что начнут

стрелять в собравшихся людей из бомбард, если те не остановятся — над собравшимися людьми пронёсся шёпот: «Делегаты выходят с прошением к министру, их запустят, а мы тут будем ждать — чего решат...»

Из толпы вынырнули два десятка богато одетых мужчин в мехах, несмотря на летнюю жару и длинных золотых цепях, обозначающих глав гильдий столицы или имперских рыцарей, что занимали посты в магистратах города и после короткой проверки минардами, которые попросили всех оставить любое оружие на входе, даже церемониальное — были запущены вначале в помещения для слуг, а через десять минут, когда за ними зашёл секретарь главного имперского министра Анулон — они были препровождены им в кабинеты, где делегатов должен был принять господин Дезидерий: «который немного захворал, после покушения...»

Идея, с принятием делегатов-просителей, от столичных жителей, на диване и в окружении лекарей и плачущих слуг — принадлежала Феофилакту, личному лекарю Дезидерия и по его мнению могла дополнительно давить на жалость простых, доверчивых людей, видящих что тот, кого они всю неделю называли «отцом и спасителем»- находится на грани жизни смерти.

В такие моменты простолюдины и выслуженные имперские рыцари, назначаемые из отличившихся ветеранов простецов — при виде данной сцены, по своей доверчивости и впечатлительности — скорее всего пустят слезу и ещё яростнее будут умолять министра, как о милости, об их защите от свит наследников и скорее заговорят о «возможном пожизненном министерском чине — на им, Дезидерии, занимаемой ныне должности».

Делегатов, секретарь Анулон прямо подвёл к запертым дверям кабинета, за которыми, словно опытный артист в окружении массовки, возлежал на подушках министр Дезидерий и приставив палец ко рту, Анулон тихо но настойчиво попросил столичных делегатов: «Если можно — кратко и по сути! Наш господин болен, из за всех этих дел с Избранием императора, мятежами в державе, беспорядками в столице...»

Когда дверь наконец медленно отворилась и всех депутатов от столичных жителей, после очередного придирчивого обыска минардами, провели наконец в кабинет — они резко сняли вычурные огромные шапки, со своих уже сильно вспотевших голов и дружно упали на колени. После чего поползли, сбивая стулья и прочую небольшую мебель на своём пути и отчаянно лопоча, словно самые «чёрные» из слуг богатого аристократа: «Просим... Просим! Просим!!!»

— Что вам надо, дети мои? — тихо спросил, не имевший пока законного чада, Дезидерий, у стоявших на коленях «деток», абсолютно все из которых были минимум на десять лет его старше, а пара из них, так и на все тридцать. — Чего хотите все вы от больного, мелкого чиновника, что положил здоровье лишь служению Отечеству и сейчас, когда возможно мои последние дни наступили — старающегося хоть как то оградить вас: простых и честных горожан, имперских рыцарей, провинциальных баронов, членов столичных гильдий — от внезапной лютости и скверны, прибывших в таких невиданных ранее количествах, в нашу прекрасную столицу вместе с худшими из слуг, опять же наших — наидостойнейших наследников?

Последняя фраза была несколько двусмысленна, ибо непонятно становилось: как у достойных правителей — появилось столь большое окружение из подонков и негодяев? Или возможно они были не настолько достойные... В общем лекарь Феофилакт и секретарь Тарасий, что стояли справа и слева от говорившего Дезидерия, потупившись кротко

заулыбались, видя что их господин в отличной форме и не без сарказма ведёт беседу и принимает сейчас делегатов, от горожан столицы и её магистрата.

Однако сами коленнопреклонённые делегаты ничего не заметили и начали немедленно, в открытую, плакать и громко молить, что бы министр берёт себя: если не по своему желанию, то ради труда для блага империи и «детей своих» — людей малых и беззащитных, которых лишь его стараниями не извели совершенно, прибывшие вместе с принцами наследниками — убийцы и насильники, фанатики поджигатели и палачи из их свит, что теперь в таком множестве расплозились по всем уголкам столицы и не дают спокойно никому жить.

— Стараюсь изо всех сил... Пытаюсь! — проговорил в ответ на обращённые к нему мольбы, главный имперский министр, немного приподымаясь на подушках. — И всё же, что привело вас ко мне и главное, — притворно удивился министр Дезидерий, — зачем собрались такие огромные толпы народа перед императорским дворцом... надеюсь не для того, что бы замыслить что недоброе?! Не позволю нарушать закон! Я и первейших, из слуг наследников, по тюрьмам кидал за подобное и прочих важных знатцев, что захотят что либо делать поперёк правосудия и наших добрых имперских традиций пойдут — сломаю!

Люди, стоявшие на коленях в кабинете, испугались и начали вразнобой что то мямлить себе под нос, явно не зная как теперь объяснить своё появление в помещении у столь важного сановника, и опасаясь что их всех сейчас же бросят в подвалы, для допроса о целях их делегации.

По знаку глазами самого «престолодержателя», его секретари, Анулон и Рикульф, что стояли чуть позади говоривших делегатов, начали слегка подталкивать в спину троих имперских рыцарей, занимавших ныне наиболее высокие посты в магистрате столицы, в то время как бывший управитель города, отпросившись по болезни — умчался прочь на курорт, ближе к Южным морям, ещё перед приходом четверых наследников и, как небезосновательно подозревал Дезидерий, собирался вернуться лишь когда узнает окончательные результаты Избрания нового императора и сможет договориться с его людьми о своей дальнейшей судьбе — или сбежит Южными морями куда в дальние земли...

Пока бургграф, управляющий столицей, отсутствовал, его помощники, три заслуженных имперских рыцаря — отвечали за управление городом и делали это, слегка не забывая и себя самих — коллегиально, благо являлись товарищами ещё с тех пор, когда двое из них были простыми сержантами в ордене «Чёрного единорога», а третий, там же — оруженосцем рыцаря, ставшего впоследствии большим полководцем и великим герцогом империи...

Троица рыцарей магистратов, после толчка Рикульфа оглянувшись и решившись, дружно подползла к лежащему на диване человеку и в слезах принялась лобызать ему руки.

— Ну, ну... Чего вы? — снова тихим голосом начал министр. — Стоит ли так убиваться из за одного жалкого слуги империи, что достойно прожил свою жизнь — полностью посвятив её служению своему господину, императору и им созданной великой державе? Полноте...

— Просим... Просим. Просим!

— О чём же? — немного нетерпеливо и несколько резко, как для сильно болящего, спросил Дезидерий. — Чего именно вы от меня требуете, чего вам и людям на улице надобно?

— Милости!

— Да какой?! Раздачь хлеба и вина — они существуют при храмах и я лишь немного

содействую этому... Денег? — так их дают лишь сирым и убогим, а на вас золотое и серебряное шитьё — чего же вы просите?

— Защиты!

— Ага... И от кого?

— Просим господина нашего доброго, отца нашего, защитника простецов и низовых рыцарей, и провинциальных баронов в столице — защитить! Защитить от произвола слуг наследников, что понаехали в столицу как саранча и теперь, совершенно не соблюдая наши древние, отеческие и недавно принятые, имперские, законы — ведут себя как хотят! Совершенно не стесняясь, как будто находятся в завоёванном, при штурме, городе!

— Верно... — пробормотал словно в забытьи Дезидерий. — Как в завоёванном городе... Это уже просто кощунство над самими принципами нашей великой империи!

Люди вокруг него дружно закатили глаза и тройка его доверенных секретарей, личный лекарь Феофилакт и часть из стоявших рядом минардов — принялись цокать языками и поочерёдно закатывать глаза, показывая всю невероятность и подлость данного поведения, прибывших недавно чужаков провинциалов.

— Просим! — продолжали униженно канючить коленнопреклонённые гости. — Просим оставить себе пост «престолодержателя» и быть им до конца вашего века, не складывая полномочия и будучи нам защитником и арбитром в спорах провинциальных наследников, что бы не допустить войны междуусобной и раздиранья державы на части...

— Что вы говорите?! — вскричал, словно поражённый, Дезидерий. — Нарушить закон, отринуть естественное право нового императора, когда он появится — назначать себе самому главного имперского министра... Да что вы несёте, кто вас надоумил на такое?!

Троица втянула голову в плечи, однако получив очередной лёгкий одобрительный толчок от Рикюльфа, тут же продолжала скороговоркой: «Наследников много и каждый из них лишь о своих людях заботится — кто же станет печься обо всей империи? Кто бы из них ни пришёл — его провинциалы займут все места и начнут подавливать и в столице, а потом и в королевствах остальных из внуков покойного монарха: и там быть резне, а со временем и во всей нашей многострадальной державе! Нам нужно единение и компромисс, о котором так часто говорил император, основатель державы: пускай все четверо наследников станут «императорами с коллегами», без всякого ненужного никому Избрания и оставят себе свои нынешние земли, как и сейчас он правят. А вы, наш добрый господин — станете при них за арбитра и мудрого наставника, управляя делами всей империи и решая споры наследников и знати: ведь Вы столько лет вели все дела при покойном императоре и более других знаете, чем живёт наша держава! Все четверо провинциальных королей могут в равной степени принимать послов и объявлять внешние войны, с вашей безусловной поддержкой, но при этом не должны вести себя как зря, на территории страны созданной многими усилиями их деда и оставив себе свои нынешние королевства — возможно тогда вице-короли не начнут войну друг против дружки? Ведь есть риск потерять всё... Они все разом станут императорами — «императорами с коллегами» и не опередят или падут перед прочими наследниками внуками. Вы же сможете и далее работать на благо империи в должности, что вам так хорошо знакома и ведома, без всяких перестановок. Новые императоры не станут тащить, к нам, в столицу — своих провинциальных первых министров и мы, в «срединных землях» империи, перестанем опасаться массового прихода чужаков к нам в дом и установления ими новых, совершенно диких, правил или огромной, всеимперской гражданской войны: когда юг и север пойдут против друга, выясняя чей наследник станет

впоследствии «императором Руин». За время правления первого императора основателя мы привыкли к миру и стабильности, и хотим либо письменного признания наследников и клятв в Храмах, при жрецах — что они примут любое решение Избирателей и не оспорят его, либо, что было бы даже лучше — что Вы останетесь на своём главноминистерском посту пожизненно и станете печься о державе и нас, простых горожанах, крестьянах, жрецах и низовых знатцах — которым не нужны вечные войны, а лишь мир и спокойствие, в нашей великой империи!»

Дезидерий словно бы с минуту раздумывал, потом, рывком отбросив медвежью шкуру которой он укрывался — резко встал на ноги и взяв за плечи, помог подняться всем троем, из старших говоривших делегатов просителей. После облобызал их всех и громким голосом произнёс: «Не хотел я этого — не желал и не добивался! Но вы правы, правы дорогие мои представители столичного люда — во всём правы: нельзя прятать голову в кустах, когда страну рвут на части и рассказывать о мире и законности, когда его нарушают даже приближённые люди кандидатов в императоры... нельзя! Убедили. Вот честно — убедили вы меня своими доводами! Я, будучи сейчас «престолодержателем», официально объявляю: о назначении главного имперского министра Дезидерия — бессрочным главным министром империи и призываю всех — высшую знать из грандов и избирателей, имперские службы, наследников вместе с их советами в провинциальных королевствах и чиновничеством, имперскую армию, церковь Светила Солнца, низовую знать и простолюдинов: присоединиться ко мне и вместе, соблюдая оставшиеся старинные и недавно принятые имперские законы — как можно скорее восстановить порядок и мир, на землях империи и прекратить любые междоусобицы, решая все споры в судах: светских и церковных!»

Вновь плакали все делегаты присутствующие в кабинете, а троица рыцарей магистратов, которую недавно поднял с колен Дезидерий — снова на них свалилась как подкошенная и пока министр размашисто подписывал документ, заранее принесённый ему в кабинет и подготовленный несколько суток тому его секретарём Тарасием, а потом ставил на нём пять различных печатей, на самом свитке и ярлыке к нему — делегаты от столичных жителей не прекращая плакали и благодарили Светило за то что присутствуют в столь радостный день, в таком прекрасном месте, где они сейчас все находились.

Стоявшие, как вкопанные, всю эту сцену: Аргуин, что возглавлял имперскую канцелярию и начстражи гвардии Магинарий Имерий, приглашённые в самом начале представления и до конца не понимавшие ранее, что же перед ними происходит — словно очнулись от сна и теперь, громко шепча на ухо «престолодержателя», требовали у него пояснений происходящей комедии:

— Ты что творишь, ты что?! Это... это измена! — тараторил обыкновенно медлительный в словах и выдержанный в поступках, начстражи Магинарий Имерий. — Ты сумасшедший!

— Кому измена? — тихо поинтересовался твёрдым уверенным голосом, своим собственным решением, нынешний бессрочный главный имперский министр, Дезидерий, — Уточни. Императору? — старого уже нет, нового — ещё... Да и будет ли вскоре — вопрос! Пока что именно Я отвечаю за существование всего нашего государства и имею полное право на создание и утверждение подобных эдиктов. Мы друг друга поняли? Если нет — выйди к толпе возле императорского дворца и расскажи людям, которые люто ненавидят насильников ромлеян, палачей пытошных кельриков, пьяных убийц друидов гарданов и скупых мытарей уммландцев — что ты против того что бы министр Дезидерий их защитил и

пускай люди принцев всех кого хотят убивают и грабят, и те законы, которые принимал ранее император, основатель державы, которого ты так рьяно охранял все последние годы его жизни — теперь этими законами можно подтереть задницу в сортире... Если возникнет подобное желание у кого из наследников. Пойдёшь к собравшимся внизу людям?

Ошалевший Магинарий Имерий остскочил на шаг и после коротких раздумий бросился со всех ног прочь, что то шепча себе под нос о сумасшествии, что охватило как разгульных наследников императора, так и министра, который слишком часто общался с ними.

Вторым приблизился к Дезидерию Аргуин и несколько неуверенно проговорил, скорее зашептал: «Но так же нельзя! Есть процедуры, рассмотрение и одобрение, в том числе и императором и Избирателями, и...»

— Императора нет — протри глаза! — твёрдо, чуть со смешком, сказал Дезидерий своему явному недоброжелателю. — Избиратели не имеют права голоса по министрам, это привилегия лишь главы державы и пока что его обязанности выполняю Я! Когда будет новый император... тогда и посмотрим как отменить данный указ, а сейчас: или заткнись — или беги прочь к людям внизу и требуй расходиться! На мой взгляд, лишь данное подписание сего документа и спасает императорский дворец от немедленного штурма всеми ими... Ты подумай, хорошо так подумай!»

Аргуин немедля выскочил прочь из кабинета, однако в отличие от начстражи дворца Магинария Имерия, который поспешил проверить подчинённые ему посты императорской гвардии во дворце и обойти лично их все поочерёдно — главный канцелярист Аргуин, через тайные ходы замкового комплекса, выскочил со своими ближайшими людьми из императорского дворца и на паланкине мчался по улицам столицы.

Уже вскоре Аргуин сидел в просторном светлом кабинете первого министра Уммланда, Тудджерри, который, по слухам витавшим в столице — недавно успел перекупить имперского начальника канцелярии для нужд своих и наследника Лиутпранда, и теперь внимательно выслушивал сбивчивый рассказ Аргуина о том, что происходит на улицах города и главное: уже произошло в императорском дворце.

После слов об указе и «бессрочном главном имперском министре» — Тудджерри вскочил на ноги в величайшем возбуждении и обозвав Аргуина «медлительным, как осёл, болваном!!!» — бросился к своему господину, крича на весь особняк где они квартировались: «Измена! Господин мой — нам срочно необходимо принимать меры!!!»

В это же самое время Дезидерий появился на огромном дворцовом балконе выходившем прямо на главную площадь у императорского дворца, с которого некогда умерший первый император — возвещал свои указы или лично появлялся перед толпами обожающего его народа и министр, повторяя жесты покойного хозяина, подняв вверх руку с подписанным указом — Дезидерий начал медленно размахивать документом. Вслед ему вышли и делегаты от толпы и начали вслед движениям министра махать своими шапками, вторя Дезидерию и крича: «Согласился! Со-гла-сил-ся!!!»

Тут же агенты министра, что находились вместе с остальными людьми в толпе, первыми заголосили со всех сторон площади: «Есть! Министр принял наше прошение! Согласился!!! У нас теперь есть защитник против чудачеств провинциальных корольков и их банд. У нас есть Защитник!!!»

Толпа, «поддожённая» со всех сторон радостными криками и хорошо отрепетированными «искренними эмоциями» агентов министра Дезидерия, ликовала: люди обнимались и целовались, пели, скандировали как безумные «Защитник, защитник!!!» —

некоторые из торговцев винами, стоя прямо в толпе — призывали всех желающих к себе в лавки и обещали выкатить все бочки, бывшие там и на складах, в честь столь радостного и счастливого события сегодняшнего дня.

Агенты Дезидерия, возле дворца — уже выпускали, для очередных пламенных проповедей, наиболее отличившихся за последние дни жрецов, уличных риториков, которые должны были подстергать возвращающихся массово людей на площадях и улицах во всех частях города, и поддерживать в них эйфорию всё новыми речами в поддержку «Защитника», как прозвали министра в народе, и против его главных оппонентов: злых и возможно сумасшедших, как и их отец Хад, наследников престола.

— Не дадим семени «запертого убивцы» — править нами!!! — заголосили на окраинах толпы какие то визгливые женщины, ранее обсуждавшие с благообразными стариками и бабушками, тоже выступавшими за Дезидерия, о том: кто является отцом нынешних кандидатов в императоры и не будет ли у всех имперцев куча проблем, с полученной четвёркой вице-королей наследственностью, как сыновей непотребной памяти Хада — именем которого до сих пор пугали детей, если те не желали спать.

— Ура!!! — вопил во всю глотку Атаульф и толкал в Бок Жака.

— Ура-а-а!!! — отвечал ему Жак и легонько, дружески, толкал в плечо Атаульфа.

А на площади, прямо перед императорским дворцом, шло всеобщее братание и нескончаемый праздник радости: наконец то простецы и знать столицы получили Защитника, не временного, а постоянного и законного, который избавит их от произвола, непонятных столичным жителям, обитателей имперской окраины — что вместе со своими кандидатами на имперский престол просто заволокли город и совершенно изменили прежний уклад жизни в нём, и то довольное, сытое спокойствие, что ранее всегда отличало столицу империи.

По городу начали скакать герольды и всюду объявлять о новом указе «престолодержателя» и назначении им, скромно умалчивалось что самого себя, министра Дезидерия: бессрочным главным министром империи.

Если в замке Уммландского вице-короля Лиутпранда, благодаря прибывшему с докладом канцеляристу Аргуину, уже знали о произошедшем нежданном изменении во властной иерархии империи и вовсю готовились помешать этому уже здесь и сейчас — сразу жёстко дав по рукам зарвавшемуся министру, то остальные из наследников и их слуги, нередко получали данные важные сведения от проскакавших мимо их особняков, посланных министром, герольдов и их громогласных объявлений. После которых, переодетые «местными», агенты вице королей — мчались во всю прыть по городу к императорскому дворцу и там, к немалому своему ужасу, узнавали что всё это правда и теперь в империи есть «бессрочный главный имперский министр».

Наследник из Кельрики Амвросий, в своей Храмине, последними словами проклинал Великого инквизитора Корсо и требовал у него объяснения: как агентура и осведомители мощнейшей организации, которой являлся трибунал имперской инквизиции — могли не заметить подобной подлости министра Дезидерия и не оказать ему противодействия в этом начинании.

Оказалось, что Корсо было известно уже как дней пять о желании горожан идти с «обращением-прошением» к министру Дезидерию.

Однако никто из числа старших инквизиторов аналитиков не верил, что: во первых — простые люди смогут сами организовать и перейти от слов — к делу, ибо сие было просто

невероятным для говорливых, но пугливых и бездеятельных простецов и второе — что сам главный имперский министр Дезидерий радостно примет подобное, папахивающее государственной изменой, «предложение» толпы и вместо того что бы сразу арестовать делегатов и зачинщиков, немедля, с немалым удовольствием подпишет тут же составленный, непонятно какой легитимности, указ и объявит об этом всей столице и видимо империи...

Всё это казалось Корсо совершенно «Немыслимой Авантюрой» и он хотел узнать, при личной встрече с министром, что же задумал Дезидерий и не является ли это хитрой игрой остальных наследников, кандидатов на трон.

Пока же инквизиторы получили приказ обнаружить зачинщиков данного «хождения к министру» и найти на них какую компрометирующую информацию: особенно, кто с ними из дворца, из людей Дезидерия, контактировал и есть ли какие порочащие их факты, для возможного скорого ареста и допроса на дыбе и получения новых материалов для полноценного расследования.

Резких движений и выступлений Корсо советовал Амвросию не делать, считая что пока ничего неизвестно и рано принимать радикальные меры: следует отправить приказ верным войскам — выдвигаться скорее из Кельрики к столице, и уже здесь, с помощью преданных отрядов, по возможности «быстро и тихо» — разобраться с обнаглевшим министром. Который вначале самолично крадёт «поход на еретиков» у наследников своего правителя, а потом — сам же себя назначает «бессрочным главным министром державы»...

Ромлеянский принц Джанелло вначале ничего не понял, из сбивчивых рассказов заламывавшего руки Алавии, о том что же происходит в городе.

Потом деловито осведомился не арестуют ли их самих и узнав что вряд ли — махнул на всё рукой: он схватил двух служанок и задрал им юбки, шлёпнул по голым ягодицам выбранных женщин, расхохотался демонически и потащил дев прелестниц на огромную кровать, под визги самих дам и невнятное бормотание «Всё пропало...», своего первого министра.

В «Берлоге» Гарданского наследника Борелла, после получения сведений о новом назначении Дезидерия самим себя «бессрочным главным министром» — тут же созвали совещание: сам наследник был сильно пьян и лишь постоянно громко отрыгивал, в углу комнаты. Его жена и тесть вовсю орали на свою агентуру в столице, но люди лишь разводили руками: такого не ожидал никто! Да, были волнения. Да — горожане говорили о противостоянии людям наследников, однако что так внезапно соберутся и выбрав делегатов из важных достойных людей города отправят столь дерзкое прошение, а министр, совершенно случайно будет иметь под подушкой уже написанный указ, который останется лишь завизировать? — совершенно необъяснимый факт!

Поллион потребовал скорейшей разработки плана по отравлению министра и предложил свою идею: подождать выезда того в походной колонне на подавление провинциальных мятежей и с помощью какой пышнотелой куртизанки-искусницы, или подкупа доверенного виночерпия Дезидерия или кого из ближайших ему «минардов» — влить яд в напитки министра. Как только Дезидерий сдохнет — почтовыми голубями немедля доставить данную новость Поллиону, что бы они первыми смогли воспользоваться ситуацией и захватить, внезапным натиском, императорский дворец. Или же, обнаружив где прячут от них Избирателей — первыми нагрянуть к ним и угрозами или подкупом, смотря кому что, потребовать немедленного Избрания императором именно Борелла, здесь и сейчас, пока остальные наследники не узнали о смерти Дезидерия и прочем.



Люди, на площади перед императорским дворцом, уже почти все разошлись по паркам и площадкам далее. Всюду слышалась музыка и смех, начались танцы и некоторые из торговцев, за свой счёт, выкатывали бочонки питья и раздавали свежесдобитый хлеб и различные пироги, всем желающим отпраздновать «день обретения Защитника» — когда с пяти разных улиц, на площадь где прежде волновалась огромная толпа столичных горожан, ворвался отряд с три сотни головорезов и быстро бескровно скрутив вышедших на осмотр места празднования патрули городских и дворцовых стражей, принялся строиться перед главными воротами императорского дворца, словно бы для скорого штурма.

Пятьдесят кавалеристов, двести с лишним мечников, с длинными мечами и короткими запасными клинками «клыками», на случай боя в тесноте, когда замах будет невозможен. Сотня арбалетчиков и примерно тридцать алебардщиков — все эти люди споро готовились начать атаку на главные ворота императорского дворца.

— Господин! — вбежал в кабинет к хохочущему Дезидерию, распивающему густое вино из амфор, со своим виночерпием и присоединившемуся к ним личным лекарем Феофилактом, секретарь Риккульф. — Господин! Наёмники прямо возле ворот дворца и готовятся к штурму! Похоже на людей наследника из Уммланда, Лиутпранда!

— Почему? — машинально спросил Дезидерий, лихорадочно думая что сейчас ему предпринять: решиться на прямую схватку, с одним из наследников покойного монарха или сразу же бежать прочь из дворца, под защиту столичной толпы.

— Я некоторых конных офицеров отряда возле дворца лично знаю — головорезы из его свиты. И много уммландцев наёмников, они редко когда так массово к чужакам нанимаются...

Риккульф был прав: пока остальные наследники лишь ошалело узнавали от своих слуг и герольдов на улице, о случившемся «прошении горожан столицы» и согласии на него министра — первый из помощников вице-короля Уммланда, богатейший негодник империи Тудджерри уже всюду действовал: он послал ко всем своим клиентам в столице, знакомым банкирам и негодникам, и собрав так называемую «Банду толстой северной мощны», объявил им:

«Сейчас! Сейчас надо действовать и живо, иначе министр Дезидерий победит и все правила изменятся под его новые указы, вам ясно? Правила ведения ваших коммерческих дел, как самых прибыльных в империи — в первую очередь! Вы давно работаете со мной — не подведите! Если отменим последний указ Дезидерия — Я со всеми вами рассчитаюсь сполна, вы же меня знаете...»

Было решено что все толстосумы немедля соберут своих наёмников: что охраняли их самих, а также их лавки, здания, караваны, речные межгородские торговые и транспортные флотилии — и отдадут наиболее подготовленных из бойцов, бывших ветеранов имперских кампаний, в руки действующих офицеров королевства Уммланд.

Тудджерри получит на складах знакомых мастеров литейных дел новейшее оружие — вплоть до ручных бомбард и ему привезут срочно порох, из хранилищ на загородных мануфактурах, вне стен столицы: ибо заполучить арсенальные запасы, в спешке и без допусков, не представлялось сейчас возможным.

Отряд Тудджерри внезапной атакой взорвёт ворота в императорский замок и прорвётся к помещениям с главным имперским министром и далее...

Если Дезидерий сдастся — срочно погрузят его в повозку и вывезут прочь из столицы, для выяснения что с ним далее делать. Если нет — убьют на месте, а голову выставят на

длинной пике, над башней дворца...

Если же Дезидерий всё же сбежит — тогда будут думать по его действиям уже после побега!

Тудджерри, что давно «прикармливал» часть челяди и охраны во дворце умершего императора, знал: императорская гвардия люто ненавидит выскочек «минардов» Дезидерия. Гвардия сейчас просто не знает как реагировать на его последний указ и защищать его, в случае нападения на министра или же наоборот — арестовать, как заговорщика, пока что не станет.

Гвардия растеряна и выжидает. Однако именно она охраняет сейчас ворота в сам замковый комплекс императорского дворца. При должной наглости — ворота можно просто быстро взорвать небольшим зарядом, скорее для нагнетания паники у минардов во дворце. А с самими гвардейцами на постах договорятся «переговорщики»: люди, что хорошо лично знают офицеров имперской дворцовой гвардии и смогут им пообещать «золотые горы», если те не станут вмешиваться в происходящее и позволят убить ненавистного им всем, главного министра Дезидерия.

Боевиков, для внезапной атаки на императорский дворец — собрали на товарных речных складах клиентов-негоциантов банкира Тудджерри и после первого инструктажа и разъясненного плана, быстро сговорились о самом нападении.

Так как бомбардами или иной артиллерией, из за ограниченности времени, обзавестись не удалось — решено было взорвать ворота небольшими бочонками с порохом, предварительно попросив, с помощью «переговорщиков» — императорских гвардейцев отойти на этажи не занимаемые министром заговорщиком, так как именно помещения где располагались службы Дезидерия и его телохранители и будут, максимально жёстко, зачищены людьми набранными Тудджерри от все этой «министерской новой шушеры».

Арбалетчики должны были обстреливать окна дворца и всех в них показывающихся, алебардчики — пробивают бреши в отрядах меченосцев минардов, на дверях, а бывшие пираты, из тех что сейчас нанимались охранять торговые речные суда купцов от своих прежних «коллег» — зачищают этажи императорского дворца, как во времена своих славных абордажных схваток, бывших во множестве у них в молодости, они поступали с палубами захваченных нефов и каракк торговцев.

Добрались до цели своей атаки, императорского дворца, наёмники уммландского первого министра, быстро и почти незаметно: из за массовых гуляний огромных толп по всему городу их принимали за очередных фанатиков министра и почти что и не обращали внимания и начали строиться для скорого свирепого штурма.

«Переговорщики» и сапёры уже суетились у ворот императорского комплекса, и если первые что то постоянно втолковывали всё прибывающим гвардейским императорским стражам, то установщики порохового заряда, минёры — спокойно и деловито, пока по ним нее стрелял никто и вообще ничем не мешали работать — устанавливали свою мину «дверевышибалку», как они её меж собой прозвали.

Внезапно началась какая то суэта и возня, возле установленных на крепостных стенах заряженных бомбард и оттуда раздался резкий крик минарда, что выглянул с факелом в руках, в проём бойницы: «Прочь псы уммландские — прочь! Бегите в свои земли и не лайте, вы только тявкать, как побитые дворняги и можете!»

Отряд штурмовиков перед воротами императорского дворца ответил воплем бешенства и угрозами, с обещаниями отрезать говоруну интимные места и заставить его же их сожрать,

пока тот будет медленно истекать кровью.

Однако уже через мгновение после озвучивания данной угрозы — раздался оглушительный залп пяти бомбард, что, как хорошо помнил стоявший в напряжении, во дворе, в полусотне метров перед минируемыми воротами, начстражи императорской гвардии Магинарий Имерий — не были набиты смертоносным зарядом, а лишь порохом, для звукового отпугивания грохотом при выстреле, ранее подошедших толп «просильщиков министра»: и с воплями и воем, десятки людей в строю штурмовиков попадали от железного роя, что выпустили по ним, со стен дворца, минарды.

— Предательство!!! — закричал один из «переговорщиков» уммландцев у ворот и вытащив малый арбалет закреплённый на боку, на широком поясе — выстрелил в самого начстражи Магинария Имерия. Но спешка, теснота у ворот и отличный доспех гвардейца помешали стрелку хорошо попасть в свою цель и арбалетный болт лишь в меру сильно оцарапал левое плечо командира гвардии.

Дворцовая императорская Гвардия стала выстраиваться в защитного «ежа» перед минируемыми воротами дворца и медленно, шаг за шагом, отступать вглубь территории перед воротами, на которые готовилась атака и подрыв. Заодно гвардейцы пытались в коротких переговорах между собой наконец выяснить: с кем именно они вскоре станут сражаться.

Один из минёров у ворот смог поджечь фитиль заряда мины, но что то в спешке и грохоте, под обстрелами из внезапно выстреливших бомбард, напутал и подрыв состоялся тут же, немедля: уничтожив всех подрывников и «переговорщиков», что стояли с ним рядом у ворот что должна была свалить на землю мина.

— Бей уммландцев!!! — орали со стен императорской цитадели, где уже во множестве суетились люди из окружения министра и перезаряжали, для нового выстрела, малые, «настенные», бомбарды-картечницы.

— Бей площадных! — орали гвардейцы дворцовой стражи, не понимая до конца кто же именно их атакует и решив что в неразберихе проще оборонять сам периметр привычного им дворца, от любых вторгнувшихся чужаков, а уж разбираться потом, после боя.

— Отступаем! Гвардия нас предала: у них заряженные бомбарды на стенах и ворота всё ещё закрыты! — орали в толпе отступающих прочь, скорее даже уносящих ноги позорным бегством, сводного отряда штурмовиков Тудджерри.

Всё оказалось до обидного просто: когда Рикульф сообщил министру о внезапном нападении на дворец, он добавил что его агенты внизу утверждают, что гвардия стражи, что охраняет императорский дворец — не против открыть ворота или просто не мешать, неизвестным нападавшим наёмникам и позволить им перебить всех «минардов»: пока часть из минардов на дежурстве, в городе, в честь празднеств о новом указе Дезидерия. Но есть бомбарды на стенах, правда заряженные лишь для отпугивания шумом выстрела толпы простецов — одним лишь порохом, без опасной начинки. Зато если быстро занять места у данных бомбард, скрутив стоящих там гвардейцев охраны и бомбардиров, тогда... Появляется шанс и немалый!

Рикульф советовал немедля набить осколками металла или камнями заряженные орудия и проредить залпом, почти в упор, ряды строящихся в боевой порядок, странных атакующих боевиков: остальные из противников сильно подумают перед продолжением атаки, да и дворцовая стража, что сейчас о чём то шепчется с представителями атакующих у ворот, вынуждена будет определиться в открытую — если сейчас она нападёт на минардов и

присоединится к наступающим, тогда следует отступить и бежать, против обоих отрядов людям министра не выдержать схватку. Но если залп бомбард сильно уменьшит нападающих и приведёт к их панике, Риккульф был уверен что дворцовая императорская гвардия не станет вмешиваться и просто останется защищать «сама себя», никуда ни с кем не вступая в конфликт, лишь бы её тоже не трогали.

Так и вышло: залп из заряженных «рублём» бомбард — проредил строй наёмников капиталиста Тудджерри и те, в панике, отступили от летящим прямо в них всё новых рублей.

Минёры у ворот в спешке ошиблись, от неожиданно начавшегося сражения и хотя и подорвали сами ворота, но вместе с самоими собой и всеми» переговорщиками»- не оставив в живых свидетелей возможного предательства офицеров гвардии и её бойцов.

Ворота не упали, а лишь перекошились, создав баррикаду на входе. Выпало с сотню камней из стен — вот и всё. Нападавшие сбежали также внезапно как ранее появились и минарды орали им обидное со стен, громко улюлюкая и вопя, но при этом не рискуя выскочить со своих укреплений в дальнейшее преследование.

Стали возвращаться толпы зевак к площади у дворца: кто то сообщил им что готовится убийство министра Дезидерия, «отца и Защитника» — и они бросились на площадь, что лишь недавно покинули, и там обнаружили окровавленные тела уммландцев, которые во множестве валялись на булыжниках мостовой.

Дезидерий вновь появился на балконе перед начавшими опять собираться своими сторонниками, где несколько часов назад размахивал новейшим указом и возвестил «о большой победе». Но над кем конкретно — не уточнил.

Толпа удивлённо таращилась на искорёженные ворота императорского дворца, выбитые из крепостной стены камни, дымящиеся стволы бомбард и ничего не понимала — здесь был настоящий бой! Но кого и с кем — так и оставалось загадкой...

Тудджерри, узнав вскоре что его отряд позорно бежал и ничего не получилось из того что он задумывал, устало махнул рукой и произнеся: «Бред! Всё рушится!», впервые, со времени своего присутствия на казни, на костре инквизиции, супруги Лаймы Аннит — пошёл и напился в своей тайной комнате, не обращая внимания на громкие стуки в дверь его господина Лиутпранда.

Ромлеянский и гарданский наследники, Джанелло и Борелл, узнав о штурме замка своего деда и не зная достоверно кто его предпринял — заперлись у себя в поместьях и выставили усиленную охрану, подозревая государственный переворот и каждого из своих братьев, как организатора данного выступления как первого шага к узурпации власти.

Кельрики ранее хотели выдвинуться ко дворцу в боевом порядке и данным «парадом» немного поугатать Дезидерия, когда Великому инквизитору Корсо сообщили его агенты инквизиторы о том, что Тудджерри готовит смену власти нынешнего «престолодержателя»: одним отрядом лихих рубак мясников, из опытных ветеранов, бывших в столице — и Корсо решил принять в этом активнейшее участие!

Однако когда отряды кельриков только выходили из ворот поместья «Храмыны» что бы поддержать в атаке против так ненавистного им главного имперского министра наёмников Уммланда — прибыли очередные инквизиторские гонцы вестовые и сообщили, что атака уммландцев совершенно провалилась и все нападавшие позорно бежали прочь.

— Проклятье! — процедил Корсо сквозь зубы и немедля потребовал у своих людей запереться в Храмине, на случай если Дезидерий решит развить успех и атаковать их самих, ночной подлой контратакой.

Ночь после «Указа» и неудачного штурма императорского дворца — прошла беспокойно: Дезидерий баррикадировался в помещениях императорского дворца и боясь новых атак своих противников — вызывал всех своих «минардов» в казармы, в самом дворце. Наследники ожидали ответных действий министра по отношению к себе и сами не показывали носа из своих особняков, готовясь к возможному их скорому штурму минардами. Жители столицы, всю ночь продежурившие у взорванных ворот, на утро рассказывали байки знакомым о том: как людей наследников, что по очереди, четырьмя провинциальными атаками «волнами» штурмовали замок покойного императора — минарды разбивали раз за разом, вчистую и теперь наследники вице-короли боятся за свою жизнь, видя как слаба их охрана против непобедимых телохранителей министра Дезидерия!

На утро жители столицы уже вовсю распевали оскорбительные песенки, под окнами дворцов наследников и дразнили их слуг, не выпуская силой тех в город или шутливо грозя вызвать минардов, что бы они «провинциальных корольков палками образумили!»

Это вызывало лютую ненависть у приехавших провинциалов из малой знати, но те ничего не могли поделать и лишь грозились лютой мезтью, не выходя однако при этом за территорию, им предназначенных, поместий.

Поняв что напугал всех четверых претендентов на престол и видимо крепко, а посему пока не стоит ожидать атаки от них внове, Дезидерий решил срочно отправиться в тайный дом, предназначенный для содержания перед Избранием императора Избирателей, которые уже откровенно маялись в ожидании данного голосования и немного поугаать их: рассказав о толпах недовольных их поведением людей, на улицах столицы и «странных отрядах», что в императорском дворце, при почти удачном штурме, искали именно их — Избирателей, что бы люто наказать! У министра созрел новый план и он собирался его без промедления осуществить.

Уже ближайшим утром главный, а теперь ещё и бессрочный, имперский министр — отправился с эскортом из полусотни своих минардов кавалеристов и двумя сотнями пеших телохранителей, в ему известное городское поместье «Гнездо», получившее своё название как за округлую форму, так и обширные подземелья, где ранее были поочерёдно тюрьмы столичной инквизиции, имперской стражи, а последние годы — личное узилище императора, для людей, которых он считал ещё возможным вернуть в высший свет или же наоборот — навсегда из него негласно изъять, но сохранить им жизнь, для бесед с самим монархом.

Большинство столичных жителей искренне считали что замок пустует или заброшен и дивилось, что «Гнездо» никто не занимает столько лет, однако они все ошибались: там часто бывали «гости», правда в крайне незначительных количествах.

Теперь же, в честь будущего Избрания императора, Дезидерий, не без намёка — расположил именно в «Гнезде» всех восьмерых Избирателей, выделив каждому из них по спальне с кабинетом и оставив общую столовую, где бы они могли ежедневно видаться, надоесть другу, как можно скорее.

По первоначальному плану следовало дать наследникам три дня на отдых с дороги, потом провести встречу четверых вице-королей с Избирателями и после очередных трёх дней обдумывания своей позиции последними — начать процедуру Избрания на престол нового правителя империи.

Жизнь, как всегда, внесла свои коррективы в данные планы и сейчас, окружённые сперва имперской гвардейской стражей, а последние дни ещё и непонятными им, и

пугавшими больше всего — «минардами», вооружёнными с ног до головы, пропустив все сроки встречи с наследниками и начала голосования, Избиратели терзались самыми худшими подозрениями и считали, что возможно наследники провели гениальную интригу и договорившись с Дезидерием просто заманили их, всех восьмерых, вместе в ловушку, что и станет им тюрьмой до конца дней!

— Видимо, они просто полюбовно договорились и без нас... — едко хмыкая громко шептал Хорхе, глава храма «Карающего Жара», — зачем им кучка выборщиков, если можно внутри семьи распределить: престол, армии для новых походов, земли и богатства — собранные их дедом в невероятных количествах? Мы для них явная и глупая обуза...

Все в столовой «Гнезда» промолчали, мысленно соглашаясь со стариком и пытаюсь понять: как они могли так глупо позволить себя заманить, всех вместе, в столицу и запереть, как оказалось гораздо дольше чем «на неделю» и в помещениях, известных как личная тюрьма покойного императора.

Самым явным казался вариант с их полной и окончательной «пропажей» из мира живых, в мир полу или совсем мёртвых: тех, кто десятилетиями гнил заживо в клетях «Гнезда» или быстро был повешен и сожжён, в огромных печах, данного скверного замка.

Князь Гассакс и герцог Уйонн искренне считали что вся затея была устроена именно из за их обширных земель и теперь проклинали себя за то, что так опрометчиво ввязались в ранее им казавшуюся столь удачной, интригу с Избранием — что вместо выгод принесла лишь странное полузаключение и возможную скорую казнь.

Король в Арии Арнульф, комтур ордена «Чёрного единорога» Тибальд, маркграф Руггер — считали что возможно это случилось по причине их непомерных требований и попыток получения политической автономии, точнее намёков на неё, в предыдущих разговорах с «перстолодержателем» и сейчас готовились объясниться с министром и всячески отрицать подобный подтекст, напирая на единство империи и прочее подобное...

Несколько дней назад стали появляться в помещениях «Гнезда» слуги, что приносили еду и свежую одежду: они то и рассказали Избирателям о мятежах в королевствах составляющих державу и новом Солнцеликом, что самостоятельно, без имперских эмиссаров — провёл своё собственное избрание.

Последняя новость заставила всех Избирателей переглянуться. Им казалось теперь вполне вероятным, что уже и новый император также «сам себя выбрал» и эшафот, на который скоро могут вывести всех Избирателей поочерёдно, замаячил у каждого выборщика перед глазами.

Внезапный приезд Дезидерия, как напугал восьмёрку выборщиков императора, так и заставил их надеяться на лучшее: всё зависело от слов, с которыми обратится министр к ним и чего потребует. Сроки встреч с наследниками и Избрания уже прошли, однако к ним никто так и не приехал и ничего не потребовал...

— Друзья мои! — заявил главный имперский министр, как только вошёл в залу с собранными там Избирателями и с печальным видом уселся в кресло условного председателя, во главе стола. — Случились события огромной важности: Урдия и Амазония решили вернуть себе королевское положение суверенных держав, что было у них до организации нашей, в принципе добровольной, империи... Ромлея... Ромлея теперь не центр нашей веры, а источник ереси и скверны — мерзейшего порока! Всюду волнения и смуты — всюду! Вчера огромная толпа подошла ко дворцу покойного императора, да воссияет он при Светиле и попыталась взять его штурмом, пришлось перебить часть

негодяев, а остальных рассеять!

— А что наследники? — хрипло спросил Хорхе, приближая разговор к главной и самой болезненной теме для всех Избирателей.

— Наши дорогие кандидаты в императоры? — с издевательской улыбкой осведомился Дезидерий. — Они на охотах дурачатся, пьют вина, насильничают... Всё как привыкли у себя в землях — словно и горя не знают! Их не волнует толпа, что штурмовала императорский дворец, нет — они всё думают что вскоре каждый из них ста...

— Императорский дворец?! — воскликнули все восемь Избирателей, до которых наконец дошло, что своей скороговоркой, в самом начале, им сказал прибывший главный министр. — Его штурмовали?!

— А вы думали какой? — удивился Дезидерий. — Если бы мой личный домик или чей ещё, даже наследников — это было скорее личная месть и интриги. Но брать атакой императорскую резиденцию, специально, днём, демонстративно перед собравшимися прохожими — это уже явный шаг к смене власти! К узурпации!

— Кто, кто это делал?! — захрипел, как припадочный, старик Хорхе. — Неужто проклятые друиды проникли в столицу? — Ну конечно же, конечно они... Гарданские собаки, там множество нечестивых беглецов из Амазонии, они то и устраивают свои вакханалии!

— Друзья! — обратился Дезидерий ко всем и явно перебивая начинавшего впадать в привычный маразм, Хорхе. — Искали именно вас! Атакующие были уверены, что Избиратели сейчас в императорском дворце и решили одной атакой решить все свои проблемы: перебить вас всех, как единственно легитимных выборщиков нового императора. Уничтожить меня, как «престолодержателя» — тем самым ввергнув страну в пучину выяснения отношений между наследниками и главное: прекращения бескровного выхода из этой, ныне сложившейся, парадоксальной ситуации! Я усилил, как смог, вашу охрану, но боюсь если те кто замахнулся на атаку императорского дворца узнают где мы вас прячем... Быть беде! Уже случились приступы дворцов наследников, причём всех четверых, так что даже и не знаю...

Все Избиратели зашумели и начали говорить одновременно. Потом Дезидерий расслышал то, чего давно ожидал услышать от собраной для встречи восьмёрки: князь Гассакс и комтур Тибальд — требовали что бы их выпустили из столицы, и они получили возможность спрятаться среди своих земель и охранников, там они будут в безопасности, а когда смута уляжется или в каком новом тайном месте, если сговорятся — они готовы тут же прибыть и начать немедленно процедуру голосования за Избрание императора.

Дезидерий согласился, с притворной слезой, с их доводами и объявил что готов всех выпустить из столицы под своей охраной и сопроводить личными телохранителями, «минардами», до их собственных замков.

Но напоследок, так как готовится большой поход против еретиков Ромлеи, Амазонии и предателей Урдии — он просит что бы главы храмов «Карающего Жара» и «Утреннего Рассвета», и комтур ордена «Чёрного единорога»: Хорхе, Виллиам и Тибальд соответственно — подписали официальный документ-обращение, что они единогласно одобряют и благословляют данный поход против ереси и считают его важнейшим мероприятием.

Все трое Избирателей, имеющих отношение к культу Солнца, внимательно ознакомились с документом и поставили свои подписи вместе с отпечатками собственных

золотых печаток, в качестве подтверждения и одобрения всего в свитке написанного.

Документ был нужен Дезидерию для объявления наследникам, что до окончания похода, внезапно «сбежавшие» из столицы Избиратели не вернутся, так как считают неуместным проводить время в спорах пока мятеж в державе разрастается, а соответственно: пока министр Дезидерий не вернётся с триумфом из им задуманного похода — никакого императора выбрано не будет!

Наследники могут присоединиться к походу, как почётные и желанные гости, но без права голоса на военном совете.

Министр планировал вернуться через полгода в столицу империи прославленным победителем мятежников и закрепить свой нынешний статус Защитника и бессрочного главного имперского министра — ещё и триумфом, отпразднованным шумно и дорого в столице, и новым прозвищем: «Спаситель империи или Сшиватель Империи, Имперский Портной», за подавление восстаний, что сам в немалой степени и взрастил.

Герцог Уйонн, быстрее всех собравшийся для немедленного бегства из столицы, попросился на личный разговор с министром и поведал ему новое своё предложение: «Я бы не отказался, если будет такая возможность, на некий... назовём так — «размен»!

— Простите... — не понял Дезидерий что ему предлагают.

— Если наследники не возражают, я бы мог возглавить поход на подавление Ромлеи и в дальнейшем остаться там вице-королём. Это отличная богатая земля и она вполне меня устроит, да и сам титул — тоже. Так что передайте моё данное предложение нашим славным кандидатам, хорошо?

Министр чуть не расхохотался такой наивности, ухоженного до неприличия, герцога, но всё же пообещал всячески ему поспособствовать и помочь, после чего сопроводил всех восьмерых Избирателей к тяжёлым каретам, в которых их должны были тайно вывозить из столицы.

Хорхе привычно требовал выжечь в походе любую ересь, и первым делом друидов — в самой столице империи! Комтур Тибальд клялся что соберёт своих людей и скорейшим образом присоединиться к походу, на это немало рассчитывал и сам министр Дезидерий.

Остальные Избиратели в основном желали наилучшего и всячески благодарили за спасение, не обещая ни помощи никакой, но и не отказываясь в том, что могут как поспособствовать в дальнейшем. Если что...

В то время как от «Гнезда» выезжали первые кареты с Избирателями, с улочки близ замка, со всех ног бросился мальчишка нищий, а на самом деле агент инквизитор — который за своё млажавое лицо и юношескую статью, нередко одевался как бедный подросток и вынюхивал у нанявших его знатных людей какие либо факты из их жизни, позволяющие этих самых нанимателей в дальнейшем отправить на костёр...

Инквизитор сразу же узнал, столь любимого у трибунала «чёрных» империи главу храма «Карающего Жара», Хорхе и услышал обрывки фраз кучеров на каретах, что они немедля покидают столицу.

Становилось ясно что Избрание, в случае отъезда хотя бы одного из Избирателей — вновь будет задержанно, как этого и добивается проклятый еретик министр Дезидерий.

Со всех ног «подросток»-инквизитор мчал во дворец Храмину, короля Кельрики Амвросия, что бы скорее сообщить своему господину, Великому инквизитору Корсо, об узнанных им сногшибательных фактах.

Когда узнавший подобную важную информацию, участник новой усиленной агентурной



сети инквизиции, что начала активно действовать в столице сразу же после «дня Защитника» — прибежал запыхавшийся во дворец наследника из Кельрики, последний из Избирателей уже выехал за столичные ворота и направился в свои земли, под охраной минардов Дезидерия.

Получивший так поздно столь необходимую ему информацию, Корсо просто бушевал: в течении получаса прибегали всё новые агенты и сами инквизиторы, и сообщали о полученных сведениях о проезде упомянутых карет, с узванными ими проклятыми минардами, или ненадолго выглянувшими, из за занавесок на окошках, самими Избирателями и тому подобной информационной мелочи, что сейчас вызывала у Великого инквизитора лишь бешеное раздражение.

— Ну конечно — где же ещё их можно было скрыть?! — убивался Великий инквизитор Корсо. — «Гнездо»! Конечно же оно!!! Тупари, бедельники, проглоты — почему ранее не смогли туда проникнуть и осмотреть, почему?! Столько времени потеряно! А этот еретик на министерском месте — всё подбирается ближе к пожизненному своему правлению... Тварь нотариатная! Ладно! Отправьте группы на перехват! Возьмите побольше кавалеристов с дротиками, наши кельрики отменно их метают в людей и лошадей на полном скаку, может ещё успеют как остановить кареты Избирателей! — Великий инквизитор быстрым шагом прошёлся по огромной зале Храмины и пару раз мысленно занялся самобичеванием, за свои проступки как главы имперской Инквизиции.

В помещение внезапно ворвался новый инквизитор. Он орал, словно его резали по живому: «Господин! Возле императорского дворца — новое собрание странных людей! Человек сорок пять, не меньше! Видимо знатные или учёные — не простота. Все в дорогах накидках, несмотря на летнюю жару и прячут свои лица! Их потихоньку, по одному, проводят внутрь замкового комплекса, с боковой улочки, в бывшее караульное помещение — что теперь императорскими служками для склада продуктов, для самих слуг, используется и там...

— Там находятся новые слуги еретики Дезидерия! — провозгласил громовым голосом «истину» Корсо. — После спешного отъезда Избирателей, сей нечестивец задумал новую гадость и собирает своих «важных» людей, для совета. Один раз мы упустили его из виду и он натворил великих бед, но сейчас — никогда! Братья! Собирайте «инквизиторскую облаву»: берите слуг и сержантов наших верных орденов, готовьтесь атаковать сей осиный вертеп, пока они находятся вне стен императорского дворца и доступны нашему праведному гневу! Если захватим хоть кого для допроса и судилища, что бы указали на министра и его прегрешения — есть шанс что еретик Дезидерий скоро падёт!!!

Инквизиторы зашлись в криках, словно псы в стайном лае и опрометью бросились собирать свои группы и отряды штурмовиков, из сержантов и ветеранов, для большой облавы на людей нечестивого министра, который сейчас особенно сильно раздражал всю инквизицию.

Пока во дворе близ Храмины, на площадке, строились отряды «вспомоществования трибунала инквизиции» — из верных Вере ветеранов и сержантов рыцарских орденов и бывших имперских рыцарей, что всё своё имущество отписали самой инквизиции или какому либо из дружественных ей храмов, вроде того же «Карающего Жара» — Великий инквизитор Корсо узнавал последние из новостей и поделился ими со своим воспитанником, возможным наследником престола императора, Амвросием: «Худо! Наши конники не смогли быстро взять след — проклятые минарды словно запропалились и

стража на воротах погоню тоже прилично промурыжила, прежде чем выпустить из города... Сообщают, голубиной почтой, что пока ведут лишь поиск. Надежды на преследование и уж тем более привод назад, бежавших Избирателей, пока нет никакой...»

— Это какой то дурной сон!!! — взвыл Амвросий, несколько театрально заламывая руки. — Что пошло не так?! Уже давно должно было пройти Избрание и новый император должен начать издавать свои эдикты, а вместо всего этого...

— Возможно не так уж и плохо... — вернулся в разговор Корсо. — Есть шанс, в схватках перед избранием правителя, договориться с Избирателями: например запугав их всех кострами, за данный странный и необъяснимый побег из столицы... А уж тогда, тайно, самим вернуть их сюда или в какой нам удобный полис. Сейчас меня больше беспокоит еретик Дезидерий и его поход против мятежных провинций. Думаю, как только он покинет столицу и выступит на Урдию, следует немедленно отправить гонцов в наши земли что бы вели все свободные войска под столицу империи, что бы мы могли... Хм...

— Братья... — мрачно ответил Амвросий. — Они тоже бросятся приводить свои отряды! Будет уже не десяток схваток поединков на улицах города, а полноценные сечи и вряд ли меньше прольётся крови. Надо с ними договориться: как по поводу министра, что явно перешёл все границы — так и императора... Кому стать монархом, а кто останется, к примеру — королём, как и прежде, у себя в наследном королевстве и получит какой министерский пост своим людям, в качестве восполнения поражения при Избрании...

— Джанелло ромлеянину министром быть?! — еретику и подлому человеку?! Или друидов Гарданы привести к власти?! — да что за напасть... — тараторил размахивая руками Корсо, весь в припадке негодования от потери следа Избирателей его погоней и слов, произнесённых его же воспитанником, Амвросием, только что.

— Временно... Договоримся вначале с Уммландом: там банкиры и много солдат. Вместе мы одолеем и Джанелло, что теперь без людей и королевства всерьёз ни на что не претендует и, если постараемся — сможем свалить прочь Борелла, и его свиту поганых друидов. Лиутпранда я признаю братом, и по негодному нашему отцу, Хаду и по добрейшей, светлейшей, заботливой к нам и несказанно несчастной в супружестве, нашей матушке... Надо с ним договариваться.

— Хм... — хмуро пробормотал Великий инквизитор, считая как раз уммландскую группировку самой опасной в борьбе за престол, но всё же промолчал.

Вбежали новые агенты инквизиторов и сообщили очередные новости: люди, в помещениях близ императорского дворца — всё прибывают, однако их пока что не пускают внутрь и многих так и держат по сию пору на складе провизии для слуг. Есть шанс внезапной облавой захватить до сотни из них и тогда свидетелей преступлений министра Дезидерия будет более чем достаточно. Отряды верных рыцарей и ветеранов собраны, группы инквизиторов-следователей при них — тоже. Ждут лишь приказа.

Вышедший на балкон, перед площадкой у Храмины, Корсо, воздев руки к Солнцу, громко произнёс: «Братия! Нам нужны эти нечестивцы и по возможности — живём! Но если и прибьёте кого из них — не переживайте о замаранном грехами еретике, он станет навозом, на котором вырастут цветы Истины! Вперёд! И да пребудет в вашем теле жар нашего святого Светила!!!»

Кельрики проорали в ответ клятву вечной верности инквизиции и быстрым шагом выдвинулись из двора при Храмине, в сторону императорского дворца.

Было решено не повторять ошибок штурмовавшего вчера вечером дворец отряда

наёмников и без долгих, «правильных» построений, с наскока и совершенно внезапно — напасть на помещения при дворцовой стене, в которых сейчас находились странные посетители императорского дворца.

Это позволяло избежать залпов долго заряжаемых и прицеливаемых бомбард, что не попадали вблизи самих стен по противнику и в случае быстрой облавы — заполучить несколько десятков свидетелей, что дадут показания следователям инквизиции против нечестивца Дезидерия и помогут свалить его с той высоты, на которую он взобрался за последние недели.

Подбежавшие к указанному им наблюдателями месту, люди, в составе инквизиторской облавы — увидели примерно равный им по числу отряд, в полторы сотни закутанных в плащи мужчин, многие из которых однако уже были пожилыми, на что указывали длинные бело-седые и свинцовые бороды, почти по пояс. Против опытных ветеранов и рыцарей, что на две трети составляли отряд для облавы великого инквизитора Корсо, у данных «друзей министра Дезидерия» — явно не было никакого шанса.

— Именем трибунала святой имперской инквизиции! — заорал старший отряда кельриков, когда они уже бегом приближались к начавшим озираться и хлопотливо пытающимся укрыться в помещении склада провизии для слуг, своим пожилым противникам в плащах. — Все сдавайтесь и Светило пощадит вас! Падайте на землю и держите руки за головой!

— Это «чёрные мясники»!!! — раздались крики со стороны прятавшихся в помещение людей. — Это засада инквизиции! Побратимы — не простим «чёрным свиньям» казней наших братьев! Истинные Друиды старой Веры — режь «сажу»!!!

Вылетели, из толпы в плащах, десятки брошенных метательных топориков, с верёвками на рукоятях и несколько человек из бежавших инквизиторов и ветеранов, в первых рядах наступавших, свалились на землю, хрипя и захлёбываясь своей кровью, пока метнувшие оружие люди, рывками за верёвку, уже возвращали оружие себе.

— Здесь сходка друидов!!! — заорал старший отряда инквизиторской облавы и теперь его люди, постоянно вразнобой взывая к Солнцу, в исступлении орали: «Всех перерезать! На костёр лживых еретиков! Смерть деревяшкапоклонникам!!!»

Оба отряда схлестнулись в полноценной битве фанатиков истово ненавидящих противную сторону: не беря никого из оппонентов в плен и нанося тем как можно более страшные ранения — друиды били кривыми огромными кинжалами и малыми топориками, плескали вонючие жидкости на головы и в лица инквизиторов, отчего часть из тех на кого эти составы попадали — падали в обморок или начинали кривиться, словно от невыносимого жжения. Инквизиторский отряд молотил противников мечами и палашами плашмя, как удавалось в толчее попасть, колот стилетами и стрелял из арбалетов, по самым рослым из обороняющихся друидов.

Преимущество в количестве и главное — молодости, ибо большинство друидов оказались людьми разменявшими уже пятый десяток лет, позволило инквизиторам, за десять минут яростного боя, одержать полную победу и уничтожив с сотню своих врагов — ещё два десятка всё же захватить в плен.

Императорская гвардия и минарды внимательно наблюдали за происходившим со стен императорского дворца, но не вмешивались и лишь контролировали что бы никто из дерущихся на площади людей не лез к ним, на территорию дворцового комплекса императорского замка.

Вскоре после своей победы, инквизиторы отволокли захваченных пленников к себе в Храмину и ближайшие штабы инквизиции в столице, на первые допросы, и с победными песнями вернулись к Великому инквизитору.

Первые же допросы и полученные на них сведения, поставили Корсо в тупик: все задержанные яростно клялись что случайно собрались близ поместья покойного императора и главное, постоянно тараторили, словно курицы кудахчут: Что не собирались убивать главного имперского министра Дезидерия, а яды и оружие, оказавшееся у каждого из них — скорее нелепая случайность, да и не друиды они, а так — участники общего съезда любителей природы, и «пикников и песнопений», на ней...

— Убийство Дезидерия?! — изумлялся Корсо. — Что они несут?! Кто эти люди? Друиды и Дезидерий... хм... несколько необычно. Он конечно же еретик и мерзавец, но друиды... Какого солнечного затмения там происходило?!

Из помещения подвалов Храмины Великого инквизитора вызвал гонец: прибыли представители Гарданы, вместе с первым министром северного королевства Поллионом и наследником Бореллом, и они готовятся штурмовать своей дружиной воинственных северян в кольчугах до самых пят, поместье наследника Амвросия...

Ошалевший от такой неожиданной новости, Корсо выбежал на солнечный свет и бросился к башне у ворот.

Поднявшись на неё, он увидел множество одетых в полные доспехи гарданцев и Поллиона с Бореллом, во главе отряда северян.

— Что вам угодно? — нейтрально и несколько наигранно, поинтересовался Великий инквизитор.

— Что угодно?! — взревел, словно дикий зверь, Борелл. — Твои псы чернозадые — убивают моих телохранителей и секретарей Поллиона, и ты смеешь говорить что нам угодно?! Да разнести по камню, весь этот домик моего брата, помешанного на кострах и повесить тебя, скотина инквизиторская, на твоих же собственных кишках!!!

В последующие полчаса непрекращающихся споров и криков, выяснилось следующее: Поллион и Борелл отправили в город, «по делам» — группу верных им людей, в числе которых были и бывшие императорские гвардейцы, что были переняты Бореллом для своей собственной стражи у покойного ныне деда.

Данная группа гарданцев собралась у помещений при императорском дворце и никого не трогая — просто ожидала когда их впустят внутрь.

Внезапно появились обезумевшие инквизиторы и приданные им рыцари и сержанты, и начали атаковать мирно ожидающих получения разрешения на вход в императорский дворец, людей.

Тем пришлось защищаться... Множество из сторонников Гарданы погибло, ещё несколько десятков — сейчас подвергаются незаконным чудовищным пыткам в застенках штабов инквизиции столицы.

Борелл и Поллион требуют имперского суда и лютой кары над всеми совершившими подобное предательское злодеяние.

— Что они там делали, в таких количествах?! — изумлялся Амвросий стоя рядом с Великим инквизитором и слушая вопли младшего брата, с требованием выйти и провести «поединок принцев». — Делегация к министру? — но более сотни... Что за блажь!

— Нет, мой добрый господин... — отвечал ему Великий инквизитор Корсо, что начал понемногу понимать произошедшие недавно события. — Их люди, у нас в подвале на

первичном допросе, постоянно орали на дыбе что «не пришли убивать Дезидерия» и яды и ножи при них — случайность! Теперь мы знаем, что среди телохранителей Борелла, убитых в недавней схватке — были бывшие императорские гвардейцы, что наверное и сговаривались со своими бывшими товарищами сослуживцами о пропуске «отряда друидов», на территорию императорского дворца — ближе к телу главного имперского министра: к помещениям его слуг, охраны, кабинетов самого министра. Возможно они хотели отравить пищу, или страницы книг, или оставить в засадах «кинжальщиков», в парках... Не знаю! Но наши болваны агенты, приняв этих людей за новую группу поддержки Дезидерия, вроде новых бойцов минардов — ввели нас в соблазн поспешных действий и мы, на свою и всех нас беду — атаковали отряд, которому должны были бы, если по хорошему, всем содействовать. Проклятый министр — нас стравливает как хочет, сам оставаясь недосыгаем...

Корсо потребовал прямых переговоров с Поллионом и когда того впустили на территорию особняка вице-короля Кельрики, что то зашептал гарданцу на ухо, вызывая недоумение у своих людей переговорами с тем, кого в открытую считали главным друидом империи.

Великий инквизитор объяснил своему коллеге, первому министру Гарданы, что неплохо осведомлён о постоянных сборах друидов в столице и что люди, захваченные при облове инквизиторов — успели ему рассказать о попытке проникнуть на территорию помещений министра Дезидерия.

И Корсо и Поллион решили не предавать делу большой огласки и пока что не действовать друг против друга, противодействуя совместно набравшему невиданную силу «престолодержателю».

Корсо пообещал немедленно отпустить всех задержанных гарданцев и в качестве акта примирения, сообщил Поллиону что Избиратели покинули столицу и ближайшее время никакого Избрания не случится.

Оба министра вице-королевств расстались довольные друг другом и вскоре отряды Гарданы отошли прочь от территории близ Храмины кельриков.

Уже через полчаса, все данные: о бегстве Избирателей, инквизиторской облове и стычках у Храмины — были сообщены Тудджерри, первому министру Уммланда и самому богатому из негоциантов империи, что щедро платил своей агентуре, в том числе и среди людей наследников конкурентов, его кандидата на престол, Лиутпранда и «первый из банкиров» решил действовать немедля: он, в одной карете и без многочисленной свиты, прибыл в императорский дворец и буквально униженно выпросил срочную аудиенцию с недавно вернувшимся главным имперским министром Дезидерием, у секретаря последнего, Рикюльфа — за весьма дорогой перстень с огромным рубином, преподнесённый в дар доверенному чиновнику «престолодержателя».

Сам Тудджерри, ещё когда мчался во дворец на столь внезапную срочную встречу с министром — быстро понял что единения наследников и в дальнейшем не предвидится, и после провала его «штурмовиков» и убийц друидов Гарданы — просто решил немного подстраховаться на будущее.

При свидании — Тудджерри искренне попросил прощения у министра за «недоразумение», когда некоторые из его людей участвовали во вчерашнем «подлейшем штурме» — и пообещал наказать иных виновных, если таковые найдутся.

После чего Тудджерри попросил министра забыть инцидент как нелепую неприятную

случайность и всячески рассчитывать на его содействие во всех делах.

Умилившись, несколько наигранно, Дезидерий — заключил банкира в свои объятия и пообещал что всё забыто и потом, как бы ненароком, добавил: «В связи с положением в империи... Мятежи Амазонии и Урдии, ересь в Ромлее... Так вот: Избиратели покинули столицу и объявили что станут выбирать нового императора, лишь после успеха ближайшего похода и подавления всех бунтов, дабы не увеличивать количество разорительных войн в державе! Надеюсь на ваше активное содействие, в моём ближайшем выступлении на мятежников: чем быстрее я смогу их успокоить-тем скорее пройдёт Избрание. Надеюсь на вашу искреннюю помощь!»

Уммландец низко поклонился, осыпая про себя министра всеми известными ему страшными проклятиями и вскоре отбыл на срочную встречу со своим господином, Лиутпрандом.

Тем временем в столице всюю распространялись самые невероятные слухи и случайно встретившиеся на улице друзья Жак и Атаульф, решили перекинуться парой фраз:

— Всё! Инквизиция взялась за друидов и уже бьёт их как на войнах у кельриков: отряд на отряд! — сообщал Атаульф другу.

— Слышал! Говорят что друиды собрали сотни три отравителей и «кинжальщиков» и решили поджидать наследников у дворца их деда, что бы разом напасть! — но наша святая инквизиция сумела их раскрыть и перебить!

— Точно! Теперь жди новых облав от «чёрных»!

— Друиды свои обряды уже в открытую проводят...

— Ужас! Что то началось совершенно непотребное: бои на улицах, обряды друидов, облавы инквизиции, насилия слуг наследников над горожанами... Может начались дни, из летописи предсказаний «Предзнаменований пятен на Всемогущем Светиле»?

— А что это такое?! — в ужасе спросил у друга Жак-простак.

— Какнибудь потом скажу... — нехотя отозвался Атаульф и помахав рукой со связкой бумаг, убежал прочь, по своим делам.

Во дворце, вернувшийся от встречи в «Гнезде» и отъезда Избирателей, министр Дезидерий — раздумывал о всех последних событиях: Уммланд набирает наёмников и пытался быстрым штурмом его уничтожить силой, пока стража императорской гвардии мялась и не знала что предпринять: охранять министра или помочь нападавшим...

Спасли Дезидерия лишь храбрость минардов и случай. Агенты министра говорят что кельрики активно готовят фанатиков с кинжалами, из числа инквизиторов и жрецов, у которых от пыток на допросах помутился рассудок. Гардана уже сегодня отправила «отряд друидов» к императорскому дворцу, для чего то... Точнее: для отравления или засады во дворце, причём сразу в нескольких местах и видимо старались лишь ради самого Дезидерия.

Становилось страшно. Несмотря на минардов, оставались десятки брешей через которые на территорию императорского дворца могли проникнуть убийцы и всё же «достать», главного имперского министра.

— Итак... Гвардия, императорская стража — скорее всего мне не охрана, а соответственно, стоит увеличить число своих минардов раза в три, на случай совместных действий жрецов «кинжальщиков» от инквизиции и отравителей друидов... С Уммландом как сладим: Тудджерри вряд ли повторит столь неудачно завершившуюся, свою прошлую, атаку наёмниками. Итак: втрое увеличиваем число минардов, из опытных бойцов что прибыли для похода на мятежников. Следует создать свою собственную полноценную

гвардию, не хуже императорской, а людей — весь поход вербовать для вступления в мою личную армию, что уравнивает силы провинциальных корошков и мои, а уж тогда, при возвращении из похода со славой и полноценной личной армией — они вынуждены будут смириться с моим бессрочным правлением, на посту главного имперского министра! В походе, получая добычу — помногу раздавать рыцарям и ветеранам, показывая свою щедрость и намекая что и жалование, у меня на службе, тоже будет отличное! Это даст новых тысяч десять, кроме тех что уже участвуют в походе, из числа друзей и родственников нынешних бойцов.

Пока Дезидерий отправлял своих секретарей для вербовки новых людей в минарды и подготовки арсеналов и казарм для них, первый министр Уммланда Тудджерри разговаривал со своим господином, Лиутпрандом.

Тудджерри предлагал: «Сейчас паника в свитах всех наследников, от столь явной удачливости министра и после нынешнего абсурда схватки инквизиторов и друидов, прямо у дворца вашего великого деда — не думаю что объединение наследников пока что возможно...»

— Что же предпринять?! — кричал, обыкновенно спокойный, Лиутпранд. — Проклятый министр Дезидерий уходит в поход — главой! Причём как похода, так и похоже самой империи... Это невысказано! Вы, мой дорогой Тудджерри, сообщили что Избиратели покинули столицу и ждут подавления мятежей, что случится... когда-нибудь! Это просто какой то тупик!

— Хм... Ситуация сложная, но всё же есть план.

— Говорите!

— Всячески ускорить отбытие министра из столицы и сразу вслед этому — захватить дворец вашего великого предка, с помощью очередных переговоров с императорской гвардейской стражей.

— И зачем он нам?

— Там могут быть документы компрометирующие министра и остальных наследников, всё ещё ваших конкурентов...

— А минарды?

— Большая часть отбудет в поход с Дезидерием и во дворце они будут в меньшинстве. Столичная Толпа не станет защищать коробку здания, без присутствия своего «Защитника» в городе и максимум что сделают — плюнут в нашу сторону. Пока — утрёмся, после вашего избрания императором — казним.

— Неплохо...

— Самого министра Дезидерия следует убить прямо в походе: залп отряда конных арбалетчиков, прискакавших ночью словно из ниоткуда, удачливый стрелок из лесной чащи... Что угодно! Можно подвести телегу, с пороховыми бочками, прямо к палатке с министром и сказав минардам что это его «личный винный погреб с проверенными виночерпием бочками»- рвануть! Тогда погибнет много его людей, включая секретарей, агентов и телохранителей минардов, а в панике — поход может и вовсе вернуться в столицу... Где вы и именно вы — сумеете, возможно самым первым из всех наследников, его перевозглавить: тем более на законных основаниях.

— Тудджерри, вы не зря первейший из всех негоциантов нашей огромной империи!

— Благодарю вас, мой господин!

## Глава восьмая: «Продолжение предыдущих недель...»

В честь будущего похода на мятежные королевства Урдию, Амазонию и Ромлею — главный имперский министр Дезидерий решил устроить большую «Примирительную охоту»: на которой он мог ещё раз обсудить, с остающимися в столице империи наследниками императора, все последние случившиеся в империи события и убедить их в спокойствии и бездействии — «просто немного подождать», пока он не решит дела в мятежных королевствах и не вернётся к ним в столицу для полноценного устройства Избрания нового правителя державы.

Особо надежды на то что удастся полюбовно договориться у министра не было, но Дезидерий верил, что следовало хоть немного расшатать единение внуков покойного императора вокруг ненависти к его персоне — и они уже вскоре сцепятся друг с другом, прежде чем начнут далее интриговать, в столице империи, против него.

За последнее время главный имперский министр прилично усилился, получив отряды личных телохранителей из ветеранов и назначив самого себя — бессрочным главным имперским министром.

Однако именно эти «усиления» сразу же привели его к череде крупнейших конфликтов с наследниками покойного монарха: неудачной попытки штурма наёмниками уммландцами дворца императора или странного сбора друидов, и нападение на них «инквизиторской облавы», Великого инквизитора Корсо.

Следовало, как можно быстрее, перестать быть причиной единения всех четверых наследников в ненависти к нему, «престолодержателю» — и по возможности вновь перевести внимание и активность вице-королей на противостояние друг другу. Гарантировав каждому, столь ими долгожданное: «Уже скоро Избрание, лишь только...»

Ромлеянский вице-король Джанелло, что так бездарно лишился своего королевства — в нынешних условиях был практически безвреден, однако и ставить на него, при возможно состоявшемся Избрании, как на правителя державы — уже не было никакого смысла. Не мог навредить, но и чем помочь — также был не в состоянии.

Кельрик Амвросий оставался грозной силой: благодаря Великому инквизитору трибунала империи в его свите и приличной армии фанатичных рыцарей и ветеранов, закалённых, в почти непрекращающихся войнах и стычках с луннопоклонниками и прочими еретиками, что вела Кельрика уже добрые двадцать лет, на крайнем Юге империи.

Гарданец Борелл идеально подходил на роль «послушного дурака и пьяницы императора», но Дезидерий не смог пока придумать как быстро и незаметно избавиться от его первого министра, Поллиона, а без ликвидации данного скрытого друида — не имело никакого смысла возводить самого Борелла на престол: Поллион контролировал всех и всё при дворе гарданского принца и без его устранения, тратить силы на продвижение на трон Борелла, не стоило и пытаться делать.

Самым опасным, из всей четвёрки наследников, казался министру Дезидерию уммландский вице король Лиутпранд: сам себе на уме, имеет отличную вышколенную профессиональную свиту, во главе которой стоит первый из банкиров империи — Тудджерри.

Королевство его плотно населено и может выставить во множестве латников, благодаря



собственным шахтам и отличнейшей местной металлургии. Банкир Тудджерри способен как нанимать и переманивать агентов, тысячами, так и покупать оптом большие наёмные отряды а то и армии или проводить раздачи пищи сразу сотням тысяч простецов на площадях...

Из всех наследников, именно представители Кельрики и Уммланда более всего беспокоили Дезидерия: на явный конфликт с ними он пока не решался и предпочёл «не заметить» атаки проведённой наёмниками Тудджерри на императорский дворец, сразу после объявленного в столице указа Дезидерия, о собственном бессрочном назначении главным имперским министром.

Отъезд Избирателей из столицы совершенно успокоил Дезидерия и убедил что скорого Избрания императора, даже если наследники начнут охоту за выборщиками — никак не случится, а соответственно он, министр Дезидерий, может спокойно заниматься подавлением мятежей в провинциях и назначением своих людей на высокие должности, в захваченных во время похода, королевствах: заодно раздавая земли и замки в тех усмирённых землях — преданным лично ему рыцарям и баронам, и выдавая обильные денежные премии сержантам и прочим воинам простолюдинам в ему подчинённой армии, что сейчас располагалась лагерем у стен столицы империи.

Устраиваемая «Примирительная охота» — должна была продемонстрировать спокойствие и уверенность в своих силах отъезжающего в поход министра и позволяла вновь собрать всех наследников для совета с ним, чего они всячески, последние три дня после бегства Избирателей, избегали.

Были выбраны хорошо охраняемые лесные уголья, как можно ближе к столице. Устроены шатры, для всех пятерых из лидеров групп: четырёх наследников и министра — ныне как равного им. Заранее выставлена имперская гвардейская стража и частично минарды, для предупреждения возможных покушений от друидов, которых в лесах, на охоте, особенно опасался главный имперский министр.

Было решено, что после шестичасовой охоты — следовало встретиться всем вместе в шатре самого министра Дезидерия и на им же возглавляемом, выездном, «Малом имперском совете» — прояснить некоторые спорные моменты: что бы Избирателей наследники сами не разыскивали и не запугивали, не вели свои провинциальные армии под стены столицы, не пытались узурпировать власть и тому подобные мелочи, которые, несмотря на кажущуюся лёгкость нарушения данных по ним обещаний, могут серьёзно осложнить жизнь тому кто бы это сделал первым.

Сперва все наследники, вежливо но твёрдо, отказались: прямо говоря что опасаются покидать свои особняки и после всех случившихся недавних событий, со штурмами их собственных и дедовского дворцов — совершенно не понимают кто и как отвечает за безопасность в столице империи.

После суточного обмена доверенными людьми и всё новых компромиссных вариантов, наследники всё же согласились прибыть, но наотрез отказались охотиться. Даже гарданец Борелл, обожающий облавы на зверей, заявил что не будет скакать по лесу с оружием — что бы «случайно», прямо перед Избранием, не напороться на сук копытом лошади и не свернуть себе шею, прямо перед таким важным для него днём...

Весёлой охоты и плавной светской беседы высокой знати, после неё — не получалось. И Дезидерий просто предложил встретиться вне стен столицы и обсудить его скорый поход на мятежные королевства и Избрание императора.

Немного нервничающие наследники прибыли на указанное им провожатыми министра место — почти со всеми своими охранниками и слугами, и с такой осторожностью сходили со своих коней — словно опасались что их начнут наступать арбалетные болты невидимых убийц, немедля как только они слезут с лошадей и ступят на землю.

По просьбам провинциальных первых министров, повторялась ситуация как на самом первом совместном ужине, по приезде наследников в столицу: каждый из вице-королей привёз свои напитки и продукты вместе с предметами для стола и самими столами, и попросил убрать выставленные людьми министра Дезидерия шатры, что бы его личные проверенные слуги установили новые — ими привезённые в огромных длинных повозках.

Приглашённые Дезидерием на охоту столичные аристократы, которые должны были показать уважение со стороны имперской знати к главному имперскому министру и быть свидетелями его искренней заботы и благожелательности в отношении наследников — теперь с изумлением видели что вместо лихой скачки за кабанами и метанием в них дротиков прямо на скаку, с коней, вместо всего этого лихого и безудержного веселья знати, наследники и их люди долго возятся и устало пыхтят, сваливая уже ранее установленные богатые шатры и убирая все вещи из них, а потом, не менее долго и занудно — ставят свои собственные и расставляют по новой столы, еду и питьё на них, боясь откусать хоть кусочек с чужого стола и явно не собираясь принимать участия в общем, с остальными находившимися здесь же аристократами, послеохотничьем застолье.

Никто, из стоявших невдалеке плотной группой рыцарей, баронов, графов и маркграфов, герцогов и князей — и не думал славить громкими криками наследников империи.

Все недоумённо таращились на них и пытались понять что происходит, а пара князей из грандов даже поспорила о том, что возможно сегодня, к ночи, одного из пятерых главных переговорщиков на данной охоте — уже не будет среди живых.

Во время утомительного и нуднейшего времени установки новых, привезённых наследниками с собой в повозках, шатров — и произошли главные события данной странной охоты: из толпы, прежде мирно стоявших и разговаривающих степенно аристократов — выскочили две группы, по семь человек каждая и с криками: «Смерть еретику» и «Друидов на костёр» — ринулись в сторону стоявших полукругом гарданцев и ромлеян, чьи лидеры, внуки императора Борелл и Джанелло, вышли ранее из окружения собственной охраны, когда им надоело смотреть на однотипные вбивания клиньев для упора шатров и теперь просто гуляли, относительно близко к остальным приглашённым на мероприятие, знатным людям империи.

Оба эти вице-короля были уже прилично навеселе и громко хохотали или попеременно размахивали руками указывая на что либо.

Им обоим видимо до дневного затмения надоела такая странная «переговорная охота» и скучающая пара наследников собиралась, судя по их крикам, поскорее «поболтать с министром и отправиться обратно в свой замок, что бы не околеть со скуки...»

Сперва, на быстро бегущих к Бореллу и Джанелло рыцарей из группы знати — все уставились в недоумении. Но когда они обнажили свои мечи и набросились на венценосных жертв — охрана последних успела схватить застывших, словно столбы, вице-королей за широкие богато украшенные пояса и закинуть рывками их себе за спины, после чего началась короткая жестокая рубка.

Рыцари что напали были храбрецами, но и телохранители наследников оказались

опытными ветеранами и несмотря на неожиданность атаки — не позволяли прорваться атакующим к охраняемым ими принципам.

Через минуту подскочили императорские гвардейцы и алебардами и двуручными мечами — прикончили оба атакующих рыцарских отряда заговорщиков.

О продолжении охоты не было уже и речи, и министр немедленно созвал наследников в свой шатёр для срочных переговоров.

Странное нападение играло явно против Дезидерия, так как могло указывать что это он приготовил заранее засаду для четверых кандидатов в императоры и лишь случайность помешала ему удачно завершить её массовой бойней наследников.

Сами Наследники согласились зайти в палатку «престолодержателя» лишь в присутствии своих первых министров и командиров личной стражи. К тому же каждый из них выставил поблизости свой отряд охраны и все они потребовали что бы было минимум четыре выхода, через которые они, каждый со своей стороны войдут и в случае чего — быстро покинут шатёр Дезидерия.

Пришлось резать дорогую расписную золотом ткань и создавать новые «входы и выходы» в министерском шатре, для испуганных нападением знатцев вице-королей.

Первым делом, когда наконец все нужные люди оказались внутри просторного шатра с дорогой обстановкой, наследники из Ромлеи и Гарданы, которых недавно чуть не зарезали при непонятном нападении приглашённые министром рыцари из дворянского имперского окружения — стали орать что Дезидерий всё это специально устроил и это типичная засада!

Потом они потребовали у него объяснений: почему их старших братьев никто не пытался убить и даже пальцем не тронули, и уже через минуту вопили, особенно отличился буквально истерящий, в припадке, ромлеянин Джанелло: «Это всё проделки Инквизитора, его это дела! «Чёрные мясники» любят такое кричать в нашу сторону: друиды, еретики! Это всё Корсо и его люди!!!»

Великий инквизитор, первоначально спокойно воспринимавший обвинения в свой адрес, всё же через пять минут воплей и визгов Джанелло и Борелла вспылал, и стал отвечать им гневным многословным криком. Вмешались Алавия и Поллион. В суматохе и перебранке, когда охрана наследников стояла у шатра с руками на оружии и готовая немедля броситься на кого им укажут хозяева, Дезидерию показалось что он нашёл удачный способ как успокоить наследников, так и усилить немного свою власть.

И министр, примирительным голосом, стал вещать:

— Дражайшие наши наследники, прошу минуты внимания! Да, спасибо... Все ваши нынешние неприятности от того, что вы слишком привыкли опасаться всего у себя в королевствах и не доверяете императорской гвардии! Ваши люди из свит постоянно конфликтуют друг с другом и это приводит к поединкам и попыткам нападения на вас, от всяких негодных фанатиков и сумасшедших... Предлагаю вам перейти полностью под охрану императорской гвардейской стражи Магинария Имерия, которая охраняла вашего славнейшего деда правителя, что приведёт к вашей полнейшей безопасности и исчезнут поводы для конфликтов: между всеми людьми из свит наследников и вашими отрядами телохранителей...

Вопль негодования, крики ярости, угрозы — вот что сразу же услышал главный имперский министр в свой адрес и почти тут же, не сговариваясь, четвёрка наследников в страхе бросилась прочь из шатра Дезидерия и скрылась за спинами своих телохранителей, под открытым небом вне пологов шатра, что плотным кольцом их теперь обступили, готовые

принять схватку с кем бы то ни было.

— Да они специально это устроили! — надрывался в крике, первый министр Ромлеи, Алавия. — Что бы убрать наших верных слуг и приставить к нам надсмотрщиков, как в тюрьмах, из императорской гвардии! Нельзя такое допустить!

— Надо прорываться в свои земли! — орал дурным голосом медведеподобный толстяк Борелл. — На худой случай — обратно в столицу, в Берлогу!

Люди из свит наследников также повсеместно негодовали и угрожали оружием, что все они уже давно достали из ножен.

Знать вокруг, которая не понимала причин нового конфликта, а посему поспешила потихоньку начать расходиться — боясь быть задетой в крупном сражении между наследниками и императорской гвардией и главным министром.

Командир императорской гвардейской стражи, Магинарий Имерий и его подопечные — не знали что им предпринять и просто держали периметр, особо никого конкретно не охраняя.

Минарды министра Дезидерия тут же начали задирать охрану наследников и пока сам Дезидерий обращался к вице-королям и их министрам, предлагая вернуться в шатёр для переговоров, всё чаще слышал он со всех сторон крики, что это специально им задуманная уловка: что бы убрать верных стражников наследников прочь и поставить своих палачей минардов и гвардейцев, что могут без раздумий передуть, по его, негодного министра, приказу — всех внуков наследников покойного императора.

Крик, вопли негодования, ругань — сыпались со всех сторон. Наследники и их люди обвиняли министра Дезидерия и начстражи гвардии императора Магинария Имерия в подлости и предательстве, и напоминали им о клятвах верности их императорскому дому и тому, что бывает с клятвопреступниками. Обстановка только накалялась с каждой минутой.

Дезидерий даже немного испугался, так как ситуация явно вышла из под его контроля и вместо благодушного «примирительного» ужина с беседой на природе, во время которого он бы мог объяснить своё нынешнее положение и предложить наследникам некий устраивающий всех компромисс: его оставляют пожизненным главным имперским министром, а выбранный ими, по общему согласию четвёрки, внук покойного монарха — получает гарантированно корону императора, с помощью Дезидерия и без скандала, а остальные вице короли увеличение своих земель и доходов, за счёт имперских фондов.

Такой план позволял Дезидерию ослабить будущего императора и усилить его «провинциальных» братьев, как противовес имперскому престолу — давая больше шансов удержаться у власти самому министру.

Так вот, вместо этого задуманного и вполне реального к исполнению плана — теперь похоже было что новая схватка готова была разгореться между паникующими от страха наследниками, что боялись что их вот вот проткнут нанятые Дезидерием убийцы и минардами самого министра, постоянно провоцирующими, так ненавистных им телохранителей «провинциальных корольков», как привыкли минарды прозывать на улицах столицы внуков покойного императора.

Всюду слышались явные угрозы и становилось ясно что до приведения их в действие — оставались считанные минуты: охрана вице королей и минарды уже давно вытащили свои клинки из ножен и периодически, на поляне перед шатрами, раздавался звон, когда кто то из самых отчаянных забияк рвался к группе противника и старался уколоть кого из особо ненавистных бойцов вражеской стороны.

Схватка ещё не началась, но казалась уже неизбежной. «Престолодержатель» молил и заклинал святое Светило не допустить кровопролития, ибо в подобной потасовке любого из наследников в суматохе боя могли запросто зарезать и его кровь пала бы именно на Дезидерия, как на организаторе данной охоты, и тогда прощай все предыдущие успешные осуществлённые планы и недавние победы — убийце наследника и кандидата на престол никто не простит данного двойного предательства: как своим господам, так и приглашённым гостям.

Магинарий Имерий стоял возле своих бойцов из императорской гвардейской стражи и никуда не вмешивался. Он казался разозлённым и немного растерянным: наследники уже многократно за последнее время обвиняли его в прямом сговоре с главным имперским министром и попытках их убить. Для первого охранника их деда — это было самым горьким, из всех возможных оскорблений.

Вначале Дезидерий было хотел встать между отрядами своих минардов и телохранителей наследников и требовать прекращения конфликта. Однако вскоре ему показалось что шанс быть наколотым на клинок одного из ромлеян, кельриков, гарданцев или уммландцев — был слишком велик в данной ситуации и рисковать подобным образом совершенно не стоило.

Тогда министр попросил своих стражей принести стол из своего шатра и взгромоздившись на него с немалым трудом и активной помощью минардов, Дезидерий проорал, что было сил: «Хватит! Пускай всё остаётся как было! Минарды — отойдите к моему шатру и займите оборону! Никаких действий первыми!!!»

Хотя и нехотя, но люди из охраны главного имперского министра стали отходить и становиться строем возле стоявшего на столе министра и его изрезанного во многих местах шатра.

Данный манёвр успокоил и бойцов наследников, и вскоре из странного четырёхдольного квадрата, в который превратились отряды вице королей готовые к отражению возможной атаки имперских гвардейцев и минардов, вышли Алавия с Поллионом и Тудджерри с Корсо.

Вся четвёрка направилась к столу, с возвышающимся на нём в нелепой позе министром Дезидерием и предложила прекратить устраивать тут представление шутов, тем более что присутствующая на охоте знать хоть и расходилась, но довольно медленно и многие из них наблюдали столь странные отношения между первыми сановниками империи и прибывшими на Избрание наследниками императора.

— Господин министр! — строго спросил Тудджерри, которого видимо выбрали как переговорщика с «престолодержателем». — Что за странные вещи у вас происходят?! Охота, на которую вы нас чуть не умоляли прибыть и которая завершилась двойным покушением на принцев, потом идиотское предложение отказаться от наших, давно преданных вице-королям, людей в охране и заменить их вашими гвардейцами... Преданными, видимо, лишь вам — вместе с командиром их, Магинарием Имерием. Непонятное противостояние сейчас и провоцирование вашими минардами кровавой сечи, между нашими отрядами... В чём смысл всего этого балаганного действия — что вы задумали?!

— Клянусь! — запротестовал неуверенным голосом, несколько выбитый из привычной колеи, Дезидерий. — Лишь от лучших чувств и старания обезопасить наследников!

— Охрану лучше надо было выставлять и думать кого приглашать из аристократов, на подобные охоты! — огрызнулся вмешавшийся в разговор Поллион.

— Клянусь священным сиянием Солнца! — вновь запротестовал Дезидерий. — И в мыслях не было учинять какие подлости и уж тем более то, в чём вы меня все обвиняете...

— Вы нас выпустите или нам придётся с боем пробивать себе путь обратно в столицу, сквозь строй ваших минардов и императорской гвардии? — не без сарказма поинтересовался Тудджерри. — Довольно странная охота. Не понимаю: для чего её устраивали и на кого собирались охотиться? Если ради прощания с нами и вашего скорого отъезда в поход, то вы правы — мы ему очень рады! — уж больно вы резки и поспешны в действиях, господин главный имперский министр... Если ради какой гнусности, кем из вас двоих задуманной — то...

— Да нет же, клянусь! — вновь запричитал, как школяр, «престолодержатель», понимая что сейчас именно богатейший банкир империи ведёт нить разговора и министру никак не удавалось это изменить.

— Тогда предлагаю как можно скорее распрощаться и позволить нашим отрядам, без сопровождения имперцами или вашими минардами — самим добраться до столицы. Надеюсь нас там не ждут сюрпризы, в виде залпов арбалетчиков из крепостных башен на стенах?

В этот момент подошёл Магинарий Имерий. Один, без офицеров или охраны, и буднично сообщил, говоря свой текст в лицо министру Дезидерию, всё ещё стоящему на столе и словно не замечая остальных присутствующих: «Опознали часть людей, из атакующих принцев, рыцарей — трое ранее были офицерами в ордене «Чёрного единорога», но уже более шести лет, а может и ещё далее — вне его подразделений. В отставке и жили вблизи столицы. Ещё пара... хм... Прибывшие провинциалы из Кельрики, совсем недавно, скорее всего для празднования в честь нового императора. Они занимали ранее у нас почётные места, на турнирах в столице и их быстро узнали прочие участники тех событий. Далее будем выяснять что и как, может доберёмся до организации какой или на того кто всё это задумал. У меня пока всё.»

Банкир Тудджерри и Великий инквизитор Корсо тут же оценили услышанную ими информацию и Корсо немедленно заявил что ему пора прощаться и уезжать, вместе с гоподином его, Амвросием.

Под ненавидящими взглядами гарданца Поллиона и ромлеянина Алавии, Тудджерри и Корсо быстро ушли к своим людям и вскоре принцы Кельрики и Уммланда и их свиты, направились единым поездом по дороге в сторону столицы.

Поллион и Алавия всё ещё молча стояли у стола с министром Дезидерием на столешнице, потом Алавия тихо сказал, обращаясь именно к Дезидерию: «Вообще то мы бы не отказались от подкрепления императорской стражей, даже у нас во дворце... Уж больно часто на господина моего, Джанелло — стали нападать: то фанатик жрец на улице, то странная толпа идёт на штурм поместья, теперь вот рыцари... Из проклятых земель инквизиторской Кельрики! Если вы, господин Дезидерий, не против — мы бы приняли с полсотни новых стражей у себя...»

— Конечно, конечно... — суетливо проговорил министр, неуклюже сходя со стола, где всё ещё находился. — Я сообщу господину Магинарию Имерию и сегодня же ночью ваши посты будут усилены императорской гвардией! А вам господин Поллион, не стоит добавит наших дворцовых стражей, в «Берлогу»?

Поллион усмехнулся и покачал головой. Потом тихо произнёс: «А ловко вы нас так поддели... Нет, господин непотопляемый министр — мы уж какнибудь сами!»

Ещё через пару минут ушли в сторону города, по отдельности, и отряды гарданцев и ромлеян. Дезидерий задумался: он не смог провести примирительной беседы с наследниками перед своим отъездом в поход и следовало что то срочно делать с четвёркой внуков покойного императора, которые теперь, возможно даже сильнее чем ранее, именно его подозревают в интригах и заговорах против них.

Охота оказалась полным провалом, даже хуже — не столько провалом, сколько откровенным явным поражением, после которого следовало немедленно отыграться, пока не поздно.

— Ладно... — мрачно улыбнулся министр. — Примирительная охота провалилась, значит будет «Турнир на крови», раз нет иного выхода...

Когда Дезидерий проходил мимо смурного начстражи имперской гвардии, то остановившись у того, тихо обратился к Магинарию Имерию: «Если меня свалят — тебе сегодняшней охоты не простят, ты это понимаешь?»

— Угу... — спокойно кивнул головой старый рубака и улыбнулся министру. — Ты явно перестарался с очередной интригой...

— Да клянусь же... — вскипел «престолодержатель».

— Ладно, ладно! — тогда тебе не повезло и кто то тебя красиво сделал негодяем в глазах вице королей... Причём во мнении — абсолютно всех кандидатов в императоры! Я тебе искренне сочувствую...

— Давай вечером в императорском дворце проведём беседу с твоими людьми. Хочу с ними обсудить нынешнюю охоту и то... то что нам теперь вместе делать. Думаю императорская гвардия не из дураков состоит и опасность, после истерики от покушений на вице королей, висит как над моими минардами — так и твоими гвардейцами.

— Идёт. Надо решать вопрос и немедленно! — согласился Магинарий Имерий.

Ближе к вечеру, с так неудачно проведённой примирительной охоты вернулись и министр с императорским начстражи гвардии.

На этот раз гвардейцы и минарды не конфликтовали, возвращаясь в единое, для обоих отрядов, жилище — императорский дворец.

Видимо понимая что теперь охрана наследников именно их считает своими главными врагами, пожалуй кроме ромлеянского принца и его свиты, а враг твоего врага если и не друг тебе — то хотя бы временный союзник.

В императорском дворце состоялся ещё один разговор между министром и Магинарием Имерием, и последний согласился через час отдельно собрать три разные группы гвардии, в разных помещениях дворца и дать министру возможность перед ними выступить.

Обещать он ничего не обещал, так как гвардия свято чтит императора, которого обязана была защищать ценой своей жизни, но в отсутствии оного и довольно неприязненного поведения со стороны наследников — пообщаться с гвардейцами был смысл.

В указанное время Дезидерий и два десятка его минардов спустились на первый этаж и вошли в залу где уже сидели участвовавшие в сегодняшнем сопровождении, на охоте, бойцы из «Железнобоких» — кавалерийском отряде сопровождения императора при выездах, состоящем из имперских рыцарей или давших присягу лично императору, орденских знатных братьев.

— В общем так... — зашептал Магинарий Имерий прибывшему главному имперскому министру. — Железнобокие не против тебя поддержать, ибо все последние события в

столице их самих напугали и они опасаются массовых отставок и того, что новые правители откажутся признать их выслугу лет и не выдадут по ней замки и земли, при отставке после службы. Думай что можешь предложить моим людям...

Дезидерий спокойно кивнул, так как его доверенные секретари примерно о том же ему ранее уже говорили и начал: «Господа гвардейцы! Ваш отряд, Железнобокие — сопровождал нашего славного императора, что к сожалению уже вознёсся к Светилу, с самого своего создания: во всех походах именно вы были несокрушимой вокруг правителя, во время осад охраняли императора и его шатры, в крупных сражениях выстраивались клином и сражались вместе с основателем нашей великой державы, плечом к плечу... Однако же, у меня есть вполне проверенная информация, что нынешние наследники умершего нашего достойного правителя — совершенно не готовы доверять вам свою жизнь, особенно после нынешней вечерней стычки на охоте и собираются вызвать рыцарей из своих королевств, и именно из них собирать новый отряд Железнобоких, под себя...»

Рыцари, до этого мрачно разглядывающие стоявшего перед ними оратора сидя в своих креслах, внезапно оживились и начали что то все вместе разом говорить. Лишь вмешательство начстражи гвардии, их главного командира, заставило их вновь умолкнуть.

— Да... — продолжал Дезидерий, — все вы будете заменены на провинциалов, из земель наследников и соответственно имперская казна никогда не выделит вам земли и замки, фонды по отпращиванию в отставку. Ничего! Нет ли желания прекратить воевать со мной и моими минардами, что как и вы, лишь о единении империи думают и протянуть руку взаимовыгодной помощи, с целью недопущения, несколько чрезмерно ретивыми и суетливыми внуками нашего славного правителя — бардака и анархии в державе?

После странного для рыцаей шушукания и криков «Да!!!», вышел вперёд один из офицеров и после представления его Магинарием Имерием главному имперскому министру, стал говорить: «Господин министр. Мы никогда бы не нарушили присягу! Однако нашего правителя и господина, императора, сейчас нет, а пустить в подлунную клоаку все годы службы в гвардии и выслугу — обидно до слёз каждому из нас! Мы служили верой и правдой: теряя товарищей и получая увечья, и не заслужили тех слов, что наговорили нам сегодня, на охоте, наследники и их люди... Если вы нам пообещаете сохранить наши прежние привилегии и выплаты по отставке, что бы приехавшие провинциальные рыцари не сменили нас на данной имперской службе, мы готовы, подчиняясь приказам нашего командира Магинария Имерия, служить и вам, не нарушая при этом клятв верности сюзерену и державе!»

— Обещаю! — клятвенно произнёс Дезидерий. — Что вы все получите гарантированные вам государством земли и замки, и денежные выплаты, согласно всем учтённым прежним вашим заслугам!

Потом минут десять рыцари и министр обещали и клялись друг другу, скорее по привычке прежних торжественных собраний, что ранее часто происходили в данном зале, чем необходимости: гвардия примирилась с минардами и клялась, пока не получит нового законного императора — подчиняться лишь «престолодержателю», а сам министр обещал оставить прежнии традиции первого императора основателя неизменными и не дать Железнобоких в обиду наследникам, если те что задумают.

Далее однако переговоры стали подвигаться значительно хуже: на следующей встрече, в помещениях казарм гвардии, где находились пешие алебардчики и меченосцы набираемые из выслужившихся в боях ветеранов и сержантов простолюдинов, и составляющие



большинство пеших патрулей или постов дворцовой стражи императорского дворца — все они потребовали от министра не тянуть с выборами императора и скорее их провести, а когда он заикнулся о трудностях — начали его обзывать и угрожать, так что минардам пришлось взять охраняемого ими нанимателя в плотное в кольцо.

Дезидерий попросил Магинария Имерия объяснить в чём дело и причину столь яростных требований простецов, в гвардии империи, к скорейшему Избранию императора, и тот тихим голосом пояснил: «У них, в отличие от знати — выплаты деньгами, а не землёй или бастидами — и зависят от всяких праздников, а не столько от выслуженных в отрядах лет. Они искренне радовались смерти императора, в честь внеочередных выплат по его кончине, равной месячному их жалованию и надеялись уже вскоре получить такие же суммы, в связи с новым Избранием очередного правителя... Теперь страдают и маятся. Им всё равно кто будет править: главное скорее новые премии получить! А там, пускай хоть каждый день правитель мрёт — лишь бы выплаты вовремя им назначали и жалование выдавалось за патрулирование дворца...»

— Вот оно что... — проговорил задумчиво министр. — Ушлые ребята, но сразу видно что простецы... Ладно. Пока их не станем трогать, таких «выкупить» успеть можно и попозже.

Третьим отрядом были «вороны», конные арбалетчики, что совершали разведку перед выездами группы Железнобоких и обеспечивали прикрытие, при отступлении императора и его стражи, с поля боя.

Здесь также не удалось договориться: почти все бойцы этого отряда конных стрелков были детьми графов и князей, но незаконными и как все подобные бастарды — они очень уважали традиции, будучи в не их систем произведёнными на свет и хотели что бы чётко и по закону был избран новый император. Любому другому, пускай и временно, служить они отказывались.

Вздыхнув, министр вернулся в свои помещения и сверил итоги сегодняшнего дня: свара с наследниками на охоте, получение отряда Железнобоких в союзники, отказ «Воронов» и простецов из имперских пеших гвардейцев от прямой помощи ему... День явно не задался!

Вызвав к себе в кабинет для совета троицу доверенных секретарей, Дезидерий напомнил им о «турнире» и сказал что провести его следовало как можно скорее, до отъезда в поход.

Спешка была конечно вредна, но невозможность договориться днём на охоте о ненападении, с внуками покойного императора, не оставляла министру иных способов усилить своё влияние — кроме как вариантом на быстрые решительные внезапные и неожиданные противниками, действия.

Анулон, Тарасий и Рикульф пообещали немедленно заняться, каждый своей, частью данного мероприятия и «престолодержатель» забылся в беспокойном сне, где ему привиделись длинейшие ряды стрелков на охоте, огромная река, шатёр и блюдо — на котором смеющимся наследникам подносят его, главного имперского министра Дезидерия, голову.

Проснулся он ранним утром в холодном поту и потребовал к себе немедленно личных секретарей и лекаря Феофилакта. Следовало начинать работу над «турниром».

## Глава девятая: «Турнир на крови»

Утреннее общее заседание у министра Дезидерия, куда были приглашены лишь трое его доверенных секретарей, с частью старых агентов что работали в столице империи и личный лекарь министра, Феофилакт — началось ещё в семь утра, на следующее, после провальной совместной охоты с наследниками, утро.

Министр пил куриный бульон с мелко нарубленной зеленью из вместительной пиалы и слушал предложения, поступающие от его ближайшего окружения.

О «Турнире» говорили и ранее, но лишь как о некоем запасном варианте, если план «Охота» окажется не до конца реализован и не приведёт хотя бы ко временному усмирению наследников и их бурной деятельности, направленной против набравшего всё большую силу, «престолодержателя».

Теперь же, после вчерашнего полного провала на переговорах и ещё большей подозрительности и враждебности со стороны вице-королей к главному имперскому министру, именно запасной вариант «Турнир» и становился основным к выполнению — перед отправлением Дезидерия и группы его слуг прочь из столицы, на подавление мятежных провинциальных королевств Урдии и Амазонии.

Следовало как можно быстрее и надёжнее обезопасить нынешние позиции «бессрочного» министра от нападков со стороны внуков покойного императора и не дать тем объединиться в выступлениях против самого Дезидерия, как их общего врага.

Для этого нужна была большая ссора между четвёркой наследников и по возможности такая, что поставит надолго любое скорое примирение и объединение между братьями — в глухой тупик.

Тогда то, несколько дней назад, Риккульф, один из доверенных секретарей министра и вспомнил о возможном проведении большого рыцарского турнира в столице, где бы участвовали представители и из свит всех прибывших наследников.

— И что? — не понял вначале смысла данной затеи Дезидерий, когда услышал о подобном запасном варианте, на случай краха «примирительной охоты» от своего слуги. — Даже если один из них победит, а обычно более одного победителя бывает лишь на массовых выступлениях — нам то что? Не думаю что бы наследник, чьи люди выиграют, сильно обрадовался, скажи я ему что они это сделали с нашей «помощью»...

— Вы меня не поняли, мой господин. — Мягко поправил Дезидерия Риккульф. — Идея несколько в ином: если мы не сможем договориться на охоте, следует хотя бы рассорить «четвёрку» на то время, пока они без нас останутся все вместе в столице. Для этого и устраиваем весь этот показной балаган с рыцарским турниром и призами, массовками из черни и прочей ерундой.

— Предмет раздора? Огромный или очень ценный приз, обладание которым настолько возвысит победителя, что он посчитает себя чуть ли не уже — даже не знаю кем... Но что это: гарантированное Избрание императором? Мне кажется наследники лишь ради него готовы будут немедля вцепиться в глотки друг другу, всё остальное их пожалуй что мало заинтересует. Деньги? — для их людей это стимул, но вот сами провинциальные корошки не сильно в них нуждаются. Титулы? Перед Избранием императором могущественнейшей державы?! Пока что мне непонятно чем наследников так сильно можно приманить, ради победы в состязании...

— Не совсем это нам необходимо. — вновь вкрадчиво уточнил Риккульф. — Главное, что бы было побольше крови и смертей, а победа — вопрос второстепенный. Нам важно участие рыцарей провинциальных вице-королей, а не победа кого то конкретного. Девиз будущего состязания будет таким: «Главное участие, а не победа...» Гарантированное выступление на турнире будущих жертв условного «Заговора друидов и присоединившегося к ним ересиарха Велизария, из Ромлеи». Примерно так.

— Хм... что? — совершенно изумился Дезидерий, понимая что ничего пока не понимает. Министр даже заподозрил что его доверенный секретарь попросту сошёл с ума.

Риккульф начал терпеливо объяснять своему хозяину смысл всей операции «Турнир»: выбираются рыцари из свит всех провинциальных наследников, по возможности желательно как то поспособствовать, что бы это были близкие к вице-королям люди, что захотели бы поднять престиж своих земель в имперской столице — особенно после недавних беспорядков против приезжих провинциалов и выступления столичных жителей к министру, с просьбой стать их «Защитником».

Во время рыцарских турнирных сшибок, оружие боевое маскируется под турнирное — например с помощью каких накладок из ткани или чего подобного, но с гарантией сильнейшего повреждения при соприкосновении с врагом: можно даже отравить, если это даст какое преимущество.

Выпускающие разрешают начало схватки и тут — бац! — сразу же начинают падать запертво рыцари!

Все бегут к ним в ужасе и гнев, и вскоре, стороны что потеряли своих людей — орут на сторонников представляющих невольных «убийц»! Все в бешенстве и ненавидят друг друга, а министр, гарантировав честное расследование, максимально долго его затягивает — до самого своего возвращения из похода.

— Если кельрики убьют кого из гарданцев или ромлеян, или как ещё — уверен что господа убитых на турнире рыцарей не станут сговариваться, по крайней мере сразу, иначе их не поймут собственные свиты, а правители вынуждены считаться с мнением, особенно массовым, своих приближённых и наследники вынуждены будут ждать пока понемногу успокоятся страсти и гнев от потерь. Что даст время, господину главному имперскому министру, провести удачный поход и вернуться с триумфом — не обращая уже внимания на требование о честном суде. Да и будут ли о нём кто вспоминать, кроме семей погибших, после успешного похода на мятежников и побед в нём?

— Толково... — одобрил министр затею своего секретаря. — Но как объяснить что мы не проверили оружие перед турниром? Опять ведь пойдут разговоры о засаде и специальной подлости устроителей турнира и тогда — всё это насмарку...

— Следует поставить на выдачу оружия и его подавание бойцам, перед схваткой — людей совершенно новых в столице. Потом «посоветовать» им немедля сбежать, как только рыцари начнут падать запертво — сбежать из столцы от наказания плетьюми или даже отсечения головы. При бегстве данных несчастных, ваши минарды заколят указанных им людей и «найдут» при них записки от амазонийских друидов, рыцарей Урдии и самого Солнцеликого: с предложениями устроить данную провокацию и убийства, плюс пяток мешочков с золотом и вензелями наших противников в будущем походе.

— А не слишком откровенно?

— Ничуть! В спешке и суматохе, что начнётся на турнире после первых смертей, особенно когда наши агенты в толпе начнут истошными воплями подстрекать со всех сторон

к нападению свиты провинциальных принцев на всех рядом стоящих: как тех, чей рыцарь будет убит — так и тех, чей убил. Так вот, в спешке и подобной суматохе — данная простейшая уловка как раз и может сработать. Потом, при пристальном расследовании конечно возникнут вопросы, но нам ведь важно наследников посорить здесь и сейчас, не так ли? А уж Потом, после похода — будет потом... На турнире, кроме смертей рыцарей, произойдут новые схватки между их людьми и наверно новые смерти. Примирения быстрого не будет и даст нам безопасное время для похода, а по возвращении из него, мы и найдём виновных... кого-нибудь!

Сейчас, спустя несколько дней после данного разговора, все секретари главного имперского министра, его личный лекарь и пять агентов что организовывали «агентские сети» в столице — сидели возле стола с отпивавшем маленькими глотками в задумчивости бульон министром Дезидерием и ждали его указаний.

Их ещё вчера предупредили о начале проекта «Турнир» и попросили готовиться к данному мероприятию со всем тщанием.

Министр отставил пустую пиалу и поинтересовался у Риккульфа, который был назначен основным разработчиком планов на предстоящую провокацию: «Что нового? Какие будут предложения по рыцарскому турниру и когда его лучше начать проводить?»

— Хм... — протянул вставший секретарь и помедлив самую малость, продолжал. — Мы считаем, что начинать готовить турнир следует уже сейчас, дабы не пришлось откладывать наш поход против мятежников.

— А это реально? — спросил после паузы Дезидерий. — Оповестить участников, договориться с наследниками что бы выставили людей, что после вчерашней охоты может быть вдвойне непросто... Организовать арену для представления, договориться с агентами о незаметной подмене оружия. Да прорва всего, что следует делать! Я то как раз думал на пару недель перенести походное выступление и уже как следует проведя наше мероприятие, отправиться, а?

— Есть трибуны и ткани, что использовались для встречи наследников, когда они въезжали в столицу. — возразил Риккульф. — Соорудить новые арены и трибуны для знати, много времени не займёт — максимум трое суток! Отмена похода заставит людей роптать, да и нам ведь не турнир важен, а результаты отдельных схваток, а соответственно...

— Как заставить наследников выставлять людей на него?

— Проще простого! Наши агенты обрабатывают слуг простолюдинов, из obsługi дворцов наследников, байками о том — что если кто из внуков не выставит людей для турнира, его и его людей посчитают трусами и вряд ли изберут императором Избиратели, зачем такой пуганный правитель нужен? Простецы донесут данную верную мысль до знати, а уж она сама попросит наследников дать им возможность прославить именно их королевство в столице империи и доказать, чьи рыцари самые храбрые и умелые воины! Обычно у подобных людей голова быстро улетает прочь, если их правильно подначить...

— Возможно ты и прав. Продолжай.

— Турнир сделаем в честь начала нашего похода на мятежников, как повод. Проведём ещё дополнительно конкурсы по стрельбе из лука и арбалета, для стрелков простолюдинов и столичных горожан — поставим пару новых полигонов с мишенями или набитыми соломой чучелами. Организуем на площади, где был оркестр что играл для прибывающих наследников.

— Для чего всё это?

— Лучше что бы было много разных вариантов зрелища, для отвлечения внимания и не возникало подозрений что мы заманиваем именно людей вице-королей, в ловушку. При одном лишь рыцарском турнире может возникнуть подобное ощущение...

— Понял. Далее.

— Люди во множестве соберутся возле основной арены, а значит, когда начнутся беспорядки, то в них поучаствуют и горожане: добавив крови и главное, возненавидев ещё сильнее наследников, после того как отряды вице-королей, спровоцированные нашими агентами — начнут промеж собой свару и схватки, фактически побоище, как в настоящей битве. Но кое что мы должны будем изменить с самого начала: наш первоначальный план был несколько оторван от жизни, как сейчас я чётко вижу...

— Вот как? — И что ты, Риккульф, — не без ехидства добавил умилённый самокритикой своего секретаря, главный имперский министр, — не учёл сразу?

— Эм... Мы посовещались и господин Феофилакт заметил, небезосновательно, что если схватки пройдут поочерёдно, как привычно всем на подобных состязаниях — перед трибуной с принцами и высокой знатью, и только на одной арене: то первый же «казус» заставит остановить поединки и проверить оставшееся оружие и все остальные схватки уже могут быть просто отменены. Нам же нужны минимум трое пострадавших, иначе будет мало поводов для крупных потасовок среди людей наследников и дальнейших конфликтов.

— Да... Есть такой вариант. — уже хмуро согласился министр. — И каково решение данной задачи?

— Ставим несколько арен, приблизительно шесть: одну главную — с трибунами для свит наследников и высшей знати, ложами для принцев и пять арен с малыми трибунами, как запасные. На главной, абсолютно точно, происходит смерть рыцаря — на остальных можно ограничиться и простым ранением с увечьем. Организуем это всё к первым же выездам на схватки. Пары выставляем с учётом специфики отношений их хозяев: кельрик-ромлянин, кельрик-гарданец, уммландец-кельрик, уммландец-ромлянин... Пока что так.

— Три раза кельрик? — сколько вообще будет рыцарей с каждой из сторон?

— Четыре. Наследники дадут шестнадцать рыцарей, ещё по четыре выставят столичные имперские рыцари, прибывшие в город провинциалы из победителей местных турниров, императорская гвардия Железнобоких и наконец, четверых мы выберем из тех кто выступит из простых рыцарей на «предварительном» соревновании и победит там. Так мы и отрепетируем свои планы действий, уже на сам день основного турнира.

— Хорошо. Одобряю. — проговорил Дезидерий, всё чаще о чём то мрачно задумываясь.

— Далее проще, — продолжал Риккульф, — в первых же схватках происходит убийство и ранения. Схватки начнутся одновременно на всех аренах, что бы сложнее было им помешать и не позволит остановить турнир в случае первой же смерти и дать нам время провести все четыре провокации: в схватках с гарданцем и ромлянином — должны победить кельрики, в схватке с уммландцем — кельрик обязательно проиграет. И как дополнение: уммландец победит ромлянина...

— Ахахаха! — расхохотался министр и хлопнул себя по толстой ляжке. — Понимаю! Здорово: представители инквизиторской Кельрики ранят друидов Гарданы и еретиков Ромлеи? А потом, получают ответ от головорезов Уммланда? — тогда действительно, Гардана и Ромлея объединятся против кельриков Амвросия и Великого инквизитора Корсо, а банкир Тудджерри и наследник Лиутпранд будут вынуждены, против своей воли, также активно сопротивляться ненависти фанатиков из той же инквизиторской Кельрики...

Красиво!

— Благодарю вас, мой господин. Мы старались... — улыбнулся Рикульф и вежливо, с достоинством поклонился. — Мы решили всячески расхваливать мероприятие и наши группы агентов уже скоро начнут обзывать людей принцев трусами, прямо на улицах города и убегать прочь. А если хоть кто из провинциальных королей откажется дать своим свитам право принять участие в турнире — они будут безвозвратно опозорены. Предварительные схватки для отбора, среди бедных рыцарей — мы покажем первым министрам наследников: что бы они видели что всё чинно и спокойно. К тому же мы позволим их страже занять места и всё проверить ещё до начала турнира, а самим наследникам — оказаться во дворце их деда с самого утра.

— Для чего это? — насторожился Дезидерий, помня о недавнем штурме дворца наёмниками Тудджерри.

— Что бы они видели нашу благожелательность и не опасались фанатиков с кинжалами, что могут выскакивать из толпы в день турнира. Все наследники заранее окажутся в императорском дворце, где будут отдыхать в предоставленных им комнатах — потом направятся на турнир, где каждый уголок на арене и трибунах для знати обыщет их личная доверенная охрана... В чём может быть подлость при таких мерах безопасности?! И вот тогда наш «Турнир на крови» и преподнесёт им сюрприз...

— А... Понял. Всё верно. — протянул министр после раздумий. — Одобряю. Приманить и успокоив подозрения — нанести внезапный удар со стороны, откуда никто не ожидает? Неплохо, весьма неплохо...

Обсудили вопросы организации работы агентов: как будут совершать променады с провокационными заявлениями у дворцов наследников, готовить группы для истеричных оскорбительных криков в толпе и поднятия градуса ненависти в простецах, когда появятся первые раненные и следует довести ситуацию до кипения, а не дать ей успокоиться.

Договаривались о том, кого из минардов отправить на «зачистку» условно сбежавших служек, что выдадут на турнире боевое оружие выступающим рыцарям, слегка изменённое визуально под классические турнирные варианты и что именно следовало минардам при убитых «беглецах» найти: кошель с золотом и вензелями королевств Урдии и Амазонии, друидические символы, записку с благословением от Солнцеликого.

Набор был несколько примитивен и удивил бы внимательного опытного следователя, однако Рикульф настаивал что в суматохе и злобе «Турнира на крови» — большинство участников будущего противостояния с обилием жертв, не особенно станут работать головой, всё более сердцем: требуя немедленной мести и всячески пытаясь совершить самосуд, а в таких ситуациях подобные, «слишком явные» методы оболгания — и были наиболее подходящи.

На суде или когда он случится, уже можно будет использовать иные данные, даже попытаться их связать с атакой на принцев на охоте и доказав, с помощью умелых юристов крючкотворов, что всё затеяли мятежники — с целью подставить главного имперского министра Дезидерия, перед походом.

Решено было немедленно начать возводить трибуны и арены для рыцарских схваток, полигоны для турнира стрелков из луков и арбалетов, площадки для оркестров и выдачи бесплатной еды и напитков, что в очередной раз собирался совершить «престолодержатель», с целью постоянно показывать столичным жителям своё внимание к ним и радение об их досуге.

Секретарь Дезидерия, Анулон — принялся рассылать гонцов: что бы те, на всех перекрёстках столицы и землях близ неё, сообщали людям о скором турнире, что состоится на четвёртый день после данного оповещения.

Анулон отвечал за информационную поддержку мероприятия и именно у него, в малом штабе, одном из кабинетов помещений отданных собственной канцелярии «престолодержателя» — собирались слуги и организаторы турнира, поставщики и офицеры — это была «белая» организационная служба, для всеобщей видимости и проверки, в случае чего.

Секретарь Тарасий стал у себя в кабинете принимать старших агентов по провокациям в городе и на турнире, и инструктировать их. Выдавал деньги и объяснял задачи каждой из групп.

Рикульф в основном постоянно разъезжал в «карете-штабе», из которой и вёл непосредственное руководство строительством трибун и площадок, договаривался с людьми из наёмников и вообще, был чем то вроде полководца на поле сражения.

Именно Рикульф был основным отвечающим за данную операцию и в случае провала — вполне мог быть казнён, по обвинению в государственной измене...

Или наоборот, в случае успеха затеи с кровавой провокацией: получал звание имперского рыцаря, которое мог сейчас выдавать его хозяин, министр Дезидерий и вполне сносный замок с пахотными землями и лугами, близ него.

Всё зависело от того что произойдёт на турнире и чем это закончится: удастся поссорить наследников и обезопасить таким образом отъезд в поход на мятежников главного имперского министра — быть Рикульфу имперским рыцарем, не удастся — скорее всего быть изменником и уже вскоре, вполне вероятно, трупом...

Столица, после дня приезда наследников, выступления толпы к императорскому дворцу и требования о защите у министра Дезидерия — теперь переживала очередной приступ воодушевления и некоей всеобщей радости: вновь появились, словно бы ранее пропавшие в никуда жрецы проповедники и отовсюду советовали обязательно прийти на ближайший праздник с рыцарским турниром и поддержать своих бойцов, а заодно пожелать и: «Нашему Защитнику, министру Дезидерию — успешного скорого похода и победы над всеми недостойными еретиками и изменниками!»

Всюду шушукались люди и обсуждали меж собой кто одержит победу на состязании: люди одного из наследников или же имперские гвардейцы. Столичные горожане считали что лишь представители этих групп могли победить, остальные были лишь для набития турнирной численности участников до тридцати двух рыцарей и удобства проведения отбора и самих схваток.

В городе воздвигались трибуны для знати: возле основной арены, огромные, многоярусные — для высокой знати и наследников со свитами, каждый из которых получит на них свою отдельную просторную ложу и попроще, всего в десяток рядов — для обычных знатцев, рыцарей и провинциальных баронов, что будут следить за схватками на малых аренах.

Оркестры играли для танцующих при них несколько подвыпивших людей. Все три дня осуществлялись бесплатные раздачи пищи и вина, всюду носились как сумасшедшие подростки и орали кричалки и восславления понравившимся им рыцарям, из участников и, правда реже, из за опаски попасться городской страже и быть поротым, оскорбления тем из участников турнира — кого считали хуже или вовсе недостойным даже схватки на турнире.

Дезидерий разрешил использовать пять бомбард для выстрелов в воздух конфети в праздничном салюте, но при каждой бомбарде стояла тройка его минардов, в качестве смотрящих: что бы никто не развернул орудия и зарядив их ядром или рубленным металлом, не дал, чего доброго — залп по самому министру или наследникам.

Как ни странно, но на следующий после совета у Дезидерия день, когда прибыли гонцы во дворцы наследников с предложениями тем выставить четвёрки бойцов на данное состязание — никто из вице королей не отказался и все согласились обязательно участвовать в данной затее.

Уммландский первый министр Тудджерри смог убедить своего повелителя, Лиутпранда, в том, что участие в данном состязании повысит репутацию самих представителей их королевства, а победа, вполне возможная благодаря деньгам богатейшего из негоциантов империи — позволит именно Лиутпранду примириться с жителями столицы и в дальнейшем потеснить и министра Дезидерия, в их умах. Особенно когда последний покинет город и предоставит возможность уммландцам спокойно перенанять к себе на службу оставшихся в полисе его агентов, а то и всех сотрудников «главного имперского министерства»: тогда Избрание императором практически гарантировано представителю Уммланда! И турнир — небольшой кирпичик в основание будущего правления...

Кельрики яростно желали, с помощью четвёрки фанатичных своих бойцов, в том числе пары инквизиторов из них — несколько сгладить негативное представление о себе лишь как о «полоумных с кострами» и показать почему они уже два десятилетия удачно отвоёвывают земли луннопоклонников, на самом Юге империи. Великий инквизитор Корсо был уверен, что победа его фанатичных в вере рыцарей обеспечена и это послужит сигналом вступать в инквизицию всё новым знатным людям, в том числе и отряды силового прикрытия облав трибунала инквизиции, что после случая на охоте, совсем недавно, по мнению Корсо — должны были быть значительно увеличены.

Ромлеяне хотели просто повеселиться и отвлечься от грустных мыслей: после захвата их королевства новым Солнцеликим, огромное множество сторонников вице короля Джанелло бежало к принцу в столицу империи и сейчас еле пробивалось там, сводя концы с концами. Турнир мог их немного отвлечь, а победа — давала повод для гордости! Об ином, во дворце вечно пьяного и насильничающего принца Ромлеи, пока не задумывались.

Поллион, первый министр Гарданы, говорил своему господину Бореллу что хочет примирить гарданцев с остальными «братьями» из иных королевств и столицы. Однако в доверительных разговорах с дочерью он напирал на особых настойках друидов, для бойцов, что делали их почти втрое выносливее обычных воинов и увеличивали реакции в бою, и считал что победа, благодаря данным напиткам — им гарантирована. После победы на турнире пойдут слухи о мощи друидов и великой опасности для всех выступающих в поход, против «королевства друидов — Амазонии!».

Поллион страстно желал всеми фибрами души отменить данный ближайший поход против своей малой Родины и отомстить министру Дезидерию, унизив привселюдно обычных имперских рыцарей — показав мощь друидических практик.

Каждый из наследников и их первых министров с удовольствием восприняли идею проведения подобного турнира, а когда послы «престолодержателя» гарантировали им безопасность на отдельных трибунах и разрешили заранее выставить там посты со своей личной охраной и прямо перед началом турнира провести ночь, в замке деда: что бы утром не ехать, по переполненным улицам столицы, откуда из толпы могут выскакивать



«кинжалышки», а просто вместе с охраной прошеествовать по коридорам к своим местам в ложах — провинциальные короли и их свиты чуть не взвыли от радости, и принялись с утроенной энергией готовиться к ближайшему рыцарскому турниру.

Все наследники были уверены в своей победе и надеялись ею максимально выгодно воспользоваться: как для повышения своего статуса — так и против набравшего слишком большую силу главного имперского министра, Дезидерия.

Вечером, перед началом турнира, все наследники и их свиты прибыли в императорский дворец и были встречены безупречно вежливым начстражи императорской гвардии Магинарием Имерием.

На совместный ужин прибыл и министр Дезидерий, но вскоре, видя что все внуки покойного императора привычно сидят обособленно и надежды на сговор меж ними нет — министр удалился, извинившись и в качестве повода сославшись на большую загруженность делами скорого выступления в поход на мятежные королевства.

Секретарь Риккульф сообщил министру что он получил списки рыцарей выставленных на турнир и теперь, вместе со своими агентами, подбирают такие комбинации пар, что бы потери тех или иных бойцов были наиболее существенны для вице королей и их людей. И они, почти что гарантированно — начали за них мстить невольным убийцам.

На утро следующего дня начался праздник: сперва играли оркестры и выступали стрелки, что под хохот и насмешки стоящей вокруг многотысячной толпы стреляли в мишени закреплённые на столбах или на спинах лошадей.

В случае одного особо неудачного выстрела и ранения коня — стрелку удалось случайно направить раненное животное прямо на ограду полигона стрельбища, где служкам всё же повезло его остановить, за огромными, выставленными там специально, щитами для осады городов.

Начались раздачи и продажа пирогов и вина, а чуть ближе к полудню, когда начался «отборочный турнир» рыцарей что не попали в основную группу, специально задержанный Риккульфом и перенесённый со вчерашнего дня на сегодняшней — на площади уже не было свободного места и люди всю теснились: в основном слушая крики тех, кто прислушивался к иным говорунам, находившимся близ главной арены и всем сообщавшим громкими голосами кто же победил и теперь будет участвовать в главном турнире.

Наследники дружно прибыли все вместе. После того как их люди обыскали предназначенные им ложи и выставили там посты, на главную арену в свои ложи зашли и кандидаты на трон империи и милостиво посмотрели начальные отборочные схватки.

Похвалили организацию и удобство как для знатных зрителей, так и для низких аристократов и простецов, что были вне трибун основной арены.

Выстрелы бомбард, в качестве праздничного приветственного салюта — несколько напугали наследников и Дезидерий попросил Риккульфа предупредить бомбардиров что бы их более не производили. Зато музицирование оркестра и выступление циркачей — всех повеселили и скорого начала основного действия, ради которого все и собрались, наследники ждали уже с весёлым нетерпением.

Перед праздничной приветственной речью министра Дезидерия, на возвышении — к нему приблизился сияющий Риккульф и сообщил что всё идёт отлично и пары разбиты таким образом, что потеря предназначенных в жертву интриги заговора бойцов — особо болезненно отразится на их господах, и наследники будут рвать и метать в ярости!

Второй секретарь, Тарасий, сказал главному имперскому министру что агентура ждёт

лишь отмашки к началу провоцирования кровавых противостояний между сторонниками провинциальных королей и как только будет дан подобный сигнал, что уже пора начинать беспорядки — пару сотен глоток начнут взывать к отмщению на всех языках империи и лезть в бой, подспудно толкая стоявших впереди них людей к таким же действиям и по возможности активнее.

Свою речь министр Дезидерий произносил прочувственно: он говорил о будущем походе, примирении, в ожидании Избрания на престол нового императора, отказе от споров и единения всех королевств имперской державы, а закончил — пожеланием победы достойнейшему из рыцарей и показал на серебрянную чашу наполненную доверху новёхонькими, блистающими как тысяча миниатюрных солнц, золотыми монетам: «Это и есть приз победителю нашего турнира!»

Наследники вяло похлопали. Зато знать на трибунах всю веселилась, словно простецы и самые молодые из них даже яростно били в ладони, из за чего их более старшие родственники пристыдили шалопаев.

Девушки прятались за огромными веерами и постоянно стреляли глазками, как в стороны лож с наследниками, так и на рядом сидящих молодых людей.

На главную арену, для первой схватки, вывели пару бойцов на лошадях украшенных вычурными гербами на накидках.

Что то громко и важно объявлял глашатай, а Дезидерий, со своего удобнейшего места на возвышении, внимательно смотрел что происходило сейчас на остальных аренах, трёх поменьше: там также выставлялись пары бойцов и готовились к единому сигналу для начала всех поединков, что должен был подать сам главный министр империи трубачу, а тот, своим пугающим трубным рёвом — начать первые поединки одновременно на всех четырёх аренах.

Место «престолодержателя» располагалось на возвышении, вроде отдельной открытой башни, что несколько удивило наследников но они промолчали и позволяло министру наблюдать за всеми аренами при некотором желании, в отличии от лож вице королей, которые могли видеть лишь главную арену и, при повороте кругом — ещё одну, прямо за их спинами на определённом расстоянии.

— Всё. Пора начинать! — мысленно скомандовал себе министр и махнул платком в сторону трубача.

Тот немедля взвыл громким, истошным звуковым сигналом своего духового инструмента и тут же служки отпустили лошадей участников схваток, а сами рыцари, наклонив параллельно земле огромные, толстые, вычурно разукрашенные турнирные копыя — ринулись друг на друга, желая быстрее противника разогнать свою лошадь и опередить в ударе, пускай всего на миг, оппонента.

Через пять секунд раздался чёткий звук сшибки копий с защитой надетой на рыцарей и с некоторой очерёдностью четыре последовательных удара.

Потом хорошо слышимый вздох на трибунах, когда множество людей проделывают это одновременно и наконец глухой шлепок падения одного из рыцарей в доспехах, на песок главной арены турнира.

Вслед этому случилось секундное всеобщее молчание и вновь бурная реакция отовсюду, но на этот раз от криков радости, до воплей негодования — и приглашения не валять дурака или призывов добить поверженного бойца.

Знать на трибунах главной арены всю веселилась и эмоционально, не присуще им обыкновенно, реагировала на случившееся поражение одного из участников схватки: после

первого же удара копьём, рыцарь из Гарданы повернулся в седле боком и проехав на своём коне несколько метров начал крениться в сторону, потом, до того как разрешили его оруженосцам и слугам оказать ему помощь — он полностью свалился на песок арены и затих там...

Первой среагировала на произошедшее дочь Поллиона и супруга Борелла, Алуникофиэль: она громко, истошно, резко закричала, словно раненная чайка и бросилась немедленно, прямо сквозь строй охранников мужа и сидящей на трибунах внизу ложи принца из Гарданы знати — к раненному и сбитому на землю, рыцарю из свиты её мужа.

Женщина постоянно громко всхлипывала и отчаянно кричала на непонятном языке, отпихивала и просто вышвыривала баронов и графов с их мест на трибунах, если те не успевали быстро вскочить уступая ей дорогу и вообще, вела себя скорее неадекватно.

Дезидерий успел заметить краем глаза начавшееся оживление и на трибунах у боковых арен, однако вновь быстро вернулся к рассматриванию ситуации произошедшей прямо перед ним, на главной арене турнира: гарданцы были растеряны — Поллион буквально пожирал взглядом свою дочь, но сам не двигался с места, просто стоял словно столб и вытаращившись смотрел на лежащего рыцаря из его вице-королевства и бьющуюся в самой настоящей истерике над ним, собственную дочь. Борелл размахивал руками и кричал, он был скорее раздосадован, чем шокирован — выше всякой меры.

А вот супруга Борелла, королева Гарданы Алуникофиэль... Она, добравшись до всё ещё лежавшего пластом рыцаря гарданца, вокруг которого сейчас суетились слуги турнира и собственные оруженосцы поверженного бойца — женщина подняла окровавленную голову мужчины и стала смотреть ему прямо в глаза.

Потом разрыдалась и уже через секунду начала покрывать поцелуями лоб и уста мужчины, и всё чаще, что то негромко шепча, прижимала поверженного рыцаря к своей пышной груди.

Данное поведение королевы северян было странно, особенно учитывая что она была единственным ребёнком Поллиона и братьев у неё не было.

Дезидерий заметил что первый министр Гарданы наконец вышел из своего ступора и на деревянных ногах, неловко толкаясь, всё же выбрался из ложи гарданцев и добрался, не без труда, на арену к дочери.

Там он схватил её за руку и подняв рывком на ноги ревешую уже всю Алуникофиэль, что то зашептал ей прямо в ухо, отчаянно жестикулируя.

— Да мне плевать! И на этого борова из имперских выкормышей, и на их империю солнечных зайчиков — плевать!!! — орала словно бешеная, женщина, вырываясь из захвата собственного отца и всё более сейчас походившая на ведьм друидов из сказок инквизиции, что в детстве читал «престолодержатель»: с всклоченными волосами и яростно выкатившимися из орбит, полными ненависти, горящими глазами, искривлённым гримасой рта и слюной, что летела с него во все стороны. — Эти скоты ранили Галлиэрна! — ты понимаешь?! — они прикоснулись к его прекрасному телу своим нечестивыми железками и он теперь без сознания! Да убери от меня руки и прикажи нашим друидам заняться Галлиэрном! — нельзя отдавать имперским мясникам и коновалам его. Они специально постараются сделать раненного инвалидом до конца жизни... — Женщина замолкла и казалось что Поллиону удалось наконец отодрать её от тела поверженного рыцаря, в которое она ранее вновь вцепилась обеими руками.

Но Алуникофиэль внезапно оттолкнула с невероятной силой собственного отца прочь,

прямо на песок арены, быстро протянула руки с какой то крохотной статуэткой в них и громко отчаянно закричала, словно в беспамятстве: «Прошу вас, Боги старых как Мир древ и камней что и создали земли и людей — спасите Галлиэрна! Мы с ним верно служили и будем служить Вам, спасите своего ставленника и дайте нам мира и счастья, в единой семье и с многочисленными детьми!»

— Да она из друидов! — завопили графы, сидящие на первых скамьях прямо у щитов, что ограждали арену от зрителей. Данная знать в своё время активно воевала в Амазонии и прекрасно понимала что и у кого просит королева Гарданы. — Это ведьма древознатцев! К нам прислали на турнир ведьму из друидов!!!

— Заткнитесь идиоты! — завопила на них женщина совершенно изменившимся голосом. — Когда я стану императрицей, я всех вас прикажу сжечь... Как любит делать ваша полоумная инквизиция со всеми, кто не разделяет её взглядов — сжечь живыми!

Поллион перестал церемониться и обеими руками схватил своё чадо, повернул к себе и отвесил подряд три затрешины. Потом что то зашептал и наконец схватив крепко за руку, начал уводить дочь прочь от места, где все турнирные служки всё это время суетились, с так и не приходящим в сознание, гарданским здоровяком рыцарем Галлиэрном.

Вместо того что бы вернуть Алуникофиэль в ложу, где они вместе ранее пребывали — Поллион отдал её каким то подоспевшим к нему стражам и Дезидерий чётко услышал приказ первого министра Гарданы: «В нашу Берлогу! Дать выпить успокоительной настойки и приставить к ней старух «шептуний». Не выпускать из женских комнат!»

Пока гарданец поднимался назад к ложе со своим господином, всюду раздавались шепотки, а то и просто крики направленные на него и его дочь:

— Да они полюбовники, с этим то... что свалился с коняги!

— Ясно ведь всё! То то слезами заливалась, так наверное по мужу ни разу не ревела...

— Ведьма друидская! Тварь проклятая! Всех их на костры следовало отправить, а не к турнирам имперским допускать!

— Рыцаря и эту почитательницу «древ и камней» — наказало наше Святое Светило! Оно даровало победу рыцарю инквизитору из Кельрики и поразило нечестивого друида так сильно, что тот скоро содохнет, как и все эти подонки!

Министр Дезидерий, который с удовольствием прислушивался к негодованию, сидевшей на трибунах столичной и приезжей знати, внезапно вспомнил свои разговоры с Рикульфом «о правильно подобранных парах рыцарей для схваток», и попросил немедленно, ближайшего слугу, найти данного своего доверенного секретаря и привести к нему.

Пока на арене герольды сообщали что поражённый в схватке рыцарь Галлиэрн к «всеобщему прискорбию»- скончался, имперская знать орала что наконец Светило покарало нечестивых друидов, а гарданцы, в ложе своего короля — уже всюю доставали огромные топоры и орала проклятия в адрес всех кто был рядом.

В этот интригующий момент, в ложу главного имперского министра прибыл и ранее вызванный министром его доверенный секретарь Рикульф.

— Ммм... Друг мой. — обратился к секретарю Дезидерий. — Случайна ли гибель рыцаря, который так был... ммм... близок, к королеве Гарданы?

— Никоим образом. — тихим голосом отвечал Рикульф и с достоинством поклонился.

— Так и было задумано?

— Совершенно верно. Мои агенты ранее неоднократно сообщали о встречах, в беседах Берлоги — между Алуникофиэль и Галлиэрном, а также о том, что женщина нередко

появлялась оттуда с обнажённой грудью, а мужчина спокойно шлёпал её по ягодицам... Я посчитал возможным воспользоваться данной информацией, когда узнал что данный рыцарь, Галлиэрн — будет среди участников нашего действия.

— Как удачно! Такая сцена, с откровенными призывами разъярённой женщиной друидических божеств, к тому же ещё искренне и достаточно громко...

— Победитель Галлиэрна — рыцарь инквизитор из Кельрики. Думаю это добавит немало масла в огонь взаимной ненависти гарданцев и кельриков, и послужит хорошим поводом для схваток представителей данных вице-королевств по всей столице в скором будущем.

Главный имперский министр улыбнулся и было отпустил Рикульфа, но потом что то вспомнил и спросил: «Это все сюрпризы вами высчитанных «пар турнира»?

— Галлиэрн и один кельрик, второй рыцарь инквизитор — обязаны были погибнуть, ради нашего успеха и... они погибли. Это для эффекта взаимной ненависти между наследниками будет крайне полезно. Остальные поверженные рыцари лишь тяжело ранены, думаю этого хватит для поддержания в дальнейшем нестихающей ссоры между внуками императора.

— Кто и как? — интересовался Дезидерий, видя как Великий инквизитор Корсо внезапно прекратил хохотать, указывая персом на погибшего Галлиэрна и с изменившимся лицом бросился в сторону малой арены, прямо за ложей вице-короля Кельрики Амвросия.

— Галлиэрна убил инквизитор кельрик — старое противостояние инквизиции и друидов, пускай и скрытых.

— Убили брата инквизитора — он мёртв! — орали, мимо пробегающие внизу знатные кельрики и мчали далее вслед за Корсо.

— Мда... Убит рыцарь инквизитор из Кельрики, что имел, по моим сведениям — более всего наград «янтарным солнечным ожерельем» за храбрость в боях с неверными, от самого Великого инквизитора. Он погиб и теперь, прежде хохочущий от смерти Галлиэрна Корсо — будет долго горевать о своём прославленном в схватках боевике и... Требовать немедленной мучительной казни рыцаря ромлеянина, из свиты проклятого еретика Джанелло!

— Забавно... — протянул Дезидерий и усмехнулся. Рикульф явно оказывался молодцом и в принципе, мог в дальнейшем возглавить один из штабов по акциям, тайным или явным, главного имперского министра.

— К тому же повреждения получили племянник господина Тудджерри, первого министра Уммланда а также любимый компаньон выпивоха Джанелло, вице короля Ромлеи. Оба бойца живы, но прилично потрёпаны...

— Хорошо. Ступай. — отпустил Рикульфа министр и решил приготовиться к встрече со своими коллегами, что уже выскочили со всех лож провинциальных наследников и сейчас метались с одной арены на другую, ругаясь меж собой и пинками отпихивая знать и имперскую гвардию, чем искренне потешали простолюдинов, которые смотрели на это действие со столов и столбов вдалеке и рассказывали своим товарищам внизу все новости, слушавшим их с интересом и хохочущим при каждом новом рассказе о пинке Великого инквизитора какому важному маркграфу.

Всюду носились люди из свиты вице королей, сталкивались, бранились, хватались за оружие и лишь успокоенные всё пребывающей столичной стражей — назначали друг другу на вечер встречи и поединки, обещая резать противника на части, долго и со вкусом.

Минут через десять, министр Дезидерий увидел как к нему, с разных сторон,

направились первые министры внуков, наследников престола: Великий инквизитор Корсо был мрачнее тучи и его лицо, по краскам, приближалось по оттенкам мрачности к его же, иссиня-чёрному, плащу инквизитора. Банкир Тудджерри сейчас был без своего уже привычного огромного берета с невероятной длинны перьями и массивными, золотыми, с огромными драгоценными камнями, пряжками на нём — берета что всегда прежде скрывал обширную лысину богатейшего негодяя империи. Алавия что то постоянно кричал и размахивал руками, а Поллион — вышагивал на прямых негнущихся ногах и буквально буравил главного имперского министра, полным ненависти, взглядом.

Наконец четвёрка провинциальных министров добралась до ложи «престолодержателя» и выкинув силой всех находившихся там служек, начала выяснение отношений.

Первым загрохотал Великий инквизитор Корсо: «Что это значит?! В первых же схватках — два погибших рыцаря и двое раненных! Оружие выданное им было боевым и умело, злонамеренно — замаскировано под турнирное! Как вы это поясните?!»

— Ужас! — искренне заявил Дезидерий. — Надо разобраться и немедленно призвать к ответу тех, кто выдавал копья и разрешал начинать поединки, без должной проверки облачения, и...

— Хватит! — ревел во всю глотку Корсо, — Хватит!!! — я потерял своего лучшего брата инквизитора — семикратного обладателя «Янтарных ожерелий храбрости». Человека, что дважды прорывался сквозь строй лунопоклонников и рубил их важнейшие султанские знамёна, чем даровал нам победы! Кем мне его заменить теперь?!

— Невероятно... — пробормотал вполне честно опечаленный такой потерей в имперском воинстве, министр Дезидерий. — Однако вы, господин Великий инквизитор, так искренне радовались падению и ранению рыцаря Галлиэрна, что мы вместе наблюдали ранее на основной арене, что возможно именно за это, наше святое Светило, вас опосредованно наказало за чрезмерную гордыню...

Корсо ошалело уставился на главного имперского министра, но проглотил данное оскорбление и лишь заскрипел зубами, так ничего и не ответив.

Пришла очередь обвинений от уммландца Тудджерри: «Мой племянник — ранен! Я добьюсь наказания для всех виновных, за столь отвратительно проведённое и организованное состязание и особенно для вас, господин Дезидерий: как для главного организатора и человека, что захотел провести этот рыцарский турнир в никому не нужной спешке, перед собственным отбытием в поход! Если вы думаете что имперский суд вас оправдает, по возвращении из похода, как важного государственного сановника — не надейтесь! Я смогу добиться честного рассмотрения дела и уж поверьте мне...»

— Им выдали боевое оружие, причём не всем, а лишь одной из сторон! — вмешался Алавия, первый министр Ромлеи, несколько нагло перебивая возмущавшегося Тудджерри, — Мы потеряли Оргонга — любимейшего компаньона в застольях, нашего величайшего и мудрейшего вице-короля! Мой господин Джанелло плачет и мне вновь придётся его утешать... Это преступление и мы требуем немедленного расследования! Случилось немыслимое: ваши идиоты служки при турнире — выдали боевое, вдумайтесь в это — боевое!!! — оружие одной из сторон. Следует их немедленно найти и потребовать объяснений на допросе на дыбе: кто на это их надоумил... Я не верю что это случайность! Здесь чей то злой умысел и когда мы...

— Верно! — подхватил мысль прежде ненавистного ему Алавии, Великий инквизитор Корсо, вновь возвращаясь в разговор. — Следует арестовать всех служек на турнире и

провести опрос, в том числе и с применением средств инквизиции. Потом обозначить круг виновных и уже всюду начать их допрашивать, всеми доступными средствами!

— Что бы убить на допросе — пытками? — громким звенящим шёпотом поинтересовался Поллион, разглядывая с ненавистью лицо главного имперского министра.

— Что? — не понял Корсо.

— Ничего... После недавней странной «охоты» и, как я слышал от Магинария Имерия, внезапно застопорившегося расследования покушений на наследников Борелла и Джанелло — по причине вмешательства имперского трибунала инквизиции, меня бы не удивил новый арест осведомлённых людей и их внезапная скорая смерть на дыбе... Что бы ничего не могли лишнего сболтнуть о том, кто это всё задумал.

— Что вы себе позволяете?! — Великий инквизитор Корсо буквально захрипел от негодования и ярости, и перевёл свой взор с Дезидерия, на гарданского первого министра. — Мы потеряли своего лучшего рыцаря инквизитора, а вы смеете...

— Жертва, на алтарь Главной победы? — спокойным, несколько отрешённым тоном поинтересовался Поллион. — Необходимая жертва, которую можно потом внести в пантеон, сложивших голову за идею, славных рыцарей инквизиции? — а вначале прикончить ещё пару сотен людей...

— Друидов!!! — выпалил Корсо в ярости. — Мы все слышали что вопила ваша дочь на арене и поверьте, сможем заставить знать, из первых рядов сидевших на трибунах, свидетельствовать! Многое интересного мы все услышали от неё...

Гарданец замолчал и опустил голову, он не желал отвечать разъярённому Корсо и инквизитору, не видя сопротивления себе от Поллиона, потребовал вновь что бы немедленно его инквизиторы произвели аресты служек при турнире и начали следствие.

— Оно уже начато! — торжественно объявил всем присутствующим Дезидерий.

— Кем?! — возопила четвёрка его оппонентов хором.

— Моими минардами, императорской гвардейской стражей и столичными стражами. Мы создадим большой имперский трибунал... Сразу по моему возвращении из похода на мятежные королевства и проведём его показательно, дабы всех виновных привлечь к заслуженной каре!

Поллион рассмеялся и кривясь в горькой улыбке, скорее напоминавшей гримасу мима — лишь устало махнул рукой, показывая как относится к данной затее. Алавия всплеснул руками и залился истеричным смехом. Корсо громко требовал участия его людей в расследовании, а Тудджерри лишь молчал и хмуро улыбался, явно что то задумав.

Показался Риккульф. Осмотрев расположение оппонентов близ своего господина, он поманил к себе рукой трёх минардов бывших поблизости и проинструктировав их, направил всех троих к разговаривавшим на повышенных тонах, министрам.

— Господин наш... — обратился один из тройки подошедших минардов, к Дезидерию. — У нас важная информация!

— Что вам? — искренне изумился «престолодержатель» такой простоте своей охраны, что спокойно вмешивается в разговор его, и первых министров наследников. Однако, наконец заметив вместе с подошедшими минардами Риккульфа, что опустил и быстро поднял при этом глаза, Дезидерий понял что пришла очередь нового номера в задуманном ими представлении и тут же поправился. — Тогда немедленно сообщите нам её!

— Мы выяснили кто подавал оружие бойцам на аренах и проверял готовность их к схваткам. Решили немедленно найти преступников и когда это нам удалось — попытались тут

же задержать их... Однако негодяи, поняв что разоблачены, попытались немедля сбежать прочь и нам пришлось с ними драться, ибо беглецы достали кинжалы и сопротивлялись, словно демоны друидов!

— Ну, ну же! — торопил говорившего минарда Дезидерий.

— К сожалению, всех двенадцать преступников пришлось прикончить — так как они упорно не желали сдаваться, несмотря на все наши уговоры...

— Вот беда, так беда... — зашёлся «престолодержатель» во всхлипе. — Как же так?

— При них найдены вот эти... Предметы. — минард вытащил из за пазухи данные ему Риккульфом ранее четыре кошель с золотом и вензелями Амазонии и Урдии, вышитыми на самих кошелях. Несколько пергаментов, точнее скромных четвертушек с надписями. Медальон друидов. Ещё какие мелочи. — Похоже на то, что их наняли на это, невероятное по дерзости преступление — мятежники Урдии и Амазонии, и не без помощи еретиков Ромлеи. Нас пытаются поссорить перед походом на данные земли — это совершенно очевидно.

Поллион плюнул в ярости на доски настила и стал что то выкрикивать на своём родном амазонийском наречии. Тудджерри вовсю хохотал и заявил что не поверит этим «странным и нелепым прямым уликам» — как уж слишком точным, чуть ли прямо не указывающим: кто, когда и зачем совершал все преступления — от задумки, до исполнения. И что он, крупнейший банкир империи — не полный идиот, что бы верить что преступники с собой таскают, на преступления, своё золото и записки, их изобличающие, вместо того что бы всё это хранить где в тайнике на окраине города, на случай бегства — подальше от чужих завидных глаз и сыскарей стражи.

— Про смерть всех служек, что подавали и проверяли оружие — я даже и не говорю! — хохотал, держась за бока, Тудджерри, — такие прямо храбрецы, эти простолюдины при турнире, что решили драться до конца — лишь бы не выдавать своих нанимателей?! — бред! Это обычные простецы, которым возможно улыбнулась удача найти неплохой заработок и отчего бы им так себя странно вести... Они что: фанатики друидов или лунопочитателей?

— Друидов... — спокойно произнёс Великий инквизитор Корсо, и когда Поллион и Тудджерри обернулись вдвоём, в ответ на его слова, уже уверенным твёрдым голосом добавил. — Друидов! Странная истерика, случившаяся ранее у дочери Поллиона, на арене, которой мы все были свидетели — её проклятия и требования кары. Потом гибель моего славнейшего из обладателей «янтарных ожерелий Светила», заслуженного рыцаря инквизитора! Теперь вот, найденные этими негодными и тупыми сыскарями, из минардов Дезидерия, предметы — всё указывает на друидов! Амазония желает не только и не столько отмены похода, сколько отмены скорого Избрания императора и посему вредит не слабому, господину главному имперскому министру Дезидерию, которого совершенно не опасается — прекрасно зная об его невеликом уме, а наследникам, верным в почитании Светила! Амазония уже не верит в то, что недостойные гарданец и ромлеянин, Борелл и Джанелло — займут престол нашей державы, и теперь избавляется от них как от ненужных свидетелей, как недавно случилось на этой дурацкой охоте министра Дезидерия, а главный удар — нацелила на Кельрику, и её славнейшего короля Амвросия!

Все замерли, никак не ожидая от Великого инквизитора столь сложного объяснения данной интриги, и Дезидерий даже мысленно заплодировал ему: так запутать следы собственным бредом мог лишь искренне верящий в свои фантазии фанатик, которым, судя по всему и был кельрик Корсо.



Поллион вновь плюнул себе под ноги и вышел прочь. Алавия пошёл вслед ему. Секунду погодя и Тудджерри направился в ложу к своему господину. Почти в это же самое время министр Дезидерий заметил новые сигналы глазами от своего секретаря Рикульфа и обернувшись на них, стал обозревать арены, что все четыре, были неплохо видны с того места которое он сейчас занимал.

Всюду шли отчаянные потасовки и поножовщина. Какие то люди орали «что такое простить нельзя!!!» и требовали крови противников, чётко называя вице-королевство из которого те были выходцами.

— На костёр всех друидов гарданцев!!! — разорялся человек, одетый типичным кельрическим бароном, в чёрном кожаном жилете и такого же цвета колпаке из бархата на голове, сбитом уже на затылок. Барон кельрик махал кривым кинжалом и отправлял словесные угрозы в сторону ложи с наследником Бореллом.

— Мстителей «кинжальщиков» — убийцам Галладриэна!!! — орали в ответ гарданцы и наносили удары мечами и топориками по наседавшей на них толпе, среди которых находились инквизиторы и их сторонники.

Ромлеяне, одетые словно шуты, ярче и разнообразнее всех и за милую выделяемые из толпы своим импульсивным, говорливым, жестикулирующим поведением и постоянным гогогом — уже раздавали зуботычины и удары кинжалами в спину — нанося урон как уммландцам, так и кельрикам и гарданцам, и нередко задевая в пылу толчеи и кого из своих.

Подскочивший к министру секретарь Рикульф, радостно зашептал на ухо Дезидерию: «Всё. Началось! Стража не смогла оттеснить самых разбушевавшихся сторонников провинциальных королей и наших агентов, и теперь резня идёт повсеместно: на всех трибунах с дворянами и за их спинами — в толпе. Нам следует вернуться в императорский дворец и пока что просто наблюдать, а когда они все выдохнутся ближе к полночи — вывести императорскую гвардейскую стражу и минардов на улицы полиса, после чего отловить и судить самых злостных нарушителей, и в очередной раз «защитить» несчастных жителей столицы от преступлений обезумевших людей наследников... Думаю после всего что сейчас произойдёт вслед смертям на Турнире, даже за время нашего отсутствия в походе — горожане ни за что уже перекинутся на сторону вице-королей. Да и союз последних, между собой и против Вас — тает с каждым новым убитым членом из их свит!»

Дезидерий со счастливой улыбкой согласился со своим доверенным секретарём и под охраной верных минардов, вместе с Рикульфом и появившимся личным врачом Теофилактом — отправился в свои помещения императорского дворца, пока побоище, близ построек для так удачно для министра, недавно начавшегося, рыцарского турнира — всё расширялось с каждой минутой.

Ромлеяне, которых среди всех провинциалов, сторонников наследников, было более всего в столице, в связи с тем что после захвата их королевства новым Солнцеликим многие сторонники Джанелло были вынуждены бежать под крыло своего короля в столицу империи, так вот ромлеяне и ранее пользовались дурной славой как насильники и убийцы, но теперь, когда их число увеличилось чуть ли не впятеро, вместе с творимыми ими бесчинствами на улицах города — горожане их просто ненавидели!

Ромлеяне, в начавшейся потасовке быстро превратившейся в форменное побоище — первыми достали короткие кривые кинжалы и начали ими кромсать, чаще всего со спины, своих оппонентов и тех, кого они сами, по любому малейшему поводу, назначали в таковые.

Уже вскоре, толпы прибывших в столицу империи беглецов ромлеян — истово резали

кинжалами и кусали зубами как группы кельриков, среди которых во множестве выделялись инквизиторы в чёрных плащах, так и отряды уммландцев, в их оранжево-золотисто-красных нарядах и с подобными значками на блестящих парадных доспехах.

Кельрики, сперва схватившиеся, благодаря провокаторам Дезидерия, с оказавшимися в меньшинстве бородатыми великанами гарданцами — не ожидали атаки обезумевших многочисленных ромлеян на свои порядки и сперва стали оступать к ложе, в которой восседали и пытались криками руководить своими людьми, Великий инквизитор Корсо и вице-король Кельрики Амвросий. Но вскоре были разделены лабиринтом трибун и арен на несколько очагов сопротивления и казалось что вот вот, и многочисленные представители Ромлеи перебьют всех сторонников Кельрики, на видимой глазу территории.

Однако же множественность ромлеян и сыграли с ними злую шутку: атака на кельриков, что проклинали их как еретиков из-за случая с Велизарием, и одновременное, совершенно излишнее нападение на уммландцев — которые в начале всей кутерьмы старались не лезть в потасовки и просто группировались возле ложи своего правителя Лиутпранда, предыдущие ссоры с горожанами столицы и частые насилия над их жёнами и дочерьми — всё это привело к тому, что на помощь, почти что полностью разбитым кельрикам — двинулись слуги принца Уммланда и во множестве жители столицы и часть знати, сидевшей ранее, словно в ступоре, на трибунах.

Знати, которую чуть ранее, ромлеяни бесцеремонно сбивали с ног и нередко, несмотря на схватку, успевали ещё и ограбить.

Совместными усилиями, самую большую по численности группировку сторонников наследников, под крики со всех сторон: «Режь еретиков! Вешай отступников Велизария! Бей насильников Джанелло!» — оттеснили прочь с площади где были установлены арены, вместе с трибунами для турнира и перебив до четверти из ромлеян — в дальнейшем многих раненных провинциалов Ромлеи арестовывали стражники, а остальные из них бросились бежать куда глаза глядят и скрылись на улочках города, уже не возвращаясь к месту побоища.

Тогда гнев победивших кельриков, уммландцев и горожан — обратился в сторону гарданцев.

Вообще то жители столицы больше ненавидели и боялись кельриков, за инквизицию и процессы ею проводимые, однако страх перед «чёрными жрецами» был всё ещё силен и горожане не рискнули массово нападать на снова соединившихся, в один отряд, кельриков, а хоть и нехотя, но всё же начали теснить бойцов Гарданы под уже новыми лозунгами: «Бей друидов! Круши неверцев!»

Гарданцы сперва, как и следовало мощным северянам, отбивались словно несокрушимая стена льда.

Однако перевес в численности их объединившихся противников был слишком очевидным и уже вскоре, отряд телохранителей вооружённый двуручными топорами и в кольчугах до самых колен — вывел из ложи своего господина и смог провести вице-короля Борелла в императорский дворец, куда позже стали стекаться оставшиеся в живых слуги и телохранители правителя Гарданы.

Толпа не решилась на штурм данного дворцового комплекса, помня что там проживает «Защитник» Дезидерий и что было немаловажно: бомбарды со стен одного укрепления — уже смогли уничтожить, причём совсем недавно, вполне боевой отряд наёмников, бывших пиратов и ветеранов различных успешных военных кампаний умершего императора.

Великому инквизитору Корсо, который сейчас условно руководил побоищем на площади перед императорским дворцом — радостные агенты инквизиторов сообщили о захвате пяти бомбард, близ главной арены, что ранее давали залп приветствия перед началом турнира и не были увезены по оплошности, обратно в императорский дворец.

Правда вскоре выяснилось что кто то успел забить гвозди, в отверстия для поджига пороха и теперь, даже если мастера справятся, ранее чем через пару часов бомбарды использовать будет нельзя.

Было обрадовавшемуся находке Корсо, что стал с нескрываемым интересом поглядывать на императорский дворец и раздумывать о скорой встрече с пленённым инквизиторами министром Дезидерием, вновь немного взгрустнулось и он потребовал перевезти бомбарды ближе к Берлоге, замку наследника из Гарданы Борелла и пока тот сам прятался в поместье своего деда, покойного императора — постараться взорвать ворота и разрушив часть Берлоги — проникнуть туда, в поисках каких доказательств деятельности друидов в столице и конкретно: Поллиона и его дочери.

Корсо был уверен что в случае успеха он сможет данным манёвром заслужить себе прощение за самоуправство и отправить на костёр всех тайных друидов столицы, полностью лишив Борелла каких либо шансов на избрание императором.

Тем временем толпа, состоявшая в основном из местных жителей — прогнала к замку принца Ромлеи его людей и почти тут же начала приступ.

Перед воротами строили деревянные завалы и кинув тряпки и облив их маслом — зажигали. Подносили лестницы и шли на штурм.

Часть столичных жителей, узнав где массово квартировали ромлеяне — шли туда с факелами и кинжалами, и подобрав всех желающих по пути — уже огромными отрядами врывались в дома или, если двери запирали и не открывали на требования, просто брали помещения приступом.

Часть преступников столицы, решив воспользоваться избиением знати на трибунах близ арены — захватывала избитых и вываленных в пыли и грязи вельможных графов в плен, пока слуги знати растерялись или были отеснены сражающимися сторонниками наследников, и под угрозой мучительной смерти заставляла вводить самоих себя в богатые дома захваченной врасплох знати.

В данных особняках тут же начинались грабежи и насилия, а пара графских поместий в столице уже пылали всюю...

Через четыре часа, после того как Дезидерий со своими слугами покинули площадь перед императорским дворцом, его разбудили все трое его доверенных секретарей и попросили немедля одеться и начать действовать: ситуация немного, а то и совсем — вышла из под контроля.

Одевающийся, в спешке разбуженный министр, почуял явный запах гари стоявший в воздухе и несколько громких хлопков, словно кто бил из бомбард по крепостной стене.

Выйдя в вечерние, светлые, летние сумерки, министр немного обомлел, от того что увидел с верхних террас, с высокими растениями в кадках, императорского дворца: в городе пылало несколько десятков домов и не менее, сколько он мог видеть — пяти больших дворцов знати. Вдалеке, редко, но всё же слышались отчётливые залпы из бомбард и шорох, словно бы откупоривали игристое вино — от встречи ядер с камнями замков или крепостных стен, оных. Город был почти весь в дыму.

— Что это?! — заорал шокированный министр на Риккульфа, который стоял как

окунутый в воду и явно не ожидавший такого дальнейшего развития своего плана стравливания наследников. — Откуда пожары в домах знати? Что за орудийный грохот? Почему столько дыма?

— Великий инквизитор захватил оставленные нами близ арен бомбарды и несмотря на то что мы забили их гвоздями — смог как то пустить в дело... — замямлил Риккульф, боясь гнева своего патрона. — Наши агенты сообщают, что сейчас он штурмует «Берлогу» Гарданы — как раз с помощью этих бомбард.

— Берлогу?! Так ведь Борелл здесь, у нас напивается от страха, я сам видел как его приводила в императорский дворец его личная охрана, из секироносцев!

— Верно... посему Корсо видимо и расхрабрился, и теперь желает получить данные о друидах, что могут оставаться в «Берлоге» Борелла.

— А пожары дворцов столицы? Там же их несколько пылают!

— Знать...

— Что с ней такое?!

— Часть знатных были захвачены во время побоища бандитами и теперь в их замках и особняках орудуют шайки разбойников. Стража сейчас занята потасовками и побоищем, так что особо никто ими не занимается, пока...

— Идиот! — заорал Дезидерий на своего секретаря. — Это называется «немного подождать и вовремя появиться»?! Да тут настоящий разгром столицы империи, а мы ничего не предпринимаем! Следует остановить Корсо, пока ему не понравилось регулярно разъезжать по городу с бомбардами в повозках и с их помощью проводить свои расследования инквизиции. Бандитов и мародёров — перевешать!

— Дворец наследника из Ромлеи... — пробормотал Риккульф.

— Что с ним?!

— Горит. Там толпы местных жителей и они не решаются войти, просто закидывают факелами и горящей соломой помещения, подожгли ворота и пристройки выходящие на улицы.

Главный имперский министр ненадолго задумался, потом обратился к Тарасию, демонстративно в обход Риккульфа, на которого сейчас сильно гневался: «Бегом гонца — к командирам отрядов для похода на мятежные провинции, в лагере под стенами столицы! Мой приказ им такой: немедля войти в город в боевом порядке и начать подавление любых несогласованных боевых отрядов, все кто не могут доказать свою причастность: к городской страже, императорской гвардии, минардам, рыцарским орденам, охране наследников — либо сдают оружие, либо уничтожаются на месте. Выполнять!»

Такой же пухлый как и его господин, Тарасий побежал собирать гонцов в лагерь к военным и охрану сопровождения для них, а министр мрачно разглядывал задымлённую сейчас столицу, с террас дворца покойного правителя.

Ему было очевидным, что если к утру он не утихомирит разбушевавшееся насилие — его в столице уже никто не станет считать «Защитником», а скорее наоборот: негодным, непотребной памяти, бестолковейшим и наихудшим — главным имперским министром, и как только он отправится в поход прочь из города — наследники, без труда, в самой столице сговорятся с Избирателями и имперским советом о его, Дезидерия, смещении. Ибо что может быть хуже министра, позволившего разгромить собственным гражданам — свою же столицу?!

Ещё через два часа томительного ожидания, прибыли гонцы от городских ворот, с

сообщением, что первые отряды «походной армии» вошли в столицу и принялись уничтожать или задерживать всех, кого обнаруживали с оружием в руках и кто не принадлежал к указанным министром ранее, группам.

По городу, со скоростью лесного пожара, тут же распространился панический слух о том: что «престолодержатель» ввёл войска и теперь «порешит» все проблемы.

Кто то говорил что проблемы — это четверо наследников и их сейчас и «порешают», под шумок борьбы с мародёрами и в ночной тьме. Иные утверждали что всё дело в беспорядках и их следовало давно прекратить самым жесточайшим образом. Другие намекали на Великого инквизитора Корсо и его бомбардировку Берлоги гарданцев и шёпотом предсказывали зачистку рыцарями министра Дезидерия — бойцов и вообще, всей службы трибунала имперской инквизиции.

Паника в мгновение распространилась повсюду, пробуждая всеобщие страхи и плодя всё новые нелепые слухи: горожане, бросая своё оружие прямо на каменной мостовой — опрометью кидались по своим домам.

Приезжие сторонники наследников старались укрыться у знакомых. Банды разбегались из захваченных ими ранее поместий и домов знати, понимая что их могут просто перевешать, без всякого суда.

Сам заход в столицу множества бойцов, готовящихся к походу на мятежные королевства — заставил почти сразу прекратить беспорядки, людей в них участвующих и спешно начать спасать свою жизнь.

С регулярной армией не хотел связываться никто: ни буйные сторонники провинциальных наследников, ни банды разбойников столицы.

К утру были захвачены и препровождены в императорский дворец на дознание инквизиторы бомбардиры и сам Великий инквизитор Корсо: они было попробовали спорить с командирами походных имперских отрядов, но поняв что те готовы их попросту немедля перебить на месте — предпочли быстро сдаться, так и не захватив Берлогу.

Солдатами были перевешаны с полторы сотни мародёров и насильников, и заколото столько же тех, кто оказывал им сопротивление из принципа или с пьяных глаз.

На утро, город с трудом приходил в себя после столь шумно проведённого «Турнира на крови»-как его сперва назвал секретарь Дезидерия Риккульф, а потом переназвали, уже по иной причине, и сами жители столицы.

Первые министры наследников, кроме Поллиона, между собой сговорились: что если войска специально ввели что бы их с наследниками перебить — то вместе дружно прорываться прочь из столицы и немедля вести свои провинциальные отряды на штурм логова измен, из своих королевств.

Каждый наследник опасался что Дезидерий, пользуясь причиной беспорядков — как поводом во время них уничтожить всех наследников, внуков умершего императора, решили передать с верными людьми срочные письма в свои земли и требовали немедленной помощи солдатами в столицу.

Наследники посчитали что угроза сейчас их жизням столь велика, что уже не стоило бояться прослыть узурпаторами.

Дезидерий всюду объявил, с помощью немедленно разосланных гонцов, следующее: он становится временным комендантом столицы и принимает на себя арбитраж по судам, на которых будут рассматриваться преступления по захватам домов и убийствам, случившимся за последние сутки.

Министр также объявил наследникам, что их люди, чья вина будет доказана — обязаны быть выданы ему для наказания, иначе он посчитает это укрывательством преступников.

Нехотя, но все вице-короли письменно с этим согласились и принялись ждать немедленного трибунала, что вечером того же дня, как войска стали наводить порядок в столице империи — начал работать прямо на разгромленной площади, где ранее стояли арены и трибуны для турнира.

Суд был разделён на две части: высокую, где председательствовал сам главный имперский министр и низкую, на которой главенствовали имперские рыцари, инквизиторы, нотариаты императорской канцелярии.

Высшая часть трибунала судила рыцарей, что считались хоть и косвенно, но повинными в смерти или ранениях своих соперников на турнире — Дезидерий собирался, немного попугав наследников тем, что «нити могут привести и к ним самим» — предложить им забрать взаимные письменные обвинения и спустить все смерти и ранения на арене, на поток, с тем что бы вернуться к данному вопросу уже после похода на мятежные королевства и тогда, более пристально, разобраться.

После недолгих споров вице-короли всё же согласились: они были напуганы, как яростной инициативой Великого инквизитора Корсо, что получив бомбарды чуть было не начал правильный приступ замка наследника из Гарданы — так и ненавистью к ним со стороны столичных жителей и теми беспорядками, что учинили их слуги в стычках друг с другом.

Тудджерри и Поллион считали, что схватки отрядов принцев настолько могли ожесточить горожан, что они будут все как один агентами главного имперского министра и наследникам в столице придётся очень не сладко...

Посему решено было отозвать требования о расследовании смертей рыцарей на турнире, до более удобного момента.

Низшие суды наказывали задержанных за насилие или мародёрство, и вынеся более сотни приговоров за неполные сутки — повесили семь десятков преступников вокруг одного из фонтанов, прямо в центре города. Ещё столько же людей было привселюдно порото и у них выжигали на лбу надпись — ВОР, за то что были застигнуты в чужом доме при собирании вещей в узлы и мешки.

Город потихоньку успокаивался. Уже не было патрулей из жителей кварталов, что вместе с городской стражей ходили по ночным улочкам или помогали тушить догоравшие разграбленные бандами или провинциалами, дома.

Были разоружены большей частью люди принцев и Дезидерий, властью коменданта столицы — потребовал что бы все, кроме аристократов и их охраны, а также стражи и имперских чиновников — прекратили появляться на улицах города при оружии, под страхом заключения.

«Престолодержатель» сумел повернуть и ещё одно важное дело: пользуясь временной растерянностью принцев после побоища и наличием своих минардов и войск для похода на мятежные королевства, в самом столичном городе — он почти без сопротивления провёл в имперском совете старинный закон, назначая самого себя «Дуксом протектором империи».

Эту хитрость некогда придумал сам император, основатель державы: он хотел, если это понадобится для усмирения гордыни некоторых из герцогов и королей, периодически слагать с себя титул императора государственного образования и отдавать его «поносить» кому-либо из особо амбициозных монархов, чьи владения были приобщены к имперской

системе не только силой армии, но и дипломатическими ухищрениями.

Сам император тогда бы становился королём своего исконного королевства и «Дуксом протектором империи»- которому подчинялась её общая имперская армия, казна и кабинет министров, а новый император — мог бы пару-тройку лет, с разрешения «старшего товарища» — посидеть на общеимперском престоле.

Сейчас, данный пост достался министру Дезидерию, правда с неясными полномочиями, которые специально до конца не вписывал в эдикты и умерший монарх — не желая раньше времени давать своим врагам повод подготовиться и исповедуя принцип: «Всегда внезапность — всегда победа!»

Министр Дезидерий считал что этим указом значительно усилил свои позиции, но начстражи гвардии империи Магинарий Имерий, в этом сильно сомневался: «Имперская армия, тебя, в большинстве своём — точно не признает! Те кто сейчас идут с нами в поход — лишь часть, причём малая. Избиратели могут не согласиться с новоявленным Дуксом и вообще: «старик» ведь этот пост готовил для себя — как ширму, ширму для человека которого обожала его победоносная армия и купцы. И те и другие при нём неуклонно богатели, а знать — получала новые земли и замки, вместе с вычурными титулами. Сам по себе, «голый» чин Дукса — всего лишь детский лепет...»

Избирателей Дезидерий напугал очередными письмами им о бунтах в столице и чудачествах наследников и посоветовал, если те хотят остаться в живых — пока не спешить приезжать для Избрания: «Время ещё не пришло!»

По совету секретаря Тарасия, который должен был остаться в столице комендантом после, отъезда Дезидерия в поход — вновь всюду начали появляться жрецы проповедники и всячески нахваливать министра и его поступки: «Министр то примиритель и справедлив!»

Люди повсеместно уже всюю толковали о том, что возможно лучшим выходом из нынешнего бардака, с никому не нужным Избранием и бедами с ним связанными — стал бы следующий вариант: Дезидерий становится фактическим регентом при «четвёрке недотёп», а сами наследники возвращаются в свои королевства и там и правят до самой смерти, пока Дезидерий ведёт общие дела империи и заботится о её благосостоянии...

Дезидерий считал что сможет убедить наследников не рисковать пока с Избранием и на время, хотя бы на год — вернуться в свои владения, оставив ему «разгрести завалы имперской политики».

Ему казалось, что случившееся после «Турнира на крови»- должно было убедить всех четверых внуков покойного императора на время отказаться от трона их деда и заняться своими прежними делами: уж слишком частыми стали схватки в столице империи и мятежи в королевствах, составляющих державу.

В случае же их отказа, секретарь Тарасий, занявший место фаворита при главном имперском министре, вместо несправившегося с нагрузкой Рикюльфа, предложил, вместе с лекарем Феофилактом, следующий вариант: «Объявить с помощью гонцов и проповедников, что наследники — опасные безумцы, как и их отец Хад! Феофилакт уже ищет врачей, что подтвердят что они ещё детьми совершали странные дикие поступки, отрывали крылья птицам и мучали собак, и видимо сейчас, когда подросли — стали лишь хуже и опаснее. Далее следовало постоянно давить на эту тему и напоминать людям о негодном Хаде и грозить возвращением «его дурного семени», многократно худшего ему самому!»

Тарасий уже готовил агентов, проповедников, боевиков — что должны были начать бузу против «безумной четвёрки» и в случае чего, всячески препятствовать Избранию любого из

них императором. Выдавая это всё за собственное явное нежелание имперской паствы идти под длань сумасшедших правителей.

За трое суток до своего выступления в поход, против мятежных королевств, Дезидерий решил провести вначале доверительные беседы наедине с наследниками и попытаться их мягко убедить: что сейчас Избрание императора вредно, а то и губительно — для всех них.

Он верил в свой дар убеждения и считал что нынешнее положение вице королей, после очередной взаимной схватки на улицах столицы империи — практически безнадежно...



## Глава десятая: «Хм...»

Вначале Дезидерий решил встретиться вновь, в замке правителя Ромлеи, с его хозяином, наследником Джанелло: считая что тот, после потери своего королевства и всех последних случившихся кровавых событий в столице, когда именно ромлеян погибло более всего из представителей сторон наследников — что Джанелло будет наиболее готовым, из четвёрки кандидатов на трон, сразу же согласиться с доводами «убедительного и доверительно благодушного министра» и если Дезидерий пообещает ему помочь с походом в Ромлею, когда-нибудь, то наследник Джанелло уже вскоре сам начнёт агитировать среди своих людей о скорейшем возврате в родные земли, для подготовки базы освободительного похода империи в их земли.

Положение ромлеянского вице-короля казалось настолько очевидно плачевным, что главный имперский министр планировал потратить на данную встречу не более получаса, после чего отправиться к вице королям Кельрики и Гарданы, и лишь в самую последнюю очередь навестить дворец с представителями Уммланда, куда, по его мнению — он уже должен привезти сногшибательную новость о том: что три все брата Лиутпранда готовятся вот-вот вернуться каждый в свои земли и вполне очевидно, что ближайшее время, надеются на Избрание не стоит, а соответственно и Лиутпранду с Тудджерри — следовало как можно скорее заняться делами оставленного ими вице королевства Уммланд, что наверное несколько расстроились в их отсутствие...

Уже в самом начале беседы с Джанелло, когда «престолодержатель» лишь упомянул о том что Избрания вскоре не случится и добавил что считает наилучшим вариантом возвращение, со сторонниками и подкреплением из имперских частей, самого вице-короля Ромлеи в свои земли и начало их освобождения, хотя бы пары приграничных городов, от еретика Велизария — как принц Джанелло в гневе вскочил на ноги и заорав дурным голосом — метнул апельсин с подноса, прямо в голову ошалевшего, от подобной манеры ведения переговоров, Дезидерия.

Потом случился очередной небольшой истерический припадок с Джанелло, когда Алавия, в который бесконечный раз успокаивал уговорами и вином, визжащего и катающегося по полу своего господина, а Тестомал, начальник охраны Джанелло, покручивая длинные тощие иссиня чёрные свои усы — громко рассказывал, на всё обширное помещение, как в его родные землях всаживают в спину глупым бестактным послам ножи, как только те покидают здания где проходили неудачные переговоры...

Правда минарды, что присутствовали как охрана Дезидерия, тут же, в числе трёх бойцов — тут же горячо заверили ухмыляющегося Тестомала, что он договорится до того — что в его филейную часть кто засунет пару раскалённых добела кинжалов и это случится уже как можно скорее!

Такое уверенное поведение собственной охраны успокоило, было начавшего немного нервничать, Дезидерия — но вопрос с уговорами принцев покинуть столицу и ждать нового вызова на Избрание, уже в своих базовых землях, пока сам главный имперский министр подавлял бы мятежников Амазонии и Урдии, оставался открытым.

Внезапно Джанелло вскочил с пола и выхватив из ножен на поясе своего начстражи небольшой широкий кинжал, годный скорее для очистки фруктов, чем полноценного боя — ринулся с ним на Дезидерия: ромлеянин изрыгал страшные проклятия и размахивал руками

словно обезьяна, плевался и подпрыгивал на месте, будто бы одержимый демонами, причём сразу несколькими.

Ситуацию спас сам высокий и длиннорукий, словно бы паук, Тестомал, который после кратчайшей паузы ловко схватил своего хозяина за пышные одежды и притянул к себе, потом начал о чём то его упрашивать и в этот самый миг подскочил и первый министр Ромлеи Алавия, и уже вдвоём, они сумели успокоить Джанелло, отобрав у него оружие в дальнейшем увести того в спальные комнаты.

— Уходите господин министр... — холодно произнёс Алавия, когда вскоре вернулся к Дезидерию. — Будем считать что это неудачная шутка с вашей стороны, ибо по иному мы подобные предложения не собираемся расценивать. Всего доброго! Мы никуда не уедем и продолжим именно в столице державы — дожидаться скорейшего, как мы надеемся, Избрания нового императора. Всего вам!

Главный имперский министр Дезидерий покидал помещения ромлеян в мрачной задумчивости: первый и самый верный, как ему ранее казалось, из вариантов с переговорами наследников — сорвался! Он что то не рассчитал и теперь мучительно продумывал новые консультации: как и о чём говорить, на что напирать и предлагать...

Но прежней уверенности пропал и след. Было совершенно очевидным странное желание наследников не выезжать из столицы и ждать, возможно даже до полугода, новых императорских выборов именно в ней.

— На что они все рассчитывают? — спрашивал сам у себя «престолодержатель», пока огромная карета везла его в Храмину, дворец вице-короля Кельрики. — Заставить силой Избирателей совершить их выбор? — но для этого нужны силы! А у меня сейчас в подчинении минарды, полевая армия для подавления мятежей в Урдии и Амазонии в лагере под стенами столицы, десятки тысяч столичных жителей, наконец! У наследников же, после последних неурядиц «Турнира на крови» и последующего погрома в городе, большая убыль в людях... Тогда на что?! Если они ведут армии из своих королевств, в столицу — тогда будет глупейшая бойня при штурме укрепленного города и узурпация власти... Есть ли в этом смысл... А был ли смысл у этого ромлеянского идиота кидаться на меня с ножиком, прямо при моей охране? А недавние проделки Великого инквизитора Корсо, что чуть по камню не разнёс, выстрелами из брошенных дураком Риккульфом бомбард, «Берлогу» гарданского наследника? А вопли королевы Гарданы, над её любовником, поверженным на арене и проклятия, показывающие её склонность к вере «древ и камней»? В отличие от логических игр, тех же «фигур и доски», к примеру — все данные политические «фигуры» имеют эмоции и не всегда могут совершить условное, абсолютно логичное, действие: что является как удобным случаем их подловить — так и крепко промахнуться, в варианте, если действия конкретного дурака окажутся совершенно непредсказуемыми! Ладно... Вот и Храмина. Пора снова договариваться.

После коротких приветствий и мрачного бурчания Великого инквизитора Корсо, который был несколько напуган недавним трибуналом высокой знати под председательством министра и рассказами Дезидерия о том, что возможно придётся провести аресты среди самих инквизиторов, особенно тех, что так отличились при штурме Берлоги гарданцев — главный имперский министр и наследник Амвросий уселись за уставленный фруктами стол на террасе, и начали разговор.

— Положение дел настолько шатко... — начал министр, — что мне казалось бы вполне допустимым что Избрание затянется. Точнее его начало, конечно же! Стоит ли терять время

в столице, когда всюду процветает ересь и мятежи? Думаю, вы оба могли бы уже вскоре вернуться в родные земли и когда всё будет готово к полноценному Избранию: подавлены бунтовщики, усмирены еретики Ромлеи — мы с радостью вновь пришлём гонцов и уже в спокойной обстановке, здесь же, в столице империи вашего Деда и проведём, по возможности скорее, выборы императора...

— Хм... — несколько саркастически выдавил из себя Амвросий. — Вы так любезны? Господин министр, а вы знаете что в моей свите присутствует Великий имперский инквизитор, который за подобные предложения, даже от чистого сердца, а не по злому наущению врагов государства и нашей династии — чего доброго может отправить вас на очистительный костёр... Или куда ещё!

— Да, но... — попытался было возразить Дезидерий, но его безцеремонно вновь прервал хозяин Храмины.

— Костёр может быть неплохим избавлением от пыток для того, кто предложил саму эту глупость. Смею вас уверить: я и мои люди и не думаем уезжать из столицы. Наоборот! — мы считаем что как можно более новых кельриков должны поскорее прибыть сюда, дабы друиды и еретики, что так удивительно часто стали устраивать различные свои проделки, в этом величайшем под Светилом граде — боялись ярости «твёрдых в Вере кельриков» и уже не могли так вольготно, как при ваших гвардии, страже и минардах, действовать в ней... Тем более что вы скоро отбываете в поход и городу нужна будет крепкая рука... — Амвросий настолько лукаво улыбнулся последней своей фразе, что министр невольно поёжился и скоро засобиравшись отбыл по иному адресу.

Уже два наследника откровенно и наотрез отказались от любой попытки своего отбытия, и теперь «престолодержатель» сомневался в необходимости проведения оставшихся переговоров. Но всё же решив что следует хоть кого из наследников убедить в возможности, и даже необходимости, отъезда назад, в собственные земли — направил свой кортеж в «Берлогу», замок принадлежавший наследнику из Гарданы, Бореллу.

При подъезде к Берлоге пришлось остановиться и немало подождать, пока стража гарданского принца не растащит сваленные на дороге возле поместья брёвна, что полностью блокировали проезд в ворота и отправят посыльного спросить: возможно ли принять королю Бореллу — главного имперского министра.

Пока гонец бегал с вопросом к наследнику, Дезидерий рассматривал что сейчас из себя представляло поместье гарданского вице-короля, хоть и чуток, но уже немного восстанавливаемое служками гарданцев, после разгрома учинённого ему Великим инквизитором Корсо залпами из бомбард и беспорядочным штурмом отрядов облавы инквизиции.

Стены вокруг участка и помещения, выходившие на улицы — всё ещё были в копоти, но сгоревшие развороченные пристройки начали уже понемногу разбирать. Ворота были установлены новые, вместо сваленных.

Сама Берлога, как выяснилось из разговоров с охраной, особо не пострадала из за своей малоэтажности и многие ядра, выпущенные из бомбард «чернорясниками» инквизиции — просто перелетали через стену поместья и попадали на соседние участки и в дома, чаще всего гарданской знати, что селилась в столице ближе к имению своего правителя.

Самые большие разрушения оказались именно у внешних стен и пристроечных помещений при них, на которые и пришлись основные атаки кельриков и приданных им столичных инквизиторов.

Сейчас, когда были выделены Дезидерием суммы на восстановление Берлоги, Борелл собирался ещё сильнее укрепиться и по слухам, гулявшим среди его стражей: даже тайно привезти в столицу четыре бомбарды для каждой из каменных башен, на случай нового штурма кем из завистников...

Узнав столь «радостные» для себя новости, Дезидерий наконец смог въехать в обширный, немного развороченный сейчас, двор, близ Берлоги и встретившись с вышедшим встретить министра Поллионом — направился быстрым шагом в залу, где судя по звукам музыки и звону кубков всю пировало множество мужчин.

С большим трудом министру удалось отказаться от пьяного радушия Борелла и уговорить того отправиться с ним в кабинеты немедленно и обсудить некие вопросы.

Поллион и его дочь, к немалому изумлению Дезидерия, отправились вместе с ними: было видно что истерика женщины на арене, во время «Турнира на крови», уже забыта и муж на неё не сердится.

У министра даже появилась мысль, что возможно Борелл просто не понял что там происходило и Поллион, умея на него воздействовать и всё объяснять в нужном ему русле, в очередной раз вывернул ситуацию себе на пользу.

«Престолодержатель» вздохнул с досады, что такой дурак наследник ему ранее не попался на жизненном пути, тогда возможно не стоило затевать всю нынешнюю опасную игру и просто постараться, сего откровенного идиотика, поставить править державой... Лишь по названию, конечно. А тем временем, за его спиной... Э-э-э-эх!

— Что вас привело к нам? — сразу же осведомился первый министр Гарданы Поллион, что теперь разглядывал главного имперского министра с какой то тайной, холодной, но при этом совершенно чётко всеми ощущаемой, ненавистью.

— Ммм... видите ли. — начал Дезидерий. — Мне кажется, что сейчас, когда Избрание ближайшие месяцы невозможно...

— Вашими стараниями? — холодно улыбаясь осведомился Поллион.

— Что?!

— Не отпирайтесь! У нас достаточно сторонников в столице и то что вы вытворяли в «Гнезде», в том числе отправку Избирателей прочь из города, сложно недооценить. Не зря даже дурак Корсо — именно вас стал сейчас, зачастую, в доверенных разговорах, называть еретиком: видимо его агенты смогли что узнать дополнительно. Но не суть... Что же вам необходимо от нас сейчас?

— Мне кажется что в данной ситуации, было бы лучше если вы покинули временно столицу и отправились в свои земли, а когда придёт срок Избрания: будут подавлены мятежи и возвращена из лап еретиков Ромлея, тогда...

— То есть — никогда? — вновь издевательски вежливо осведомился Поллион.

— Отец, возможно главный имперский министр... Сумасшедший?! — нервно смеясь спросила Алуникофиэль. — Мне кажется только подобный человек мог такое предложить, не опасаясь похода на столицу звереподобных северян, что зубами выгрызут городские ворота и взглядом своим — зажгут фонари на улицах!

— Да, дочь моя, новый Дукс империи Дезидерий — видимо переутомился от своих забот и несколько... ээээ... Заговаривается! — подтвердил, несколько хамски, первый министр Гарданы.

Пока наследник Борелл, хохоча, предлагал вскочившему в большом гневе со своего места Дезидерию выпить с ними кубки мёда пьяного съесть кус мяса медведя, а потом

весело хлопал его по плечу — Поллион и его дочь лишь презрительно улыбались и издевательски перемигивались, не скрывая этого от министра.

Третий к ряду наследник чуть ли не послал «престолодержателя» куда подальше и было очевидно что это ещё не конец, и вполне можно ожидать чего подобного и далее, с Лиутпрандом и Тудджерри.

Выскочивший красный, разгневанный и злой, из Берлоги, Дезидерий — с трудом уместился в своей огромной карете постоянно совершая лишние движения и задевая что внутри неё и уже просто для очищения совести, потребовал его отвезти к дворцу наследника Лиутпранда, вице короля Уммланда.

Надежды на успех в переговорах с ним не было почти никакой, но министр считал что должен поговорить со всеми четырьмя наследниками, что бы понять их настроения сейчас.

Он ошибся сразу же, надеясь что после стычек в столице, внуки покойного императора желают поскорее покинуть её и спокойно дожидаться сигнала на возвращение в своих королевствах — ничего подобного!

Каждый из внуков собирался оставаться именно в столице и скорее всего, как только министр отбудет с походной армией против мятежников, они начнут действовать. Каждый из них тайно укреплялся, видимо как кельрик Амвросий — скрытно понемногу вызывая небольшие отряды своих сторонников в столицу и дожидаясь отъезда главного имперского министра, в поход.

Конечно слабо верилось в объединения усилий наследников, слишком сильно они демонстративно противостояли друг другу всегда и везде, а особенно сейчас: когда один из них должен был сорвать грандиозный приз.

Но был шанс и немалый, что кому то из наследников удастся сговориться со столичной знатью, потом найти и провести успешные переговоры с Избирателями и когда министр Дезидерий будет носиться в густых лесах Амазонии, отлавливая местных стрелков из длинных луков или обстреливать орудиями бастиды рыцарей Урдии, Избрание произойдёт без него — внезапно.

А потом, как это обычно и бывает в таких случаях: от нового императора придёт гонец и в лучшем случае просто пригласит в столицу, а в худшем — гонец вначале придёт к крупным полководцам похода и уж они, по тайному распоряжению нового императора и отрубят голову, столь надоевшему наследникам и избранному законному правителю, человеку...

— Итак: никто никуда не уедет... — начал мысленно просчитывать ситуацию Дезидерий. — Что же тогда мне самому сделать: отправиться в поход прямо сейчас или снова что предпринять, вроде последней турнирной бойни и лишь тогда отбыть? Охота провалилась — как «примирение», Турнир сработал, но несколько не так как хотелось... У меня есть минарды, напуганная императорская гвардия, что не хочет лишиться своих мест и отдать выслугу прибывшим с наследниками провинциалам, есть походные войска вокруг столицы! Но! Если я просто перебью наследников, при том что сам не являюсь внуком покойного императора... Или являюсь? — Найти нотариатов и архивариусов, Феофилакт обнаружит врачей, что принимали «тайные» роды... Хм... Тогда лучше не внук, а сын... младший! Что гораздо лучше полоумного Хада! — Дезидерий, несколько минут размеренного, укачивающего движения в карете, с улыбкой раздумывал над столь приятным своим прожектором, но потом тряхнул головой и вернулся от сладких грёз к трезвой реальности. — Нет! Надо было раньше подобное готовить. Если бойня внуков когда и

должна была произойти — то или сразу по приезду наследников, или после «Турнира на крови», в суматохе и панике той сумасшедшей ночи! Тогда же и слухи, о младшем сыне императора, которого тот тайно, в обход «четвёрки недотёп», назначил своим сменщиком — начать распространять следовало. Сейчас, если просто перебить наследников — уже никто не поверит в данного «найдёныша», а династию узурпатора, к тому же незнатного, не из высшей знати — поддержат крайне ограниченно и то, до тех пор пока знать не объединится и не выставит кандидата против него, а уж тогда... Все наперегонки бросятся в их лагерь! Кровавого тирана поддержали бы, если за ним стояли верные правителю стальные когорты ветеранов, но у меня их нет, не считая походной армии — которой я до этого ни дня никогда не командовал, как и вообще любым воинским отрядом ранее. Также как никто из моего ближайшего окружения... Я просто не буду для них авторитетом в гражданской войне. Нет смысла в таком развитии событий... По крайней мере для меня!

Министр укутался, несмотря на то что было душно в карете, в свой плащ и ненадолго выглянул в окно, потом вернулся к своим грустным размышлениям:

— Наследники, что просто удивительно для меня, уверены в своих силах и не собираются никуда уезжать — чего то ждут! Но чего?! Избрания? — вряд ли... Войск? Солдат идущих из их земель им на помощь? — тогда это будет полноценная бойня и гражданская война. Возможно им уже просто всё равно, но как то мне так не показалось, при наших последних беседах... Да и проще было выехать и лично встретив свои армии, самим начать наступление, а не дожидаться в столице, с ограниченным контингентом своих подкреплений из телохранителей и слуг. Любого Наследника, в его особняке, могут и штурмом выкурить оттуда или взять в заложники, для переговоров с его людьми. Странно это. Скорее все четверо задумали интригу и каждый собственную. Я явно переоценил собственный дар убеждения и размер нынешних проблем для вице королей — учту это на будущее. Простецам столицы понравилась идея моего «бессрочного главноимперского министерского правления», также как и имперскому совету, сделавшего меня Дуксом, но вот что делать если наследники договорятся со знатью, особенно высокой и та, например в старой столице, где правит сейчас Избиратель Роллон — проведёт свой собственный съезд и в обход Избирателей, объявят там императора — решением данного собрания? Тогда простецы первыми меня бросят, а заседающие в Совете — назовут тут же «врагом державы»... Даже не сомневаюсь! И как мне при таких угрозах уезжать из столицы?! — а не уехать уже сложно: солдаты в лагере при столице начинают скучать и дуреть, за неделю посотни мародёров и насильников перевешали, из их числа... Дальше будет хуже. Если поехать в поход не самому, а послать полководца? — тогда не я буду, «Защитником» империи, а посланный мною командир и никаких выгод, в случае игры на регенство при «четвёрке недотёп» — мне это не даст. Надо думать...

Дезидерий внезапно забарабанил в окошко и приказал командиру минардов кавалеристов, что сопровождали его карету, немедленно ехать в императорский дворец. Визит в особняк вице короля Уммланда решено было отменить по причине его абсолютной ненужности. Выглядеть шутом перед свитой самого опасного из кандидатов на престол, министру совершенно не хотелось.

Карета министра, вместе с полусотней его конных телохранителей, въехала во двор императорского дворца, где сейчас почти непрерывно проживал «престолодержатель» и тут же, навстречу сделавшему пару шагов по камню площадки у ворот министру Дезидерию, бросился Тарасий, один из трёх его личных доверенных секретарей и возбуждённо зашептал:

«Срочная информация! Только что прибыли гонцы...»

— Не здесь! — раздражённо сказал Дезидерий. — Идём в подвалы где не подслушают... или нет, не хочу! Пошли на поляну, где «кинжальщик» против меня злоумышлял — там ведь всё выкорчевали и траву убрали и сожгли? — идём туда! Вдвоём погуляем на свежем воздухе и свете Солнца, и ты мне тихо всё нашепчешь, пока охрана вдалеке постоит... Там надёжнее.

Мужчины быстрым шагом вышли на столь им обоим памятное место и после короткой паузы и странных оглядываний по сторонам, Тарасий вновь зашептал патрону, почти на самое ухо, свои скороговорки: «Гонцы отовсюду прибыли — просто ужас! Велизарий, новый незаконно избранный Солнцеликий, в своём городе-храме официально привселюдно проклял империю и заявил что без признания Ромлеи, лично его, «Священной землёй паствы Солнцеликого» — все императоры и сама держава им проклинаемы и никогда не будет у неё спокойствия и побед! Люди в ужасе и начинают собираться что бы...»

— Ну понятно! — отмахнулся устало министр, — Велизарий тоже хочет поучаствовать в Избрании императора и стать легитимным имперским Солнцеликим, заодно законно получив захваченные им уже земли в своё официальной пользование и угрожает нам своими эдиктами и проклятиями, что с того?

— Да как же, господин?! — остолбенел секретарь и позволил себе слишком уж громкий вопрос. — Наши простолюдины его слушают и именно он, для них, как новый Солнцеликий — главный церковный авторитет, а вовсе не живодёр Великий Инквизитор Корсо или Избиратели Хорхе и Виллиам. До простецов, пока дойдут наши изречения об еретике, что теперь правит в Ромлее — сколько лет пройдёт? Они верны традициям, а в традиции: любой Солнцеликий — первый жрец Светила в империи! Именно он свят как никто иной! А соответственно: его проклятия — страшная сила. Могут привести к народным волнениям и это сейчас, когда и так провинциальная знать мятежи подняла...

— Верно... — согласился спохватившись Дезидерий. — Хорошо. Начинай готовить проповедников, что будут всюду вещать что не мог Солнцеликий такого объявить и подобное распространяют лишь клеветники! На первые пару месяцев хватит! Всех прибывших из Ромлеи, люди на улицах будут просто оскорблять и избивать, что бы глупости не говорили об Велизариевых речах — наша чернь на такое падка! За это время постараемся каким образом договориться с самим Велизарием: или войсками угрожать станем, большим походом или... Согласимся со всеми его требованиями! Главное — выиграть время! Это всё?

Тарасий нервно затряс головой и словно бы заблеял: «В том то и дело что нет! Амазония уже открыто заключает договора с соседними государствами и Островная держава прислала к ним послов, целую делегацию! К тому же, многие наши торговые города, на Северных морях, что зависят от морских перевозок — начали им тайно выплачивать суммы, что бы их не трогали пираты Амазонии...»

— Кто?! — министр ошалело уставился на секретаря. — Как?!

— Да! Наши старые планы, по усилению Амазонии перед вашим блистательным походом — осуществились с опережением и явно немного наперекосяк... Многие пиратские капитаны, из Гарданы и Межканалья, буквально ринулись в Амазонию и присягнув их королеве — официально стали там капитанами и адмиралами. У них там сейчас примерно четверть всех пиратов Северных морей обитается и есть подозрение, что взять Амазонию будет не так просто, как мы ранее планировали.

— Если вообще возможно... — протянул министр.

Он прекрасно помнил о постоянных сложностях в схватках, в этих лесных, сильно

заболоченных землях — где сама природа помогала обороняться местным жителям и искренне надеялся на десант с моря. Что позволит, захватив немногочисленные приморские города крепости, фактически диктовать волю империи взбуновавшемуся «женскому королевству».

Но теперь, когда во множестве пираты, как он когда то ране и хотел, прибыли записываться во флот новой державы, возникал вопрос: сколько времени займёт борьба с ними и главное — какие для этого понадобятся силы? Войск, в лагере вокруг столицы, было явно недостаточно на блокаду Амазонийских границ, мощный десант на укреплённое побережье, борьбу с многочисленными пиратскими флотилиями.

— Верно! — поддакнул Тарасий своему хозяину. — Они сейчас с деньгами, так как негодяи, боясь нападений пиратов — с удовольствием платят за лицензии, на прохождение мимо берегов Амазонии, но боюсь и это ещё не всё...

— Вот как... — теперь Дезидерий даже слегка рассмеялся. — Ну выкладывай! Денёк с утра не задался и не вижу причины далее ему быть лучше. Что там?

— Урдия выгнала почти всех имперских чиновников и теперь, заполучив бомбарды из арсеналов — усиленно чинит обветшалые укрепления и проводит сборы среди ветеранов походов, распределяя их по новым, теперь своим королевским, отрядам.

— Ну, это мы как раз ожидали... Ничего страшного!

— Точно! Но главное не это: наследники, видимо после бойни на «Турнире на крови», точнее после турнира — тайно послали за своими дружинами и сейчас, они, ускоренным маршем направляются в столицу. Даже разбитые Велизарием части армии Джанелло — и те массово выдвигаются к нам! Возможно наследники решили не ждать Избрания, а устроить стандартные «выборы» императора, в битве между собой?

— Эти идиоты всё же хотят развязать сейчас гражданскую войну?! — вскричал министр.

— Сложно сказать, скорее всего нет.

— Почему так считаешь?

— Наши агенты говорят что к столице движутся отряды численностью в пять-семь тысяч человек, при том что полные армии, данных внукам императором по жребью королевств — могут достигать и тридцати тысяч! Скорее это группы из местных провинциальных гвардейцев, для усиления позиций наследников в столице. Мои агенты также сообщают, что кельрики и ромлеяне постоянно говорят что наследники были напуганы вводом нашей походной армии в город, при недавнем подавлении беспорядков в столице и решили более не давать вам соблазна их перерезать, в суматохе мятежа и ночного городского боя, а посему и вызвали свою гвардию под столицу, для сравнения шансов в противостоянии с вами.

Министр вышагивал по поляне и раздумывал об услышанном. Становилось понятным то упорство, с которым наследники не желали покинуть столицу: они уже знали о шествующих им на помощь отрядах и не собирались отступать перед давлением министра Дезидерия.

Когда отряды придут — силы сравняются и позволят наследникам вернуть позиции, что были у них до «самоназначения» на бессрочный период главным имперским министром, Дезидерия. Их бойцы начнут розыск и привод, возможно и насильственный, Избирателей и отправившийся уже совсем скоро в поход против мятежников «престолодержатель» — может во время самого похода получить уведомление что он, теперь: «враг империи» — и команду мясников, пущенную по его следу, сообщению вслед... Требовалось как то



немедленно корректировать планы.

Тарасий также сообщил, что отряды уммландцев — в двух сутках пути от столицы, Гарданы — четырёх. Кельрики придут на сутки позже гарданцев, а вот ромлеяне, как это не прискорбно — уже к концу сегодняшнего дня! Они давно собирались за той стороной ущелий, что разделяли Ромлею и центральные земли империи и вчера утром начали переход. Сегодня утром они собрались в походный порядок за горной грядой, что отделяла империю от их родных территорий и теперь со всех ног и копыт их коней мчатся в столицу.

— Похоже нас ждёт очередная серия насилий, со стороны этих дураков, из Ромлеи! — взвыл секретарь министра.

— Не это главное: ромлейцев перебьём силами стражи или жителей города, как и ранее. Меня беспокоит как теперь уехать бросить столицу в руках наследников, а ведь когда я её покину — она будет ими разделена на сферы влияния и немедля захвачена... Даже не сомневаюсь!

— Что же делать?! — несколько панически вскричал Тарасий, которого и предполагал министр Дезидерий оставить комендантом столицы, на время своего скорого похода на мятежников.

Секретарю совершенно не хотелось быть изрубленным на куски гвардейцами наследников, когда основные части минардов и походной армии покинут столицу и её окрестности, и Тарасий решил на коленях молить министра взять его с собой в поход или немедленной отставки, что бы успеть сбежать.

После десятка нервных шагов во всех направлениях, отчего складывалось впечатление что «престолодержатель» в сильном подпитии, главный имперский министр наконец посчитал что нашёл верный вариант своих дальнейших действий и объявил секретарю: «Завтра утром, в десять часов — на площади перед императорским дворцом пройдёт моё выступление. Обязаны присутствовать все высокие аристократы столицы и те кто сейчас в ней инкогнито находится или располагаются пригородах, из провинциалов что недавно прибыли с принцами! Сообщи всем наследникам об их обязательной явке. Вызови старших жрецов всех храмов, до которых успеют добраться гонцы. Зови глав столичных гильдий и имперских рыцарей и баронов — всех их! Ты понял?»

— Конечно господин! — отвечал ничего не понимающий Тарасий и лишь послушно кивал головой.

Собственно особо плана у главного имперского министра пока ещё и не было, но некая идея, очертания, уже проступили: Дезидерий планировал, до подхода всех войск наследников к столице — внезапно изменить правила участия в походе против мятежников и сейчас, в новых сложившихся условиях, когда он считал что кандидатов в императоры опаснее оставлять в столице, вместе с их всё увеличивающимися отрядами — дать всем четверым наследникам возможность поучаствовать в подавлении мятежей в империи их деда.

Придётся поделиться славой «примирителя»? — возможно! Однако это было не столь важно, при возникшей грозной новой опасности: что наследники силой проведут скорое Избрание правителя, при отсутствующем в столице министре Дезидерии.

К тому же, согласно новым сведениям от Тарасия, задавить мятежи в Урдии и особенно Амазонии — вряд ли удастся скоро и сам Дезидерий, планируя теперь позволить вице-королям первыми атаковать данные земли и обломать там зубы, собирался потом, в зависимости от сложившейся ситуации в мятежных королевствах: либо додавить,

ослабленные армиями наследников мятежные королевства или же предложить им копромиссный мир, в случае если Урдия и Амазония окажутся слишком уж сильны.

Этим министр «Дукс» Дезидерий покажет всем, что в отличие от «провинциальных корольков» — умеет мыслить глобально, как и должен поступать правитель столь обширной державы, как империя.

На следующее утро, в означенное время, «бессрочный» главный имперский министр Дезидерий уже стоял на наскоро подготовленной, из досок и брёвен, площадке и орал, что бы докричаться до всех знатных людей, присутствующих сейчас вокруг него поблизости на скамьях, как им всем казалось, столь странном мероприятии.

Ни наследники, ни знать — не поняли причин этого срочного сбора, но так как события менялись с калейдоскопической быстротой все последние недели, все решили на всякий случай обязательно присутствовать: охрана наследников заранее заняла им предназначенные места и пинками отгоняла мимо проходящих имперских рыцарей, из выслужившихся ветеранов простецов, что уже успели за годы «рыцарствования», на покое, наесть себе приличные брюшка.

Дезидерию утром сообщили Анулон и Тарасий, его доверенные секретари, что первые отряды ромлеян стоят под стенами столицы и всюю конфликтуют с патрулями из лагеря походной армии, что не желают их пока пропускать внутрь города.

Ожидают что армии остальных наследников также придут с опережением графика. Все вице короли довольны и ждут с нетерпением собственные силы, дабы «прищемить нос зарвавшемуся выскочке»... так сообщали агенты из окружения внуков.

Главный имперский министр стоял ныне на высокой трибуне и орал, хотя его высказывания, с некоторой паузой, повторялись специальными риториками актёрами, близ установленных скамей, на которых чинно восседала знать: впереди высокая, далеко сзади — та, что просто оказалась поблизости и ей позволили присутствовать на данном собрании.

Стояли главы столичных гильдий и часть имперских рыцарей, которым никто и не собирався подготавливать сидячих мест. Вокруг «заседавших» на площади знатных людей находились пажи, оруженосцы, охрана знати и всё прибывавшие столичные жители, которые после «Турнира на крови», с некоторой опаской начали воспринимать любые большие собрания в своём городе, особенно при участии свит прибывших на Избрание наследников.

«Престолдержатель» набрал побольше воздуха в грудь и после дежурных приветствий присутствующих наследников и знати, приступил к объяснению причин столь спешного сбора, на который он их всех и вызвал: «Пока я стараюсь, по мере своих сил, в преддверии скорого Избрания нового, достойнейшего правителя всем нам — сшить империю, что уже расплзается на части, некоторые из знатных людей, особенно из дальних провинций — слишком весело и легко относятся к своим обязанностям! Мне сообщили, что только что прибыло несколько сотен ромлейских рыцарей, вместе с оруженосцами и слугами — и что же? — вместо того что бы записаться в поход на освобождение их Отчизны, они рвутся в столицу, здесь собираются оставаться далее и кутить на последние деньги! А кто будет освобождать Ромлею от еретиков Велизария, кто?!»

Перст министра указал на места на площади перед трибуной, где сидел и до этого всюю распивал вино и безудержно хохотал Джанелло, правитель Ромлеи, который сейчас, с прибытием тысяч своих людей, чувствовал себя всё увереннее и даже успел утром нахамить Великому инквизитору Корсо, дежурно пообещав вскоре отрезать тому уши.

Сейчас вице король Ромлеи явно занервничал и было что то собрался прокричать в

ответ на тираду Дезидерия, но его первый министр Алавия остановил своего правителя и они оба в молчании принялись слушать далее, выступление главного имперского министра.

— Мне сообщают свидетели: что армии Кельрики, Уммланда и Гарданы — тайно идут ускоренным маршем к столице! — Но зачем?! Разве уже уничтожена ересь в Ромлее или подавлен подлый мятеж в Амазони и Урдии, что воины данных королевств наступают на столицу собственной империи, в странной и непонятной мне спешке?

Люди вокруг зашевелились и стало ясно что знать, хотя и не особенно, однако опасаясь возможного скорого прихода этих самых провинциальных войск наследников — всё же выражает своё явное недовольство этими происходящими событиями.

На площади, за трибунами с сидящими «знатцами» и вовсе не особо скрывали что думают о происходящем: «Да они решили учинить братскую резню, да ещё и у нас прямо в городе!» — кричал какой то старый жрец.

— Не пустим! Пускай у себя в провинциях дуреют, как хотят!

— Надо у министра, «Защитника нашего» — требовать разрешить ситуацию!

Простецы начали скандировать: «Защитник-спаси!» и вскоре часть стражи и слуг знатных людей вынуждена была отправиться ловить самых горластых, так как их крики мешали нанятым риторам передавать в точности то, о чём далее вещал с трибуны министр.

А Дезидерий продолжал: «Сюда идут армии из провинций — но зачем они здесь нужны?! Нам нужна помощь? — конечно! Но тогда её следует оказывать там, где есть проблемы, а не где желают быть командиры данных воинов! Ромлеянские беглецы, что теперь у стен города — не будут впущены в столицу. Это моё слово! Но мы выделим им припасы и оружие, и после трёх дней отдыха, под стенами нашего главного имперского полиса — они должны будут вернуться в свои родные земли и освободить их от еретика Велизария, этого нечестивого и незаконно избранного «псевдосолнцеликого» и жреца демона Тьмы! Не стоит славным рыцарям Ромлеи пребывать в неге и безделии в столице империи — их ждут подвиги и слава на Родине! Храбрейшие северяне Гарданы и несгибаемые волей уммландцы — также не нужны, во множестве, сейчас в столице! Совсем! Их отряды должны немедленно принять участие, возможно вместе со своими вице королями во главе данных формирований, в подавлении случившихся в державе мятежей и отправиться в сторону Урдии, где их доблести найдётся достойное применение!

— Сволочь! — спокойно подытожил услышанное вице король Уммланда Лиутпранд. — Тудджерри, что скажешь об этом громогласном щегле?

— Скотина ещё та, но не дурак... — ответил богатейший банкир империи. — Он немного отступил и уступил, и теперь с нами разделит поход на мятежников и славу в нём. Зато в этой ситуации и нам, оставить свои силы в столице и потихоньку прибрать её к рукам — практически невозможно. Того, из кандидатов на престол, кто так поступит — ждёт презрение знати и ненависть черни... Придётся уходить на подавление мятежников.

— Это победа или поражение для нас?

— Не знаю... Посмотрим. Пока что небольшая победа: мы участвуем в походе из которого нас прежде вышибли и есть шанс что успеем отличиться, а соответственно — получить бонусы при Избрании императора от Избирателей. К тому же, чем быстрее мы завершим данный поход — тем быстрее пройдут и сами выборы императора. Ранее мы были почти полностью в руках министра, сейчас наша судьба потихоньку вновь начинает зависеть лишь от нас...

Дезидерий продолжал свою пламенную речь на трибуне: «Я прошу, что бы наши братья

из Кельрики, вместе со службами инквизиции — занялись подавлением мятежа в Амазонии и сделали всё возможное, дабы друидическая угроза оттуда не дала своих грязных плодов в иных местах державы!»

— Подонок! — мрачно проговорил первый министр Гарданы, Поллион. — Подонок! Значит теперь так? — инквизиция и фанатики костров придут в изумрудные леса и зелёные наземные моря прекрасной древней Амазонии? Хорошо же — сквитаемся с тобой, тварь...

Через десять минут Дезидерий закончил свою страстную речь о единстве всех имперцев и походе, в который должен обязательным образом влиться поток новых добровольцев из провинций и сидящая вокруг министра знать, словно в едином порыве вскочила на ноги и стала орать то же, что ранее кричали простецы на площади, за сидячими трибунами: «Защитник! Защитник!!!»

Знать считала, после всего увиденного и услышанного, что Дезидерий — совершенный и идеальный «Защитник единства державы».

Рыцари повсюду орали что и сами запишутся в походную армию, и раз все силы империи идут на подавление мятежей, то и им негоже сидеть в столице.

Хотя ещё утром все они считали что нет смысла уходить куда в поход: пускай этим займутся имперские войска и рыцарские ордена.

Высокая знать тут же начала жертвовать деньги и клялась собрать собственные отряды — для присоединения к благой цели усмирения мятежных королевств и единения страны.

Рядом находившиеся жрецы всех благословляли, протягивая длани к солнцу и словно бы рассеивая его свет, набранный в них, как воду, на всех присутствующих.

Всюду было ликование и необычайное воодушевление, словно люди услышали самую радостную новость, что много лет ожидали и теперь их заветные чаяния сбылись.

По совету подошедшего к Дезидерию Анулона, его секретаря, министр тут же, при всех — разорвал часть своего одеяния и связал его назамысловатым узлом, из которого торчало восемь «хвостов» лоскутьев, потом проорал обращаясь к риторам: «Это знак нашего общего похода! Знак Светила на каждом, кто присоединится к нам!!!»

Сперва знать не поняла раторов и их частые повторы того что сказал министр. Потом заорала вразнобой и все начали мастерить нечто подобное и для себя.

Кто то подбегал к самому Дезидерию и коленопреклонённо просил подарить эмблему, кто пытался понять как она выглядит и спрашивал сколько должно быть «лучей» у связанного узлом Солнца, что в иной трактовке проповедников на площади, означало единую, крепко «повязанную меж собой» — империю самого Светила!

Через час, когда на площади начались танцы и зазвучала музыка, главный имперский министр отбыл в залу императорского дворца, дабы провести внеочередное заседание с наследниками и их первыми министрами.

Все на площади больше слушали радостного «престолодержателя», чем говорили сами. Министр был уверен что избавился от опасности ближайшего тайного переворота в столице и Избрания императора, пока он будет в отсутствии, в походе и сейчас был весел и необыкновенно благожелателен.

После обсуждения вопросов организации встречи прибывающих провинциальных отрядов и их маршруты выдвижения на противников, командования в минипоходах и прочие рабочие моменты, внезапно встал Великий инквизитор Корсо и мрачно улыбаясь, спросил: «А можем ли мы доверять прибывшим из Ромлеи голякам? Не являются ли все они агентами ересиарха Велизария, подосланными к нам специально? Стоит ли подобному сброду

доверять освобождение святой, для всех верных сторонников веры Светила, земли?!»

— Что ты мелешь, скотина чёрноплащная?! — заорал в бешенстве ромлеянин наследник Джанелло, пока его министр Алавия пытался его успокоить.

— Мне кажется... — продолжал Корсо, не обращая внимания на Джанелло, — что стоило бы, именно верным в Вере кельрикам и имперской инквизиции, поставленной бороться с ересью любой формы — доверить поход в Ромлею и освобождение занятых еретиками тамошних городов и храмов!

Дезидерий всё понял что ему сейчас предлагали, однако он также прекрасно осознавал какая пропасть была между постоянно оскорблявшими друг друга, разными сторонами культа Солнца: кельрики — были фанатиками наказаний и именно у них имела наибольший успех инквизиция, вместе со всеми её процедурами, а также наиболее почитался общеимперский храм «Карающего Жара» — как самый священный. Сибариты ромлеяне предпочитали войне торговлю и посиделки в амфитеатрах или стадиумах, и посему у них был в почтении миротворец Солнцеликий, по крайней мере чаще всего он был именно миротворцем и добряком, и общеимперский храм «Утреннего Рассвета» что славился раздачами милостыни и пищи.

Обе стороны культа Светила друг друга откровенно ненавидели и презирали, и каждая считала иную — еретиками!

Допустить в Ромлею поход кельриков, означало лишь одно: кровавые боины каждый день, тысячи костров для пленников, постоянные пытки и разгром одного движения, внутри церкви — иным, наиболее радикальным, к тому же.

«Престолодержатель» взмахнул руками: «Нет! Ромлеяни лучше знают свои земли и проживающих там людей — им и доверим освобождение! Поможем деньгами и оружием, лошадьми... Но для кельриков найдётся работа конкретно в Амазонии, и именно там! Не стоит разрываться на несколько целей сразу и даже необходимо заняться каждой группой, лишь своей, конкретно обозначенной — для обязательного нашего всеобщего и окончательного, скорейшего успеха!»

Великий инквизитор недовольно пробурчал что то, но вновь уселся на своё место. Видно было что он совершенно не согласен, но активно спорить сейчас не готов: народное воодушевление на площади, немедленное надевание на свои одежды знаков будущего похода многими знатными людьми, восторг толпы — всё это делало невозможным отказ наследников участвовать в подавлении мятежей, так как их сразу же могли посчитать недостойными престола деда, как простецы, так и Избиратели.

Приходилось соглашаться с условиями главного имперского министра и надеяться на скорое разрешение внутренних конфликтов державы, объединёнными силами наследников и имперской армии, подготовленной Дезидерием для его, ранее предполагаемого «личного похода».

Дальнейшие переговоры были уже не столь важными: определились с датами выступления наследников и по каким маршрутам они, в походных колоннах начнут движение, сколько выделит имперская казна, а какие суммы придётся собирать самим.

Наследники вытребовали себе бомбарды, из столичных арсеналов, чего так не хотел им вначале давать министр Дезидерий и бочки с порохом — точнее гарантии, сколько пороховых обозов они получают, за каждую неделю участия в походе.

Поллион поинтересовался, впрочем скорее в качестве попытки провентилировать вопрос: «Нельзя ли в поход против Амазонии, добавить и несколько сот гарданцев, для

усиления?»

Однако Великий инквизитор Корсо настолько яростно этому воспротивился, что Дезидерий, который вначале был не против позволить Поллиону с помощью своих бойцов, спасти хоть кого из знакомых друидов его малой Родины — всё же категорично отказал в этом и попросил всех следовать заранее разработанному общему плану.

Прощались все довольно спокойно, скорее даже дружественно: наследники были скорее веселы и впервые, по крайней мере на памяти «престолдержателя» — вежливо пожелали успехов друг другу.

Алавия потирал руки и гарантировал главному имперскому министру, «если тот немного расщедритя с поставками из имперской казны для ромлеян» — десятую часть от полученной добычи, как вещей, так и денег.

Поллион был презрительно холоден: было видно что он никогда не простит Дезидерию того, что тот, по какой то своей причине — отправил фанатиков солнцепоклонников Кельрики на подавление мятежа в друидическую Амазонию, его Родину.

Корсо попросил ещё раз подумать о возможной помощи инквизиторами Ромлее и прошептал «что у него там много агентов и инквизиторы готовы к внезапным массовым облавам, по его первому приказу».

Тудджерри, первый министр Уммланда — ничего не просил из имперской казны, говоря что они с наследником Лиутпрандом свои собственные деньги выделяют на сохранение наследия покойного императора, но требовал обязательного скорейшего выделения им бомбард: так как из Уммланда их везти долго и муторно, и проще, для скорейшего начала похода, получить находящиеся на складах столичного арсенала и уже с ними, в ближайшие дни и выступить в поход.

Когда все наконец разошлись, главный имперский министр обхватил голову руками и чуть не начал выдирать на ней оставшиеся волосы — он оказался страшно разгневан всем произошедшим.

Вместо его личного, полноценного, самостоятельного похода — из которого он должен был вернуться героем и чуть ли не единственным кандидатом на желанное всеми «бессрочное главноимперское министерство», так вот: вместо этого близкого, как ему ранее казалось, приза — теперь будет несколько походов, в которых примут участие и все наследники.

Это возможно приведёт к относительно быстрому подавлению мятежей и не менее скорому Избранию императора. Сам Дезидерий фактически и распределил все мятежные королевства между наследниками и теперь был вынужден просто наблюдать за их подвигами, при этом лично особо ничем не выделяясь. Можно подождать что наступление вице королей на усилившиеся мятежные провинции захлебнётся и тогда... Но был вариант что наследники вернутся из похода героями и вся задумка, так гревшая министра утром, во время воззвания к знати на площади — могла оказаться миражом.

— Крах... — шептал министр. — Крах... Амазония может долго сопротивляться кельрикам? — конечно! Но Урдию, железный поток опытных в войнах гарданцев и уммландцев — скорее всего сметёт, а тогда они сами могут выступить на Амазонию. Против такого общего давления она может и не устоять... Есть правда Ромлея и еретик Солнцеликий... Хм... Джанелло почти наверное завалит свой поход и пока наследники будут воевать в лесах и болотах Амазонии с местными партизанами и пиратскими ватагами на побережье, я смогу со своей армией выдвинуться на Ромлею! Да! Поражение Джанелло и

спасение центра культа Светила лично мною, главным имперским министром!

Немного помечтав о триумфе и восхищении жителей столицы, ордах жрецов, славящих его на проповедях, толпах кричащих похвальбу министру рыцарей орденов — Дезидерий замахал руками и горько улыбнулся: «Там Велизарий... Который слишком явно не дурак! Вряд ли мне быстро удастся с ним справиться, да и армия у него, по моим сведениям — вполне сопоставима с моей, готовящейся ранее к походу, а то и более. Плюс за него местные, южноморские, пираты и почти все торговые города-республики. Мда... Быстрой победной кампании может и не получиться, а потерять лицо, при поражении в освобождении священной Ромлеи — будет позором!

Решив посоветоваться, министр вызвал в свои кабинеты тройку доверенных секретарей, личного лекаря Феофилакта и уже вскоре, окружённый собственной вернейшей свитой, говорил о нынешних проблемах: «Меня фактически подвинули от командования походом. Теперь выступлений несколько и на каждом уселся командовать кто то из проклятых внуков, наследников покойного императора. Если скоро всё завершат — будет немедленное Избрание, причём кандидат будет окружён ореолом славы полководца и спасителя империи. Какие варианты для нас? Как задержать столь пылких честолюбцев и самим протиснуться вновь, в число участников данных скачек?»

После трёхминутной паузы, Анулон предложил вариант с Ромлеей, о котором чуть ранее уже думал и сам «престолодержатель» и от которого отказался:

— Наследник из Ромлеи имеет слабейшие отряды и даже с нашей помощью вряд ли осилит еретика Велизария. — начал Анулон. — Дадим ему помощи для максимального ослабления друг друга Джанелло и Велизарием, а потом — прихлопнем победителя... То есть нынешнего незаконного Солнцеликого, конечно же.

— Сложно высчитать! — возразил Дезидерий. — Время их разборок, сколько денег нужно продажному Алавии, что будет при этом сумасброде наследнике за командира в походе — всё! Джанелло проиграет — однозначно, но вот что справимся с Велизарием мы сами, это большой и неопределённый вопрос! И такой же риск...

— Может провокация... — робко предложил Риккульф, что после «Турнира на крови» был скорее изгоем, в тройке секретарей и мечтал вернуть расположение своего господина. — Отправим небольшой отряд кельриков в Ромлею — пускай устроят там бойню, или что подобное как в Амазонии и тогда...

— Тогда они и без нас это сделают! — выверился министр на надоевшего ему Риккульфа. — Угомонись! Кельрики идут в Амазонию жечь костры инквизиции и рубить на них все, абсолютно все — священные рощи друидов! Что ещё может быть лучше для взаимной ненависти: фанатики сторонники массовых казней на кострах — против почитателей древ и камней, таких же фанатиков? Там будет страшнейшая заруба и видимо надолго! Скорее всего гарданцы и уммландцы, после победы над Урдией — отправятся на помощь в усмирении Амазонии, благо там всё относительно близко... Но мне то что с этого всего?

— Хм... — подал голос Тарасий, бывший в данный момент явным фаворитом у «престолодержателя».

— Да, да. — Говори! — поддержал и ободрил Тарасия министр. — Есть вариант?

— Конечно. Следует создать или воссоздать, так вернее — настолько мощную угрозу, что для её подавления необходимо будет использовать значительно больше средств, чем на поход против одного из мятежных королевств. А для того что бы наследники не

переругались — возглавить его должны будете вы, как нейтральное и независимое, от каждого из них, лицо... Повышаем ставки и на новом уровне угрозы именно вы явитесь спасителем державы. Нужно сменить разрозненные цели на одну, но очень мощную и принятую абсолютно всеми за врага, для решающей борьбы...

— Заманчиво... — протянул Дезидерий оценивая услышанное. — Но что за враг такой мощный? Честно говоря мне пока в голову не приходит... Мятежные провинции, как ты сам правильно отметил — всё же слишком слабы против всей империи, а начинать крупную войну с соседними королевствами, тоже — как то очень уж спорно. Нас могут воспринять как странных сумасшедших и многие, в том числе внутри империи, восстанут против нас. Да и наследники воспротивятся...

— Руфус! — коротко произнёс в звенящей тишине Тарасий.

— Руфус? Руфус... какой ещё... Руфус?! — вскричал Дезидерий и внезапно вскочив заметался по кабинету. — Ну конечно же — Руфус! Вот тот, против кого можно объединить отряды принцев и многих из тех знатцев, кто желает идти в поход с нами... Руфус! Если не он — то кто?! Этот человек способен создать и поднять на борьбу силу — равную десяти королевствам и война с ним будет долгой... Но зато не надо будет атаковать соседние державы и мы сможем прилично потрепать силы наследников, а уж в случае объявления похода против самого Руфуса — никто кроме меня его не сможет возглавить!

Дезидерий подскочил длинным смешным прыжком к столу с запертыми ящиками и открыв маленьким ключом один из них, вытащил оттуда перстень с огромным рубином, размером со среднюю черешню или маслину.

Потом министр весело рассмеялся и бросил подарок Тарасию, через всю комнату: «Молодец! Готовь своих агентов и дальнейшие предложения по поводу Руфуса! Пора вернуть его в большую Игру, а он нас за это отблагодарит властью...»

И уже тихо, себе под нос, министр истово добавил: «Руфус — спасай меня!»

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**